

ПУТЬ В НАУКУ

Юридические науки

Выпуск 57(127)

Текстовое электронное
издание

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой»

ПУТЬ В НАУКУ

Юридические науки

Электронный сборник научных трудов

Выпуск 57(127)

Текстовое электронное издание

Новополоцк
Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой
2025

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: доц., к.физ.-мат.н. Ю. Я. Романовский

Заместитель председателя: к.пед.н. И. В. Бурая

Главный редактор к.ю.н. П. В. Соловьев

Зам. главного редактора А. В. Валевко

Теория и история права.

Конституционное право.

Международное право:

доц., к.ю.н. И. В. Шахновская

Гражданское право.

Право интеллектуальной собственности.

Трудовое право:

к.ю.н. Е. Н. Кудряшова

Уголовное право:

доц., к.ю.н. И. В. Шахновская

Путь в науку. Юридические науки [Электронный ресурс] : электрон. сб. науч. тр. – Новополоцк : Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2025. – Вып. 57(127). – URL: https://journals.psu.by/specialists_legal_sciences.

ISBN 978-985-531-925-3

Издается с 2014 года (в печатном виде – с 2004 г.) Обновляется 1 раз в год.

Переименован с 2024 г. (прежнее название «Электронный сборник трудов молодых специалистов Полоцкого государственного университета. Юридические науки»).

В сборнике представлены публикации студентов Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой по направлениям юридических исследований, проводимых в университете: теория и история права, конституционное право, международное право, гражданское право, право интеллектуальной собственности, трудовое право, уголовное право.

Предназначен для работников науки, образования и производства, будет полезен студентам, магистрантам и аспирантам университетов юридических специальностей.

Сборник включен в Государственный регистр информационного ресурса.

Регистрационное свидетельство № 3101404560 от 30.11.2014 г.

Учредитель: учреждение образования «Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой»

211440, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, Беларусь

тел. 8 (0214) 59 95 44, e-mail: vestnik@psu.by

Техническое редактирование и компьютерная верстка *С. Е. Рясовой.*

Компьютерный дизайн: *Отдел по связям с общественностью.*

Подписано к использованию 05.11.2025. Объем издания: 2,73 Мб. Заказ 445.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой».

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/305 от 22.04.2014.
ЛП № 02330/278 от 27.05.2004.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 342

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

А. Д. АСТРАТОВ*(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И. В. ШАХНОВСКАЯ)*

Статья посвящена анализу вызовов, стоящих перед институтом прав человека в контексте Четвертой промышленной революции. Рассматривается влияние технологического прогресса и автоматизации на углубление социально-экономической поляризации общества, что ставит под угрозу принципы универсальности и равенства прав человека. В работе анализируются ключевые права, оказавшиеся под угрозой нарушения. В качестве решения предлагается путь дальнейшей институционализации и интернационализации защиты прав человека через адаптацию нормативно-правовой базы, разработку новых международных институтов и утверждение приоритета общественных интересов.

Технологический прогресс и мировые процессы глобализации последних десятилетий создают ряд вызовов для государства и общества. Находясь в географическом центре Европы, на пересечении международных транспортных коридоров и на стыке цивилизаций, Республика Беларусь не стала исключением из общемирового тренда в науке и экономике, влекущего за собой вызовы и обусловленные ими всеобщие перемены во всех сферах общественных отношений, включая сферу права – как регулятора общественных отношений, непосредственно ассоциированного с государством. Право прав человека не является исключением и, попадая под влияние глобальных социальных и экономических тенденций, претерпевает изменения ими обусловленные.

Понятие Четвёртой промышленной революции было выдвинуто основателем и первым президентом Всемирного Экономического Форума профессором Клаусом Швабом в его одноимённой книге [1]. Под Четвертой промышленной революцией понимается всеобъемлющий процесс трансформации общественных отношений, связанный с гармонизацией научных открытий, экспоненциальным ростом темпов научно-технического прогресса и широким внедрением его достижений. Изменения в общественных отношениях зачастую одним лишь фактом своего существования создают вызовы для институтов, регулирующих общественные отношения, требующие адаптации последних в соответствии с новыми реалиями. Всеобъемлющий и кардинальный характер социальных и экономических изменений в рамках Четвертой промышленной революции обуславливают актуальность исследований в данном направлении.

В контексте Четвертой промышленной революции трансформация прав человека связана непосредственно с научным прогрессом и сопутствующим ему процессом всеобщей автоматизации и технологизации в его социальном и экономическом проявлении. Социальное и экономическое проявление процессов Четвертой промышленной революции, среди прочего выражается в росте неравенства, то есть – в социально-экономической поляризации общества. В то время как представители части профессий оказываются под угрозой потери своих источников дохода в результате автоматизации их функций как сотрудников в ходе процесса технологизации, другим – представителям класса менеджеров и предпринимателей – изменения ближайших десятилетий обещают рост прибылей через рост доходов и сокращение расходов в результате автоматизации и технологизации экономической деятельности, что в свою очередь выразится в углублении разрыва в экономических и прочих возможностях между социальным классом наемных работников и социальным классом менеджеров и предпринимателей.

Основной вызов для институтов права прав человека собой представляет социальная поляризация общества, влекущая за собой углубление различий в реализации прав человека, ставящая под вопрос принципы универсальности, равенства и недискриминации прав человека. Основными проявлениями социальной поляризации общества, ассоциированными с контекстом Четвертой промышленной революции, можно считать поляризацию по признаку доходов (экономическую поляризацию) и поляризацию по признаку наличия или объема доступа к информации (информационную поляризацию). Разница в способности защищать свои законные права и интересы, непосредственно связанная с описанными выше проявлениями представляет собой главный вызов для институтов прав человека и характеризует собой кризис в развитии прав человека в контексте Четвертой промышленной революции.

В ситуации обозначенного выше кризиса среди оказавшихся под угрозой прав человека оказываются права на частную жизнь, защиту персональных данных, справедливые и благоприятные условия труда, доступ к информации, достойный уровень жизни и др.

Стоит отметить, что в наше время исследователями [2, 3] рассматриваются и предлагаются разнообразные видения решения кризиса прав человека: корпоративное видение прав человека, в том виде, как его понимают представители транснациональных корпораций; переоценка ролей государства и бизнеса с формированием баланса между ролями и системы сдержек; углубление степени национальной и интернациональной институционализации прав человека.

Недопустимость отказа от общепринятых принципов прав человека [4] обуславливает неприятие корпоративного (избирательного) видения прав человека как исключительно защиты индивидуума от государственного произвола. Путь переоценки ролей государства и бизнеса в контексте уже функционирующих правовых институтов не формирует должной системы защиты прав человека, действуя лишь в рамках уже существующих институтов, при этом противопоставляя государство бизнесу. Необходимость следования общепринятым принципам прав человека и отказ от противопоставления государства бизнесу определяет потребность в третьем пути преодоления кризиса прав человека в контексте Четвёртой промышленной революции. Кризис может быть преодолён путём дальнейшей институционализации и интернационализации институтов защиты прав человека с выработкой новых эффективных институтов, служащих механизмами защиты прав человека в контексте изменившихся социальных и экономических обстоятельств.

Цели институционализации и интернационализации институтов защиты прав человека могут быть достигнуты через: совершенствование нормативно-правовой базы, её адаптацию к новым социальным и экономическим реалиям, устранение разночтений и стандартизацию процесса реализации прав человека в соответствии с принципами прав человека; формулирование, правовое признание на национальном и международном уровнях приоритета общественных интересов над индивидуальными, принципов устойчивого развития и ответственного подхода к внедрению в экономику технологических достижений Четвёртой промышленной революции.

На общепризнанных принципах прав человека [4] должны быть сформированы как национальные, так и транснациональные (интернациональные) институты защиты прав человека в экономической и социальной сфере. Новые правовые институты защиты прав человека в экономической сфере должны быть направлены на смягчение экономической поляризации, вызванной последствиями научно-технического прогресса. Основными задачами этих институтов должны стать:

- проведение политики занятости, направленной на смягчение структурной безработицы, связанной с вытеснением человеческого труда машинным;
- улучшение правового положения наемных работников в виде улучшения минимальных требований к условиям труда и противодействие ухудшению фактического положения работников.
- Новые институты защиты прав человека в социальной сфере должны быть направлены на смягчение социальной поляризации, как последствия поляризации экономической. Основными задачами институтов, действующих в социальной сфере, должны стать:
 - контроль за применением информационных технологий в сфере биометрии и контроля за населением, ограничение применения таких технологий в интересах прав человека;
 - выработка международных, доступных и действенных, механизмов защиты персональных данных;
 - принятие мер по расширению доступа мирового населения к информации, признание и практическое обеспечение права человека на доступ к сети Интернет, выработка международных стандартов доступа в Интернет [5].

Таким образом, формирование эффективных международных правовых институтов защиты прав человека, основанных на стандартизированном и адаптированном под новые социальные и экономические реалии, понимании прав человека и процессов их реализации, должно стать итогом трансформации прав человека, выражающимся в углублении институционализации, а также интернационализации институтов защиты прав человека и конкретизации правовых норм. Трансформация прав человека путем институционализации и интернационализации институтов защиты прав человека гарантировала бы состояние социальной и экономической защищенности человека перед вызовами, связанными с Четвертой промышленной революцией и ее последствиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клаус Шваб. Четвертая промышленная революция. – Эксмо, 2016. – 138 с.
2. Soh C., Connolly D. New Frontiers of Profit and Risk: The Fourth Industrial Revolution's Impact on Business and Human Rights // *Global Society*. – 2020. – Vol. 34, no. 2. – pp. 168–185.
3. Nguyen T. G., Nguyen M. T. Human Rights Before the Impact of Industrial Revolution 4.0: Opportunity and Challenges // *Turkish Journal of Computer and Mathematics Education*. – 2021. – Vol. 12, No. 6. – P. 2231–2243.

4. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] : принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 дек. 1948 г. Электрон. дан. – [Б.м.], 1948. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml, свободный. – (дата обращения: 10.10.2025).
5. Мочалов, А. Н., Колобаева, Н. Е., Несмеянова, С. Э. Право на доступ в интернет: юридическое содержание и механизм реализации / А. Н. Мочалов, Н. Е. Колобаева, С. Э. Несмеянова // Антиномии. – 2021. – № 4. – С. 122–130.

УДК 342

НЕРАВЕНСТВО ЦИФРОВЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ЧЕТВЁРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

А. Д. АСТРАТОВ

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И. В. ШАХНОВСКАЯ)

В статье исследуется проблема неравенства цифровых прав человека в условиях Четвертой промышленной революции. Анализируются общие и специальные причины этого неравенства, такие как цифровой разрыв и отставание правовых механизмов. Рассматривается влияние государственной политики и политики цифровых платформ на реализацию ключевых цифровых прав. Отмечаются меры, предпринимаемые в Республике Беларусь для защиты цифровых прав, и подчеркивается необходимость международного сотрудничества для решения данной проблемы.

Мировой научный и технический прогресс совместно с процессами глобализации меняют содержание общественных отношений. За несколько десятилетий новейшие цифровые методы связи, включая сеть Интернет, стали привычным явлением, глубоко интегрированным в сферу государственного управления, экономическую, духовную и прочие сферы жизнедеятельности человека. Вопрос прав человека в цифровой среде (цифровых прав), их защиты и реализации является одним из наиболее актуальных вопросов для юридической науки в целом. Неравенство цифровых прав человека в результате социальных и экономических преобразований, связанных с воздействием Четвертой промышленной революции, представляет собой один из вызовов для системы прав человека.

Концепцию Четвертой промышленной революции в одноименной книге [1] выдвинул основатель и первый президент Всемирного Экономического Форума профессор Клаус Шваб. В рамках данной концепции понимается всеобъемлющий процесс трансформации общественных отношений, связанный с гармонизацией научных открытий, экспоненциальным ростом темпов научно-технического прогресса и широким внедрением его достижений. Трансформация общественных отношений, затрагивающих актуальную для исследования сферу цифровых прав человека, обуславливает собой актуальность исследований в данном направлении.

Среди причин неравенства прав человека можно выделить как общие, так и специальные причины неравенства, свойственные только этой сфере прав человека и связанные непосредственно с её цифровой природой. К общим причинам неравенства прав человека можно отнести неравномерность распределения ресурсов и социальные барьеры, такие как дискриминация и предрассудки. К специальным причинам неравенства цифровых прав человека исследователи относят: неравенство физического доступа к технологиям и инфраструктуре, неравенство навыков и цифровой грамотности населения, отставание механизмов защиты прав и законных интересов от фактического развития цифровой сферы жизнедеятельности человека [2, 3].

Воздействие социальных и экономических тенденций Четвертой промышленной революции сочетает в себе разнонаправленные тенденции, как улучшающие, так и усугубляющие неравенство цифровых прав человека (цифровой разрыв). Вместе тем спецификой научно-технического развития цифровых технологий в период Четвертой промышленной революции обуславливается наличие системы специальных источников неравенства цифровых прав человека.

Исследователи цифровых прав человека из Ассоциации юристов России выделяют следующие права: право на доступ в Интернет, право на свободу выражения мнений в сети, право на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных, право на цифровое забвение (право на удаление информации) [4]. Общие тенденции к усилению социального и экономического неравенства, связанные с трансформацией мировой экономики в контексте Четвертой промышленной революции, оказывают свое усугубляющее влияние на ситуацию с неравенством прав человека в цифровой сфере через все более неравномерное распределение ресурсов и углубление экономической поляризации населения. Специальные тенденции в развитии цифровых прав человека менее однозначны.

С одной стороны, глобализация и гармонизация научных исследований [1], приводит к сильному увеличению темпов развития цифровых технологий, приводя к увеличению доступности к технологиям и инфраструктуре, необходимым для реализации права на доступ в Интернет. С другой стороны, заметно отставание развития правовых институтов от развития науки и техники, при котором текущих инструментов защиты законных прав и интересов человека в цифровой сфере уже не хватает, чтобы обеспечить их полноценную защиту и реализацию. Права человека на свободу выражения мнений в сети, право на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных, право на цифровое забвение (право на удаление информации) ограничены по своей защите и реализации, в первую очередь из-за отсутствия соответствующих правовых инструментов, это обеспечивающих.

Особенность реализации свободы выражения мнений в сети в значительной степени определяется разнообразием политики государств и цифровых платформ в сети Интернет, где непосредственно осуществляется выражение и обмен мнениями их пользователей. В части государственной политики зачастую ограничения прав человека на свободу выражения мнений в сети связаны с осуществлением государствами политики внутренней безопасности и противодействия террористическим и экстремистским движениям, однако в ряде государств разрабатываются [5] или применяются [6] инструменты контроля поведения пользователей в сети, выходящие за рамки описанного выше и перерастающие в непосредственное нарушение прав человека на свободу выражения мнений. Разнообразие политики государств в вопросах государственного вмешательства в коммуникацию между пользователями в сети Интернет обуславливает неравенство в реализации цифрового права на свободу выражения мнений жителями разных государств. В части политики цифровых платформ, отличающихся друг от друга политикой модерации публикуемого пользователями контента в форме сообщений, постов и прочих материалов, неравенство пользователей разных платформ определяет разность (неравенство) реализации цифрового права на свободу выражения мнений в зависимости от используемой платформы.

Право человека на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных также во многом, также как и неравенство прав человека на свободу выражения мнений в сети, определяется разнообразием государственной политики в сфере защиты неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных и разностью степени развития государственных (межгосударственных) институтов в данной сфере. В то время как некоторые государства внедряют действенные решения в сфере защиты прав человека на неприкосновенность частной жизни [5], в ряде государств данные институты не формируются. Этим обуславливается (разность) неравенство реализации цифрового права на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных жителями разных государств.

Право на забвение обладает спецификой реализации, требующей высокого уровня международного сотрудничества и существования эффективных международных институтов. Реализация права человека на цифровое забвение требует действия правовых механизмов обеспечения, появление которых во многом связано со ставшим прецедентным решением Суда Европейского союза от 13 мая 2014 г. по делу Google Spain SL, Google Inc. против Agencia Española de Protección de Datos, Mario Costeja González. [6]. Вместе с тем реализация права на цифровое забвение неравномерна и находится в сильной зависимости от степени развитости национальных институтов защиты данного права, эффективности и доступности межгосударственных инструментов защиты права на цифровое забвение, политики цифровых платформ.

В Республике Беларусь государством осуществляется политика, направленная на защиту цифровых прав населения, создаются доступные и действенные механизмы для их защиты. В стране действуют законы «О защите персональных данных» [7] и «О информации, информатизации и защите информации» [8], создающие правовую базу для создания и осуществления деятельности институтов защиты цифровых прав человека. На основании указа Президента Республики Беларусь «О мерах по совершенствованию защиты персональных данных» [9] в стране действует Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь, являющийся основным национальным правовым институтом защиты цифровых прав человека Республики Беларусь. Созданием такого института в Республике Беларусь был сделан шаг к сглаживанию неравенства навыков и цифровой грамотности населения и формированию механизмов защиты прав и законных интересов. Национальным центром защиты персональных данных осуществляется деятельность, направленная на повышение цифровой грамотности населения, осведомленности населения о своих законных правах и методах их защиты. Таким образом в Республике Беларусь государством осуществляется современная политика в сфере защиты цифровых прав населения. Государственная политика в сфере защиты цифровых прав Республики Беларусь обеспечивает доступность инструментов защиты цифровых прав населению, фактически ликвидируя проблему неравенства доступа населения к инструментам защиты своих законных прав и интересов в сети.

Таким образом, усугубляемое под действием социальных и экономических тенденций Четвертой промышленной революции неравенство цифровых прав человека является проблемой межгосударственного характера и обеспечение полноценной защиты прав и законных интересов пользователей сети Интернет может быть достигнуто лишь в сотрудничестве государств и надгосударственных объединений. Заметна потребность в развитии понятных и доступных глобальных правовых институтов в сфере защиты цифровых прав человека. В Республике Беларусь разработаны и внедрены правовые решения, направленные на смягчение цифрового неравенства и упрощение защиты населением своих законных прав и интересов, действуют государственные институты в сфере защиты персональных данных. Однако, проблема неравенства цифровых прав человека сохраняет свою актуальность как на национальном, так и на международном уровне, в связи с продолжающимся развитием цифровых технологий и углублением их интеграции во все сферы жизнедеятельности человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клаус Шваб. Четвертая промышленная революция. – Эксмо, 2016. – 138 с.
2. Торотова, А. М. Неравенство в цифровом обществе: структурные аспекты и причины формирования / А. М. Торотова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. – 2022. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neravenstvo-v-tsifrovom-obschestve-strukturnye-aspekty-i-prichiny-formirovaniya> (дата обращения: 11.10.2025).
3. Чубаров, Н. А. Цифровое неравенство и цифровые блага: философско-методологический анализ / Н. А. Чубаров // Гуманитарный вестник. – 2024. – № 4 (108). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoye-neravenstvo-i-tsifrovye-bлага-filosofsko-metodologicheskiiy-analiz> (дата обращения: 11.10.2025).
4. Цифровые права в контексте норм международного права // Ассоциация юристов России. – URL: <https://alrf.ru/articles/tsifrovye-prava-v-kontekste-aktualnykh-norm-mezhdunarodnogo-prava/> (дата обращения: 11.10.2025).
5. Новиков, Д. М. Правовое регулирование оборота персональных данных в странах Европейского союза и в Республике Беларусь / Д. М. Новиков // Путь в науку. Юридические науки, (37), 113–115. извлечено от https://journals.psu.by/specialists_legal_sciences/article/view/2154.
6. Решение Суда Европейского союза от 13 мая 2014 г. по делу Google Spain SL, Google Inc. против Agencia Española de Protección de Datos, Mario Costeja González : дело C-131/12 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Суда Европейского союза. – 2014. – URL: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2014-05/cp140070en.pdf> (дата обращения: 12.10.2025).
7. О защите персональных данных [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь. – Режим доступа: https://pravo.by/upload/docs/op/H12100099_1620939600.pdf. – Дата доступа: 12.10.2025.
8. О информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800455>. – Дата доступа: 12.10.2025.
9. О мерах по совершенствованию защиты персональных данных [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32100422> – Дата доступа: 12.10.2025.

УДК 342

**ИНФОРМАЦИОННЫЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ:
ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ****Я. Д. БОНДАРЧУК***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И. В. ШАХНОВСКАЯ)*

В статье рассматриваются вопросы понимания сущности государственного и информационного суверенитета, соотношения данных понятий, выделения особенностей данных правовых категорий. Отдельное внимание уделяется вопросам деятельности государственных органов, в чью компетенцию входит обеспечение и защита суверенитета Республики Беларусь.

Суверенитет – это верховенство, самостоятельность и полнота государственной власти республики в границах ее территории, правомочность ее законов, независимость республики во внешних отношениях и заявляет о решительности создать правовое государство [4, с. 8]. Согласно ч. 2 ст. 1 Конституции Республики Беларусь под суверенитетом государства понимается верховенство и полнота власти государства, которая выражается в самостоятельности при проведении внутренней и внешней политики. Верховенство власти означает исключительные права государства устанавливать порядок на своей территории и устанавливать там свои законы и правила. Территориальная целостность – это конкретное определение границ на которой распространяется власть и ее законы. Независимостью является отсутствие внешнего контроля над внутренними и внешними делами государства. Под информационным суверенитетом понимается самостоятельность и независимость государства в сфере информационной политики, главной задачей которого является обеспечение безопасного и достоверного трафика информации как в самом государстве, так и за его пределами.

При этом информационный суверенитет выступает одной из проявлений государственного суверенитета, обеспечивает самостоятельность проведения государственной политики в информационном пространстве [6, с. 17]. Таким образом, информационный суверенитет вступает частью государственного суверенитета.

Информационный суверенитет характеризуется рядом технических, идеологических, культурных, правовых и управленческих признаков.

Технические признаки включают в себя наличие национальных систем поиска информации, независимые платежные системы, программного обеспечения как для промышленного, экономического, так и для военного спектра. В Республике Беларусь такими системами являются pravo.by – это государственная правовая система поиска, в которой есть все нормативно правовые акты. Система Расчета ЕРИП – система независимых платежей как внутри страны, которая позволяет оплачивать услуги и товары.

Идеологический признак несет в себе продвижение массовой культуры государства, СМИ, а также информирование и просвещение населения в информационной сфере. Такими элементами являются официальные новостные каналы, телеканалы и сайты для просвещения населения и его информирования. Отметим, что результатом последнего конституционного референдума (2022 г.) в ст. 4 Конституции Республики Беларусь стало закрепление идеологии белорусского государства. Относительно информационного пространства идеологическая составляющая выражается в обеспечении достоверности передачи информации по новостным каналам внутри государства.

К культурному признаку можно отнести наличие собственной культуры государства и независимость ее от внешних источников, контроль деятельности СМИ и других ресурсов на их корректность и компетентность в размещении информации.

Правовым признаком является наличие законодательной базы как регулятивного, так и охранительного характера в области регулирования и защиты суверенной политики государства. К таким нормативным правовым актам относятся Конституция Республики Беларусь, Декрет Президента Республики Беларусь от 9 мая 2021 года № 2 «О защите суверенитета и конституционного строя», Уголовный кодекс Республики Беларусь и др.

К числу особых признаков государственного суверенитета относятся следующие:

1. Право на участие в международных организациях, свободного входа и выхода из таких организаций, заключение международных договоров и др.

2. Территориальными признаками являются исключительность юрисдикции, целостность и неприкосновенность территории. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 9 Конституции Республики Беларусь «Территория Республики Беларусь является естественным условием существования и пространственным пределом самоопределения народа, основой его благосостояния и суверенитета Республики Беларусь».

3. Экономическими признаками будут считаться экономическая самостоятельность и контроль над национальными ресурсами. Так, согласно ч. 5 ст. 13 Конституции Республики Беларусь «недра, воды, леса

составляют исключительную собственность государства. Земли сельскохозяйственного назначения находятся в собственности государства».

4. Для обеспечения государственного и информационного суверенитета в Республике Беларусь создана система государственных органов, в компетенцию которых входит обеспечение и защита государственного суверенитета. Гарантом охраны государственного суверенитета является Президент Республики Беларусь. В компетенцию Главы государства входит обеспечение согласованной и скоординированной работы государственных органов, которые обеспечивают непосредственный контроль за соблюдением правовых норм. Так же Президент Республики Беларусь обеспечивает проведение единой государственной политики государства. Множество государственных органов обеспечивают сохранность информационного суверенитета: Комитет государственной безопасности Республики Беларусь, Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь (далее – ОАЦ), Министерство связи и информатизации Республики Беларусь, Совет безопасности Республики Беларусь, Национальная академия наук Беларуси, а также иные органы, которые могут обеспечить сохранность информационного суверенитета в пределах своей компетенции. К примеру, Комитет государственной безопасности Республики Беларусь осуществляет наблюдение за исполнением и законностью действий граждан как Республики Беларусь, так и иностранных граждан на ее территории, проводит расследование в случае нарушения информационного суверенитета, вносит предложения по усовершенствованию законодательства, ведет статистику, а также проводит мониторинг информационного пространства на предмет выявления дискредитирующей информации.

ОАЦ обеспечивает техническую сохранность информации, ее уничтожения, а также отвечает за действия с информацией, которая представляет государственные интересы.

Министерство связи и информатизации Республики Беларусь курирует развитие секторов инфокоммуникационных технологий, кибербезопасности и СМИ, национальную библиотеку, национальные архивы и публичные библиотеки, а также политику правительства в области информации и общественных коммуникаций. Это наиболее значимое министерство для информирования общества, так как от его деятельности зависит какая информация будет поступать в массы.

Совет безопасности Республики Беларусь обозначает наиболее важные для государства интересы, выявляет внешние и внутренние угрозы и какой потенциал они могут оказать на государство, организует сотрудничество с другими государствами по вопросам безопасности, информирование общественности о государственной политике в области национальной безопасности и практических мерах по ее реализации, готовит оперативные решения по предотвращению чрезвычайных ситуаций, организует эффективно функционирующую систему обеспечения безопасности страны.

Национальная академия наук Беларуси выступает в качестве головной организации Беларуси по научно-методическому обеспечению развития информатизации, производит анализ, участвует в разработке нормативно правовых актов.

В зарубежных странах имеется специальное законодательство в области обеспечения и реализации информационного суверенитета. Так, Французская республика, одна из первых стран которая приняла закон о Цифровой республике, который закрепляет множество прав человека в цифровой среде. Данный Закон направлен на обеспечения открытого и безопасного предоставления информации гражданам, позволяет гражданам наблюдать интересующие их данные про государственные органы, также закон защищает личные данные граждан.

Государственный и информационный суверенитет характеризуются рядом схожих признаков, к числу которых относятся следующие:

1. Целью реализации государственного и информационного суверенитета является защита национальных интересов государства, определенных в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь.
2. Обеспечение безопасного проведения государственной политики Республики Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Постановление Совета Безопасности Республики Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь. – Минск, 2025.
2. О Концепции правовой политики Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь, 28.06.2023, № 196, в редакции Указ Президента Республики Беларусь от 14.03.2024 г. // Эталон. Законодательство Республики Беларусь. – Минск, 2025.
3. Декларация принципов международного права, касающихся дружеских отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, 24 октября 1970 года, [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml. – Дата доступа: 21.03.2025.
4. Мамедов, Р.В. Государственный суверенитет в доктринах международного права / Р. В. Мамедов // Образование и право. – 2013. – № 10. – С. 7–22.

5. Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств и о защите их независимости и суверенитета, 21 декабря 1965 года // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/inadmissibility_of_intervention.shtml. – Дата доступа 21.03.2025.
6. Артамонов, Д. С. Информационный суверенитет: теоретический аспект / Д. С. Артамонов // Саратовский источник. – 2017. – № 3. – С. 16–18.
7. О государственном суверенитете Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Декларация Верховного Совета Республики Беларусь, 27 июля 1990 г., 193-ХП // Эталон. Законодательство Республики Беларуси. – Минск, 2025.
8. Джафаров, В. Д. Информационный суверенитет в современном мире и в России / В. Д. Джафаров // сборник материалов научн-практ. конференции «Российская государственность в XXI веке: модели и перспективы социально-политического развития». – 2017. – С. 76–80.
9. Беленков, Д. В., Гюлазян, П. А., Мазлумян, Д. Э. Информационный суверенитет России и Европейского Союза / Д. В. Беленков, Д. Э. Мазлумян, П. А. Гюлазян // Международный студенческий научный вестник. – 2018. – № 5. – С. 1–7.

УДК 342

**ИНФОРМАЦИОННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ:
ПОНЯТИЕ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ****Я. Д. БОНДАРЧУК***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И. В. ШАХНОВСКАЯ)*

В статье рассматриваются вопросы понятия информационного суверенитета государства, анализируется законодательство Республики Беларусь в области закрепления гарантий информационного суверенитета. Автором обосновывается определение данной категории с выделением специальных признаков. Отдельное внимание уделяется анализу компетенции государственных органов в области обеспечения и защиты информационного суверенитета.

В современный период в условиях развития информационных технологий, возрастания роли информации во всех сферах развития общественных отношений понятие информационного суверенитета государства зачастую становится предметом научных исследований.

Как считает Д. С. Артамонов, информационный суверенитет заключается в сочетании контроля государства над своей информационной сферой и защитой ее от угроз, таких как информационные войны и кибератаки. В данном случае информационный суверенитет определяется как оборонительная способность государства на информационном поле. Такой подход, на наш взгляд, не является полным. Понимание информационного суверенитета только со стороны обороны является правильным, с одной стороны, поскольку информационный суверенитет является неотъемлемой частью информационной безопасности, о чем установлено в абз. 2 ст. 25 Концепции информационной безопасности. В то же время, понимание информационного суверенитета должно находить отражение и через проведение внутренней и внешней политики государства.

Согласно подходу Е. А. Ефремовой, В. А. Никоновой, Дж. Наема, информационный суверенитет заключается в возможности регулирования информационного пространства через национальное и международное право, насколько они будут отвечать интересам национального общественно-политического и социально-экономического развития.

В Послании Конституционного Суда Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2024 году» акцентируется внимание на цифровом развитии государства как стратегической цели, о формировании новой социальной, политической и экономической реальности в условиях цифровой трансформации.

Таким образом, информационный суверенитет – это самостоятельность и независимость государства в области владения, пользования и распоряжения информационными ресурсами, а также в области проведения самостоятельной внутренней и внешней политики государства. Информационный суверенитет является одним из условий обеспечения информационной безопасности государства, общества и личности.

Под информационным суверенитетом понимается самостоятельность и независимость государства в сфере информационной политики, главной задачей которого является обеспечение безопасного и достоверного трафика информации как в самом государстве, так и за его пределами. При этом информационный суверенитет выступает одной из проявлений государственного суверенитета, обеспечивает самостоятельность проведения государственной политики в информационном пространстве [1, с. 17].

На уровне национального законодательства Республики Беларусь понятие информационного суверенитета представлено в Постановлении Совета Безопасности Республики Беларусь от 18.03.2019 № 1 «О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь» (далее – Концепция информационной безопасности) как неотъемлемое и исключительное право государства самостоятельно определять правила владения, пользования и распоряжения национальными информационными ресурсами, осуществлять независимую внешнюю и внутреннюю государственную информационную политику, формировать национальную информационную инфраструктуру, обеспечивать информационную безопасность. Кроме того, в Концепции информационной безопасности отдельная глава 7 посвящена регулированию категории «информационный суверенитет».

Значимость информационного суверенитета определяется также содержанием Стратегий цифрового развития Республики Беларусь на 2021–2025 и 2026–2030 гг., в рамках реализации которых предполагается масштабное проведение цифровизации всех сфер общественной жизни. В связи с этим значение информационного суверенитета государства возрастает как гарантии сохранения многих личных и государственно значимых данных.

В современный период на государство ложится обязанность по обеспечению информационного суверенитета как права самостоятельно проводить свою внутреннюю и внешнюю информационную политику,

право самостоятельно распоряжаться информационными ресурсами, обеспечивать как личный информационный суверенитет, так и всего общества в целом. Государственное регулирование в сфере информационной безопасности в Республике Беларусь представлено обширным перечнем государственных органов. В частности, к органам общей компетенции относятся Президент Республики Беларусь, Всебелорусское народное собрание, Национальное собрание Республики Беларусь, Правительство Республики Беларусь и др. В Конституции Республики Беларусь заложены основы правового регулирования информационной сферы:

- Президент Республики Беларусь выступает гарантом прав и свобод человека, принимает меры по охране национальной безопасности (ст. 79 Конституции);
- Всебелорусское народное собрание утверждает Концепцию национальной безопасности (п. 1 ч. 1 ст. 893 Конституции);
- Палата представителей рассматривает проекты законов об основном содержании и принципах осуществления прав, свобод и обязанностей граждан (п. 2 ч. 1 ст. 97 Конституции);
- Центральным органом государственного управления, в т.ч., в информационной сфере, выступает Правительство Республики Беларусь (ст. 106 Конституции).

Государственными органами специальной компетенции в Республике Беларусь в сфере информационной безопасности выступают Министерство связи и информатизации Республики Беларусь, а также Оперативно-Аналитический Центр при Президенте Республики Беларусь. ОАЦ при Президенте Республики Беларусь является специально уполномоченным государственным органом, осуществляющим регулирование деятельности по обеспечению защиты информации, содержащей сведения, составляющие государственные секреты Республики Беларусь или иные сведения, охраняемые в соответствии с законодательством, от утечки по техническим каналам, несанкционированных и непреднамеренных воздействий.

Деятельность ОАЦ в области защиты информации в настоящий момент представлена по трем основным направлениям:

- Техническая и криптографическая защита информации;
- Развитие ИКТ и услуг;
- Техническая защита государственных секретов.

7 апреля 2022 года был принят Указ Президента Республики Беларусь «Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации». Согласно положениям данного Указа на Министерство связи и информатизации Республики Беларусь были возложены функции органа государственного управления в сфере цифрового развития [3].

Необходимость постоянного совершенствования правового регулирования сферы информационной безопасности государства, общества и граждан отмечена Конституционным Судом Республики Беларусь [4]. В частности, Суд обращает внимание на то, что процесс цифровой трансформации многих сфер человеческой жизни несет в себе угрозу в виде посяательства на безопасное информационное пространство, а также требует от государства разработки новых надежных механизмов защиты конституционных прав и свобод личности.

Таким образом, информационный суверенитет – это самостоятельность и независимость государства в области владения, пользования и распоряжения информационными ресурсами, а также в области проведения самостоятельной внутренней и внешней политики государства. Информационный суверенитет является одним из условий обеспечения информационной безопасности государства, общества и личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонов Д. С. Информационный суверенитет: теоретический аспект / Д. С. Артамонов // Саратовский источник . – 2017. – №3. – С. 16–18.
2. О Концепции информационной безопасности Республики Белоруссии [Электронный ресурс]: Постановление Совета Безопасности Республики Беларусь, 18 марта.2019 г., № 1 // Эталон. Законодательство Республики Беларуси. – Минск, 2025.
3. Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь, 7 апреля 2022 г. № 136 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
4. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Решение Конституционного Суда Республики Беларусь, 10 марта 2022 г. № Р-1303/2022 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

УДК 342

ПРАВОВОЙ СТАТУС НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. Е. ВАСИЛЕВИЧ

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И. В. ШАХНОВСКАЯ)

В статье рассматриваются вопросы закрепления прав национальных меньшинств в Республике Беларусь. Проводится анализ международных актов и законодательства Республики Беларусь на предмет определения правового статуса представителей национальных меньшинств. Отдельное внимание уделяется праву представителей национальных меньшинств на пользование родным языком.

Государственная политика Республики Беларусь в сфере межнациональных отношений и защиты прав лиц, относящихся к национальным меньшинствам, базируется на положениях Конституции Республики Беларусь, Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, международных договорах по правам человека, к которым присоединилось наше государство, Законе Республики Беларусь «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь», иных нормативных правовых актах.

В Республике Беларусь представители национальных меньшинств обладают комплексом прав и свобод, определенных в законодательстве. Например, статья 6 Закона «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь» определяет, что государство предоставляет гражданам Беларуси, относящимся к национальным меньшинствам равные политические, экономические и социальные права и свободы.

Политические права включают в себя, согласно законодательству, право свободно избирать и быть избранными в государственные органы, право на создание общественных объединений и вступление в действующие общественные объединения, право равного доступа к любым должностям в государственных органах. Экономические, например, право осуществлять предпринимательскую деятельность; Культурные, как право на свободу выбора языка воспитания и обучения, пользования родным языком, учреждение средств массовой информации на родном языке, право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, право на установление культурных связей с соотечественниками за пределами Республики Беларусь и другие [5].

Законодательная база Беларуси также включает в себя международные документы. Декларация ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам 1992 г. (далее – Декларация) содержит в себе информацию о правах лиц, принадлежащих к меньшинствам. Все права могут осуществляться принадлежащими к меньшинствам лицами как индивидуально, так и совместно с другими членами данной группы. В соответствии с Декларацией государства должны охранять на своих территориях существование, национальную или этническую самобытность меньшинств, поощрять создание условий для развития этой самобытности; принимать надлежащие законодательные и иные меры для достижения этих целей. Данное положение подкрепляется также статьями 8 и 11 Закона Республики Беларусь «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь» [14].

Особую проблематику вызывает вопрос о праве пользования родным, для меньшинств – национальным, языком и актуальность его действительной применимости в различных видах прав человека и гражданина. Право пользования национальным языком меньшинств можно рассматривать в качестве важнейшего средства сохранения и развития их лингвистической самобытности и культуры. В Республике Беларусь права национальных меньшинств на пользование родным языком закреплены на конституционном и законодательном уровне и реализуются через ряд механизмов. Однако на практике реализация этих прав сталкивается с такими трудностями, как недостаток квалифицированных педагогов, учебников и ограниченное владение родными языками среди части представителей меньшинств, невозможность реализации прав из-за противоречивости некоторых актов законодательства и иных проблем.

Так, статья 17 Конституции провозглашает государственными языками белорусский и русский. В ч. 3 ст. 50 Конституции закреплено право каждого пользоваться своим языком, выбирать язык общения, а государство гарантирует свободу выбора языка воспитания и обучения. Помимо Конституции Закон Республики Беларусь «О языках в Республике Беларусь» указывает на свободу развития и использования всех национальных языков. Граждане также имеют право пользоваться своим национальным языком и выбирать язык общения. Законом запрещаются какие бы то ни было привилегии или ограничения лиц по языковому признаку, а публичное оскорбление государственных или иных национальных языков, создание препятствий в пользовании ими, проповедь вражды на языковой почве влекут установленную законом ответственность. Акты местного управления и самоуправления принимаются и публикуются на одном или двух государственных языков, при необходимости на национальном языке большинства населения той или иной местности.

Однако рабочим языком съездов, конференций, пленумов, заседаний и иных собраний (за исключением международных) могут быть только государственные языки [10]. Таким образом, национальные меньшинства автоматически исключаются из участия на съездах, так же, как и организации и учреждения национальных меньшинств не могут проводить указанные мероприятия на своём родном языке.

Обращаясь к обсуждениям ООН, СБСЕ касательно прав меньшинств, а именно Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам и Документа Копенгагенского Совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ, ратифицированные Беларусью, а также участником которых государство является еще со времен нахождения в составе Союза Советских Социалистических Республик, представляется неполное соответствие положениям п. 1 ст. 2 Декларации и п.32.1 Документа, закрепляющих право лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, свободно пользоваться родным языком как в личной, так и общественной жизни, то есть публично [11, 12].

Говоря о последующем положении Конституции ч.3 ст.50 – образовании, и соответствии с Законом «О языках в Республике Беларусь», мы заметили следующее: лица, проживающие в Республике Беларусь, имеют право на получение образования на родном языке. Следует отметить, что в соответствии со ст. 23 указанного закона, единственными языками получения профессионально-технического, среднего специального, высшего и послевузовского образования являются белорусский и русский. Тем самым исключается получение образования соответствующего уровня на родном языке лицами, принадлежащими к национальным меньшинствам [10].

Помимо этого, белорусский и (или) русский языки являются исключительными языками делопроизводства и документации, культуры, оформления результатов научно-исследовательских работ, официальных объявлений, сообщений, плакатов, афиш, рекламы, маркировки товаров, как указано в том же Законе. Исходя из всех положений, дублирование на языке меньшинства не предусмотрено законодательством, что может повлечь не надлежащее информирование такой категории населения, вследствие их недостаточного знания государственных языков [10].

Проанализировав данные положения нормативных правовых актов, можно сказать о коллизии характера данных норм. Выходит, что некоторые права национальных меньшинств всё-таки нарушаются, но мы предлагаем разобраться в этом вопросе более подробно, а именно разобраться в том, какие механизмы защиты национальных меньшинств предусматривает государство и предложить собственные варианты разрешения этих конфликтов.

Помимо Основного закона Республики Беларусь культурная часть права регулируется, таким нормативным правовым актом, как Кодекс Республики Беларусь «О культуре», закрепляющий общие положения о правах на развитие культуры и языка, универсальные для всех граждан, устанавливает общие принципы охраны и поддержки культурного разнообразия [2].

Таким образом, в Республике Беларусь представители национальных меньшинств наделены достаточным объемом прав и свобод. В то же время отдельные из них имеют проблемные аспекты в области реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уполномоченный по делам религий и национальностей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://belarus21.by/>. – Дата доступа: 26.09.2025.
2. «Кодекс Рэспублікі Беларусь аб культуры» [Электронный ресурс] : 20 ліпеня 2016 г., № 413-3 : прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрвеня 2016 г. : адобр. Саветам Рэсп. 30 чэрвеня 2016 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.07.2025 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
3. О национальных меньшинствах в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 11.11.1992 г. № 1926-XII: в ред. от 07.05.2007 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь. – Минск, 2025.
4. Пастухов, М. И. Механизмы защиты прав и свобод человека в Республике Беларусь: монография // М. И. Пастухов. – Минск : – 2019. – 9–10 с. – Режим доступа: https://elib.grsu.by/katalog/688907_313137pdf.pdf. – Дата доступа: 16.09.2025.
5. Аб мовах у Рэспубліцы Беларусь : [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 27.01.1990 г. № 3094-XI: в ред. от 25.07.2023 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь. – Минск, 2025.
6. Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (принята резолюцией 47/135 Генеральной Ассамблеи 18.12.1992) [Электронный ресурс] // Организация Объединённых наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml. – Дата доступа: 19.09.2025.
7. Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ (принят 29.06.1990 35 государствами-участниками Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901731980?ysclid=ma6tkutkxg672093519>. – Дата доступа: 19.09.2025.
8. Иванец: 40% школ в стране – белорусскоязычные [Электронный ресурс] // БЕЛТА. – Режим доступа: <https://belta.by/society/view/ivanets-40-shkol-v-strane-beloruskojazychnye-585940-2023/>. – Дата доступа: 18.09.2025.

УДК 342

**ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ****А. Е. ВАСИЛЕВИЧ***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И. В. ШАХНОВСКАЯ)*

В статье рассматриваются способы и защиты прав национальных меньшинств в Республике Беларусь. Исследуются имеющиеся механизмы защиты нарушенных прав, на основании которых предлагаются и обосновываются специальные процедуры защиты. Автором предлагаются иные изменения и дополнения действующего законодательства в области защиты прав представителей национальных меньшинств.

В Республике Беларусь законодательством предусмотрены различные способы защиты прав и свобод представителей национальных меньшинств. Касательно защиты нарушенных прав соответствует статья 13 Закона «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь», которая определяет: граждане Республики Беларусь независимо от национальной принадлежности пользуются защитой государства на равных основаниях.

В Республике Беларусь существуют следующие механизмы защиты:

1. Судебная защита (ст. 60 Конституции)
2. Международные механизмы (ст. 61 Конституции)
3. Обращение в государственные органы и адвокатуру (ст. 62 Конституции)
4. Прокуратура (ст. 125 Конституции)
5. Обращение в Парламент при соответствующих условиях (ст. 99 Конституции)

В нашем государстве существуют различные способы защиты прав и свобод граждан, предусмотренные законодательством, которыми может пользоваться каждый человек, таким образом государство гарантирует равные возможности для реализации и защиты прав всех граждан, независимо от их национальной принадлежности.

На наш взгляд, в законодательстве Республики Беларусь необходимо предусмотреть специальную процедуру защиты прав национальных меньшинств в виде обращения в Национальное собрание Республики Беларусь путем реализации права законодательной инициативы не менее 50 тысяч подписей граждан, обладающих избирательным правом. Нижняя палата Парламента – Палата представителей, включает в себя 14 постоянных комиссий, одна из которых, как раз-таки является комиссией по правам человека, национальным отношениям и средствам массовой информации, куда и можно отнести законопроект от национального меньшинства.

Изучив официальный сайт уполномоченного по делам религий и национальностей, можно сказать о некоторых специальных направлениях государства, которые реализуются на республиканском уровне в целях защиты прав меньшинств:

– Поддержка проектов и уставной деятельности национально-культурных общественных объединений выполняется в рамках Программы развития конфессиональной сферы, национальных отношений и сотрудничества с соотечественниками за рубежом на 2021–2025 годы (в том числе соответствующие региональные программы). Важным элементом выступает прямое участие руководителей и актива самих национально-культурных общественных объединений;

– Создание Консультативного межэтнического совета, имеющий основные задачи касаются сохранения культуры и мирного совместного проживания в стране разных национальных общностей, на заседаниях которого обсуждаются наиболее актуальные вопросы межнациональных отношений и уставной деятельности объединений;

– Аппаратом Уполномоченного по делам религий и национальностей совместно с облисполкомами и Минским горисполкомом на постоянной основе оказывается информационная, методическая и иная поддержка;

– В сфере пропаганды и популяризации идей межнациональной и межконфессиональной дружбы и согласия в белорусском обществе, развития конструктивного межкультурного диалога в республике проходит работа со СМИ;

– Самостоятельная деятельность уполномоченного и его аппарата по работе с другими органами государственной власти, например личный приём, контроль, обеспечение Совета Министров Республики Беларусь информационно-аналитическими материалами по вопросу о взаимоотношениях государства и религиозных организаций.

Таким образом, уполномоченный, являясь юридическим лицом, оказывает значительное внимание на порядок и охрану различных групп религиозного вероисповедания, а также принадлежащих к разным

нациям. Он является своего рода главным звеном регулирования отношений, связанных с людьми отличающимися от большей части населения, реализации их прав и свобод, исключая всякую дискриминацию [1].

Мы предлагаем сделать возможность использования языков меньшинств более широкой в сфере образования, культуры, делопроизводства и документации, проведения собраний, размещения объявлений, сообщений, плакатов, афиш и рекламы лицам, относящих себя к данной категории в целях развития и поддержания культурной и национальной самобытности национальных меньшинств в Республике Беларусь. Которая заодно будет полностью соотноситься с изложенным в ч. 1 ст. 15 Конституции – сохранение историко-культурного и духовного наследия, свободное развитие культур всех национальных общностей, проживающих в Республике Беларусь.

Говоря конкретно об изменении законодательства и решении коллизий в сфере права национальных меньшинств на пользование родным языком в Республике Беларусь считаем рассмотреть следующее:

1. Восстановить и закрепить в законе «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь» прямое право национальных меньшинств на получение образования на родном языке на всех уровнях – от дошкольного до среднего общего образования, а также предусмотреть государственную поддержку разработки учебных программ и издания учебников на языках меньшинств;

2. Прописать в законе механизм регулярного мониторинга и отчётности о реализации прав национальных меньшинств на пользование родным языком в сфере образования, культуры и СМИ, а также предусмотреть возможность обжалования решений, ограничивающих эти права;

3. Обеспечить в законе реальную государственную поддержку инициатив национальных меньшинств по сохранению и развитию родного языка, включая финансирование культурных проектов, издание литературы и организацию мероприятий на родном языке;

4. Внести изменения в Закон «Об образовании», закрепив право национальных меньшинств на изучение родного языка и литературы в государственных и негосударственных образовательных учреждениях независимо от формы собственности и ведомственной принадлежности;

5. Ввести в законы прямой запрет на дискриминацию по языковому признаку при приёме в образовательные учреждения, а также в сфере доступа к средствам массовой информации и культурным ресурсам.

Полагаем, что данные предложения позволят устранить существующие противоречия и пробелы в законодательстве, а также создать реальные гарантии для национальных меньшинств в реализации права на пользование родным языком в Республике Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уполномоченный по делам религий и национальностей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://belarus21.by/>. – Дата доступа: 26.09.2025.
2. «Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры» [Электронный ресурс] : 20 ліпеня 2016 г., № 413-3 : прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрвеня 2016 г. : адобр. Саветам Рэсп. 30 чэрвеня 2016 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.07.2025 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
3. О национальных меньшинствах в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 11.11.1992 г. № 1926-XII: в ред. от 07.05.2007 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь. – Минск, 2025.
4. Пастухов, М. И. Механизмы защиты прав и свобод человека в Республике Беларусь: монография // М. И. Пастухов. – Минск : – 2019. – 9–10 с. – Режим доступа: https://elib.grsu.by/katalog/688907_313137pdf.pdf. – Дата доступа: 16.09.2025.
5. Аб мовах у Рэспубліцы Беларусь : [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 27.01.1990 г. № 3094-XI: в ред. от 25.07.2023 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь. – Минск, 2025.
6. Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (принята резолюцией 47/135 Генеральной Ассамблеи 18.12.1992) [Электронный ресурс] // Организация Объединённых наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml. – Дата доступа: 19.09.2025.
7. Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ (принят 29.06.1990 35 государствами-участниками Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901731980?ysclid=ma6tkutkxg672093519>. – Дата доступа: 19.09.2025.
8. Иванец: 40% школ в стране – белорусскоязычные [Электронный ресурс] // БЕЛТА. – Режим доступа: <https://belta.by/society/view/ivanets-40-shkol-v-strane-beloruskojazychnye-585940-2023/>. – Дата доступа: 18.09.2025.

УДК 343.976

ЭВОЛЮЦИЯ АНТИАЛКОГОЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СССР (довоенный период)

Т. А. ГРЕЦКАЯ

(Представлено: О. В. КАТУШОНОК)

В статье рассматривается процесс становления антиалкогольной политики в СССР и ее развитие до Великой отечественной войны. Проводится анализ нормативных правовых актов, устанавливающих ответственность в данной сфере, раскрывая противоречия, возникающие в процессе реализации норм данных НПА, а также поиска государством баланса между стремлением к тотальному контролю над людьми и суровой хозяйственной необходимостью.

Проблема потребления алкоголя является одной из самых устойчивых и сложных в истории. В XX в. советское государство предприняло ряд масштабных попыток взять под контроль эту сферу жизни общества. Однако путь от запретительных мер к выработке сбалансированной политики оказался долгим и противоречивым. Анализ эволюции антиалкогольного регулирования в СССР позволяет понять не только методы борьбы с пьянством, но и саму природу советского государства, столкнувшегося с непреодолимым противоречием между идеологическими догмами и социально-экономической реальностью.

Сразу после Октябрьской революции (1917 г.) сменилась власть, которая вынесла на повестку дня вопросы избавления от наследственных социальных болезней царского режима, в числе которых было пьянство [1].

Первым документом советского периода, который был направлен на борьбу с подпольными продажами и производствами алкогольных изделий, стал Особый Указ временного революционного комитета от 28 ноября 1917 года, который на неопределенный срок, вплоть до особого распоряжения налагал запрет на любое производство алкоголя. В силу принятого постановления, нарушение этого запрета подпадало под юрисдикцию военно-революционного суда и подразумевало санкцию от штрафа до конфискации имущества [2].

Уже через год Декретом Всероссийского Центрального Исполнительного комитета Советов рабочих, Солдатский, Крестьянский и Казачьих Депутатов (далее – ВЦИК) лиц, которые «расточали хлебные запасы на самогонку» признавали врагами народа, предавали из революционному трибуналу с тем, чтобы «виновные приговаривались к тюремному заключению на срок не менее 10-ти лет, изгонялись навсегда из общины, все их имущество подвергалось конфискации, а самогонщики, сверх того, присуждались к принудительным общественным работам [3].

На борьбу с рассматриваемой проблемой был направлен и Декрет Совета Народных Комиссаров (далее – СНК) РСФСР от 19 декабря 1919 года «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ». Так, согласно данному документу воспрещалось «повсеместно в Российской Социалистической Федеративной Республике изготовление без разрешения спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ из каких бы припасов или материалов, какими бы способами, какой бы крепости и в каком бы количестве спиртовые напитки и вещества ни были приготовлены» [4].

В статье 8 данного документа «за выкурку спирта в недозволенных законом местах из каких бы то ни было припасов, каким бы то ни было способом, в каком бы то ни было количестве и какой бы, то ни было крепости» устанавливались следующие меры взыскания:

- конфискация спирта, припасов, материалов, аппаратов и приспособлений для выкурки;
- конфискация всего имущества и
- лишение свободы, соединенное с принудительными работами, на срок не ниже 5 лет.

К указанным видам наказаний согласно ст. 9 рассматриваемого Декрета привлекались к ответственности и за иные виды преступлений: за тайный выпуск спирта, вина и водочных изделий из мест их законного хранения или нахождения; за продажу, приобретение, хранение, пронос и провоз тайно выпущенных спирта, вина, водочных изделий; за приготовление или хранение для продажи, а равно за продажу всякого рода крепких напитков и др.

Кроме того, Декрет предусматривал уголовную ответственность не только за незаконную выкурку спирта и спиртосодержащих веществ, но и за потребление этих напитков: «За распитие незаконно приготовленных и незаконно полученных крепких напитков, упоминаемых в предыдущих статьях, в публичных местах, во всякого рода заведениях, а также за допущение такого распития и за появление в публичном месте в состоянии опьянения виновные в том лица подвергаются лишению свободы с принудительными работами на срок не менее одного года».

По мнению А. В. Николаева, данный Декрет стоит толковать «как стремление правительства восстановить винную монополию» [5].

Однако радикальный запрет привёл к парадоксальным и неожиданным для властей последствиям. Во-первых, в условиях острейшего продовольственного кризиса крестьяне массово переключились на самогонование, используя для этого ценное зерно, необходимое для пропитания городов и армии.

Во-вторых, само государство оказалось в ловушке двойственных стандартов. С одной стороны, оно боролось с потреблением алкоголя, с другой – остро нуждалось в спирте для медицинских и промышленных нужд (производство пороха, топлива, антисептиков). Это привело к национализации спиртоводочных заводов и фактическому установлению государственной монополии на производство алкоголя. Это фундаментальное противоречие – между желанием искоренить «пережиток» и необходимостью использовать его для нужд государства – стало мотивом всей советской антиалкогольной политики на десятилетия вперед.

Так, например, Декрет СНК «Об ответственности за нарушения декрета о продаже виноградных, плодово-ягодных и изюмных вин» от 7 октября 1921 года устанавливалась ответственность в виде лишения свободы с конфискацией всего или части имущества не сдачу государству вин крепостью свыше четырнадцати градусов. К такой же ответственности подлежали и лица, которые приобретали вино свыше установленной крепости, имея цель продажи (ст. 543) [6].

Следующим этапом развития советского уголовного законодательства стал Уголовный кодекс РСФСР (далее – УК РСФСР) 1922 года. Данный кодекс ужесточил наказание за незаконное производство и сбыт алкоголя. Согласно ст. 140 УК РСФСР 1922 г., приготовление с целью сбыта вин, водок и вообще спиртных напитков и спиртосодержащих веществ без надлежащего разрешения или свыше установленной законом крепости, а равно незаконное хранение с целью сбыта таких напитков и веществ каралось принудительными работами на срок до одного года с конфискацией части имущества. Уголовная ответственность за нарушение положений, регулирующих проведение в жизнь государственных монополий (а производство алкоголя являлось государственной монополией), предусматривалась ст. 136 УК РСФСР [7]. Такое нарушение каралось принудительными работами или лишением свободы на срок не ниже шести месяцев. Однако принятые меры не остановили распространение пьянства. Об этом говорил губернатор Пензенской области В. К. Бочкарев в 1920 г.: «У нас и богатые пьют, и бедные – только напитки разные». Этому препятствовали реалии тех лет, превратившие самогон [8] в единственную «твердую валюту», особенно в сельской местности [2]. Самогон стал и платёжным средством, и предметом (продуктом) спекуляции, а следовательно, незаконного обогащения [1].

В исследованиях, посвящённых деятельности органов внутренних дел (далее – ОВД), отмечается, что определённое значение в деле борьбы с самогонованием имело постановление СНК Белорусской Советской Социалистической Республики (далее – СНК БССР) от 9 февраля 1923 года «О порядке распределения штрафных сумм, взыскиваемых за незаконное приготовление, хранение и сбыт спиртных напитков и спиртосодержащих веществ» [10, с. 28]. Так, штрафные суммы, взыскиваемые в судебном и административном порядке за незаконное приготовление, хранение и сбыт спиртных напитков и спиртосодержащих веществ, распределялись следующим образом: 50 % – на премирование сотрудников милиции, 25 % – на вознаграждение прочих лиц, способствовавших обнаружению мест производства, хранения и сбыта упомянутых напитков и веществ, 25 % – в доход местных исполкомов на нужды народного образования.

Вместе с тем, по мнению некоторых исследователей, это постановление имело и негативное значение, т. к. работники милиции, стремясь повысить свое благосостояние посредством как можно большего количества людей, допускали перегибы, злоупотребления и даже провокационные действия в отношении граждан (подбрасывали пустые бутылки из-под самогона в крестьянские избы и т. п.) [9, с. 237].

К середине 1920-х годов государство, укрепив свою власть, сделало осознанный выбор в пользу прагматизма. Принятый в 1926 году Уголовный кодекс РСФСР в статье 101 устанавливал уголовную ответственность за приготовление с целью сбыта вин, водок и вообще спиртных напитков и спиртосодержащих веществ без надлежащего разрешения или свыше установленной законом крепости, а равно сам сбыт или незаконное хранение с целью сбыта таких напитков или веществ. Совершение данного преступления наказывалось лишением свободы на срок до одного года с конфискацией части имущества или без таковой. Также статья 102 Уголовного кодекса РСФСР, в которой указывалось, что за изготовление и хранение самогона для сбыта, а равно торговля им в виде промысла устанавливалась уголовная ответственность в виде лишения свободы или принудительных работ на срок до одного года с конфискацией всего или части имущества. Те же действия, совершаемые хотя бы в виде промысла, но вследствие нужды, безработицы или по малосознательности, с целью удовлетворения минимальных потребностей своих или своей семьи наказывались принудительными работами на срок до трех месяцев [11].

В 1930-е годы в антиалкогольной политике СССР не произошло изменений. В это время происходило снижение потребления алкоголя, которое способствовало, с одной стороны, сложившимся стереотипам массового сознания, а с другой стороны, была нехватка основных продуктов питания. В предвоенные годы устанавливалась жесткая дисциплина и строгая уголовная ответственность за любые нарушения [12].

Таким образом, можно сделать вывод, что антиалкогольная политика довоенного периода СССР оказалась неэффективной из-за фундаментального противоречия между запретительными мерами и социально-экономической реальностью. Жёсткие ограничения не истребили пьянство, а привели к массовому самогоноварению, ставшему для населения способом выживания в трудных экономических условиях. При этом государство, борясь с потреблением алкоголя, сохраняло его производство для собственных нужд. Этот опыт показывает, что решить сложные социальные проблемы только запретами невозможно – необходимо учитывать экономические интересы и жизненные стратегии людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крушанова, Л. А. Историко-правовой аспект становления антиалкогольного регулирования в СССР: от идеи до законодательства / Л. А. Крушанова // Lex Russica (Русский закон). – 2022. – Т. 75. – № 8(189). – С. 108–118. – DOI 10.17803/1729-5920.2022.189.8.108-118.
2. Сериков, Р. В. Развитие советского уголовного законодательства об ответственности за незаконное производство и оборот алкогольной продукции / Р. В. Сериков // Социально-политические науки. – 2018. – 6. – С. 48–50. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-sovetskogo-ugolovnogo-zakonodatelstva-ob-otvetstvennosti-za-nezakonnnye-proizvodstvo-i-oborot-alkogolnoy-produktsii> (дата обращения: 26.09.2025).
3. О предоставлении Народному Комиссару Продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими : Декрет ВЦИК, 09.05.1918 // Исторические материалы. – URL : <https://istmat.org/node/29485?ysclid=mg0wycipc8426935255> (дата обращения: 26.09.2025).
4. О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ : Декрет СНК РСФСР, 19 декабря 1919 года // Электронная библиотека исторических документов. – URL : <https://docs.historyrussia.org/nodes/349546?ysclid=mg0xcx8n4m837956738#mode/in-spect/page/1/zoom/5> (дата обращения: 26.09.2025).
5. Николаев, А. В. Антиалкогольные кампании XX века в России / А. В. Николаев // Вопросы истории. – 2008. – № 11. – С. 67–78. – URL : <https://www.demoscope.ru/weekly/2009/0369/analit04.php?ysclid=mg0xnkg5ec37952675> (дата обращения: 26.09.2025).
6. Об ответственности за нарушения декрета о продаже виноградных, плодово-ягодных и изюмных вин : Декрет СНК, 7 окт. 1921 г. // Исторические материалы. – URL : <https://istmat.org/node/46778> (дата обращения: 26.09.2025).
7. Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, 1922 г. – URL : https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/ugkod_22?ysclid=mg0huvvc0spl61008057 (дата обращения: 26.09.2025).
8. Фирсенкова, С. В. Проблемы «Пьяной» преступности в современной России / С. В. Фирсенкова, А. Хаитжанов // Вестник Пензенского государственного университета. – 2014. – № 2(6). – С. 56–59.
9. Понуждаев, Д. Н. Милиция БССР в борьбе с пьянством : исторический экскурс в довоенный период / Д. Н. Понуждаев // Борьба с преступностью : теория и практика. Материалы II Междунар. научно-практич. конф. Могилев, 27 февраля 2014 г. Могилев : Могилев. высш. колледж МВД Респ. Беларусь, 2014. – 368 с. – С. 236–238.
10. Козякевич, А. П. Антиалкогольное движение в Советской Беларусь в 1920-е – начале 1930-х годов как элемент борьбы за здоровый образ жизни / А. П. Козякевич // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя гуманітарных і грамадскіх навук. – 2008. – № 3(34). – С. 28–33.
11. Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, 1926 г. – URL : <http://muse-umreforms.ru/node/13973> (дата обращения: 26.09.2025).
12. Воронина, И. О. Правовое регулирование антиалкогольных кампаний в СССР / И. О. Воронина // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2013. – № 3. – С. 20–22.

УДК 343.976

**ЭВОЛЮЦИЯ АНТИАЛКОГОЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СССР
(послевоенный период)****Т. А. ГРЕЦКАЯ****(Представлено: О. В. КАТУШОНОК)**

В статье проводится анализ антиалкогольного законодательства как правового средства борьбы с пьянством населения в СССР. Хронологически рамки исследования охватывают третий этап антиалкогольной политики СССР – с послевоенных лет и до «сухого закона» 1985 года.

Послевоенный период развития Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР) в деле борьбы с алкоголизмом характеризуется новым витком ужесточения репрессивных мер. Так, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1948 года «Об уголовной ответственности за изготовление и продажу самогона» вводил суровые наказания. За изготовление и хранение самогона с целью сбыта, сбыт самогона, а равно изготовление и сбыт в виде промысла аппаратов, специально служащих для изготовления самогона, устанавливалось наказание в виде заключения в исправительно-трудовом лагере на срок от шести до семи лет с конфискацией всего имущества или части имущества. За изготовление же самогона без цели сбыта было предусмотрено лишение свободы на срок от одного до двух лет с конфискацией самогона и орудий его изготовления [1].

Однако, указ не дал значимых результатов и быстро забылся. Причина была всё в той же социально-экономической реальности: алкоголь, как и в довоенный период, сохранял функцию платежного средства. Возможности алкоголя как платёжного средства Л. А. Крушанова связывает со следующими факторами:

- 1) распространенность сырья (например, его можно было гнать из того, что выращивалось в колхозе: из свеклы, зерна, подмороженного картофеля, перебродивших фруктов);
- 2) ценовая доступность (например, себестоимость производства самогона была значительно ниже розничной цены на водку);
- 3) культурно-ментальные причины [2].

В декабре 1958 года было принято Постановление ЦК КПСС «Об усилении борьбы с пьянством и о наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками» [3] (далее – Постановление от 15 декабря 1958 года). В Постановлении от 15 декабря 1958 года пьянство объявлялось не следствием социально-экономических проблем в СССР, а «вредным пережитком помещичье-буржуазного строя, старого быта».

Как отмечалось в Постановлении, «пьянство – большое зло, которое мешает успешному решению исторических задач, стоящих перед советским народом. Пьянство подрывает здоровье людей, расшатывает семейные устои, отнимает у человека силы и волю, порождает халатное отношение к порученному делу, ведёт к понижению производительности труда, к браку, прогулам и авариям в промышленности и на транспорте. Оно порождает панибратство, круговую поруку, кумовство и семейственность, плодит беспринципность, толкает на преступления. Своим недостойным поведением в общественных местах и на улицах пьяницы нарушают нормы социалистической морали, правила социалистического общежития, а подчас угрожают и личной безопасности граждан».

Главная задача – не просто запретить, а сформировать общественное презрение к пьяницам. Для этого предписывалось использовать «суд общественности» и подвергать лиц суровому осуждению, также чаще практиковать публичные объяснения проступков перед товарищами в бригадах, цехах и сменах.

Для членов КПСС устанавливались более строгие правила. В качестве наказания предусматривалась не только строгая критика, но и обсуждение их поведения на партийных собраниях, чтобы они поняли свои проступки и исправились. Если же всё это не оказывало должного воздействия, то в отношении закоренелых пьяниц, наносящих ущерб обществу, принимали более строгие меры вплоть до исключения из партии (статья 1).

Статьей 4 был введён институт принудительного лечения алкоголизма по заключению врачебных комиссий. Это показывало, что государство признавало алкоголизм не только социальной, но и медицинской проблемой. Впервые предлагалось узаконить лишение родительских прав хронических алкоголиков. Это серьёзная мера, которая была направлена на защиту детей, она демонстрировала глубину вмешательства государства в семейную жизнь.

Запрещалась продажа водки в продовольственных магазинах, столовых, на вокзалах, рядом с заводами, учебными и лечебными учреждениями. Вводился запрет на продажу алкоголя до 10 часов утра. Привлекались работники торговли и предприятий общественного питания к строгой ответственности за нарушение установленного порядка продажи крепких спиртных напитков (статья 5).

Предлагалось повысить цены и торговые наценки на крепкий алкоголь (в ресторанах – до 50%), чтобы сделать его менее доступным. Этиловый спирт использовался только для производственных нужд, чтобы сократить действующие нормы расхода спирта и обеспечить выделение его в необходимом количестве только по строго обоснованным расчётам (статья 8).

Пьянство советских граждан негативно отражалось на экономических показателях, снижало продуктивность труда и увеличивало количество травм и смертей на производстве. В деревнях в праздники пили бригадами и целыми колхозами и на несколько дней бросали поля и фермы. С 1955 г. по 1960 г. потребление водки и ликеро-водочных изделий в расчете на члена семьи возросло, по архивным данным, с 16,0 до 19,5 л в год. С учетом же потребления вина потребление винно-водочных изделий возросло в указанный период до 28,6 л в год [4, с. 110].

1960-е годы стали временем постепенного осознания на государственном уровне простой истины: репрессиями проблему не решить. Пьянство приобрело характер национального бедствия. Это привело к кардинальному изменению подхода. Ключевым документом стало Постановление ЦК КПСС «О мерах по усилению борьбы с пьянством» 1972 года. Постановление предусматривало сокращение в 1972–1975 гг. производства водки и крепких водочных изделий, значительное расширение производства безалкогольных напитков, сокращение числа магазинов по продаже алкогольных напитков, запрет торговли ими в мелкой розничной торговой сети, во всех столовых и буфетах [5, с. 50]. Социальные последствия – рост преступности, распад семей, детская безнадзорность – также стали слишком очевидными, чтобы их игнорировать.

Это привело к кардинальному изменению официального подхода. Власть впервые стала публично признавать алкоголизм не просто бытовым пороком или пережитком прошлого, а болезнью, требующей лечения, а не только наказания. Это был значительный шаг вперёд в понимании проблемы.

Пределом этого нового курса стало масштабное Постановление Совета Министров СССР от 16 мая 1972 года «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» (далее – Постановление от 16 мая 1972 года) [6] и соответствующий Указ Президиума ВС РСФСР от 19 июня 1972 года «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» (далее – Указ от 19 июня 1972 года) [7]. Главная цель Постановления от 16 мая 1972 года – снизить уровень потребления алкоголя через плановые меры, регулирование производства и торговли. Указ от 19 июня 1972 года фокусируется на административной и уголовной ответственности, а также на мерах общественного воздействия.

Постановление от 16 мая 1972 года предписывало сократить производство водки и крепких водочных изделий и одновременно нарастить выпуск виноградных вин, пива и безалкогольных напитков (статья 1). Вводились ограничительные меры: продажа водки и других алкогольных напитков крепостью 30 процентов и выше может производиться в розничной торговой сети не ранее 11 часов утра и не позднее 19 часов вечера; запрет продажи водки и других алкогольных напитков крепостью 30 процентов и выше в торговых предприятиях, находящихся в районе расположения производственных предприятий и строок, учебных заведений, детских учреждений, больниц, санаториев и домов отдыха, вокзалов, пристаней и аэропортов, культурных и зрелищных предприятий, а также в местах массовых гуляний и отдыха трудящихся, запретить повсеместно продажу всех алкогольных напитков лицам, находящимся в состоянии опьянения, и несовершеннолетним. Однако параллельно ставилась задача расширения предприятий торговли и общественного питания по продаже в розлив пива, соков и других безалкогольных напитков, что свидетельствовало о понимании необходимости предложить людям альтернативу.

Указ же от 19 июня 1972 года вводил прямые штрафы (от 3 до 10 рублей) за распитие спиртных напитков на улицах, во дворах и подъездах, на стадионах, в скверах, парках и других общественных местах, кроме предприятий торговли и общественного питания, в которых продажа спиртных напитков в розлив разрешена, а равно появление в общественных местах в пьяном виде, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность (статья 1). Штрафы сравнительно невысоки, что указывало на скорее воспитательный, чем карательный характер этой меры на начальном этапе.

Для борьбы с пьянством на производстве Указ от 19 июня 1972 года вводил не только наказание для лиц, к которым в течение года неоднократно применялись меры административного или общественного воздействия за пьянство, но и дисциплинарную ответственность бригадиров, мастеров, начальников участков, цехов, смен и других хозяйственных руководителей, которые допускали распитие подчинёнными им работниками спиртных напитков на производстве, а также не принимающие меры к отстранению от работы лиц, находящихся в состоянии опьянения (статья 3).

Статьи 4, 5 и 7 Постановления от 16 мая 1972 года делали акцент на развитии медицинской инфраструктуры: расширение отделений в больницах и наркологических кабинетов в поликлиниках и психоневрологических диспансерах и расширение сети лечебно-трудовых профилакториев (далее ЛТП). Основной задачей ЛТП является лечение и трудовое перевоспитание лиц, уклоняющихся от добровольного лечения или продолжающих пьянствовать после лечения. В этих целях в профилакториях проводится специальное лечение, устанавливается режим изоляции [8].

Также статья 7 устанавливала, что при заболеваниях вследствие опьянения или действий, связанных с опьянением, а также вследствие злоупотребления алкоголем (травмы, алкогольный психоз, белая горячка, хронический алкоголизм) больничные листки при амбулаторном и стационарном лечении не выдаются и пособия по временной нетрудоспособности не выплачиваются.

Указ от 19 июня 1972 года (статьи 16–17) развивал эту тему, вводя правовые механизмы принудительного лечения. Так, статья 16 позволяла ограничивать лиц, которые вследствие злоупотребления спиртными напитками ставили свои семьи в тяжелое материальное положение, могло быть ограничено судом в дееспособности, и над ними устанавливалось попечительство. Эти лица могли совершать сделки по распоряжению имуществом, а также получать заработную плату, пенсию или иные виды доходов и распоряжаться ими лишь с согласия попечителя, за исключением мелких бытовых сделок, а статья 17 говорит о том, что хронические алкоголики, уклоняющиеся от добровольного лечения или продолжающие пьянствовать после лечения, нарушающие трудовую дисциплину, общественный порядок и правила социалистического общежития, несмотря на принятые к ним меры общественного или административного воздействия, подлежат направлению в ЛТП для принудительного лечения и трудового перевоспитания на срок от одного года до двух лет. Это показывало, что государство было готово применять крайние меры к хроническим алкоголикам.

Указ от 19 июня 1972 года содержал несколько важных положений, отсутствующих в Постановлении от 16 мая 1972 года, которые расширяли сферу борьбы с пьянством: административная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в пьянство, появление в общественных местах в пьяном виде подростков в возрасте до 16 лет, а равно распитие ими спиртных напитков влекло штраф в размере от трех до десяти рублей, налагаемый на родителей или лиц, их заменяющих, комиссиями по делам несовершеннолетних при исполнительных комитетах городских, районных Советов депутатов трудящихся (статья 5). Это одна из первых попыток на законодательном уровне защитить молодёжь. Причём наказание ужесточается (лишение свободы на срок до одного года или исправительные работы на тот же срок, или штраф в размере до пятидесяти рублей), если совершившее лицо действия находилось в служебной зависимости, от которого находился несовершеннолетний.

Устанавливалась административная ответственность за управление транспортными средствами в состоянии опьянения (водители за управление в состоянии опьянения подвергались штрафу в размере от десяти до тридцати рублей и лишались прав на управление транспортными средствами на срок до двух лет). Это отражает растущую актуальность проблем с ДТП.

Значимыми были положения Указа от 19 июня 1972 года о создании комиссий по борьбе с пьянством (статья 18). Это попытка создать на местах постоянно действующий орган, координирующий усилия государства и общественности, что свидетельствует о желании придать кампании непрерывный характер.

По мнению А. В. Дорошенко, «представление о причинах алкоголизации в 1970-х – первой половине 1980-х годов было неверным, декларировалось, исходя из идеологических догматов, отсутствие у неё объективных факторов. Она понималась исключительно как феномен, сохраняющийся лишь вследствие инерции общественного сознания, унаследовавшего отдельные тёмные стороны предшествующей исторической эпохи» [9, с. 19]. При этом он отмечает, что «негативное развитие ситуации с пьянством способствовало переходу от единичных разрозненных мер к системной политике в данной области».

Вместе с тем, несмотря на принимаемые меры, уровень потребления алкоголя в СССР в рассматриваемый период был высок. Предпринятые меры не позволили снизить рост потребления алкоголя, а в отдалённых регионах уровень потребления превышал общероссийские показатели. В качестве примера Л. А. Крушанова приводит Дальний Восток, где в 1980 г. потребление алкогольных напитков в расчете на душу населения даже по официальным данным было выше, чем в среднем по РСФСР. Так, если средние российские показатели потребления находились на уровне 10,5 л в год, то на Сахалине доходили до 17,4 л в год [2].

При этом исследователи отмечают, что, независимо от роста объемов производства слабоалкогольных напитков в СССР, к 1980 году структура потребления алкоголя выглядела следующим образом: для средней полосы России 62,9 % – водка, 15,1 % – крепкое вино, 8,2 % – плодоягодные вина, 32,7 % – сухие, 0,9 % – домашние напитки, 3,4 процента – пиво. В южных районах был заметно выше удельный вес сухих вин, в сторону Сибири – водки [10].

Как отмечает каждый новый алкогольный цикл не возвращает ситуацию в исходную точку, но сопровождается сдвигами в структуре потребляемых напитков. В 1960–1980-е годы сформировалась советская модель потребления алкоголя, которая идеально укладывалась в «северный» стиль потребления. В структурном отношении для нее были характерны следующие черты: безусловное доминирование водки и ликеро-водочных изделий, заметное количество отечественного и импортного вина разного (но в основном невысокого) качества и умеренное потребление дешевого отечественного пива откровенно низкого качества [11].

Таким образом, несмотря на ужесточение мер, эволюция антиалкогольной политики СССР послевоенных лет не достигла своей главной цели – снижения уровня потребления алкоголя. Власть боролась с массовым пьянством, игнорируя системные причины явления, которые были в самой структуре советского быта и дефиците качественного досуга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об уголовной ответственности за изготовление и продажу самогона : Указ Президиума Верховного Совета СССР, 7 апр. 1948 года. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16010#Rq0HlyUQJjBssUyL> (дата обращения: 05.10.2025).
2. Крушанова, Л. А. Историко-правовой аспект становления антиалкогольного регулирования в СССР: от идеи до законодательства / Л. А. Крушанова // Lex russica. – 2022. – Т. 75. – № 8. – С. 108–118. – DOI: 10.17803/1729-5920.2022.189.8.108-118.
3. Об усилении борьбы с пьянством и о наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками : Постановление ЦК КПСС и Совет Министров СССР, 15 декабря 1958 года. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/765714336> (дата обращения: 11.10.2025).
4. Фокин, А. А. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении борьбы с пьянством и о наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками» и антиалкогольная кампания 1960-х годов / А. А. Фокин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 12 (341). – История. Вып. 60. – С. 109–115.
5. Садыкова, Р. Б. Борьба против пьянства и алкоголизма в Татарской АССР в 1970-е гг. / Р. Б. Садыкова // Эхо веков. – 2022. – № 4. – С. 47–61.
6. О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма : Постановление Совета Министров СССР, 16 мая 1972 года. – URL: https://e-ecolog.ru/docs/kMwvo1hyEWiXtbtK-3Zq?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.by%2F (дата обращения: 07.10.2025).
7. О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма : Указ Президиума Верховного Совета СССР, 19 июня 1972 года. – URL: https://e-ecolog.ru/docs/Rmt0WelhDZFad_ql6RPte/full (дата обращения: 07.10.2025).
8. О принудительном лечении и трудовом перевоспитании хронических алкоголиков : Указ Президиума Верховного Совета, 1 марта 1974 года. – URL: https://e-ecolog.ru/docs/8MAAt8FSgOXq0v7qjm0F4v?ysclid=mgdt9x2fzl553569180&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.by%2F (дата обращения: 07.10.2025).
9. Дорошенко, А. В. Борьба с пьянством в СССР в 1970-х – первой половине 1980-х гг. (на материалах Западной Сибири) : автореферат дисс... канд. истор. наук: 07.00.02 / Дорошенко Андрей Викторович; Тюмен. Гос. ун-т. – Омск, 2016. – 27 с.
10. Клинова, М. А. Современная отечественная историография потребления алкоголя жителями СССР (1940-е конец 1980-х гг.) / М. А. Клинова // Омский научный вестник. – 2009. – № 2. (76). – С. 60–63. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-otechestvennaya-istoriografiya-potrebleniya-alkogolya-zhiteljami-sssr-1940-e-konets-1980-h-gg?ysclid=mgmem9pp8j148855030> (дата обращения: 07.10.2025).
11. Радаев, В. В. Алкогольные циклы: динамика потребления алкоголя в советской и постсоветской России, 1980–2010-е годы / В. В. Радаев // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2022. – № 3. – С. 327–351. – doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2180.

УДК 342

**КОНСТИТУЦИЯ КАК ОСНОВА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ
ИДЕОЛОГИИ ГОСУДАРСТВА****П. А. ДУБРОВСКИЙ***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И. В. ШАХНОВСКАЯ)*

В статье рассматриваются вопросы формирования идеологии белорусского государства в тексте Основного закона Республики Беларусь. Автор анализирует тексты белорусских конституций (с изменениями и дополнениями), на основе чего выделяется и обосновывается несколько этапов становления государственной идеологии.

Идеология государства является основой любого государства, поскольку без идеи, вокруг которой готов сплотиться народ и само государство как политическое образование, невозможно успешное существование этого самого государства. Так происходит поскольку человеку для того, чтобы быть наиболее мотивированным для достижения тех или иных целей, которые в теории должны принести пользу человеку, государству и обществу в целом, необходима идея (это как раз и есть то самое «полезное», к чему человек стремится). Сам Антуан Дестют де Траси (основоположник термина «идеология») задумал ее как «науку об идеях», целью которой является определение материальных условий, порождающих абсолютно все идеи: морали, политики, права [2].

В Республике Беларусь с момента принятия Конституции в 1994 году начала оформляться идеология молодого независимого государства. Стоит рассмотреть три этапа развития идеологических основ в белорусской Конституции для того чтобы понять, насколько Основной закон является важным в сфере идеологии:

- 1994 год (принятие Конституции и заложение основ);
- 1996 год (крайне важные изменения в Конституции, на базе которых и существует нынешнее белорусское государство);
- 2022 год (довольно существенные изменения, которые непосредственно отображают ценности и идеи белорусского народа).

В первоначальной редакции Конституции Республики Беларусь 1994 года главной идеологической основой Беларуси стала демократия и все принципы ей присущие. Данное положение закрепляется уже в первой статье Основного закона: Республика Беларусь - унитарное демократическое социальное правовое государство. Демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе многообразия политических институтов, идеологий и мнений. Тем не менее несмотря на то, что в Конституции, демократия провозглашается как основная идеология, вторая часть четвертой статьи запрещает устанавливать обязательную идеологию для граждан, что является одним из основных принципов демократии (плюрализм мнений). Помимо данного положения уже в 1994 году было закреплена идея о том, что Государство ответственно за сохранение историко-культурного и духовного наследия, свободное развитие культур всех национальных общностей, проживающих в Республике Беларусь, данное положение нашло отражение в статье 15. Норма о сохранении историко-культурного наследия демонстрирует исключительную важность данной сферы человеческой деятельности для государства и что оно насколько это возможно сохраняет его, что также сказывается на практическом применении данного положения. Также стоит отметить норму части второй статьи 18 Конституции: Республика Беларусь ставит целью сделать свою территорию безъядерной зоной, а государство – нейтральным [3]. В свою очередь, данное положение определяет, что Республика Беларусь – миролюбивое государство, которое любыми способами будет избегать военной агрессии, именно исходя из данной нормы исходит вся внешняя политика Республики Беларусь.

Таким образом, первоначальная редакция Конституции Республики Беларусь характеризуется заложением фундамента и основных принципов независимой Беларуси. Идеологическими основами независимой Беларуси стали: независимость, демократичность, миролюбие и сохранение историко-культурного и духовного наследия белорусского государства.

Далее стоит рассмотреть вариант Конституции принятой в результате второго республиканского референдума прошедшего 24 ноября 1996 года. На данном референдуме граждане непосредственно приняли участие в процессе установления норм Конституции Республики Беларусь, касающихся идеологических основ государства, проголосовав за вариант Конституции, предложенный Президентом. Основным изменением, принятыми в разделе «Основы конституционного строя» является изменение в статье 17: Государственными языками в Республике Беларусь являются белорусский и русский языки (ранее был только белорусский) [1]. Данное преобразование является фундаментальным как в области предотвращения внутренних конфликтов на языковой и национальной основе, так и в области внешней политики, ведь русский язык является одним из мировых языков, закрепление его на государственном уровне позволяет без дальнейших

конфликтов строить межгосударственные отношения с странами, ранее состоявшими в СССР. Также, данная норма своим существованием признает Беларусь одним из государств-преемников не только Советского союза, но и даже Российской империи, ведь русский язык непосредственно связан с историей Беларуси (территория которой долгое время находилась в составе Российской империи). Помимо этого, установление русского языка в качестве государственного позволило ускорить процесс интеграции Российской Федерации и Республики Беларусь, а также культурно объединило информационные пространства обеих стран.

Таким образом, данное изменение в области идеологической основы государства является неотъемлемой частью фундамента независимой Беларуси, которая успешно интегрировано в национальное законодательство.

27 февраля 2022 года был проведен республиканский референдум, в результате которого были внесены множественные изменения в Конституцию Республики Беларусь. Данные изменения являются соответствующим решением проблем, вызванных беспокойной внешнеполитической и внутривнутриполитической обстановкой. Статья 15 была дополнена частью «Государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны». Данное положение снова определяет важность темы Великой Отечественной войны в политике Республики Беларусь ввиду тенденции фальсификации исторической правды. Помимо этого, ввиду угроз национальной безопасности, исходящей от западных стран, была исключена часть второй статьи 18: «Республика Беларусь ставит целью сделать свою территорию безъядерной зоной, а государство – нейтральным», то есть несмотря на мирную внешнюю политику государства Республика Беларусь будет использовать все возможные средства для сохранения суверенитета [5]. Кроме того, результатом последнего конституционного референдума стало закрепление в ч. 1 ст. 4 Конституции Республики Беларусь идеологии белорусского государства.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что идеологическая основа государства претерпела некоторые изменения ввиду внешне- и внутривнутриполитической обстановки и нацелена на сохранение государственного суверенитета Республики Беларусь.

Таким образом, Конституция Республики Беларусь является идеологической основой государства, что имеет фактическое отображение в действующем законодательстве, в частности в Директиве Президента Республики Беларусь № 12 от 9 апреля 2025 г. "О реализации основ идеологии белорусского государства". Согласно данному нормативному правовому акту, идеология Беларуси состоит из четырех компонентов: культурно-исторический, политический, экономический и социальный. Культурно-исторический компонент характеризуется тем, что Республика Беларусь признает себя правопреемницей всех форм государственности, существовавших на территории современной Беларуси. Политический компонент заключается в независимости страны, а также что немаловажно в демократизме политической системы. В рамках экономического компонента государство проводит социально ориентированную экономическую политику, целью которой является обеспечение социальной справедливости и благополучия граждан через предоставление каждому равных возможностей, справедливое распределение благ, поддержание их достойного уровня жизни. Социальный компонент идеологии белорусского государства определяется утверждением и культивированием в обществе традиционных духовных ценностей, нравственных и моральных ориентиров, гуманности и солидарности, социальной справедливости и недопущения расслоения и дискриминации [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Theories of Ideology: Origins, Development, and Prospects : [сайт]. – Cambridge University Press 2025. – URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/social-philosophy-and-policy/article/theories-of-ideology-origins-development-and-prospects/DA0CD9DAA62DFEB8552C461150501C5B> (дата обращения: 05.10.2025).
2. Конституция Республики Беларусь 15 марта 1994 года [Электронный ресурс] // Эталон. Законодательство Республики Беларусь. – Минск, 2025.
3. О реализации основ идеологии белорусского государства : Директива Президента Респ. Беларусь от 9 апреля 2025 г. № 12 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 06.10.2025).
4. Решение республиканского референдума 27 февраля от 4 марта 2022 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P02200001> (дата обращения: 06.10.2025).

УДК 342

СУДЕБНАЯ ФОРМА ЗАЩИТЫ СОМАТИЧЕСКИХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ

А. А. ДЫЕВ

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И. В. ШАХНОВСКАЯ)

В статье рассматриваются вопросы судебной защиты соматических прав личности. Автор обращается к нормам национального законодательства Республики Беларусь, международному праву и судебным прецедентам. Уделяется внимание характерным особенностям и перспективам развития института судебной защиты соматических прав в связи с признанием данной категории прав в целом. В статье рассматривается судебная практика Европейского Суда по правам человека в сфере защиты соматических прав и свобод, формулируются отдельные перспективы по развитию белорусского законодательства в данной области.

Право не может устойчиво существовать при отсутствии механизмов его защиты. Как в наднациональном праве, так и в правовой системе любого государства, в том числе в национальном праве Республики Беларусь, обязательно присутствуют способы и соответствующие им институты защиты права. Среди таковых, преобладающим и наиболее авторитетным, является судебная форма защиты прав. Поскольку народ как источник власти на конституционном уровне наделил судебную систему высокими полномочиями, независимостью, обеспечил её беспристрастность и компетентность, суды как институт защиты разрешают правовые вопросы любого характера, придают правовой системе устойчивость и обеспечивают сбалансированную защиту интересов триады «личность, общество, государство», применяя право в соответствии с его действительным назначением, приближая действительность на максимально возможный уровень к идеалу справедливости. Данное исследование касается непосредственно общей юрисдикционной (судебной) формы защиты права, также существуют специальная юрисдикционная и неюрисдикционная формы защиты права, которые не связаны с обращением в судебные органы.

Специальная юрисдикционная форма защиты права предполагает административный порядок защиты (например, посредством обращения в органы исполнительной власти). Неюрисдикционная форма защиты права предполагает деятельность по защите права без обращения в государственные и иные компетентные органы.

Соматические права и свободы представляют собой новое поколение прав человека, содержащее совокупность правомочий личности в отношении распоряжения собственным телом или его частью путём не определенного конкретно на данный момент перечня манипуляций специфически личностного характера, вытекающих из закона [1, с. 12]. Стоит отметить, что в Республике Беларусь признаны законодательно некоторые права, доктринально относимые к категории соматических прав.

Возможность судебной защиты права в Республике Беларусь гарантирована каждому статьёй 60 Конституции Республики Беларусь. При этом, граждане вправе требовать наряду с судебной защитой своих прав возмещения имущественного ущерба или материального возмещения морального вреда [2]. Общеизвестно, что с наибольшей частотой судами защищаются гражданские права. Механизм их защиты урегулирован в абсолютном большинстве государств, очевидно, ввиду давности развития отрасли гражданского права, понятности спектра притязаний, содержания правоотношений, способов реализации. На наш взгляд, соматические права можно рассматривать в некоторой аналогии с гражданскими правами поскольку:

во-первых, в части владения, пользования и распоряжения собственным телом некоторые правоведы усматривают сходство с гражданскими правами вплоть до объявления тела человека объектом права собственности [3, с. 253]; стоит отметить, что данная теория спорная в среде правоведов [4, с. 160];

во-вторых, исходя из следующих признаков соматических прав:

1. возникновения соматических прав с рождением;
2. неотделимости соматических прав от личности;
3. бессрочность соматических прав личности (см. право на достойное обращение с телом умершего);
4. за редким исключением (см. лица, не способные по состоянию здоровья к принятию осознанного решения в медицинском праве, иные случаи в соответствии с законодательством) неотчуждаемого и непередаваемого характера соматических прав;
5. направленности соматических прав на улучшение качества жизни конкретной личности, развитие её физических и моральных качеств, удовлетворение потребности в самосовершенствовании;
6. особенности объекта соматических прав — объектом соматических прав является тело человека (субъекта соматических прав);
7. неимущественного характера (тело человека не может иметь точной денежно-стоимостной оценки);

8. связи с нематериальными благами (в части индивидуализации субъекта права);
9. частноправовой характер соматических прав личности (на основании того, что в правоотношениях по реализации соматических прав личности государство не обязательно является одной из сторон)

усматривается возможность рассуждать о соматических правах как о личных неимущественных правах, т.е. как о предмете регулирования гражданского права, объекте гражданских правоотношений. Основываясь на вышеперечисленных сходствах, представляется возможным предположить о схожести механизма защиты соматических прав личности с механизмом защиты гражданских прав [1, с. 12].

Защита права представляет собой меры по восстановлению или признанию права и защиту законных интересов при их нарушении. В соответствии со ст. 11 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) закреплены способы защиты гражданских прав [5]. Основываясь на признаках соматических прав личности, представляется возможным выбрать, на наш взгляд применимые к соматическим правам способы.

Для целей настоящего исследования, аналогично способам, приведённым в статье 11 ГК, определим способы защиты соматических прав общей юрисдикционной формы (судебной):

1. признание права;
2. восстановление положения, существовавшего до нарушения права (возможно только для соматических прав с обратимыми последствиями реализации);
3. способы, связанные с признанием сделок и договоров недействительными или ничтожными (в части правоотношений, связанных с реализацией соматических прав);
4. неприменение актов государственных органов и органов местного самоуправления, или же признание их недействительными;
5. возмещение убытков;
6. компенсация морального вреда;
7. взыскание неустойки (для договорных отношений по реализации соматических прав)
8. способ присуждения к исполнению обязательства в натуре (в части правоотношений, связанных с реализацией соматических прав).
9. изменение или прекращение правоотношения.

Большое количество судебных дел в области защиты соматических прав и свобод было рассмотрено Европейским судом по правам человека (далее – ЕСПЧ). Считаем логичным то, что такие дела получают наиболее качественное рассмотрение именно в наднациональных судах, поскольку во многих государствах нет выработанного механизма судебной защиты соматических прав, то есть ресурс национальной судебной системы в вопросе защиты соматических прав, зачастую, недостаточен.

Например, по вопросу судебной защиты репродуктивных прав, а также права на медицинское вмешательство, совершаемое с информированного согласия пациента, интерес представляет дело «Y. P. v. Russia», рассмотренное ЕСПЧ в Страсбурге 20 сентября 2022 г. Дело касается стерилизации заявительницы в государственной больнице без ее информированного согласия. Заявительница подписала форму согласия на проведение кесарева сечения без стерилизации. Форма согласия среди осложнений не содержала положений о потере заявительницей репродуктивной способности. Но поскольку консилиумом врачей было решено стерилизовать заявительницу по причине того, что во время будущей беременности может произойти разрыв матки, что может поставить под угрозу жизнь заявительницы, во время проведения операции ей была перевязана левая фаллопиева труба (правая была удалена ранее). Заявительница подавала гражданский иск в «Районный суд», требуя компенсации морального вреда в связи с ее стерилизацией. Она утверждала, что врачи больницы, в которой находился обвиняемый, действовали в нарушение действующего законодательства и нормативных актов, стерилизуя ее без ее согласия. Она утверждала, в частности, что стерилизация не была оправдана необходимостью спасти ее жизнь, поскольку на момент операции ей не угрожала непосредственная опасность. Она жаловалась, что было нарушено ее право на выбор того, становиться ли матерью. Она также утверждала, что после стерилизации она консультировалась с различными гинекологами, которые подтвердили, что состояние ее здоровья, и в частности состояние ее матки, не свидетельствует о том, что ей следовало бы избегать беременности. Очевидно, поскольку заявительница обратилась в ЕСПЧ, возможности судебной защиты своего соматического права в России были исчерпаны, не принеся удовлетворительного результата. ЕСПЧ удовлетворил жалобу заявительницы на нарушение статьи 8 Европейской Конвенции о правах человека (далее – ЕКПЧ [6]), касающуюся стерилизации заявительницы без ее явно выраженного, свободного и осознанного согласия, и отсутствия надлежащего судебного реагирования в этой связи. ЕСПЧ обязал Российскую Федерацию выплатить заявительнице суммарно 9270 евро плюс любые налоги, которые могут взиматься с заявителя в связи с расходами и издержками [7]. Данное дело – пример задействия такого способа защиты, как возмещение вреда.

Дело «S. F. K. v. Russia», рассмотренное ЕСПЧ в Страсбурге 11 октября 2022 года, представляется интересным для изучения в качестве примера судебной защиты соматического права матери единолично

решать вопрос о материнстве. Дело касается прерывания беременности, совершённого против воли заявительницы под принуждением родителей, без каких-либо предварительных обследований, а также без информированного согласия на медицинское вмешательство в больнице. Данная процедура, впоследствии, стала одной из причин двух выкидышей в дальнейшем, немногим позже привела к диагностированию у заявительницы бесплодия. Также у заявительницы были диагностированы различные проблемы с психическим здоровьем на фоне произошедшего. Впоследствии в процессе уголовного разбирательства, следователь заявил, что у родителей “не было злого умысла” причинить заявителю какой-либо вред и что они “полагали, что действовали в наилучших интересах своего ребенка”. В результате обращения заявительницы с гражданским иском за судебной защитой в России, Верховный суд Башкортостана счел целесообразным присудить компенсацию в размере 20000 российских рублей, заявив, что никаких серьезных последствий для ее здоровья не доказано. В результате заявитель обратилась в ЕСПЧ с целью получить соответствующую причинённому ущербу судебную защиту своих соматических прав. ЕСПЧ счёл жалобу приемлемой, постановил, что имело место нарушение статьи 3 ЕКПЧ в ее материально и процессуально-правовых аспектах и обязал Российскую Федерацию выплатить суммарно 26000 евро плюс любые налоги, которые могут взиматься с заявительницы [8]. Это дело представляет собой также пример возмещения вреда как способа защиты соматического права в судебном порядке.

Дело «Nämaläinen v. Finland», которое было рассмотрено ЕСПЧ в Страсбурге 16 июля 2014 года представляет собой прецедент судебной защиты соматического права на изменение и коррекцию половой принадлежности в противоречии этого права с традиционным институтом брака. Фабула состоит в том, что заявитель законно совершил переход из мужского пола в женский (на основании диагноза «Транссексуализм»; в соответствии с процедурой, предусмотренной финским законодательством). Впоследствии заявительница обратилась за изменением половой принадлежности в документах (паспорт, водительское удостоверение), но из-за того, что идентификационный номер оставался закреплённым за ней как за представителем мужского пола, по документам она оставалась мужчиной. В местном исполнительном органе (магистрате), а впоследствии и в судах Финляндии, ей было отказано во внесении требуемых изменений с приведением того факта, что по законодательству Финляндии, для законности смены половой принадлежности в документах, ей необходимо расторгнуть имеющийся у неё заключённый брачный союз с женщиной. Заявительница обратилась в ЕСПЧ. Со ссылкой на статьи 8 и 14 ЕКПЧ заявительница, в частности, жаловалась на то, что ее право на личную и семейную жизнь было нарушено, поскольку окончательное признание ее нового пола было поставлено в зависимость от преобразования ее брака в гражданский союз. Доводы заявительницы состояли в следующем: государство нарушало ее право на неприкосновенность личной жизни каждый раз, когда личный идентификационный номер, выданный мужчине, показывал, что она является транссексуалом. Кроме того, она утверждала, что, если ее брак будет преобразован в гражданский союз, это будет означать, что она больше не сможет быть законным отцом своего ребенка, как не сможет быть и его матерью, поскольку у ребенка не может быть двух матерей. Таким образом, наблюдается интересное противоречие: с одной стороны, право заявительницы на уважение ее личной жизни (и соматическое право на изменение и коррекцию половой принадлежности), а с другой – заинтересованность государства в сохранении неизменным традиционного института брака; при этом законодательный орган Финляндии не намеревался изменять тот факт, что только мужчина и женщина могут вступать в брак. Считаем необходимым сделать авторскую ремарку: ранее нами было рассмотрено идентичное противоречие в Республике Беларусь в другой научной работе; были выдвинуты определённые предложения по улучшению законодательства [9]. По итогу разбирательства, требования заявительницы не были удовлетворены, поскольку ЕСПЧ не усмотрел нарушений статей 8 и 14 ЕКПЧ [10]. Пример обращения ко двум способам защиты – признания права и неприменения актов государственных органов.

Таким образом, основываясь на данных, полученных в ходе исследования, можно сформировать представление об общей юрисдикционной форме защиты соматических прав личности. Любое право, в том числе и соматическое для устойчивого существования требует механизм его защиты. Возможность судебной защиты доступна каждому в Республике Беларусь исходя из конституционных положений.

На данный момент, института судебной защиты соматических прав личности, как такового, не существует в формально-юридическом смысле. Но при этом, основываясь на сходствах соматических прав с гражданскими, представляется возможным предположить о схожести механизма защиты соматических прав личности с механизмом защиты гражданских прав. В качестве способов защиты соматических прав представляется возможным методом аналогии рассмотреть способы защиты гражданских прав, закреплённые в ГК.

Таким образом, судебная форма защиты соматических прав и свобод личности основывается, в большей части, на нормах гражданского законодательства. На основании рассмотренных прецедентов, следует сделать выводы о характерных особенностях судебной защиты соматических прав на данный момент. Отмечаем специфический характер притязаний и последствий, невозможность полноценной реституции в большинстве случаев; доступна только компенсация денежного выражения нарушенного права, которое, на наш взгляд, подвергается спорам подобно любой денежной оценке человеческой жизни. Просматривается

порядок защиты, аналогичный судебной защите гражданских прав. На наш взгляд, подтверждаются предположения о возможности рассмотрения способов защиты гражданских прав в качестве способов защиты соматических прав. Противоречия некоторых прецедентов порождают вопросы о примате личностных или государственных интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дыев, А. А. Понятие и признаки соматических прав и свобод личности / А. А. Дыев // Путь в науку. Юридические науки : электрон. сб. науч. тр. / Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой ; ред. кол.: Ю. Я. Романовский (пред.) [и др.]. – Новополоцк, 2024. – Вып. 52 (122). – С. 11–12.
2. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
3. Нестерова, Е. М. Личностные (соматические) права человека как предмет междисциплинарного исследования / Е. М. Нестерова // Государственно-правовые исследования. – 2020. – № 3. – С. 252–255.
4. Старовойтова, О. Э. Защита соматических прав в развитии российского законодательства / О. Э. Старовойтова // Юридическая техника. – 2023. – №17. – С. 158–160.
5. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 07 декабря 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.02.2025 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
6. Европейская Конвенция о правах человека [Электронный ресурс] : [заключена в г. Риме 04.11.1950 г.] // Европейский Суд по правам человека. – Режим доступа: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_eng. – Дата доступа: 18.09.2025.
7. Дело «Y. P. v. Russia» [Электронный ресурс] : постановление Европ. суда по правам человека, 20 сентября 2022 г. // Европейский Суд по правам человека. – Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-219209>. – Дата доступа: 17.09.2025.
8. Дело «S. F. K. v. Russia» [Электронный ресурс] : постановление Европ. суда по правам человека, 11 октября 2022 г. // Европейский Суд по правам человека. – Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-219642>. – Дата доступа: 17.09.2025.
9. Дыев, А. А. Право на изменение и коррекцию половой принадлежности в контексте защиты семейных ценностей в Республике Беларусь / А. А. Дыев // Флагман науки: Научный журнал. – 2025. – № 3(26). – С. 547–549.
10. Дело «Hämäläinen v. Finland» [Электронный ресурс] : постановление Европ. суда по правам человека, 16 июля 2014 г. // Европейский Суд по правам человека. – Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-145768>. – Дата доступа: 16.09.2025.

УДК 342

**ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА ДОСТОЙНОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЕГО ТЕЛОМ ПОСЛЕ СМЕРТИ
В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОРТАЛЬНЫХ СОМАТИЧЕСКИХ ПРАВ****А. А. ДЫЕВ***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И. В. ШАХНОВСКАЯ)*

В статье автором приводится общая характеристика права человека на достойное обращение с его телом после смерти как права, принадлежащего к сравнительно новой категории соматических прав и свобод личности. Проведён анализ действующего законодательства Республики Беларусь.

Соматические права человека – новое поколение прав человека, содержащее совокупность правомочий личности в отношении распоряжения собственным телом или его частью путём не определенного конкретно на данный момент перечня манипуляций специфически личностного характера, вытекающих из закона [1, с. 12]. В зависимости от жизненного цикла человека можно выделить витальные соматические права и свободы (соматические права, реализуемые человеком при жизни) и постмортальные соматические права и свободы (реализуемые в отношении тела умершего).

Статья 2 Конституции Республики Беларусь определяет человека, его права и свободы в качестве высшей ценности и цели общества и государства. В соответствии со статьёй 25 Конституции Республики Беларусь, государство обеспечивает свободу, неприкосновенность и достоинство личности. Согласно ст. 151 Гражданского кодекса Республики Беларусь достоинство личности признается нематериальным благом, а также закрепляется защита нематериальных благ умершего другими лицами, в том числе его наследниками.

На основании анализа данных правовых норм, а также принимая во внимание положения Закона Республики Беларусь «О погребении и похоронном деле», считаем, что в Республике Беларусь косвенно закреплено и гарантировано право человека на достойное обращение с его телом после смерти.

В связи с этим возникает вопрос о соответствии забора органов умершего донора для трансплантации принципу достойного обращения (для сведения, в Республике Беларусь действует «презумпция согласия» на трансплантацию органов и тканей человека после смерти [2, с. 214]). Считаем, что данный вопрос следует решать исходя из защиты более высших ценностей. Как известно, право на жизнь – правомочие, при нарушении которого, все остальные не имеют смысла [3, с. 61]. Кроме того, Законом Республики Беларусь «О трансплантации органов и тканей человека» разрешается заявить об отказе проведения такой процедуры, что видится нами как ещё один аспект государственной защиты достойного обращения с телом умершего.

Также, ввиду субъективности соматических прав, каждый человек волен сам определять (в рамках дозволенного законодательством) объем своего соматического права. Занимательно то, что в данном случае, объем права может быть ограничен ввиду неправовых факторов (религиозные убеждения, нормы морали, мировоззренческие установки, общественное давление) [1, с. 12].

Вопрос о соответствии необходимого в отдельных случаях патологоанатомического исследования достойному обращению с телом умершего, считаем, следует решать аналогично вопросу о «презумпции согласия», исходя из защиты более ценных благ. В данном случае «перевес» на стороне защиты безопасности личности, общества, государства.

В соответствии со ст. 27 Закона Республики Беларусь «О погребении и похоронном деле» определена возможность прижизненного распоряжения человеком собственным телом после его смерти – волеизъявления умершего. В рамках дозволенного действующим законодательством, человек может определить исполнителя своего волеизъявления; согласиться или отказать в патологоанатомическом исследовании собственного тела (если оно не является обязательным); передать после смерти свое тело, органы, ткани в организацию здравоохранения или учреждение образования для использования в образовательном процессе и научных исследованиях; определить место погребения; выбрать между захоронением и кремацией. Согласно ст. 30 данного Закона закреплён гарантированный минимум услуг по погребению, что на наш взгляд, в целом соотносится с уважительным и достойным отношением к телу умершего уже только в силу того, что это тело человека.

Соматическое право человека на достойное обращение с его телом после смерти охраняется и в уголовно-правовом порядке. Так, в соответствии со ст. 347 Уголовного кодекса Республики Беларусь криминализован состав «Надругательство над трупом или могилой, либо похищение трупа, либо похищение предметов, находящихся в захоронении». Кроме того, предусмотрен квалифицированный состав: частью второй этой же статьи, то же деяние в отношении братской могилы или могилы защитника Отечества.

Таким образом, соматическое право человека на достойное обращение с его телом после смерти – право на уважение тела умершего и гарантированно достойное отношение к нему только в силу того, что это человек; возможность человека при жизни определить судьбу своего тела после смерти, возможность

определить объём достойного обращения исходя из личностных мировоззренческих установок и религиозных ограничений, а также право на охрану достоинства личности не только при жизни, но и посмертно.

Право на достойное обращение с телом умершего регламентировано законодательством Республики Беларусь на довольно качественном уровне. В частности, имеются гарантии погребения, выстроена «ценностная иерархия», определены меры по защите достоинства личности как при жизни, так и после смерти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дыев, А. А. Понятие и признаки соматических прав и свобод личности / А. А. Дыев // Путь в науку. Юридические науки : электрон. сб. науч. тр. / Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой ; ред. кол.: Ю. Я. Романовский (пред.) [и др.]. – Новополоцк, 2024. – Вып. 52 (122). – С. 11–12.
2. Казанцева, О. Л. О ценности жизни и понятии права на жизнь / О. Л. Казанцева // Юрлингвистика. – 2022. – № 26. – С. 60–64.
3. Лещук С. П., Лукашов А. И. Презумпция согласия на эксплантацию органов и (или) тканей человека в Республике Беларусь / С. П. Лещук // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 2 (42). – С. 213–218.

УДК 342

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЦИФРОВОЙ ЛИЧНОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

А. В. КЛЕБАНОВ

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И. В. ШАХНОВСКАЯ)

В статье исследуется правовой статус цифровой личности в условиях развития глобальной информационной среды. Рассматриваются основные структурные элементы цифровой личности – цифровой профиль, цифровой образ и цифровой след с позиции их правовой защиты. Особое внимание уделено анализу прав, возникающих у цифровой личности, включая право на доступ, исправление и удаление персональных данных, «право на забвение», а также гарантии, связанные с защитой чести, достоинства и частной жизни в сети Интернет. На основе опыта международного, регионального и национального регулирования рассматриваются механизмы закрепления и реализации данных прав, а также проблемы их практического обеспечения в условиях развития цифровых технологий.

Юридическая наука в наше время сталкивается с необходимостью переосмысления традиционных правовых категорий под влиянием процесса цифровизации. Одним из наиболее дискуссионных правовых феноменов становится цифровая личность, понимаемая как комплексный конструкт, представляющий собой совокупность данных личности, формируемых субъектом в сети Интернет. Вопрос о том, какими правами обладает цифровая личность, тесно связан как с международным закреплением базовых гарантий прав человека в цифровой среде, так и с региональными и национальными механизмами их конкретизации.

В первую очередь, определяя цифровую личность через её структурные элементы, стоит выделить: цифровой профиль (формализованные персональные данные), цифровой образ (самопрезентация субъекта в социальных сетях и онлайн-коммуникации) и цифровой след (активные и пассивные данные о деятельности человека в сети) [1]. Каждый из этих элементов порождает самостоятельный круг прав, признание и закрепление которых происходит на разных уровнях правовых систем: от универсальных международных и региональных нормативных правовых актов, до конкретных национальных.

Цифровой профиль – это систематизированные данные, собранные в информационных хранилищах государственных и частных структур. Международное право закрепляет фундаментальные гарантии в отношении цифрового профиля. Так, в Конвенции Совета Европы 1981 года о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Конвенция 108) было закреплено право субъекта знать о существовании файла персональных данных, право на доступ к нему, на исправление и удаление информации [2]. Принятый в 2018 году Протокол к Конвенции адаптировал данные нормы к эпохе глобализации потоков цифровых данных (метаданных). Ещё более значимым событием стало принятие Общего регламента ЕС о защите данных (далее – GDPR), который закрепил право на переносимость данных, расширил «право на забвение» и установил принцип прозрачности и минимизации при обработке персональных данных [3].

Своё дальнейшее закрепление данные права получают на уровне национальных правовых систем. Например, во Франции «право на забвение» (*droit à l'oubli*) позволило гражданам требовать удаления устаревших или компрометирующих их сведений [4], что было подтверждено Европейским судом в деле *Google Spain v. AEPD* (2014). В Германии же ещё с 1983 года закреплено право на информационное самоопределение, признающее за субъектом возможность самостоятельно решать, какие его персональные данные подлежат обработке [5]. В Российской Федерации закон «О персональных данных» (2006) закрепил право на доступ, исправление, блокировку и уничтожение данных при их незаконной обработке [6]. Аналогичные гарантии ввёл и бразильский LGPD (2018/2020), закрепивший права на подтверждение обработки, исправление, удаление и переносимость персональных данных [7].

Таким образом, в рамках цифрового профиля основной блок прав включает в первую очередь контроль пользователем обработки своих данных, возможность их исправления и удаления, а также предотвращение несанкционированного доступа к ним. В основе реализации данного блока прав лежит право на информированное согласие, определяющее стартовые условия обработки данных субъекта. Далее вступают в силу иные правовые механизмы, обеспечивающие постоянный мониторинг за информацией и её управление: право на доступ к своим данным, право на исправление неточной информации и право на удаление информации. Всё это подкрепляется ограничениями обработки и право на запрет несанкционированного доступа к данным, выступая в роли юридических барьеров против незаконного доступа как со стороны компаний, так и третьих лиц.

Цифровой образ представляет собой форму самопрезентации пользователя в сети – от страницы на социальной платформе, до публичных высказываний и комментариев. В международном праве в отношении цифрового образа закрепляется принцип о его неприкосновенности: так, в резолюции Совета ООН

по правам человека A/HRC/RES/20/8 (2012) закреплено, что все права человека, действующие офлайн-среде, сохраняют силу и в цифровой среде [8]. Из этого положения логически вытекает ряд конкретных субъективных прав, обеспечивающих автономию личности в цифровом пространстве: право на формирование и сохранение собственного имиджа, защиту репутации от злоупотреблений, умышленных искажений и несанкционированного использования. Таким образом, цифровой образ перестает рассматриваться как набор публичных данных. Он признается правовым продолжением личности, гарантируя ей цифровой суверенитет над собственной идентичностью и её публичным представлением в сети Интернет.

Зарубежное правовое регулирование частично регламентирует такие права. Так, в GDPR закреплено требование законного и осознанного согласия пользователя на обработку своих персональных данных, включая изображения и профили пользователя. В российской судебной практике защита цифрового образа осуществляется через иски о диффамации в Интернете и последующим удалением клеветнических публикаций, запрета на использование фотографий пользователя без его согласия. В французском законодательстве подобная защита выражается в праве требовать удаления материалов, нарушающих честь и достоинство. Цифровая личность, таким образом, получает гарантии на свободное выражение и одновременно на охрану репутации и имиджа от посягательств третьих лиц.

Цифровой след как составная часть цифровой личности охватывает как осознанно оставляемые пользователем данные (аккаунты, переписки, комментарии), так и непроизвольные технические метаданные (IP-адреса, время и места входа, маршруты передвижений и т.д.). Особая ценность данных заключается в их способности раскрывать поведение и социальные связи человека, формируя определённый массив информации о нём, что является определённым источником правового риска.

Ввиду этого, в международном праве был принят ряд правовых актов. К примеру, резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/68/167 (2013) и A/RES/69/166 (2014) напрямую указывают на необходимость защиты права на неприкосновенность частной жизни даже в отношении цифровых данных, поскольку их анализ способен привести к раскрытию информации о личности [8; 9]. В свою очередь, на региональном уровне GDPR закрепил право на ограничение обработки, право на обезличивание данных, а также право на объяснение автоматизированных решений, затрагивающих субъектов.

На уровне национального зарубежного законодательства можно привести пример Калифорнийского закона California Eraser Law 2015, который предоставляет несовершеннолетним право требовать удаления ими же опубликованного контента [10]. В Российской Федерации аналогичные гарантии закреплены в законах, регулирующие персональные данные субъектов и судебной практике, где всё чаще рассматриваются дела о незаконном сборе или публикации информации, содержащей цифровой след пользователей.

Нормативные акты, приведённые выше, наглядно демонстрируют, что правовое реагирование на вызовы, связанные с цифровым следом, носит пока фрагментарный характер. Законодатель чаще действует постфактум, устраняя уже очевидные пробелы, такие как защита уязвимых категорий пользователей или противодействие явно незаконным действиям. Однако эта точечная работа не решает более фундаментальных проблем, порожаемых самой комплексной природой цифровой личности. Таким образом, её составная структура является одновременно как объектом защиты, так и источником правовых рисков, что ставит перед потенциальным законодателем проблему нахождения баланса между правом человека на конфиденциальность информации и безопасности общества, что, в свою очередь, усугубляется интересом частных компаний к персональным данным личности. Также среди ключевых проблем, затрагивающих данный конструкт можно выделить следующее: определение момента возникновения и прекращения правоспособности цифровой личности, определение ответственности за совершаемые ею действия и защита от несанкционированного вмешательства третьих лиц. В связи с этим всё более актуальным становится разработка специализированного законодательства, регулирующего права цифровой личности и устанавливающего чёткие временные границы её правоспособности.

Таким образом, правовой статус цифровой личности (сквозь призму ее структурных элементов) фрагментарно находит свое отражение на уровне международного, регионального и национального законодательства. Так, в рамках цифрового профиля закрепляется право на контроль над персональными данными и их удаление; в отношении цифрового образа действуют гарантии свободы выражения и защиты репутации; в отношении цифрового следа признаётся право на приватность, ограничение обработки и объяснение принимаемых в отношении данных алгоритмических решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов, О. А., Степанов, М. М. Правовое регулирование генезиса цифровой личности [Электронный ресурс] / О. А. Степанов, М. М. Степанов // Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия. – 2022. – С. 19–32.
2. Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data. ETS No. 108. – Council of Europe, 1981.

3. Общий регламент по защите данных (GDPR) [Электронный ресурс]: Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета от 27 апреля 2016 года о защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободном обращении таких данных. – Режим доступа: <https://gdpr-text.com/ru/>. – Дата обращения: 23.09.2025.
4. Loi Informatique et Libertés [Электронный ресурс]: Code de la législation française sur l'informatique, les fichiers et les libertés. – CNIL. – URL: <https://www.cnil.fr/fr/la-loi-informatique-et-libertes> – Дата обращения: 23.09.2025.
5. Bundesverfassungsgericht. Volkszählungsurteil vom 15. Dezember 1983 – BVerfGE 65, 1 [Электронный ресурс]. – Karlsruhe, 1983. – URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/1983/12/-rs19831215_1bvr020983.htm. – Дата доступа: 28.03.2025. О персональных данных [Электронный ресурс]: Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г.: в ред. ФЗ от 08.08.2024 N 233-ФЗ // М. – КонсультантПлюс, 2025. – Дата обращения: 23.09.2025.
6. Lei Geral de Proteção de Dados Pessoais (LGPD) – Lei No 13.709, de 14 de agosto de 2018. – Diário Oficial da União, 2018.
7. UN Human Rights Council. The promotion, protection and enjoyment of human rights on the Internet: Resolution A/HRC/RES/20/8. – United Nations, 2012. – URL: <https://undocs.org/A/HRC/RES/20/8>. – Дата обращения: 23.09.2025.
8. UN General Assembly. Resolution A/RES/68/167. The right to privacy in the digital age. – United Nations, 2013. – URL: <https://undocs.org/A/RES/68/167>. – Дата обращения: 23.09.2025.
9. UN General Assembly. The right to privacy in the digital age: Resolution A/RES/69/166. – United Nations, 18 December 2014. – URL: <https://undocs.org/A/RES/69/166>. – Дата обращения: 23.09.2025.
10. California Eraser Law [Электронный ресурс]. – California Senate Bill No. 568. – URL: https://leginfo.ca.gov/faces/billNavClient.xhtml?bill_id=201320140SB568. – Дата обращения: 23.09.2025.

УДК 342

ОБЯЗАННОСТИ ЦИФРОВОЙ ЛИЧНОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

А. В. КЛЕБАНОВ

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И. В. ШАХНОВСКАЯ)

В статье исследуются обязанности цифровой личности в сети Интернет. Рассматриваются три структурных элемента – цифровой профиль, цифровой образ и цифровой след – и закреплённые за ними правовые обязанности. На международном уровне внимание уделено Рекомендациям ОЭСР, Международному пакту о гражданских и политических правах и Будапештской конвенции. Региональные механизмы представлены практикой ЕС по ограничению нежелательного контента. Автором проведен анализ законодательства США (СОРПА), Республики Беларусь и Российской Федерации. Сделан вывод о том, что цифровая личность, наряду с правами, становится носителем юридических обязанностей, отражающих необходимость уважать интересы других субъектов и обеспечивать кибербезопасность цифрового пространства.

Современная юридическая наука всё чаще обращается не только к вопросам закрепления прав человека в цифровой среде, но и к исследованию обязанностей, которые порождаются действиями пользователя в сети Интернет, и являются неотъемлемой частью правового статуса субъекта. Ввиду этого начинает формироваться такое комплексное понятие как «цифровая личность», включающая в себя цифровой профиль, цифровой образ и цифровой след, представляет собой комплексный конструкт, формирующийся в условиях глобальной информационно-коммуникационной сети. В рамках этого конструкта права и обязанности находятся в неразрывной диалектической связи. Если права очерчивают границы цифровой автономии индивида, то обязанности выступают правовым минимумом, обеспечивающим сбалансированное сосуществование множества цифровых личностей в едином киберпространстве. Ввиду этого, правовой статус цифровой личности предстает как сложная, многокомпонентная юридическая категория, интегрирующая в себе не только права, свободы и законные интересы, но и корреспондирующие им обязанности, а также ответственность за их неисполнение [1].

Например, формируя свой цифровой профиль, пользователь приобретает не только права, но и корреспондирующие им юридические обязанности, несоблюдение которых может повлечь негативные последствия, вплоть до ограничения доступа к сервисам. Ключевой из них является обязанность по предоставлению достоверной информации и её своевременной актуализации, которая выступает необходимым условием для реализации прав на доступ и корректировку данных. Подобный подход отражён в Рекомендациях ОЭСР по защите конфиденциальности и трансграничных потоков персональных данных, подчёркивающих добросовестность самого субъекта в процессах обработки сведений [2]. Национальное регулирование подтверждает эту тенденцию: например, американский закон «Children’s Online Privacy Protection Act (СОРПА)» возлагает на пользователей и их законных представителей прямую обязанность предоставлять корректные данные о возрасте и условиях доступа к онлайн-сервисам [3]. Таким образом, формирование цифрового профиля пользователя порождает для него не только права, но и соответствующие им обязанности, впрочем, это неотъемлемая часть любого правового статуса. Если же обязанности в отношении цифрового профиля можно условно отнести к «вертикальным» (пользователь и оператор данных), то следующий структурный элемент – цифровой образ – порождает иную систему обязательств.

Цифровой образ как форма самопрезентации в сети также неминуемо порождает дополнительные обязанности для субъекта. Свобода выражения мнений в интернете не абсолютна, она ограничена обязанностью уважать честь, репутацию и права других лиц. В международном праве данный подход закреплён в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года (далее – Пакт). Так, в ст. 19 Пакта определено, что реализация свободы выражения должна сопровождаться уважением прав других [4]. На региональном уровне эти положения в дальнейшем конкретизируются, например, в Кодексе поведения ЕС по противодействию ненавистнической речи в Интернете, предусматривающем обязанность пользователей воздерживаться от распространения дискриминационного контента [5]. В белорусском законодательстве аналогично установлена обязанность пользователей не публиковать заведомо ложные либо противоречащие закону сведения (закон Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации») [6]. Таким образом, обязанности, связанные с цифровым образом, обеспечивают горизонтальные ограничения поведения, направленные на защиту общественного порядка и прав других участников онлайн-среды. Данный комплекс обязанностей формирует правовой иммунитет цифрового пространства от злоупотреблений, проистекающих из свободы самопрезентации, и является неотъемлемым элементом правового статуса цифровой личности.

В то же время, особое значение приобретают обязанности, возникающие в связи с появлением оставляемых в сети Интернет личностью цифровыми следами. Цифровой след формируется независимо от волевых действий субъекта и включает его сетевую активность и оставляемые им метаданные. Это создаёт риски для безопасности как государственных, так и частных информационных систем, так как будучи отпечатками информации пользователя, оставляемыми в цифровой среде, они предоставляют злоумышленникам уникальный материал для прогнозирования поведения, построения психологических профилей и создания фишинговых атак. Эти данные становятся ключом не только к личным аккаунтам пользователя, но и к корпоративным сетям компаний, доступ к которым получает сотрудник, чьи цифровые привычки были тщательно изучены. Ввиду этого, в первую очередь, обязанности в отношении цифрового следа касаются как соблюдения субъектом правил кибербезопасности, так и воздержания от технических действий, способных подорвать функционирование сетевых систем. Будапештская конвенция о киберпреступности прямо устанавливает недопустимость неправомерного доступа, вмешательства и перехвата данных, возлагая на субъекты обязанность уважать границы чужих цифровых систем [7]. Российское законодательство вносит дополнительный вклад в рамках Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», который возлагает на участников обязанности не осуществлять действий, подрывающих стабильность жизненно важных объектов информационной среды [8].

Таким образом, обязанности цифровой личности распределяются по её ключевым элементам: в отношении цифрового профиля они связаны с добросовестным предоставлением и обновлением персональных данных; в отношении цифрового образа включают уважение прав других пользователей и ограничение собственной свободы выражения; в отношении цифрового следа подразумевают соблюдение принципов информационной безопасности и отказ от вмешательства в функционирование компьютерных систем. Доктрина правового статуса субъектов в сети Интернет показывает, что обязанности, наряду с правами, формируют особую разновидность статуса, отличающуюся от классических отраслевых моделей права и требующую дальнейшего развития. Связь между обязанностями субъекта и цифровыми технологиями становится всё более очевидной, подтверждая вывод о том, что полноценный правовой статус личности в Интернете не может существовать вне корреляции прав и обязанностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черемисинова, М. Е. Правовой статус субъектов в сети Интернет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / М. Е. Черемисинова ; [науч. учреждение]. – Москва, 2007. – 24 с.
2. OECD Guidelines on the Protection of Privacy and Transborder Flows of Personal Data [Electronic resource]. – OECD, 2013. – Mode of access: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2002/02/oecd-guidelines-on-the-protection-of-privacy-and-transborder-flows-of-personal-data_g1gh255f/9789264196391-en.pdf. – Date of access: 23.09.2025.
3. Children's Online Privacy Protection Act (COPPA) [Electronic resource] : 15 U.S. Code § 6501–6506. – 2013. – Mode of access: <https://www.ftc.gov/legal-library/browse/rules/childrens-online-privacy-protection-rule-coppa>. – Date of access: 23.09.2025.
4. International Covenant on Civil and Political Rights (ICCPR) [Electronic resource] : UN General Assembly Resolution 2200A (XXI), 1966. – Mode of access: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights>. – Date of access: 23.09.2025.
5. European Commission. Code of Conduct on Countering Illegal Hate Speech Online [Electronic resource]. – Brussels, 31.05.2016. – Mode of access: <https://ks.echr.coe.int/documents/d/echr-ks/protection-against-hate-speech-rus>. – Date of access: 23.09.2025.
6. Об информации, информатизации и защите информации : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-3 (в ред. 2021) [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=h10800455>. – Дата доступа: 23.09.2025.
7. Convention on Cybercrime (Budapest Convention) [Electronic resource]. – Council of Europe, ETS No. 185. – 2001. – Mode of access: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=185>. – Date of access: 23.09.2025.
8. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/. – Дата доступа: 23.09.2025.

УДК 34.096

**ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ АУДИОМОНИТОРИНГА
И РАСПОЗНАВАНИЯ ЛИЦ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ****Я. А. КУРТО****(Представлено: канд. юрид. наук П. В. СОЛОВЬЁВ)**

Статья посвящена актуальным вопросам правового регулирования обработки персональных данных при осуществлении видеонаблюдения с применением технологий аудиомониторинга и распознавания лиц. Автор анализирует правовой статус применения названных технологий в соответствии с законодательством о защите персональных данных. Рассматривается проблема баланса между интересами государства в обеспечении общественного порядка и правом граждан на защиту от незаконного вмешательства в частную жизнь.

В настоящее время информационные технологии оказывают влияние на трансформацию многих сфер общественной жизни. Появление возможностей для осуществления наблюдения с помощью технических средств стало причиной возникновения дискуссий по поводу правового регулирования обработки персональных данных при осуществлении видеонаблюдения и его совершенствования. В данной работе автором будут рассмотрены некоторые коллизионные вопросы, связанные с видеомониторингом с целью обеспечения общественной безопасности и порядка.

Одним из правовых коллизионных вопросов является применение технологий записи голоса при осуществлении видеонаблюдения с целью обеспечения общественной безопасности и порядка, а также потенциальное нарушение принципа соразмерности.

Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. №99-3 «О защите персональных данных» (далее – Закон №99-3) устанавливает, что биометрическими персональными данными является информация, характеризующая физиологические и биологические особенности человека, которая используется для его уникальной идентификации (отпечатки пальцев рук, ладоней, радужная оболочка глаза, характеристики лица и его изображение и другое) [1]. Инструкция об использовании программно-аппаратных средств и технологий, проведении процедур удаленной идентификации, удаленного обновления (актуализации), утвержденная Постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 19 сентября 2019 г. № 379, признает в качестве биометрических персональных данных наряду с фото- и видеоизображением голос [2]. Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь в примерной Политике видеонаблюдения для учреждений дошкольного и общего среднего образования установил, что аудиозапись является самостоятельным видом обработки персональных данных, для которой необходимы соответствующие правовые основания [3]. Следовательно, записи голоса также подлежат охране в качестве персональных данных.

Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь отмечает, что само по себе видеонаблюдение не включает в себя аудиомониторинг (запись голоса). Во время видеонаблюдения отсутствует право прослушивать разговоры работников, кроме исключительных ситуаций (таких как необходимость принятия мер безопасности и т.п.), о которых работники должны быть проинформированы [4]. Для осуществления видеонаблюдения с применением технологии аудиомониторинга необходимо наличие конкретных оснований и существенных целей, которые на данный момент не установлены законодательством Республики Беларусь, что позволяет применять законодательство в расширительном порядке.

П. 2 ст. 4 Закона № 99-3 установлены требования соразмерности и справедливости при обработке персональных данных [2]. В соответствии с данным принципом, обработка персональных данных должна быть соразмерна заявленным целям их обработки и обеспечивать на всех этапах такой обработки справедливое соотношение интересов всех заинтересованных лиц. Соразмерность следует рассматривать как разумное и достаточное соотношение цели обработки персональных данных и используемых средств для ее достижения, которое должно оцениваться на всех этапах обработки персональных данных, в том числе при принятии решения о ее осуществлении [5]. При выборе способа обработки персональных данных оператору необходимо рассматривать вопрос о том, возможно ли достижение заявленной цели иными способами, не предполагающими обработку персональных данных или предусматривающими меньшее вмешательство в частную жизнь граждан (педагогических работников, обучающихся) и меньшие масштабы обработки их персональных данных [5].

В контексте темы данной работы стоит вопрос о том, необходима ли обработка голоса как персональных данных для достижения цели обеспечения общественной безопасности и порядка, либо это будет считаться чрезмерным вмешательством в частную жизнь. Право на уважение частной жизни состоит из общего запрета на вмешательство в нее с рядом исключений, обусловленных наличием общественных интересов,

которые могут оправдывать такое вмешательство в определенных случаях [6]. Аудиомониторинг может обеспечить общественную безопасность и порядок, так как не во всех случаях наличие изображения, получаемого в результате видеонаблюдения, является достаточным для достижения упомянутой цели.

В отдельных случаях право осуществлять аудиозапись напрямую предусмотрено законодательством. П. 6 ст. 6 Закона Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц» предусмотрено, что при проведении личного приема по решению руководителя организации могут применяться технические средства (аудио- и видеозапись, кино- и фотосъемка), о чем заявитель должен быть уведомлен до начала личного приема [7].

На сегодняшний день полный перечень правовых оснований применения технологий аудиозаписи при осуществлении видеонаблюдения отсутствует. В отсутствие правового регулирования оптимальным является указание оснований и цели применения аудиомониторинга в локальном правовом акте конкретной организации, а также срок обработки персональных данных, информацию о правах субъектов персональных данных и механизмов их реализации. Предлагается установление конкретных оснований и целей, при которых было бы разрешено осуществление видеонаблюдения с записью голоса. Одним из оснований в свою очередь может служить применение аудиомониторинга при осуществлении видеонаблюдения на контрольно-пропускных пунктах с целью обеспечения общественной безопасности и порядка. В таком случае согласие субъекта персональных данных на обработку персональных данных не потребует аналогично основанию, закрепленному абз. 20 ст. 6 Закона № 99-З [1]. При наличии правового регулирования вопроса возможным считается достижение баланса интересов между государством, которое стремится к обеспечению общественной безопасности и порядка, и граждан, чье право на защиту от незаконного вмешательства в его частную жизнь установлено Конституцией Республики Беларусь.

Применение систем видеонаблюдения с распознаванием лиц стало реальным в результате развития информационных технологий. Использование видеонаблюдения с распознаванием лиц предполагает обработку биометрических персональных данных в соответствии с понятием, установленным Законом № 99-З, и, соответственно, также регулируется законодательством о защите персональных данных. Д. Г. Полещук видит возможным использование видеонаблюдения с видеораспознаванием лиц при организации пропускного режима и учета явки работников на работу и ухода с нее, как правило, с согласия работников и только при наличии у работников иного способа входа в здание (например, посредством пропуска) [8].

Согласно Национальному центру защиты персональных данных Республики Беларусь, обработка изображений посетителей учреждений образования для видеораспознавания лиц (уникальной идентификации) при организации пропускной системы не допускается. Такая обработка не соответствует требованиям, предусмотренным ст. 4 Закона № 99-З, в том числе требованию о необходимости справедливого соотношения интересов всех заинтересованных лиц при обработке персональных данных [3]. Предлагается установление аналогичного требования в законодательстве Республики Беларусь не только для учреждений образования, но и для всех операторов с определением оснований и целей, когда применение технологий распознавания лиц будет признаваться соответствующим закону. По мнению автора, современное состояние законодательства не соответствует уровню развития технологий и не содержит исчерпывающего правового регулирования вопроса. Стоит отметить, что системы видеонаблюдения с возможностью уникальной идентификации человека основаны на технологии искусственного интеллекта.

Республика Беларусь не обладает должным уровнем правового регулирования применения искусственного интеллекта в целом, не говоря о его применении при осуществлении видеонаблюдения и защиты персональных данных. Регулирование данного вопроса позволит достичь цели Концепции правовой политики Республики Беларусь, которая устанавливает, что «в сферах законодательства предстоит урегулировать вопрос применения искусственного интеллекта» [9].

Автором предлагается определение оснований применения аудиомониторинга при осуществлении видеонаблюдения с целью обеспечения общественной безопасности и порядка, рекомендуется установление законодательных требований к обработке изображений субъектов персональных данных при применении технологии видеораспознавания лиц (уникальной идентификации).

ЛИТЕРАТУРА

1. О защите персональных данных: Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр законод. и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
2. Об утверждении Инструкции об использовании программных и (или) технических средств, проведении удаленной идентификации, удаленного обновления (актуализации) данных (С учетом изменений и дополнений, внесенных постановлениями Правления Национального банка от 22.01.2021 № 25; от 20.05.2024 № 149) : постановление правления Национального Банка Респ. Беларусь // Национальный банк Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/legislation/documents/pp379.pdf>. – Дата доступа: 20.09.2025.

3. Политика видеонаблюдения для УДО, УОСО примерная // Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://cpd.by/politika-videonabljudeniya-dlja-udo-uoso-primernaja/>. – Дата доступа: 20.09.2025.
4. Рекомендации об обработке персональных данных в связи с трудовой (служебной) деятельностью // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр законод. и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
5. Разъяснения о применении законодательства о персональных данных в деятельности учреждений среднего специального и высшего образования // Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://cpd.by/storage/2024/07/Razjasnenija-o-primenenii-ZPD-v-dejatelnosti-USSO-i-UVO.docx>. – Дата доступа: 25.09.2025.
6. А. А. Гаев, В. И. Диско, С. В. Задиран, Е. М. Липлянин, А. А. Парфенчик, И. А. Пырко, Н. А. Саванович, Е. В. Синюк, Н. А. Швед, Д. А. Шевчук Постатейный комментарий к Закону Республики Беларусь «О защите персональных данных» – Режим доступа: <https://cpd.by/pravovaya-osnova/metodologicheskiye-dokumenty-rekomendatsii/postatejnyj-kommentarij-k-zakonu-respubliki-belarus-o-zashhite-personalnyh-dannyh/>. – Дата доступа: 05.10.2025.
7. Об обращениях граждан и юридических лиц : Закон Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300–З : в ред. от 17 июля 2023 г. № 284–З // Национальный правовой Интернет–портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h11100300>. – Дата доступа: 21.09.2025.
8. Полешук, Д.Г. Видеонаблюдение и видеосъемка как обработка персональных данных // 19.04.2024. – Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь. – Режим доступа: https://cpd.by/storage/2024/02/PoleshukDG_Videonabljudenie_i_videosemka_kak_obrabotka_PD.pdf. – Дата доступа: 23.09.2025.
9. О Концепции правовой политики Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 28 июня 2023 г., № 196 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр законод. и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

УДК 34.096

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАТУСОВ ОПЕРАТОРОВ
И УПОЛНОМОЧЕННЫХ ЛИЦ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ****Я. А. КУРТО***(Представлено: канд. юрид. наук П. В. СОЛОВЬЁВ)*

В данной работе вопрос совершенствования правового регулирования осуществления видеонаблюдения рассматривается с точки зрения осуществления видеонаблюдения с целью обеспечения общественной безопасности и порядка. Анализируется правовой статус организаций и предприятий электросвязи как операторов и уполномоченных лиц.

Особую сложность в сфере правовой защиты персональных данных представляют вопросы определения правового статуса субъектов, осуществляющих видеонаблюдение, в частности, операторов и уполномоченных лиц. Отсутствие четкого законодательного разграничения их статусов создает правовую неопределенность в распределении ответственности за защиту персональных данных.

В число угроз общественной безопасности входят массовые беспорядки, техногенные катастрофы, угрозы санитарно-эпидемиологическому благополучию, стихийные бедствия или неконтролируемое развитие ситуаций в местах массового пребывания людей, которые могут иметь негативные последствия для общественной безопасности [1]. Осуществление видеонаблюдения способствует минимизации последствий, фиксируя факт совершения определенного деяния, и поддержке общего правопорядка.

Ключевым нормативным правовым актом, регулирующим сферу защиты персональных данных, является Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон №99-З) [2]. Закон №99-З определяет обработку персональных данных как действия, совершаемые с персональными данными, включая сбор, систематизацию, хранение, изменение, использование, обезличивание, блокирование, распространение, предоставление, удаление персональных данных [2]. Видеонаблюдение является одним из способов обработки персональных данных вследствие того, что система обрабатывает информацию, которая относится к лицу, которое может быть идентифицировано. Следовательно, по отношению к нему применяются соответствующие требования законодательства о защите персональных данных.

Отдельные авторы считают, что осуществление видеонаблюдения в целях обеспечения общественной безопасности представляет собой наиболее урегулированную область применения видеонаблюдения [1]. Законодательство Республики Беларусь содержит основания к отнесению объектов к числу подлежащих обязательному оборудованию средствами системы видеонаблюдения за состоянием общественной безопасности, а именно Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2013 г. № 1164 «О критериях отнесения объектов к числу подлежащих обязательному оборудованию средствами системы видеонаблюдения за состоянием общественной безопасности» [3]. Однако не в полной мере регламентированы иные вопросы защиты персональных данных при осуществлении видеонаблюдения, в том числе определение статусов операторов и уполномоченных лиц, вопрос избыточности персональных данных при использовании систем видеонаблюдения с функцией записи звука и применение технологии видеораспознавания лиц. Далее в работе автором проводится исследование названных правовых коллизий.

Общие требования к обработке персональных данных установлены Законом №99-З и включают требования законности, соразмерности и справедливости, ограничения цели, наличия правового основания, ограничения хранения и достоверности. В большинстве случаев Закон №99-З обязывает операторов получать согласие субъекта на обработку персональных данных. Исключения из этого правила составляют случаи, установленные в Законе №99-З. Так, абз. 20 ст. 6 Закона №99-З предусматривает, что согласие субъекта персональных данных на обработку персональных данных не требуется в случаях, когда обработка персональных данных является необходимой для выполнения обязанностей (полномочий), предусмотренных законодательными актами [2]. Следует, что согласие на обработку персональных данных при осуществлении видеонаблюдения с целью обеспечения общественной безопасности и порядка не требуется.

Актуальным вопросом правового регулирования видеонаблюдения является определение статуса сторон в случаях, когда организация, обязанная осуществлять видеонаблюдение в связи с прямым требованием закона, приобретает услуги по видеонаблюдению за объектами у предприятий электросвязи вместо приобретения собственных систем видеонаблюдения. Правовой основой отношений между оператором и уполномоченным лицом могут выступать договор, акт законодательства или решение государственного органа [4]. Основанием предоставления услуги по видеонаблюдению является договор, который также является основанием для обработки персональных данных. На данный момент отсутствует прямое законодательное урегулирование статуса организации и предприятий электросвязи в качестве операторов или оператора и уполномоченного лица, что влечет за собой правовую коллизию.

Закон № 99-3 устанавливает, что оператором является государственный орган, юридическое лицо Республики Беларусь, иная организация, физическое лицо, самостоятельно или совместно с иными указанными лицами организующие и (или) осуществляющие обработку персональных данных [2]. Уполномоченным лицом признается государственный орган, юридическое лицо Республики Беларусь, иная организация, физическое лицо, которые в соответствии с актом законодательства, решением государственного органа, являющегося оператором, либо на основании договора с оператором осуществляют обработку персональных данных от имени оператора или в его интересах.

Рассмотрим оба варианта правового регулирования. В случае, если организация и предприятие электросвязи признаются операторами, то они в равной степени будут иметь доступ к обрабатываемым персональным данным, и, соответственно, находиться в равном правовом положении. Операторы будут нести ответственность только в рамках собственных организаций и согласно договору между ними. Так, в случае утечки данных и их передачи третьим лицам субъекты будут нести ответственность за действия своих должностных лиц, уполномоченных локальными правовыми актами на защиту персональных данных.

Если предприятие электросвязи рассматривается в качестве уполномоченного лица, а организация выступает оператором, складывается ситуация, при которой объем прав субъектов не является равным. Если оператор поручает обработку персональных данных уполномоченному лицу, то ответственность перед субъектом персональных данных за действия указанного лица несет оператор. В свою очередь, уполномоченное лицо несет ответственность за свои действия перед оператором [5].

На практике, наиболее часто встречающейся ситуацией является заключение договора между организацией и предприятием электросвязи в качестве операторов и уполномоченных лиц соответственно [5]. На взгляд автора, оба субъекта должны быть определены законодателем в качестве операторов по следующим причинам. Во-первых, Закон № 99-3 допускает организацию и (или) осуществление обработки персональных данных совместно с иными указанными лицами [2]. Во-вторых, сбор, систематизация, хранение, изменение, использование, обезличивание, блокирование, распространение, предоставление, удаление персональных данных может осуществляться как организацией, так и предприятием электросвязи. В-третьих, такое правовое положение не позволит одному субъекту отвечать за действия второго. Так, если нарушение требований по защите персональных данных было допущено предприятием электросвязи, то организация не будет нести ответственность лишь по тому признаку, что она является оператором. В случае наличия статусов оператор – уполномоченное лицо, оператор в последующем имеет право обратного требования (регресса) к уполномоченному лицу. Законодатель должен стремиться к определению статуса организаций и предприятий электросвязи с целью единого применения законодательства субъектами права.

Предлагается принятие нормативного правового акта, который был бы посвящен комплексному правовому регулированию осуществления видеонаблюдения в Республике Беларусь. Представляется возможным принятие Закона Республики Беларусь «О видеонаблюдении», который включал бы в себя общие положения, правовые основания, цели осуществления видеонаблюдения; требования к субъектам, осуществляющим видеонаблюдение; правовой статус операторов, уполномоченных лиц и иных субъектов, их права и обязанности; ответственность за нарушение Закона. Закон о видеонаблюдении должен соответствовать действующему законодательству, в том числе законодательству о защите персональных данных.

Развитие информационных технологий и средств информатизации привело к необходимости совершенствования законодательства о защите персональных данных. Учитывая значимость вопросов защиты персональных данных при осуществлении видеонаблюдения, их решение должно быть направлено на защиту личности и общественной безопасности. Необходимо предпринять меры по правовому регулированию осуществления видеонаблюдения с целью обеспечения общественной безопасности до того, как операторам и уполномоченным лицам придется разбираться с последствиями недостаточного уровня защиты персональных данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пырко И. А., Швед Н. А. Использование видеонаблюдения в целях обеспечения общественной безопасности: зарубежный опыт и регулирование в Республике Беларусь / И. А. Пырко, Н. А. Швед // Сборник научных трудов «Актуальные проблемы гражданского права». – Минск, 2024. – С. 16-31. – Режим доступа: https://cpd.by/storage/2024/02/PyркоIA_ShvedNA_Ispolzovanie_videonabljudenija_v_celjah_obesp_obshh_bezопасности.pdf. – Дата доступа: 20.09.2025.
2. О защите персональных данных: Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-3 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр законод. и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
3. О критериях отнесения объектов к числу подлежащих обязательному оборудованию средствами системы видеонаблюдения за состоянием общественной безопасности : постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2013 г. № 1164 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C21301164>. – Дата доступа: 21.09.2025.

4. Оператор и уполномоченное лицо // Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://cpd.by/zachita-personalnyh-dannyh/operatoru/operator-i-upolnomochennoye-litso/>. – Дата доступа: 20.09.2025.
5. А. А. Гаев, В. И. Диско, С. В. Задиран, Е. М. Липлянин, А. А. Парфенчик, И. А. Пырко, Н. А. Саванович, Е. В. Синюк, Н. А. Швед, Д. А. Шевчук Постатейный комментарий к Закону Республики Беларусь «О защите персональных данных» – Режим доступа: <https://cpd.by/pravovaya-osnova/metodologicheskiye-dokumenty-rekomendatsii/postatejnyj-kommentarij-k-zakonu-respubliki-belarus-o-zashhite-personalnyh-dannyh/>. – Дата доступа: 05.10.2025.

УДК 342

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ
В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЖИЛИЩА**

С. С. ПЕТРОВСКАЯ*(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И. В. ШАХНОВСКАЯ)*

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования порядка и принципов использования беспилотных летательных аппаратов в контексте обеспечения и защиты конституционного права на неприкосновенность жилища. Автор анализирует фундаментальные положения международного права в данной области, исследуется зарубежное правовое регулирование использования беспилотных летательных аппаратов. В статье анализируется правовое регулирование в Республике Беларусь, в результате чего выявляются проблемные аспекты правового регулирования использования беспилотных летательных аппаратов.

Под правом на неприкосновенность следует понимать комплексную гарантию, обеспечивающую человеку суверенитет над своим личным пространством. Это право включает: защиту частной жизни и информации от нежелательного вмешательства государства и частных лиц; охрану жилища от произвольного вторжения, особенно со стороны государства, свободу действий в жилище в соответствии с желаниями и интересами, а также защиту от внешнего вмешательства, обеспечивающую психологический комфорт, безопасность, достоинство и сохранность имущества. Право охватывает не только информационную приватность, но и физическое пространство, автономию личности и семейную жизнь, создавая условия для реализации человеческой идентичности и социальной стабильности.

Активное внедрение и эксплуатация беспилотных летательных аппаратов (далее – БЛА) гражданского назначения формирует новую правовую реальность, характеризующуюся значительным опережением технологического развития по отношению к существующему нормативно-правовому регулированию. Широкий спектр практических применений БЛА, включая мониторинг территорий, аэрофотосъемку, доставку товаров и обеспечение безопасности, объективно обусловлен их экономической эффективностью и функциональностью.

Согласно определению Ассамблеи ИКАО «беспилотным летательным аппаратом (дрон) называют воздушное судно без пилота, которое выполняет полет без командира воздушного судна на борту, либо полностью дистанционно управляется из другого места с земли, судна, из космоса, либо запрограммировано и полностью автономно» [1, с. 162]. Современные БЛА обладают рядом выгодных качеств, позволяющих их применять без подготовки специальных площадок и взлетно-посадочных полос: мобильность в доставке к месту применения, быстрая подготовка к взлету и прокладка заданного маршрута полета, значительная дальность, высота и время полета, простота в управлении полетом, высокое качество получаемых видеоматериалов [2, с. 175]. БЛА, оснащенные камерами и другими средствами наблюдения, создают потенциальные угрозы для частной жизни, включая несанкционированное наблюдение, сбор персональных данных и нарушение личного пространства. В то же время использование дронов в интересах общественной безопасности, коммерческой деятельности и научных исследований требует правового регулирования, которое бы не подавляло технологический прогресс.

В настоящий момент проблемным аспектом выступают вопросы использования беспилотных летательных аппаратов в контексте обеспечения и защиты конституционного права на неприкосновенность жилища.

Важнейшим международным документом является Всеобщая декларация прав человека 1948 года, которая в статье 12 закрепляет неотъемлемое право каждого человека на защиту от произвольного вмешательства в его личную и семейную жизнь [3]. Аналогичный подход отражен в статье 17 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года, что, по нашему мнению, подтверждает универсальность принципа защиты личной жизни на глобальном уровне [4]. На наш взгляд, данные положения создают фундамент для формирования международных стандартов в области конфиденциальности и неприкосновенности жилища.

В рамках Европейского союза (ЕС) особое значение имеет Общий регламент по защите данных (GDPR), принятый в 2016 году и вступивший в силу в 2018 году [5]. Данный регламент устанавливает строгие требования к обработке персональных данных, включая обязательность получения согласия субъекта данных, обеспечение безопасности информации и уведомление об инцидентах, связанных с утечкой данных. Считаем, что, несмотря на отсутствие в GDPR специальных норм, непосредственно регулирующих использование БЛА, его положения в полной мере применимы к любым операциям с персональными данными, осуществляемым с использованием дронов, что подчеркивает универсальность данного нормативного акта.

Важную роль в формировании международных стандартов в области защиты конфиденциальности играет Организация экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР). Так, в 2013 году ОЭСР приняла Рекомендацию о защите конфиденциальности и трансграничных потоках персональных данных, которая устанавливает принципы обработки персональных данных. К таким принципам относятся ограничение объема собираемых данных, обеспечение их качества и безопасности, а также ответственность операторов данных [6]. По нашему мнению, такие рекомендации служат ориентиром для государств и организаций, стремящихся к гармонизации подходов к защите персональных данных в условиях глобализации и цифровизации, включая сферу применения БЛА.

В дополнение к международным правовым стандартам, регулирование вопросов конфиденциальности, связанных с использованием БЛА, осуществляется посредством национальных законодательных актов различных государств, что, на наш взгляд, отражает стремление к адаптации глобальных принципов защиты прав человека, включая право на неприкосновенность жилища, к специфике национальных правовых систем.

К примеру, в Соединенных Штатах Америки нормативное регулирование эксплуатации БЛА осуществляется на основе Правил использования малых беспилотных авиационных систем (Part 107), утвержденных Федеральным авиационным управлением (FAA) в 2016 году [7]. Правилами устанавливаются строгие требования к коммерческому использованию дронов, включая ограничения на полеты над людьми и в ночное время, что, по нашему мнению, направлено на предотвращение несанкционированного вторжения в частную жизнь и жилище граждан. На уровне отдельных штатов, таких как Калифорния и Вирджиния, приняты законодательные акты, прямо запрещающие использование БЛА в целях нарушения конфиденциальности [8], что, на наш взгляд, подчеркивает значимость защиты личного пространства в условиях распространения информационных технологий.

В Великобритании правовое регулирование использования БЛА основывается на Постановлении о воздушной навигации 2016 года [9], которое устанавливает обязательные требования к регистрации дронов и квалификации их операторов. Кроме того, важное значение имеет Закон о защите данных 2018 года, который инкорпорирует положения GDPR. Данным Законом устанавливаются строгие стандарты обработки персональных данных, включая данные, собираемые с помощью БЛА, что, на наш взгляд, способствует обеспечению неприкосновенности жилища в контексте цифровых технологий.

В Республике Беларусь правовое регулирование порядка и принципов использования БЛА представлено комплексом нормативных правовых актов, к числу которых относятся Воздушный кодекс Республики Беларусь, Указ Президента Республики Беларусь от 25 сентября 2023 г. № 297 «О государственном учете и эксплуатации гражданских беспилотных летательных аппаратов», Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 28 декабря 2023 г. № 972 «О вопросах государственного учета и эксплуатации гражданских беспилотных летательных аппаратов» и др.

Анализ белорусского законодательства в области использования БЛА в контексте обеспечения конституционного права на неприкосновенность жилища позволил выявить следующие проблемные аспекты в правовом регулировании:

1. Отсутствие законодательно установленного порядка получения разрешений на использование БПЛА для целей наблюдения или сбора информации вблизи частных жилищ.
2. Недостаточная правовая регламентация зон ограниченного доступа для полетов БЛА над жилыми территориями.
3. Отсутствие специальной ответственности за несанкционированное использование БЛА, нарушающее право на неприкосновенность частной жизни.
4. Неполнота установленных требований к информированию граждан о полетах БЛА, затрагивающих их права.

Таким образом, на уровне международного права установлен основополагающий принцип защиты от произвольного вмешательства в личную жизнь. Кроме того, к числу важнейших относятся также принцип обеспечения безопасности информации, ограничение объема собираемых данных, ответственность операторов данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лозовский, Д. Н., Лозовская, Н. Н. Использование беспилотных летательных аппаратов в процессе расследования преступлений: вопросы теории и практики / Д. Н. Лозовский, Н. Н. Лозовская // Юрист-Праповедь. – № 3 (98). – 2021. – С. 162–165.
2. Волкова, Г. Е. Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху / Г. Е. Волкова // Философия права. – № 4. – 2022. – С. 174–180.
3. UN General Assembly, 1948. Universal Declaration of Human Rights, 217 A (III).
4. UN General Assembly, 1966. International Covenant on Civil and Political Rights. United Nations, Treaty Series, vol. 999. – P. 171.

5. European Parliament and Council of the European Union, 2016, Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). Official Journal of the European Union, L119, p. 1–88.
6. OECD. 2013. Recommendation of the Council concerning Guidelines governing the Protection of Privacy and Transborder Flows of Personal Data. OECD/LEGAL/0188.
7. Federal Aviation Administration (FAA), 2016. Small Unmanned Aircraft Systems (SUAS), 14 C.F.R. Part 107.
8. National Conference of State Legislatures (NCSL), 2021. Current Unmanned Aircraft State Law Landscape. [online] Available at: URL: <https://www.nesl.org/research/transportation/current-unmanned-aircraft-state-law-landscape.aspx> [Accessed 12 May 2023].
9. UK Civil Aviation Authority (CAA), 2016. The Air Navigation Order 2016. SI 2016/765.

УДК 342

**ПРИНЦИПЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ****С. С. ПЕТРОВСКАЯ***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И. В. ШАХНОВСКАЯ)*

В статье проведен анализ законодательства Республики Беларусь в области регламентации принципов использования беспилотных летательных аппаратов на территории Республики Беларусь. В результате проведенного исследования сформулирован вывод о недостаточном регулировании порядка использования беспилотных летательных аппаратов в контексте защиты личных конституционных прав.

В Республике Беларусь правовое регулирование порядка и принципов использования беспилотных летательных аппаратов (далее – БЛА) представлено комплексом нормативных правовых актов, к числу которых относятся Воздушный кодекс Республики Беларусь, Указ Президента Республики Беларусь от 25 сентября 2023 г. № 297 «О государственном учете и эксплуатации гражданских беспилотных летательных аппаратов», Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 28 декабря 2023 г. № 972 «О вопросах государственного учета и эксплуатации гражданских беспилотных летательных аппаратов» и др.

Так, анализ Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 28 декабря 2023 г. № 972 «О вопросах государственного учета и эксплуатации гражданских беспилотных летательных аппаратов» (далее – Постановление 972) [1] и Указа Президента Республики Беларусь от 25 сентября 2023 г. № 297 «О государственном учете и эксплуатации гражданских беспилотных летательных аппаратов» (далее – Указ № 297) [2] позволил выделить следующие основные принципы регулирования БЛА:

1) согласно пункту 25 Постановления № 972, Гражданские БЛА подлежат государственному учету в классах С0–С7. Учет проводится централизованно и осуществляется Департаментом по авиации Министерства транспорта и коммуникаций РБ. Из положения данного пункта определяется принцип централизации учета БЛА, который направлен на обеспечение общественной безопасности, минимизацию рисков несанкционированного использования, включая возможные нарушения воздушного пространства, и предотвращение угроз, связанных с террористической деятельностью или иными правонарушениями. Кроме того, данный принцип соответствует статье 23 Конституции Республики Беларусь, допускающей ограничение прав и свобод в интересах национальной безопасности [3]. Государственный учет создает механизм контроля за оборотом БЛА, позволяя государству отслеживать их происхождение, владельцев и цели использования.

2) подпункт 1.1. Указа № 297 устанавливает, что физическим лицам запрещаются ввоз на территорию Республики Беларусь, хранение, оборот(приобретение, отчуждение, передача, а также иные действия, направленные на возникновение, установление, прекращение прав и обязанностей в отношении гражданского беспилотного летательного аппарата и авиамоделей), эксплуатация и изготовление гражданских беспилотных летательных аппаратов и авиамоделей, а также использование воздушного пространства гражданскими БЛА [7]. На наш взгляд, данное ограничение направлено на предотвращение угроз общественной безопасности, включая террористические акты, несанкционированное наблюдение или нарушение воздушного пространства. Устранение физических лиц из числа владельцев БЛА снижает вероятность неконтролируемого использования устройств, способных представлять угрозу. Из положений Указа № 297 вытекает принцип ограничения доступа физических лиц к БЛА. Данный принцип также основывается на ст. 23 Конституции РБ, позволяющую ограничивать права в целях защиты общественного порядка и безопасности [3]. По нашему мнению, запрет для физических лиц является мерой превентивного характера, направленной на минимизацию рисков.

3) глава 14 Постановления № 972 устанавливает обязательные требования к подготовке операторов БПЛА, включая обучение в специализированных классах (С0–С6) и допуск к управлению только лиц старше 18 лет [6]. Данные требования определяют принцип регулирования подготовки операторов БПЛА. Профессионализация эксплуатации БПЛА направлена на повышение квалификации операторов, минимизацию аварий и обеспечение соблюдения авиационных правил. Обучение гарантирует, что управление БПЛА осуществляется компетентными лицами, осознающими юридические и технические аспекты эксплуатации. Регулирование подготовки операторов соответствует международным стандартам, установленным Международной организацией гражданской авиации (ИКАО), и национальному законодательству, направленному на обеспечение безопасности полетов – Воздушный кодекс

4) Принцип приоритета безопасности полетов, который имеет отражение в содержании Постановления № 972, направлен на предотвращение инцидентов, связанных с БПЛА, включая столкновения с другими воздушными судами, нарушение зон ограниченного полета и угрозы для жизни и здоровья граждан.

Таким образом, выделенные нами принципы служат для упорядочения использования БЛА, предотвращения правонарушений, обеспечения соответствия международным и национальным стандартам. Кроме того, согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 года, одной из задач государства является обеспечение общественного порядка и защиты национальных интересов. БПЛА рассматриваются как средство достижения этих целей, особенно в условиях чрезвычайных ситуаций, массовых беспорядков или антитеррористических операций [4].

Однако законодательство Республики Беларусь не содержит четких норм, регулирующих использование БЛА в контексте защиты конституционных прав граждан, в частности права на неприкосновенность жилища.

Отметим, что использование воздушного пространства и деятельность в области авиации регулируется Воздушный кодекс Республики Беларусь (далее – Воздушный кодекс) [5]. Однако, данный кодифицированный акт не содержит детализированных норм, касающихся применения БЛА в контексте защиты права на неприкосновенность жилища. Проведем анализ основных положений, связанных с БПЛА:

1) В ст. 1 Воздушного кодекса определены основные термины, включая «гражданский беспилотный летательный аппарат», как беспилотный летательный аппарат, используемый в государственной авиации и являющийся государственным воздушным судном. Однако данное определение не включает в себя аспекты, связанные с защитой частной жизни.

2) В ст. 7 Воздушного кодекса предусмотрена ответственность за нарушение законодательства в области использования воздушного пространства и авиации, но не конкретизирует меры за нарушения, связанные с вторжением в частную жизнь с использованием БЛА.

3) В ст. 24 Воздушного кодекса установлены требования к сертификации эксплуатантов гражданских БПЛА, включая необходимость получения сертификата для эксплуатации. Однако эта норма касается технических и организационных аспектов, а не защиты прав граждан.

4) В ст. 25 Воздушного кодекса определен порядок сертификации беспилотных авиационных комплексов, но не регламентированы вопросы их использования в частной сфере или ограничения прав граждан.

Анализ Воздушного кодекса позволяет сделать вывод, что данный нормативный правовой акт фокусируется на технических аспектах эксплуатации воздушных судов, сертификации, аэронавигационном обслуживании и метеорологическом обеспечении. Однако, положения Воздушного кодекса не регулируют использование БЛА в контексте защиты таких важных конституционных прав граждан, как защита частной жизни и право на неприкосновенность жилища. В частности, можно выделить следующие недостатки нормативной базы:

1) Отсутствие порядка получения разрешений на использование БЛА для целей наблюдения или сбора информации вблизи частных жилищ. Действующее законодательство не устанавливает четкой процедуры выдачи разрешений на эксплуатацию БЛА в непосредственной близости от частных жилых объектов, что создаёт правовую неопределённость.

2) Недостаточная правовая регламентация зон ограниченного доступа для полётов БЛА над жилыми территориями. Воздушный кодекс не содержит специальных положений, определяющих границы зон, где полёты БЛА над жилыми или частными территориями ограничены либо запрещены. Отсутствие таких норм усложняет контроль за соблюдением прав собственников недвижимости и жильцов, а также повышает риски нарушения их личного пространства.

3) Отсутствие специальной ответственности за несанкционированное использование БПЛА, нарушающее право на неприкосновенность частной жизни. Законодательство не предусматривает дифференцированных мер ответственности за использование дронов в целях, связанных с вторжением в частную жизнь, таких как несанкционированная фото- или видеосъёмка. Это снижает эффективность правовой защиты граждан и ограничивает возможности привлечения нарушителей к ответственности.

4) Недостаток требований к информированию граждан о полётах БЛА, затрагивающих их права. В нормативных актах отсутствуют положения, обязывающие операторов БЛА уведомлять граждан о планируемых или осуществляемых полётах, которые могут затрагивать их права, включая право на защиту персональных данных и частной жизни. Это препятствует реализации принципа транспарентности и ограничивает возможности граждан по защите своих законных интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. О вопросах государственного учета и эксплуатации гражданских беспилотных летательных аппаратов: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 28 декабря 2023 г. № 972 : в ред. от ...[Электронный ресурс] // Эталон. Законодательство Республики Беларусь. – Минск, 2025.
2. О государственном учете и эксплуатации гражданских беспилотных летательных аппаратов: Указ Президента Республики Беларусь от 25 сентября 2023 г. № 297 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 25.04.2025, 1/21927.

3. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.) [Электронный ресурс] // Эталон. Законодательство Республики Беларусь. – Минск, 2025.
4. О Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Решение Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь. – Минск, 2025.
5. Воздушный кодекс Республики Беларусь от 16 мая 2006 г. № 117-З [Электронный ресурс]: Принят Палатой представителей 3 апреля 2006 года: одобрен Советом Республики 24 апреля 2006 года // Эталон. Законодательство Республики Беларусь. – Минск, 2025.

УДК 342

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА**А. В. ТВАРДОВСКАЯ***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И. В. ШАХНОВСКАЯ)*

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования порядка трансплантации органов и тканей человека как по законодательству Республики Беларусь, так и в рамках международного законодательства. Отдельно автор уделяет внимание развитию международного сотрудничества Республики Беларусь в данном направлении.

В условиях стремительного развития медицины как во всем мире, так и в Республике Беларусь, необходимым становится структурирование международного и национального правового регулирования трансплантации органов и тканей человека.

В соответствии с Конституцией Республики Беларусь, обеспечение свобод и прав каждого человека является высшей целью и ценностью для государства и общества. Право на жизнь, на охрану здоровья являются основополагающими и имеют приоритетное значение.

Правовую основу процедуры трансплантации составляет Закон Республики Беларусь «О трансплантации органов и тканей человека» (далее – Закон). Так, в соответствии со ст. 1 Закона, трансплантацией является «замещение у реципиента путем проведения медицинского вмешательства отсутствующих или поврежденных органов и (или) тканей человека, не способных выполнять свои жизненно важные функции, органами и (или) тканями человека, полученными в результате забора органов» [5]. Кроме того, данный нормативный правовой акт закрепляет понятие живого и умершего донора, дает определение органов и тканей человека. Дополняет вопросы регулирования забора донорских материалов Закон Республики Беларусь «О здравоохранении».

Особенную роль в области трансплантологии играют международные правовые акты, составляющих правовое начало регулирования данных процедур. Регламентация четких правил, ликвидация юридических пробелов, являются главными задачами в сфере трансплантологии. Так, Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины (1997 г.) в ч. 1 ст. 19 гл. VI обращает внимание, что забор органов у живого донора для последующей трансплантации производится только в целях лечения реципиента [3]. Таким образом, органы человека не могут быть использованы в коммерческих, экспериментальных целях. А Декларация о трансплантации человеческих органов (1987 г.) подтверждает, что купля-продажа органов и тканей человека строго осуждается [2].

Международное сотрудничество не только в сфере правового регулирования, но и трансплантации в целом, положительно сказывается на развитии данного направления. Основными составляющими такого сотрудничества можно выделить подписание договоров, касающихся трансплантологии, и участие и членство в международных организациях и ассоциациях. Статья 27 Протокола о трансплантации указывает на необходимость эффективного международного сотрудничества [6].

Получение актуальных данных, обмен опытом и возможность обсуждения достижений медицины на международном уровне становятся возможными благодаря участию в международных ассоциациях. Наиболее масштабные из них – Международная ассоциация печени (ILTS), Международный регистр донации органов и трансплантации (IRODaT), Международное общество по трансплантации сердца и легких (ISHLT) Международная ассоциация трансплантации поджелудочной железы и островковых клеток (IPITA). Республика Беларусь также принимает участие в обсуждениях и дискуссиях, затрагиваемых на конгрессах таких ассоциаций.

На данный момент в мире функционирует большое количество организаций, специализирующихся на трансплантологии. Среди них присутствуют: Европейское общество по трансплантации органов (ESOT), Всемирная ассоциация доноров костного мозга (WMDA), Международное общество трансплантологических координаторов, Международная ассоциация ксенотрансплантологии.

Всемирная организация здравоохранения – единственная межгосударственная организацией, которая отвечает за вопросы, касающиеся трансплантации. Принцип 10 Руководящих принципов ВОЗ по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов гласит, что безопасные и качественные процедуры имеют наиважнейшее значение для реципиентов и доноров. Усматривается необходимость в поддержании и оптимизации безопасности и качества донорских материалов. А принцип 5 еще раз указывает на безвозмездную основу предоставления органов и тканей человека [7].

В соответствии со ст. 4 Закона государственные организации здравоохранения, осуществляющие трансплантацию, могут заниматься международным сотрудничеством по обмену органов и тканей безвозмездно [5]. Однако следует понимать, что в случае проведения трансплантации иностранным гражданам,

бесплатно передается лишь орган, услуга трансплантации является возмездной. Кроме того, подобные операции проводятся в случае не востребоваемости, когда гражданам нашего государства такие органы не подходят.

Поскольку существуют ограничения, связанные с жизнеспособностью изъятых тканей и органов, актуальным видится международно-правовое регулирование и сотрудничество с соседствующими государствами, которые состоят в соответствующем объединении.

Усматривается необходимость в четком правовом регулировании вывоза и ввоза донорских материалов для последующей трансплантации ввиду того, что Республика Беларусь с 2017 года является участником организации FOEDUS, объединяющей центры трансплантации Европы в сфере обмена органов и тканей человека [4].

Республика Беларусь является участником Евразийского экономического союза. Правовое регулирования деятельности союза также касается вывоза с территории ЕАЭС тканей и органов человека, крови, включая ее компоненты, и образцы биологических материалов [4]. Перечисленные действия могут совершаться исключительно при наличии лицензии на экспорт и импорт отдельных видов товаров.

Наше государство имеет ряд правовых соглашений в сфере здравоохранения с такими странами, как Российская Федерация (2008 г.), Республика Азербайджан (2008 г.), Республика Узбекистан (2018 г.), Республика Куба (2005 г.), непосредственно в данный момент планируется подписание соглашения с Сербией. В соответствии с соглашениями стороны обязуются сотрудничать в сфере здравоохранения, в области научной деятельности. Идет процесс обмена информацией и специалистами, происходит участие в научных конференциях. Также соглашения регламентируют вопросы осуществления процедуры трансплантации.

Правовое регулирование ответственности за незаконные действия в области трансплантации органов и тканей человека реализуется с помощью Уголовного кодекса Республики Беларусь. В законодательстве предусмотрена уголовная ответственность за: принуждение к даче органов или тканей для трансплантации (ст. 163 УК), нарушение условий и порядка забора или трансплантации органов или тканей человека (ст. 164 УК), незаконный забор органов или тканей у умершего донора (ст. 348 УК). Международные правовые акты также напоминают о недопустимости совершения противоправных деяний в сфере трансплантологии. П. а ст. 3 Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми указывает, что торговля людьми с целью получения органов и тканей является противозаконной [6].

Таким образом, правовое регулирование трансплантации органов и тканей не только детально регулируется национальным законодательством Республики Беларусь, но основывается и подкрепляется международными нормативными правовыми актами. Посредством международного сотрудничества, нахождения в таких организациях, ассоциациях и союзах, как ЕАЭС, FOEDUS, Международная ассоциация печени (ILTS), а также благодаря двусторонним соглашениям с иностранными государствами в области трансплантологии происходит интеграция и решение проблем, связанных с нехваткой донорских материалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончарова, В. А. Правовое регулирование трансплантации органов и тканей человека в Российской Федерации / В. А. Гончарова // Вопросы студ. науки. – 2020. – № 5. – С. 267–270.
2. Декларация о трансплантации человеческих органов [Электронный ресурс] : [заключена в Мадриде октябрь 1987 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
3. Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины [Электронный ресурс] : [заключена в Овьедо 04.04.1997 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
4. Обеспечение прав человека в сфере трансплантации органов и тканей / Н. С. Анцух [и др.] ; под ред. Н. С. Анцух. – Минск, 2020. – 127 с.
5. О трансплантации органов и тканей человека [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 04.03.1997 №28-З: в ред. Закона от 15 июля 2021 г. № 120-З // Эталон ONLINE. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=h19700028&q_id=0. – Дата доступа: 07.10.2025
6. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс] : прин. резолюцией 55/25 Генер. Ассамблеи от 15 ноября 2000 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml. – Дата доступа: 07.10.2025.
7. Руководящие принципы ВОЗ по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов [Электронный ресурс] : [утвержд. Всемир. Ассамбл. Здравоохран. май 2010 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

УДК 340

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННУЮ ТРАНСПЛАНТАЦИЮ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА НА ПРИМЕРЕ БЕЛОРУССКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

А. В. ТВАРДОВСКАЯ

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И. В. ШАХНОВСКАЯ)

В статье рассматриваются вопросы уголовной ответственности за незаконное проведение трансплантации органов и тканей человека. Анализируются нормы Уголовного кодекса Республики Беларусь, а также проводится сравнительно-правовой анализ с зарубежным уголовным законодательством.

В каждом государстве одним из приоритетных направлений развития является обеспечение здоровья населения. На современном этапе стремительного совершенствования медицины, в частности, трансплантологии, одной из приоритетных проблем видится незаконная трансплантация органов и тканей человека.

Одним из важных направлений спасения и продления жизни является трансплантация органов и тканей человека. К сожалению, на данный момент ни одно государство не может полностью закрыть потребности в органах ввиду нехватки донорских материалов. Следствием этой проблемы можно выделить увеличение случаев незаконной трансплантации. Для борьбы с незаконным оборотом органов и тканей создаются определенные правовые инструменты на международном уровне. Генеральная Ассамблея ООН в резолюциях 64/293 от 30.07.2010 года [2], 70/179 от 17.12.2015 года [1] подчеркивает наличие проблемы незаконной трансплантации и настаивает на международном сотрудничестве и принятии мер по борьбе с ней.

Ежегодно в мире совершается около 12000 незаконных операций по пересадке органов и тканей, и спрос на донорские материалы продолжает расти [7].

В юридической науке факторами, влияющими на развитие незаконной трансплантологии, являются: отсутствие обязательного и единого международно-правового регулирования, коррупция, экономическое положение общества, нехватка донорских материалов, высокая стоимость органов и тканей, большое количество вооруженных конфликтов и войн.

Важно отметить, что на данный момент не существует международного нормативного правового акта, который регулировал бы борьбу с незаконной трансплантацией. Однако национальное законодательство каждого государства предусматривает ответственность за противоправные действия в данной сфере.

Преступлением в области трансплантологии следует считать совершенное умышленно противоправное общественно опасное деяние, нарушающее процедуру и правила осуществления трансплантации органов и тканей человека и посягающее на здоровье и жизнь человека.

В уголовном законодательстве Республики Беларусь видится условное подразделение преступлений, совершаемых в области трансплантологии, по некоторым видам. Специальными нормами, которые предусматривают уголовную ответственность за преступления в сфере трансплантологии, являются: принуждение к даче органов или тканей для трансплантации (ст. 163 УК), нарушение условий и порядка забора или трансплантации органов или тканей человека (ст. 164 УК), незаконный забор органов или тканей у умершего донора (ст. 348 УК). Можно сказать, что основным объектом перечисленных преступлений являются общественные отношения, регулирующие порядок проведения трансплантации органов и тканей человека. Однако расположены указанные статьи в разных главах Уголовного кодекса. Видовым объектом деяний, предусмотренных ст. 163 и ст. 164 УК и расположенных в 19 главе, является жизнь и здоровье. Для ст. 348, находящейся в главе 30, видовым объектом следует считать общественный порядок и общественная нравственность.

Особенностью уголовного законодательства нашего государства, в отличие от, например, Российской Федерации, является защита общественных отношений, которые регулируют осуществление всех видов трансплантаций, а не исключительно органов и тканей. Ч. 1 ст. 164 УК предусматривает наказание не только за нарушение условий и порядка забора органов и тканей человека, но и за нарушение условий и порядка трансплантации, предусмотренных законодательством. Данная формулировка позволяет применять эту норму в любых случаях нарушения порядка осуществления всякого вида трансплантации, повлекшего неосторожное причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения донору или реципиенту.

В некоторых государствах, таких, как Узбекистан, уголовное законодательство в качестве квалифицирующего обстоятельства выделяет специальную цель – изъятие и использование органов и тканей потерпевшего (п. н ч. 2 ст. 97 УК). Уголовный кодекс Грузии предусматривает умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное в целях пересадки или использования иным образом органов, частей органов или тканей тела жертвы (п. г ч. 7 ст. 117 УК). Законодательство Республики Беларусь также усматривает это в качестве квалифицирующего признака в п. 9 ч. 2 ст. 139 УК и п. 4 ч. 2 ст. 147 УК.

Преступлением, связанным с трансплантацией органов и тканей, также является похищение человека с целью изъятия у потерпевшего органов или тканей для трансплантации (п. 5 ч. 2 ст. 182 УК).

Ряд преступлений в данной группе значительно шире в уголовном законе Беларуси, чем в российском или украинском. Так, в законодательстве перечисленных государств отсутствует состав похищение человека с целью изъятия у потерпевшего органов или тканей для трансплантации.

Законодательство некоторых стран также предусматривает принуждение к изъятию органов, частей органов или тканей человека не только в целях трансплантации, но и для лечения, экспериментов или изготовления лечебных препаратов (ч. 1 ст. 134 УК Грузии), иного использования (ч. 1 ст. 116 УК Казахстан).

Отдельной проблемой в области трансплантологии можно выделить куплю-продажу донорских материалов. В соответствии со ст. 5 Закона Республики Беларусь «О трансплантации органов и тканей человека» органы и ткани не могут быть объектом гражданско-правовых сделок, кроме сделок, носящих безвозмездный характер. Однако в Уголовном кодексе не предусматривается ответственность за нарушение данного положения. Российское законодательство также не устанавливает каких-либо санкций за совершение таких действий. В то же время в Уголовном кодексе Республики Азербайджан в ст. 137 Купля-продажа, незаконное донорство и трансплантация органов и тканей человека законодатель предусматривает ответственность за такое деяние.

Несмотря на то, что законодатель Российской Федерации не предусматривает ответственности за куплю-продажу донорских материалов, в Уголовном кодексе присутствует статья, диспозитивная часть которой упоминает такой вид сделки. В п. ж ч. 2 ст. 127.1 идет указывается о торговле людьми в целях изъятия у потерпевшего органов или тканей. Необходимость наличия данного состава подкрепляется Конвенцией о рабстве 1926 года. В ч. 4 правового акта гарантируется не только право каждого на свободу, но и прямо запрещается купля-продажа людей. В Уголовном законодательстве Республики Беларусь данный состав преступления отсутствует.

Следует также обратить внимание на вопрос правового регулирования донорства крови. Так как кровь – это ткань организма, то, соответственно, ее купля-продажа должна быть запрещена. Однако Закон Республики Беларусь в ст. 2 уточняет, что «...Закон регулирует отношения, возникающие при трансплантации, за исключением отношений, касающихся процесса воспроизводства человека, крови и ее компонентов...» [4]. Если рассматривать ситуацию с точки зрения Гражданского кодекса, то можно заключить о соблюдении ст. 424, и донорство крови можно считать куплей-продажей. Но в соответствии с Законом таковой сделкой донорство крови считаться не будет.

Пробелы в правовом регулировании купли-продажи органов, уголовной ответственности за незаконную трансплантацию и использовании донорских материалов как объекта гражданско-правовых сделок актуальны для многих стран. По мнению Фабрики Т. А. на данный момент не существует и не может быть для всех или абсолютного большинства государств единого правового регулирования в данной области, так как нет обязательных международных нормативных правовых актов, регулирующих такой вид отношений [3].

Таким образом, можно сказать, что законодательство Республики Беларусь в сфере ответственности за незаконную трансплантацию осуществляет охрану не только отношений, регламентирующих порядок трансплантации, но и отношений, складывающихся в процессе регулирования иных видов трансплантации. Обеспечивается охрана не только реципиентов, но и доноров. Система уголовно наказуемых деяний, представленных в Уголовном кодексе Республики Беларусь, является наиболее полной и оптимальной. Хотя на примере сравнения национального законодательства нашего государства и иных стран можно сказать, что существуют определенные пробелы, касающиеся ответственности в сфере купли-продажи органов и тканей, а также затрагивающие принуждение к изъятию органов не только для трансплантации, но и для экспериментов, изготовления лечебных препаратов и иного использования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глобальное финансовое объединение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gfintegrity.org/wp-content/uploads/2017/03/Transnational_Crime_final.pdf. – Дата доступа: 06.10.2025.
2. Глобальный план действий Организации Объединенных Наций по борьбе с торговлей людьми [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/64/293>. – Дата доступа: 06.10.2025.
3. Гришин, Д. А. Уголовно-правовой аспект купли-продажи органов и тканей человека / Д. А. Гришин // Рос. право. Образов. Практика. Наука. – 2018. – № 4. – С. 68–72.
4. О трансплантации органов и тканей человека [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 04.03.1997 № 28-3: в ред. Закона от 15 июля 2021 г. № 120-3 // Эталон ONLINE. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=h19700028&q_id=0. – Дата доступа: 13.09.2025
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-3 : Принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.02.2025 г. № 61-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. Закона от 31.07.2025 г. // Консультант-Плюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2025
7. Улучшение координации усилий по борьбе с торговлей людьми [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/70/179>. – Дата доступа: 06.10.2025

УДК 340

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ КОМПЬЮТЕРНОГО ЗРЕНИЯ В ТАМОЖЕННОМ ДЕЛЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

К. С. ФОМИН

(Представлено: канд. юрид. наук П. В. СОЛОВЬЁВ)

В статье рассматривается концепция компьютерного зрения, его ключевые задачи и применение в таможенной сфере за рубежом. Автор анализирует зарубежный опыт использования технологий компьютерного зрения для повышения эффективности таможенного контроля, борьбы с контрабандой и автоматизации процессов. На примере КНР, ОАЭ и США выявлены основные направления и инструменты, а также оценено их практическое воздействие на результаты деятельности таможенных органов.

В сферу ответственности таможенных органов входят контроль за перемещением и таможенным оформлением товаров, а также противодействие правонарушениям, таким как контрабанда, наносящим ущерб экономической безопасности государства. В условиях цифровой трансформации появляются новые технологические решения, способные повысить эффективность и результативность работы таможенных служб. Одной из таких инноваций является технология компьютерного зрения, которая представляет собой междисциплинарную область, занимающуюся методами получения, обработки, анализа и интерпретации цифровых изображений для извлечения числовой или символической информации [1].

Компьютерное зрение как технология решает три взаимосвязанные задачи, которые формируют основу для его практического применения:

- Классификация объекта – отнесение объекта к определённой категории. Пример: поиск объектов по изображению в системах Google или Yandex.
- Идентификация – распознавание уникальных характеристик объекта. Пример: биометрическая идентификация личности по лицу с помощью камер видеонаблюдения.
- Обнаружение – сканирование изображения для выявления определённых объектов и их локализации в пространстве. Пример: системы обнаружения препятствий в автотранспорте.

Комплексное решение этих задач позволяет системам на базе компьютерного зрения формировать полное и объективное цифровое представление об анализируемых объектах.

Компьютерное зрение как технология нашла свое применение и в таможенном деле различных государств.

Китайская Народная Республика. Таможенные органы КНР активно интегрируют технологии искусственного интеллекта, включая компьютерное зрение. Одной из ключевых разработок является система интеллектуальной таможенной инспекции (Intelligent Customs Inspection, ICI). Данная система использует алгоритмы ИИ для анализа рентгеновских снимков грузовых контейнеров и багажа, автоматически идентифицируя и отбирая изображения, требующие внимания. ICI постоянно оптимизируется с целью минимизации человеческого участия в процессе инспекции. По состоянию на октябрь 2024 г. с её помощью было изъято 3000 партий товаров общей стоимостью около 6 млрд юаней [2].

Помимо контроля грузов, в КНР применяется интеллектуальная система распознавания лиц пассажиров. Она совмещает функции видеонаблюдения и термометрии и размещается в зонах таможенного оповещения, обработки и повторного досмотра. Система идентифицирует лиц, подлежащих дополнительной проверке, после чего таможенники проводят необходимое дознание [3].

Объединённые Арабские Эмираты. Таможенная администрация ОАЭ, в частности Дубайская таможня, активно внедряет технологические новшества. Для мониторинга подозрительной деятельности и инспекции судов используются беспилотные летательные аппараты (дроны). Кроме того, применяется интеллектуальное сканирующее устройство с функцией трёхмерного компьютерного зрения для досмотра грузов. Результатом внедрения этих технологий стал рост эффективности: в 2017 году было проведено 1628 изъятий наркотических средств, что на 21% больше, чем в 2016 году (1347 изъятий) [3].

Соединённые Штаты Америки. Погранично-таможенная служба США (U.S. Customs and Border Protection, CBP) использует Программу ненавязчивого инспекционного контроля (Non-Intrusive Inspection Systems Program). Данная система, работающая в связке со специальным сканирующим оборудованием, позволяет проверять транспортные средства, грузы и багаж на наличие контрабанды. Полученные изображения, вместе с метаданными (дата, время, место сканирования, идентификаторы транспорта), сохраняются в системе. Изображения, не вызвавшие подозрений, удаляются в течение 30 дней, тогда как материалы, ставшие основанием для расследования, хранятся для правоохранительных целей [4].

Для борьбы с контрабандой, скрываемой под одеждой, СВР использует пассивные сканеры тела (Passive Body Scanners, PBS). Эти сканеры с помощью алгоритмов выявляют аномалии на теле человека

и в реальном времени отображают на экране зоны потенциального риска. Окончательное решение о необходимости личного досмотра принимается сотрудником службы [5].

Для автоматизации документирования трансграничного перемещения СВР применяет систему Airship Outpost, которая с помощью ИИ анализирует изображения транспортных средств, распознаёт их тип и идентификаторы (бортовые номера, номерные знаки). Система присваивает каждому распознанному объекту оценку достоверности, что обеспечивает точность фиксации данных [5].

Проведённый анализ позволяет заключить, что технология компьютерного зрения, базирующаяся на решении задач классификации, идентификации и обнаружения, находит разнообразное применение в таможенном деле зарубежных государств. Несмотря на различия в специфике внедрения, общим направлением является использование этих технологий для автоматизации процессов контроля, повышения точности досмотра и противодействия контрабанде. Опыт КНР, ОАЭ и США демонстрирует, что внедрение систем на базе компьютерного зрения оказывает положительное влияние на эффективность работы таможенных органов, что подтверждается количественными показателями изъятий запрещённых товаров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Computer vision // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Computer_vision (дата обращения: 07.10.2025).
2. Application of Artificial Intelligence Technology in the Supervision of Customs Clearance Machine Inspection // World Customs Journal. URL: <https://www.worldcustomsjournal.org/article/122754-application-of-artificial-intelligence-technology-in-the-supervision-of-customs-clearance-machine-inspection> (дата обращения: 07.10.2025).
3. ANNEX – The case studies // World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/wco_wto_annex_the_case_studies.pdf (дата обращения: 07.10.2025).
4. Privacy Impact Assessment for the Non-Intrusive Inspection Systems Program // U.S. Department of Homeland Security. URL: https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/privacy_pia_cbp_nii_jan2014.pdf (дата обращения: 07.04.2025).
5. United States Customs and Border Protection — AI Use Cases // U.S. Department of Homeland Security. URL: <https://www.dhs.gov/ai/use-case-inventory/cbp> (дата обращения: 07.10.2025).

УДК 340

**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ КОМПЬЮТЕРНОГО ЗРЕНИЯ
В ТАМОЖЕННОМ ДЕЛЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ****К. С. ФОМИН***(Представлено: канд. юрид. наук П. В. СОЛОВЬЁВ)*

Автор исследует опыт использования решений на основе компьютерного зрения в таможенной сфере и оценивает перспективы развития данной технологии в Республике Беларусь. Обращает внимание, что в таможенном деле Республики Беларусь технология компьютерного зрения находит практическое применение в виде таких ТСТК, как ИДК и системы видеонаблюдения. Существует значительный потенциал для внедрения новых решений и совершенствования существующих, чему способствует курс на цифровизацию и международный опыт.

Интенсификация процессов цифровизации обуславливает внедрение инновационных технологий в деятельность государственных органов, способствуя решению задач в рамках их компетенции. Таможенные органы, в частности, активно интегрируют новые инструменты, направленные на повышение эффективности работы должностных лиц, противодействие контрабанде и иным правонарушениям. Одной из таких технологий является компьютерное зрение, которое уже заняло место в арсенале таможенных служб многих стран, включая Республику Беларусь.

В перечень инструментов таможенных органов Республики Беларусь, основанных на компьютерном зрении и применяемых в таможенном контроле, входит инспекционно-досмотровый комплекс (ИДК). ИДК представляет собой передвижную установку, осуществляющую рентгеновское сканирование транспортных средств, вызывающих подозрение у сотрудников таможни. В целях безопасности водитель и пассажиры обязаны покинуть транспортное средство на время сканирования. Результатом досмотра является выведение на экран компьютера изображения содержимого автомобиля. Средняя продолжительность сканирования одного транспортного средства с помощью ИДК составляет около 10 минут, в то время как физический досмотр может занимать от 3 до 8 часов в зависимости от характера груза. Эффективность ИДК подтверждается регулярным пресечением попыток контрабанды [1]. Ярким примером является инцидент 7 апреля 2025 года, когда на белорусско-польской границе был задержан гражданин, пытавшийся провезти 580 кг мощного взрывчатого вещества. Транспортное средство было просканировано с помощью ИДК, на сканограмме были выявлены аномалии, что послужило основанием для углубленного досмотра, в ходе которого и было обнаружено взрывчатое вещество [2].

Помимо ИДК, в арсенале белорусских таможенников используются различные виды камер видеонаблюдения, в том числе нагрудные и наружные. Нагрудные видеокамеры относятся к средствам дознания и применяются для фиксации следов правонарушений в процессе неотложных следственных действий. Наружные видеокамеры являются средством визуального наблюдения и используются для мониторинга оперативной обстановки в зонах таможенного контроля [3].

Непосредственно термин «компьютерное зрение» в законодательстве Республики Беларусь не закреплен. Однако отдельные аспекты, связанные с использованием решений на его основе, подверглись правовому регулированию. Вопросы применения технических средств таможенного контроля (ТСТК) регламентированы Таможенным кодексом Евразийского экономического союза (ТК ЕАЭС) [4] и Законом Республики Беларусь «О таможенном регулировании» [5]. Согласно п. 2 ст. 342 ТК ЕАЭС, ТСТК должны быть безопасны для жизни и здоровья людей, а также не причинять вред товарам и транспортным средствам [4]. Перечень разрешенных ТСТК утвержден Постановлением Государственного таможенного комитета Республики Беларусь от 3 мая 2018 г. № 11 [6].

Важным аспектом является работа с информацией. Правовой режим информации, её защиты и использования установлен Законом Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» [7]. Кроме того, эксплуатация систем видеонаблюдения регулируется Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 11 декабря 2012 года № 1135 [8].

Таким образом, несмотря на отсутствие единого правового акта, непосредственно регулирующего технологию компьютерного зрения, смежные вопросы нашли отражение в действующем законодательстве.

Развитие цифровой экономики в Республике Беларусь, предусмотренное рядом государственных программ и концепций, создает предпосылки для расширения перечня ТСТК на основе компьютерного зрения. Перспективным представляется заимствование зарубежного опыта, такого как использование систем сканирования человека (Китай [9], США [10]) или беспилотных летательных аппаратов (ОАЭ [9]). Развитие искусственного интеллекта открывает путь для совершенствования сканеров и создания аналогов

таких систем, как ICI в КНР [11]. Важную роль в этом процессе играют международные семинары, проводимые Всемирной таможенной организации, которые способствуют непрерывному повышению квалификации таможенников [12].

Одним из потенциальных направлений является применение генеративного искусственного интеллекта в товароведении для предварительного определения товарных кодов ТН ВЭД. Чат-боты на основе генеративного ИИ — это языковые модели, способные генерировать человекоподобные ответы, создавать изображения по описанию и решать иные задачи [13]. Их ключевой особенностью является способность к обучению благодаря использованию методов обработки естественного языка (Natural Language Processing) [14] и глубокого обучения (Deep Learning) [15].

В настоящее время подобная практика в таможенных органах отсутствует. Для оценки потенциала технологии был проведён эксперимент с использованием чат-бота Copilot.

Эксперимент 1. При загрузке изображения, на котором изображён кодеин, Copilot даёт следующий ответ: «Судя по изображению, это бутылка Codeine Linctus B.P., содержащая 200 мл лекарства с активным ингредиентом кодеина фосфата (15 мг на 5 мл). Для классификации в рамках ТН ВЭД данный товар, вероятно, относится к группе 3004, которая охватывает медикаменты, состоящие из смешанных или несмешанных продуктов, предназначенных для терапевтического или профилактического применения. Однако точная классификация может зависеть от дополнительных факторов, таких как форма выпуска, упаковка и назначение. Рекомендую проконсультироваться с таможенным специалистом для уточнения. Если у вас есть дополнительные вопросы, дайте знать!». В данном случае, чат-бот верно определил товар по изображению, однако предоставил неверный код, не указав дополнительные требования. Товарный код для кодеина будет 2939 11 000 0 [16].

Эксперимент 2. При загрузке изображения, на котором изображён автомобиль Peugeot 508, добавив уточнение, что транспортное средство оснащено дизельным двигателем объёмом 1.6 л, Copilot даёт следующий ответ: «Автомобиль Peugeot 508 с дизельным двигателем объемом 1.6 литра обычно классифицируется в товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности (ТН ВЭД) под кодом группы 8703. Эта группа охватывает легковые автомобили и другие моторные транспортные средства, предназначенные для перевозки людей. Однако точный код может зависеть от дополнительных характеристик, таких как год выпуска, тип трансмиссии и экологический класс». В данном случае, чат-бот верно определил товар и отнёс его к правильной товарной позиции, однако из-за недостатка дополнительных характеристик не определил его товарный код. В зависимости от года выпуска и состояния для дизельного автомобиля товарными кодами будут 8703 32 199 0 [16] или 8703 32 909 4 [16], или 8703 32 909 3 [16].

Таким образом, чат-боты на основе генеративного искусственного интеллекта способны распознавать товары, но не могут определить верный или полный товарный код, в некоторых случаях требуя уточнения.

Важно обратить внимание, что регулирование чат-ботов на основе генеративного ИИ в Беларуси фрагментировано. Косвенно оно затрагивается через законодательство о защите персональных данных [17]. Определение искусственного интеллекта приведено в подзаконном акте [18], что указывает на начало формирования правового поля для подобных технологий.

В таможенном деле Республики Беларусь технология компьютерного зрения находит практическое применение в виде таких ТСТК, как ИДК и системы видеонаблюдения. Существует значительный потенциал для внедрения новых решений и совершенствования существующих, чему способствует курс на цифровизацию и международный опыт. Вопросы применения технологии фрагментарно, но отражены в национальном законодательстве.

Эксперимент показал, что чат-боты на основе генеративного ИИ способны распознавать товары, но на текущем этапе не готовы к точной и самостоятельной классификации по ТН ВЭД, требуя дальнейшей доработки и взаимодействия с экспертом-человеком. Для успешной интеграции подобных решений необходимы как технологическое развитие, так и формирование целостной нормативной базы, регулирующей использование искусственного интеллекта в таможенной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Техника делает тайное явным // Государственный таможенный комитет Республики Беларусь. URL: https://www.gtk.gov.by/news/tehnika-delaet-tajnoe-javnym-6166-2018/?sphrase_id=330082 (дата обращения: 07.10.2025).
2. Белорусской таможенной службой пресечен ввоз на территорию ЕАЭС крупнейшей в истории Беларуси партии взрывчатки // Государственный таможенный комитет Республики Беларусь. URL: <https://www.gtk.gov.by/news/belorusskoy-tamozhennoy-sluzhboy-presechen-vvoz-na-territoriyu-eaes-krupneyshey-v-istorii-belarusi-p/> (дата обращения: 07.10.2025).
3. Рафалович, А.В. Технические средства таможенного контроля / А.В. Рафалович. — Минск: БНТУ, 2021. — URL: https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/44860/Tekhnicheskie_sredstva_tamozhennogo_kontrolya.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 07.10.2025).
4. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение №1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=F01700314> (дата обращения: 07.10.2025).

5. О таможенном регулировании: Закон Респ. Беларусь от 10 янв. 2014 г. № 129-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11400129> (дата обращения: 07.10.2025).
6. О технических средствах таможенного контроля и порядке их применения: постановление Гос. тамож. ком. Респ. Беларусь от 3 мая 2018 г. №11 // URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/18bl0011> (дата обращения: 07.10.2025).
7. Об информации, информатизации и защите информации: Закон Респ. Беларусь от 10 нояб. 2008 г. № 455-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800455> (дата обращения: 07.10.2025).
8. Об утверждении Положения о применении систем безопасности и телевизионных систем видеонаблюдения: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 11 дек. 2012 г. № 1135 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C21201135> (дата обращения: 07.10.2025).
9. ANNEX – The case studies // World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/wco_wto_annex_the_case_studies.pdf (дата обращения: 07.10.2025).
10. United States Customs and Border Protection – AI Use Cases // Department of Homeland Security. URL: <https://www.dhs.gov/ai/use-case-inventory/cbp> (дата обращения: 07.10.2025).
11. Application of Artificial Intelligence Technology in the Supervision of Customs Clearance Machine Inspection // World Customs Journal. URL: <https://www.worldcustomsjournal.org/article/122754-application-of-artificial-intelligence-technology-in-the-supervision-of-customs-clearance-machine-inspection> (дата обращения: 07.10.2025).
12. WCO enhances Armenia's X-ray image analysis capacity // World Customs Organization. URL: <https://www.wcoomd.org/en/media/newsroom/2024/may/wco-enhances-armenias-x-ray-image-analysis-capacity.aspx> (дата обращения: 07.10.2025).
13. ChatGPT: Online AI Chatbot // OpenAI. URL: <https://chatgpt.org/> (дата обращения: 07.10.2025).
14. Natural language processing // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Natural_language_processing (дата обращения: 07.10.2025).
15. Deep learning // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Deep_learning (дата обращения: 07.10.2025).
16. Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (ТН ВЭД ЕАЭС) // ALTA. URL: <https://www.alta.ru/tnved/> (дата обращения: 07.10.2025).
17. О защите персональных данных: Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H12100099> (дата обращения: 07.10.2025).
18. О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 21 апр. 2023 г. № 280 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22300280> (дата обращения: 07.10.2025).

УДК 342.5

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Д. В. ШКИНДЕР

(Представлено: А. В. ВАЛЕВКО)

Исследуется имущественные отношения в период новой экономической политики. Анализируется законодательство данного периода и влияние на развитие гражданского оборота. Изучаются основные направления трансформации имущественных отношений в условиях перехода к рыночной экономике.

Ключевые слова: новая экономическая политика (НЭП), имущественные отношения, гражданское законодательство, частная собственность, правовое регулирование.

Введение. Новая экономическая политика – экономическая политика, проводимая в 1920-е годы. Данная политика сменила политику «военного коммунизма», которая в период Гражданской войны привела страну в экономический кризис. При этом НЭП стал самым удачным экономическим проектом за все существование Советского Союза.

Политика «военного коммунизма», что показала свою продуктивность, однако после Гражданской войны её недостатки стали очевидными. Система «военного коммунизма» не могла обеспечить полноценное функционирование государства. В стране возник серьёзный социально-экономический и идеологический разрыв между городским и сельским населением, между крестьянством и советской властью. Крестьяне, получившие в своё распоряжение землю, не проявляли интереса к процессам индустриализации страны. Социальное напряжение достигло такого уровня, что по всей территории государства начались массовые антибольшевистские выступления рабочих и крестьян. Наиболее масштабными следует считать антоновщину – крестьянское восстание в Тамбовской губернии под предводительством А. С. Антонова в период с 1920–1921 годов, а также Кронштадтский мятеж – вооруженное восстание моряков и жителей Кронштадта [1, с. 79–80].

Основная часть. В период Новой экономической политики (НЭП) в Белорусской Советской Социалистической Республике (БССР) происходили значительные изменения в регулировании имущественных отношений. Целью НЭПа было восстановление экономики и адаптация к новым условиям после Гражданской войны и политических репрессий. Этот подход предполагал частичный возврат к рыночным механизмам, а изменения в праве собственности стали основной ролью, требующей пересмотра и приспособления [2, с. 85–93].

Переход к НЭПу подразумевал частичное восстановление прав частной собственности. В этот период возникли проблемы из-за множества попыток бывших собственников вернуть свое имущество, что создавало определенные трудности. Например, декрет СНК от 16 марта 1922 года ограничил право бывших собственников требовать вернуть предметы домашнего обихода у фактических владельцев [3].

Однако новый курс НЭПа вызывал настороженность в обществе, в новых властных структурах и среди советской бюрократии. Встречались открытые возражения и протесты. Это привело к сложной ситуации в советской России в начале 1920-х годов. Хотя декрет от 16 марта 1922 года формально давал бывшим собственникам право подавать иски на возврат своего утраченного имущества, на практике возникали трудности при его реализации из-за судебной практики и контроля [4].

Гражданский кодекс РСФСР 1922 года (далее ГК) стал основным правовым документом, который на протяжении длительного времени эффективно регулировал имущественные отношения в государстве. Его положения послужили основой для разработки гражданских кодексов других союзных республик, которые были приняты в 1923 году. Конституция СССР 1924 года, в отличие от ГК, не содержала прямых норм гражданского права, однако на её базе были сформированы аналогичные конституции всех союзных республик. Важным этапом в развитии советского законодательства стало принятие Основного закона РСФСР в 1925 году на XII Всероссийском съезде Советов. В данном законодательном акте особое внимание уделялось вопросам государственной собственности. Согласно Конституции, исключительное право владения принадлежало Советскому государству в отношении земельных участков и недр, лесных массивов и водных ресурсов, промышленных предприятий (заводов и фабрик), транспортной инфраструктуры (железнодорожного, воздушного и водного транспорта), а также средств связи. Правовой статус этих объектов определялся специальными законами СССР и решениями верховных органов РСФСР.

Основным документом, укрепившим новую экономическую политику, стал указ от 22 мая 1922 года "Об основных частных имущественных правах", который внес свои принципы в Гражданский кодекс РСФСР того времени. Согласно статье 52 Гражданского кодекса РСФСР 1922 года, было признано три вида собственности: государственная (национализированная и муниципализированная), кооперативная и частная.

К частной собственности в тот период относились: немунципальные строения, предприятия торговые, предприятия промышленные, имеющие наемных рабочих, орудия и средства производства, деньги, ценные бумаги, золотая и серебряная монета, иностранная валюта, предметы домашнего обихода, товары и имущество, не изъятого из частного оборота [4].

Несмотря на то, что частная собственность была формально признана, существовали значительные ограничения. Налоговая политика использовалась для контроля за частными накоплениями. Частные предприятия оставались небольшими из-за высокой налоговой нагрузки при объединении капитала. Предприниматели часто избегали налогов и занимались посредничеством. В сельском хозяйстве увеличился срок земельной аренды, упростились условия трудоустройства, а также развивалась кооперация (торговая, кредитная, сельскохозяйственная), хотя проблемы с землеустройством приводили к конфликтам среди крестьянства.

Во времена НЭПа преобладал частный интерес, особенно среди крестьян, однако государство активно ограничивало рост частного капитала через налоговые меры и другие механизмы контроля. Параллельно возрастало значение личной собственности граждан. Регулирование имущественных отношений в период НЭПа характеризовалось признанием частной собственности в сочетании с серьезными ограничениями на ее развитие, отражая двойственность государственной политики в этот период.

Советские власти разрешили существование частной собственности, но, несмотря на это, стремились максимально её ограничить. Регулировалась частная собственность благодаря решениям и правовым нормам, в основном налоговым. В главе 6 резолюции XIII конференции РКП(б) от 18 января 1924 года указано, что основной целью против частного капитала для государства является политика цен. Государство, чтобы крестьяне и рабочие осознавали преимущество кооперативной и государственной торговли, должно понизить цены на свои продукты, «потребных деревне» [5, с. 395].

Частные предприятия оставались небольшими, поскольку объединение капиталов становилось невыгодным из-за роста налоговой нагрузки, большинство предприятий оставались семейными, принадлежащими одному владельцу. Предприниматели часто уклонялись от налогов и не стремились к долгосрочному развитию бизнеса, сосредотачиваясь на посреднических операциях.

Несмотря на частичное введение рыночных отношений, в БССР все же существовали экономические кризисы, которые в дальнейшем повлияли на свертывание НЭПа. К ним относятся: кризис сбыта 1923 года, который был вызван нестабильностью между ценами на сельскохозяйственную продукцию; кризис рубежа 1925–1926 гг., связанный с дефицитом промышленных товаров; хлебная стачка 1927–1928 гг., вызванная с отказом крестьян продавать хлеб государству по заниженным ценам. В то время как с кризисами 1923, 1925–1926 года государство приняло меры в виде экономических реформ (введение червонца, снижение сельскохозяйственных налогов), то после кризиса 1927–1928 гг. государство пришло к применению более жестких мер. Были вытеснены частная собственность, усилился контроль над хозяйственной промышленностью и со временем государство отказалось от принципов новой экономической политики [6].

Заключение. Проанализировав регулирование имущественных отношений в период новой экономической политики в БССР можно сделать вывод о нечеткости данной политики. В Гражданском кодексе 1922 года ввели три вида собственности, что создало фундамент для развития экономики, но с начала реализации нэпа проявилась двойственность государственной политики. Государство установило ограничение через налоговую систему, укрепляло кооперацию и позицию государственной собственности, при этом сдерживало рост частного капитала.

В результате новая экономическая политика, которую создали для восстановления экономики, завершилась полным отказом от рыночных принципов. Система ограничений, противоречивость государственной политики и неспособность решить кризисы с помощью рыночных методов привели к свертыванию НЭПа и переходу к плановой экономике и полным контролем хозяйственной деятельности государством.

Таким образом, новая экономическая политика показала невозможность совмещения рыночных отношений с социалистическим укладом общества в реалиях того периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукутин, А. В. История: Учебное пособие / А. В. Лукутин. – М: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, – 2005. – 655 с.
2. Виноградов, С. В. Частнокапиталистический уклад в промышленности в период новой экономической политики (на материалах Поволжья) / С. В. Виноградов, Н. А. Болотов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2005. – № 2. – С. 85–93.
3. Декрет Совета Народных Комиссаров об ограничении права истребования предметов домашнего обихода бывшими собственниками от их фактических владельцев. 16 марта 1922 г. // Изв. ВЦИК. – 1922. – № 71. – 29 марта; Собр. Узак. – 1922. – № 25. – Ст. 283.
4. Турицын, И. В. К вопросу о приоритетах деятельности советской прокуратуры в 1922– 1925 гг. / И. В. Турицын, А. Ю. Пустынников // Современная научная мысль. – 2013. – № 4. – С. 100–111.

5. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года : текст с изм. и доп. на 15 нояб. 2008 г. [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://pravo.by/document/ImgPravo/pdf/GK_RSFSR_1922. – Дата доступа: 24.09.2025.
6. Документы по истории России [Электронный ресурс] // Исторический портал «История России». – Режим доступа <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/354817#mode/inspect/page/10/zoom/4> (дата обращения: 28.09.2025).
7. Зигзаги НЭПа: экономические и политические кризисы 20-х годов / КиберЛенинка: Научная электронная библиотека. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zigzagi-nepa-ekonomicheskie-i-politicheskie-krizisy-20-h-godov/viewer> (дата обращения: 08.10.2025).

УДК 342.5

**ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В БССР В 30-е ГОДЫ XX в.****Д. В. ШКИНДЕР**
(Представлено: А. В. ВАЛЕВКО)

Исследуется правовой статус собственности, его существенные изменения, основные характеристики новой экономической политики и индустриализации, их отличительные черты.

Ключевые слова: новая экономическая политика, индустриализация, частная собственность, правовое регулирование, имущественные отношения.

Введение. Новая экономическая политика (НЭП) помогла государству восстановиться после Первой мировой и Гражданской войн, дав возможность развитию частной инициативы, введя новые формы собственности. У населения были большие преимущества в виде возможности привлечения иностранного капитала, денежной реформы, после которой советский рубль стал конвертируемой валютой на международной арене. Показатели в сельском хозяйстве стали выше, увеличилось промышленное производство и заметно улучшилось материальное благосостояние всех слоев населения. НЭП смог за короткое время восстановить народное хозяйство страны, однако в конце 1920-х годов данная политика уступила место, новому экономическому процессу.

На XIV съезде Всесоюзной коммунистической партии большевиков был принят новый курс на индустриализацию, тем самым завершая период НЭПа. Данное событие было направлено на преодоление внутренних и международных проблем. Одной из важных считалась задача перехода из аграрной страны в индустриальную, а также обеспечить стране экономическую самостоятельность в условиях капиталистического мира.

Во время XV конференции ВКП(б) делегаты четко определили основные источники финансирования индустриализации страны. Согласно резолюции «О хозяйственном положении страны и задачах партии», были выявлены три основных направления: 1) накопление средств в рамках государственной промышленности, 2) перераспределение доходов через государственный бюджет из других секторов народного хозяйства. 3) мобилизация сбережений населения посредством развития кооперативного движения, использование кредитной системы и т.д. [1, с. 70-88].

Основная часть. В.И. Кузьмин в своей работе «Первая в истории социалистическая индустриализация» предложил разделить весь период индустриализации (с середины 20-х до конца 30-х годов) на три этапа: конец 1925 – лето 1929 г.; осень 1929–1932 г.; 1933 – конец 30-х годов [2, с. 76]. Первый этап индустриализации характеризовался использованием государством денежных средств частных лиц и юридических компаний. Постановление СНК от 15 октября 1927 года «Об изменении и дополнении постановления об учете деятельности частного капитала» установило усиленный контроль государства над нэпманами. Документ был направлен на предотвращение злоупотреблений в частном секторе, обеспечение прозрачности деятельности частных предприятий и защиту государственных интересов в условиях рыночной экономики. Это стало постепенным ограничением предпринимательской деятельности и усилением плановой экономики. [3].

В конце 1928 году были приняты Общие начала землепользования и землеустройства СССР. Этот документ заложил основополагающие принципы земельного строя советского государства. В положении нового закона была закреплена полная национализация земли, которая переходила исключительно в собственность государства. Теперь земельным ресурсом могло распоряжаться только государство через свои уполномоченные органы. Особое внимание уделялось вопросу о том, кто имел право на получение земли. Законодательство четко определяло: землю могли получить исключительно те граждане, которые были готовы обрабатывать её собственным трудом [4].

Второй этап известен Постановлением СНК СССР от 11 октября 1931 года «Об организации и составе комитета цен при Совете труда и обороны», который означал полное регулирование цен со стороны государства. Цены назначались специальными экспертами и печатались на самих упаковках. Поэтому частные предприниматели не могли устанавливать свои цены [5]. Происходила полная национализация частных предприятий, запрет на использование наемного труда в частном секторе и государство полностью контролировала банковскую систему, оптовую и международную торговлю.

Последний этап закрепил полную ликвидацию частной собственности. В Конституции БССР 1937 года в статье 5 закрепляется, что собственность может быть либо государственной, либо кооперативно-колхозная. При этом в статье 10 указано, что у граждан есть личная (частную собственность заменили на личную)

собственность на трудовые доходы, сбережения, дом, подсобное хозяйство и предметы, предназначенные для него, предметы личного потребления, и удобства. Можно сделать вывод, что частная собственность теперь не могла использоваться для извлечения доходов [6].

Государство, сформировав единую социалистическую систему собственности и исключив частную инициативу в основных сферах экономики, смогло в дальнейшем эффективно контролировать процесс индустриализации.

Заключение. Период новой экономической политики отличался разнообразием форм собственности, в том числе развитием частной инициативы, использованием элементов рыночной экономики, привлечением частного капитала, а также высокими показателями в сельском хозяйстве и промышленности. Индустриализация отличалась ликвидацией частной собственности и полной национализацией средств производства, государственным контролем над ценами, и формированием только двух форм собственности: государственной и кооперативно-колхозной.

В период НЭПа государство смогло восстановить народное хозяйство после войн, а во время индустриализации произошел мощный рывок в развитии тяжелой промышленности. Была создана единая социалистическая система собственности, и государство получило полный контроль над экономическими процессами. НЭП показал возможность сочетания социалистических и рыночных механизмов, тогда как индустриализация продемонстрировала эффективность централизованного планирования в решении масштабных экономических задач. Однако цена этих преобразований была высока – полное уничтожение частной собственности и рыночных механизмов, что имело долгосрочные последствия для развития советской экономики.

Конституция БССР закрепила государственную и кооперативно-колхозную собственность, тем самым упразднив институт частной собственности, закрепленный в Гражданском кодексе РСФСР 1922 года и Декрете 1922 года «Об основных частных имущественных правах». Постановление СНК СССР от 11 октября 1931 года «Об организации и составе комитета цен при Совете труда и обороны» фиксировало цены, что препятствовало предпринимателям повышать, либо понижать цены.

Можно сделать вывод, что переход от НЭПа к индустриализации означал кардинальные изменения системы имущественных отношений в СССР: от рыночной экономики к полностью плановой, централизованной системе с монопольным государственным контролем над всеми экономическими процессами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 4. 1926–1929 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — М.: Политиздат, 1984. — 576 с.
2. Кузьмин, В. И. Первая в истории социалистическая индустриализация / В. И. Кузьмин // Вопросы истории. — 1967. — № 10. — С. 71–94.
3. Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 15 октября 1927 г. «Об изменении и дополнении постановления об учете деятельности частного капитала» // Документы по истории России [Электронный ресурс]. — URL: Режим доступа: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/398475-postanovlenie-soveta-narodnyh-komissarov-ob-izmenenii-i-dopolnenii-postanovleniya-ob-uchete-deyatelnosti-chastnogo-kapitala-15-oktyabrya-1927-g>. — Дата доступа: 30.09.2025.
4. Общие начала землепользования и землеустройства : постановление Центрального исполнительного комитета Союза ССР, принятое на 4-й сессии 4-го созыва 15 декабря 1928 г. // Исторический архив России [Электронный ресурс]. — URL: Режим доступа: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/386265-postanovlenie-soveta-narodnyh-komissarov-ob-organizatsii-i-sostave-komiteta-tsen-pri-sovete-truda-i-oborony-11-oktyabrya-1931-g-locale-nil-848>. — Дата доступа: 01.10.2025.
5. Постановление Совета народных комиссаров об организации и составе комитета цен при Совете труда и обороны [Электронный ресурс]. 11 октября 1931 г. // Исторический архив России. — URL: Режим доступа: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/386265-postanovlenie-soveta-narodnyh-komissarov-ob-organizatsii-i-sostave-komiteta-tsen-pri-sovete-truda-i-oborony-11-oktyabrya-1931-g-locale-nil-848>. — Дата доступа: 01.10.2025.
6. Конституция Белорусской Советской Социалистической Республики 1937 года [Электронный ресурс] // Право.by : официальный сайт — URL: Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoyi-prava-belarusi/kanstyutysyinae-prava-belarusi/kanstyutysi-belarusi/konstitutsiya-1937-goda/>. — Дата доступа: 02.10.2025.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ. ТРУДОВОЕ ПРАВО

УДК 349

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Е. А. АВАКЯН

(Представлено: А. С. ВАЛЕВКО)

В статье рассматриваются проблемы цифровой экономики Республики Беларусь, а также ее положительные аспекты. Особое внимание уделено правовому регулированию данной сферы и перспективам ее дальнейшего развития.

В современном, быстроизменяющемся мире для каждой страны очень важно поддерживать соответствующий уровень экономики.

Разработка и внедрение в сферы жизнедеятельности человека новых инноваций, таких как: искусственный интеллект, криптовалюты, развитие различных маркетплейсов влияет непосредственно и на экономику.

Стоит помнить, что формируется новый тип личности – «Homo Virtualis» – человек виртуальный с высоким уровнем технологической образованности, для которого «умные» технологии становятся не просто инструментом коммуникации и обучения, а обычными социальными практиками [2].

В связи с этим стоит определить понятие цифровой экономики, цифровая экономика – это хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг [1].

Данный аспект отражен и в Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь (далее – НСУР), в блоке 6 под названием: “Цифровая трансформация и построение интеллектуальной экономики”.

Цифровая трансформация экономики предполагает последовательное внедрение информационно-коммуникационных технологий, искусственного интеллекта, облачных вычислений, интернета вещей, квантовых и прочих передовых технологий во все сферы жизнедеятельности общества [2].

На основании НСУР можно выявить проблемные зоны цифровой экономики нашей страны: киберугрозы, высокочувствительная структура и импортозависимость белорусской экономики. Однако, вместе с этим в Республике Беларусь активно развивается IT-индустрия, создан пакет “либерализационных” нормативных правовых актов для улучшения и стимулирования создания предпринимательской деятельности.

Стоит обратить внимание на проблемы в цифровой экономике и способы по их разрешению. В целом развитие данной отрасли экономики будет продолжаться, что можно увидеть и сейчас: большинство белорусов пользуется интернет-магазинами, покупая товары прямо из дома, большинство населения является зарегистрированным пользователем различных социальных сетей, мы наблюдаем развитие эффективного онлайн-образования и так далее.

В связи с развитием интернет-сайтов все большее внимание уделяется защите персональных данных, в нормативно-правовой базе Республики Беларусь данный вопрос регулируется Законом Республики Беларусь от 07.05.2021 г. № 99-З “О защите персональных данных”.

В условиях цифровизации возрастает значение охраны интеллектуальной собственности. Разработка правовых норм, регулирующих авторские права на цифровые продукты и услуги, становится необходимостью для стимулирования инновационной деятельности.

Также стоит обратить внимание и на область электронной торговли, в нашей стране приняты такой нормативно-правовой акт как Закон Республики Беларусь от 09.01. 2002 г. № 90-З “О защите прав потребителей”. Данный закон регулирует права потребителей в сфере онлайн-продаж.

Основополагающим подспорьем в развитии цифровой экономики является четко-урегулированное законодательство, поэтому главной задачей законодателя при дальнейшем развитии цифровой экономики

является своевременное улучшение законодательства в случае возникновения новых правоотношений в данной области экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. М. М. Ковалев Г. Г. Головенчик, цифровая экономика – шанс для Беларуси [Электронный ресурс]. Режим доступа – 55-18.pdf. Дата доступа: 08.10.2025.
2. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: projekt_Natsionalnoj_strategii_ustojchivogo_razvitija_na_period_do.pdf. – Дата доступа: 08.10.2025.

УДК 349

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГАРАНТИЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ
НА МАКРЕТПЛЕЙСАХ “OZON” И “WILDBERRIES”: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ****Е. А. АВАКЯН****(Представлено: А. С. ВАЛЕВКО)**

В статье рассматриваются гарантии для покупателей товаров на маркетплейсах “Ozon” и “Wildberries”, проведен сравнительный анализ по следующим критериям: способ регистрации, установление цен на товары, правоотношения между субъектами данных площадок, способы оплаты, право собственности, возврат товара.

В ходе настоящего исследования целесообразно дать четкое правовое и концептуальное определение понятию цифровой платформы (далее – цифровая платформа). Цифровая платформа представляет собой набор различных услуг, представляющих собой уникальное сочетание программных и аппаратных услуг компании, используемой для доставки своей цифровой стратегии, где главной целью является улучшение сотрудничества между конечными пользователями и производителями для совершения сделок друг с другом [1].

OZON и Wildberries – это российские маркетплейсы, которые существуют уже более 20 лет. На белорусском рынке Wildberries работает с 2012 года, а OZON – с 2018-го. Оба насчитывают около тысячи пунктов выдачи товаров по всей стране [5].

На цифровой платформе Wildberries, в разделе “информация для клиентов” содержится перечень информации, таких как: “правила пользования торговой площадкой” и “правила продажи”.

При рассмотрении “правил пользования торговой площадкой”, потребителя перенаправит на ofertу торговой площадки Wildberries, она является основным документом торговой площадки.

Для ознакомления с правилами OZON белорусскому потребителю следует выбрать раздел: “условия продажи товаров для физических лиц на ozon.by”.

Стоит отметить, что на данной цифровой платформе есть четкое разграничение по странам потребителей: Ozon Россия и Ozon Беларусь, правоотношения которых регулируются в соответствии с российским или белорусским законодательством соответственно.

На основе перечисленных документов маркетплейсов был проведен сравнительный анализ, по следующим критериям: способ регистрации, установление цен на товары, правоотношения между субъектами данных площадок, способы оплаты, право собственности, возврат товара.

Следует также отметить общие черты цифровых платформ.

Во-первых, наличие двух и более кабинетов, зарегистрированных на один телефонный номер недопустим.

Во-вторых, Wildberries и OZON не берут ответственность за достоверность сведений, указанных в карточке товара продавца.

В-третьих, цифровые платформы не несут ответственности за ущерб, причиненный клиенту вследствие ненадлежащего использования товаров, заказанных на сайтах.

Следует рассмотреть категории сравнительного анализа по-отдельности.

Способ регистрации у Wildberries и OZON одинаковый: регистрация осуществляется по номеру телефона, однако в случае входа в уже существующий аккаунт OZON предлагает несколько видов входа, помимо телефонного номера: по электронной почте, через госуслуги (для резидентов Российской Федерации), через VK ID, вход с Apple.

Устанавливать цены на товары на данных маркетплейсах имеет право продавец товара по своему усмотрению, и данная цена устанавливается в карточке товара (в данную цену включается и налог на добавленную стоимость).

Правоотношения осуществляются непосредственно между продавцом и покупателем (потребителем), на основе договора купли-продажи, Wildberries также заключает договор оказания услуг доставки товаров, который заключается при заказе любого товара.

Способы оплаты несколько разнятся. Wildberries предлагает: предварительную оплату (использование баланса) и оплату при получении (оплата с использованием банковской карты, оплата с использованием электронного сертификата).

На цифровой платформе OZON имеется более расширенный выбор оплаты (для Ozon Беларусь): банковская карта, баланс средств, наличными или через приложение “Оплати”, постоплатой в пункте выдачи заказов.

Срок на оплату – 40 минут с момента оформления заказа при оплате банковской картой и 3 часа при иных способах оплаты, после чего продавец не гарантирует наличие товара [4].

Право собственности на заказанные товары переходит к потребителю с момента фактической передачи ему товара. Риск случайной гибели или повреждения товара переходит к потребителю с момента фактической передачи ему товара.

Возврат товара на маркетплейсе OZON осуществляется таким образом: если заказ ещё не поступил в сборку, вы можете отменить его или отказаться от товара при получении в пункте выдачи OZON, но вернуть заказ можно только если он подлежит возврату и находится в статусе получен [4].

Осуществляется возврата следующим образом, для начала, следует создать заявку в личном кабинете и выбрать причину возврата, добавить фото дефекта, подробно описать проблему.

Заявку рассмотрят в течение 24 часов и если она будет одобрена, то нужно отнести товар в течение 4 дней со дня одобрения заявки иначе данная заявка будет считаться просроченной.

Деньги вернутся после того, как Ozon или продавец получают товар.

Если у товара есть дефект, который не мешает им пользоваться, вы можете не возвращать товар и получить частичную компенсацию.

На маркетплейсе Wildberries имеется возможность отказаться от товара до истечения 60 минут с момента оформления заказа, также потребитель вправе отказаться от товара в пункте выдачи заказов, если товар не покинул пределы пункта выдачи заказов, или при доставке «до двери» в течение 20 минут после прибытия сотрудника службы доставки с товаром [2].

После получения заказа потребитель имеет право вернуть недовольственный товар надлежащего качества в течение 14 дней.

Денежные средства, уплаченные за товар надлежащего качества, возвращаются потребителю незамедлительно, в случае невозможности такого возврата, денежные средства возвращаются в течение 7 дней с даты возврата товара потребителем. Расчеты с потребителем при возврате уплаченной за товар денежной суммы осуществляются в той же форме, в которой производилась оплата товара.

На цифровых платформах Wildberries и OZON имеется возможность оставить отзыв после покупки товара.

В заключении стоит отметить, что более урегулированные вопросы взаимодействия потребителя и продавца, условия возврата товара, имеет OZON.

С позиции защиты прав и законных интересов потребителей целесообразно рассмотреть маркетплейс OZON в качестве одной из наиболее надежных цифровых платформ для осуществления заказов.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Что такое цифровые платформы и как они регулируются?» – Яндекс Кью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: «Что такое цифровые платформы и как они регулируются ? » – Яндекс Кью. – Дата доступа: 07.10.2025.
2. Оферта торговой площадки Вайлдберриз [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Оферта торговой площадки Вайлдберриз. – Дата доступа: 07.10.2025.
3. Условия проведения платежей при оплате товаров Клиентами из Республики Беларусь | Справка Ozon [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Условия проведения платежей при оплате товаров Клиентами из Республики Беларусь | Справка Ozon – Дата доступа: 07.10.2025.
4. Условия продажи товаров для физических лиц на ozon.by | Справка Ozon [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Условия продажи товаров для физических лиц на ozon.by | Справка Ozon – Дата доступа: 07.10.2025.
5. Ozon, Wildberries, Emall. Где белорусам выгоднее торговать [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Ozon, Wildberries, Emall. Где белорусам выгоднее торговать – Дата доступа: 07.10.2025.

УДК 349.6

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБОРОТА ГЕННО-ИНЖЕНЕРНЫХ ОРГАНИЗМОВ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

А. С. БАРАНОВСКАЯ
(Представлено: Т. В. СЕМЁНОВА)

В данной статье рассматриваются основные аспекты правового регулирования оборота генно-инженерных организмов в Республике Беларусь, рассматривается взаимодействие между научными достижениями и необходимыми мерами по обеспечению биобезопасности. Анализируются ключевые аспекты функционирования национальной системы биобезопасности, включая правовые основы и организационную структуру контроля над созданием и применением генно-инженерных организмов.

В современном мире биотехнологии стремительно развиваются, а генная инженерия занимает особое место среди инновационных направлений, способных кардинально трансформировать сельское хозяйство, медицину и даже экологию. Республика Беларусь, активно интегрирующаяся в мировое сообщество и стремящаяся к технологическому прогрессу, не остается в стороне от этих процессов [1, с. 149]. Генно-инженерные организмы (далее – ГИО) становятся ключевым элементом национальной стратегии развития сельского хозяйства и пищевой промышленности, однако их применение сопряжено с рядом этических, экономических и экологических вызовов.

Генно-инженерный организм (генетически измененный (модифицированный, трансгенный) организм) – живой организм, содержащий новую комбинацию генетического материала, полученного с помощью генетической инженерии.

В Республике Беларусь действует национальная система биобезопасности, которая обеспечивает контроль генно-инженерной деятельности, в том числе оборот ГИО на рынке страны. Контроль осуществляется тремя министерствами: Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды, Министерством здравоохранения, Министерством сельского хозяйства и продовольствия. С 1998 г. в Беларуси действует Национальный координационный центр биобезопасности (далее – НКЦБ) Института генетики и цитологии Национальной академии наук Беларуси, который осуществляет сбор, анализ и систематизацию информации о полевых испытаниях, импорту/экспорту, коммерческом использовании ГИО, а также полученных из них продуктов на территории Беларуси.

В настоящее время в Республике Беларусь Министерством сельского хозяйства и продовольствия зарегистрировано для использования в хозяйственной деятельности 3 штамма генно-инженерных микроорганизмов для производства аминокислот и 1 ГИО животного происхождения (трансгенные козы) для производства лекарственных веществ и биологически активных добавок. Генно-инженерные микроорганизмы находятся в замкнутых системах, исключающих их контакт с окружающей средой, а трансгенные козы – в контролируемой среде Биотехнологического научно-экспериментального производства по трансгенезу животных РУП «Научно-практический центр НАН Беларуси по животноводству» [2].

Правовые основы оборота ГИО в Республике Беларусь регулируются рядом законодательных актов, направленных на обеспечение безопасности и контроль за использованием таких организмов. Основным документом является Закон Республики Беларусь от 9 января 2006 года № 96-З «О безопасности генно-инженерной деятельности». Этот закон устанавливает меры по предотвращению вредных воздействий ГИО на здоровье человека и окружающую среду. Также к нормативным правовым актам, регулирующим данную сферу, можно отнести Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 102-З «О селекции и семеноводстве сельскохозяйственных растений», Закон № 217-З «О качестве и безопасности продовольственного сырья и пищевых продуктов для жизни и здоровья человека», Постановлении Совета Министров РБ от 28 апреля 2005 г. № 434 «О некоторых вопросах информирования потребителей о продовольственном сырье и пищевых продуктах» [3, с. 16].

Кроме того, законодательство охватывает вопросы регистрации, сертификации и контроля за оборотом ГИО, а также их использование в научных исследованиях, медицине и сельском хозяйстве. Важным аспектом является соблюдение международных стандартов и участие Беларуси в международных соглашениях, таких как Картахенский протокол о биобезопасности [4].

Осуществление генно-инженерной деятельности может осуществляться только индивидуальными предпринимателями и государственными юридическими лицами в зависимости от уровня риска. При осуществлении генно-инженерной деятельности устанавливаются следующие уровни риска:

- первый уровень риска – работа с непатогенными генно-инженерными организмами;
- второй уровень риска – работа с условно патогенными генно-инженерными организмами;

- третий уровень риска – работа с патогенными генно-инженерными организмами, способными вызывать опасные инфекционные заболевания и распространять инфекцию, для которых имеются эффективные меры профилактики и лечения;

- четвертый уровень риска – работа с патогенными генно-инженерными организмами, которые являются возбудителями особо опасных инфекционных заболеваний, обладающих способностью быстро распространяться, и для которых неизвестны эффективные меры профилактики и лечения.

Индивидуальные предприниматели имеют право осуществлять генно-инженерную деятельность только первого уровня риска. Генно-инженерная деятельность второго, третьего и четвертого уровней риска осуществляется исключительно государственными юридическими лицами.

Любой ГИО, предназначенный для выпуска в окружающую среду или использования в закрытых системах, подлежит обязательной государственной регистрации. Государственная регистрация генно-инженерных животных, сортов генно-инженерных растений и штаммов непатогенных генно-инженерных микроорганизмов, предназначенных для высвобождения в окружающую среду, осуществляется с учетом рекомендаций экспертного совета о допустимости использования непатогенных генно-инженерных организмов в хозяйственных целях после проведения испытаний с соблюдением требований безопасности, предусмотренных статьей 15 Закона «О безопасности генно-инженерной деятельности», путем внесения сведений, относящихся к государственной регистрации генно-инженерных животных, сортов генно-инженерных растений и штаммов непатогенных генно-инженерных микроорганизмов, в Государственный реестр генно-инженерных животных, сортов генно-инженерных растений и штаммов непатогенных генно-инженерных микроорганизмов [5].

Государственная регистрация штаммов непатогенных генно-инженерных микроорганизмов, не предназначенных для высвобождения в окружающую среду, осуществляется с учетом рекомендаций экспертного совета о допустимости использования непатогенных генно-инженерных организмов в хозяйственных целях путем внесения сведений, относящихся к государственной регистрации штаммов непатогенных генно-инженерных микроорганизмов, в Государственный реестр генно-инженерных животных, сортов генно-инженерных растений и штаммов непатогенных генно-инженерных микроорганизмов. Подтверждением государственной регистрации генно-инженерных животных, сортов генно-инженерных растений и штаммов непатогенных генно-инженерных микроорганизмов является свидетельство об их государственной регистрации.

Ввоз в Республику Беларусь, транзит через ее территорию генно-инженерных организмов допускаются при условии, что страна-экспортер (страна, осуществляющая транзит) является участницей Картахенского протокола по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии [5].

Ввоз в Республику Беларусь непатогенных генно-инженерных организмов допускается:

- для научных исследований без высвобождения непатогенных генно-инженерных организмов в окружающую среду для проведения испытаний – после уведомления Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды собственником непатогенных генно-инженерных организмов или лицом, осуществляющим их ввоз в Республику Беларусь, в порядке, установленном этим Министерством;

- для проведения испытаний с высвобождением непатогенных генно-инженерных организмов в окружающую среду – после получения разрешения на высвобождение непатогенных генно-инженерных организмов в окружающую среду, выдача которого предусмотрена частью второй статьи 15 Закона «О безопасности генно-инженерной деятельности»;

- для использования в хозяйственных целях – при наличии сведений, относящихся к государственной регистрации генно-инженерных организмов, в Государственном реестре генно-инженерных животных, сортов генно-инженерных растений и штаммов непатогенных генно-инженерных микроорганизмов в соответствии со статьей 16-1 Закона «О безопасности генно-инженерной деятельности» [5].

Транзит через территорию Республики Беларусь непатогенных генно-инженерных организмов допускается после уведомления Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды собственником непатогенных генно-инженерных организмов или лицом, осуществляющим их транзит через территорию Республики Беларусь, в порядке, установленном этим Министерством.

Вывоз из Республики Беларусь непатогенных генно-инженерных организмов допускается после уведомления специально уполномоченного органа (организации) страны назначения и получения согласия на ввоз. Ввоз в Республику Беларусь условно патогенных и патогенных генно-инженерных организмов осуществляется исключительно для научных исследований и может осуществляться исключительно государственными юридическими лицами.

Ввоз в Республику Беларусь, вывоз из Республики Беларусь, транзит через ее территорию условно патогенных и патогенных генно-инженерных организмов осуществляются при наличии заключения (разрешительного документа) на ввоз в Республику Беларусь, вывоз из Республики Беларусь, транзит через ее территорию условно патогенных и патогенных генно-инженерных организмов, выдаваемого Министерством здравоохранения в соответствии с международными правовыми актами, составляющими право Евразийского экономического союза, и в порядке, установленном Советом Министров Республики Беларусь [6].

В случае ввоза в Республику Беларусь, транзита через ее территорию генно-инженерных организмов в нарушение требований законодательства эти генно-инженерные организмы подлежат немедленному обратному вывозу из Республики Беларусь собственником генно-инженерных организмов или лицом, осуществившим их ввоз в Республику Беларусь.

Анализ правового регулирования ввоза, вывоза и транзита генно-инженерных организмов в Республике Беларусь свидетельствует о формировании комплексной и многоуровневой системы контроля за перемещением данных объектов через государственную границу. Законодательство четко дифференцирует требования в зависимости от типа ГИО и цели их перемещения [7, с. 57].

Таким образом, законодательство обеспечивает строгий контроль на границе, базирующийся на принципах предосторожности и дифференцированного подхода к различным категориям ГИО и видам деятельности с ними. Нарушение установленных требований влечет за собой незамедлительное применение мер по обратному вывозу ГИО, что является важным элементом обеспечения национальной биобезопасности и защиты окружающей среды. Данные нормы формируют ключевую часть правового механизма регулирования оборота ГИО в стране.

В Республике Беларусь законодательством предусмотрена двухступенчатая система ответственности за нарушения, связанные с оборотом генно-инженерных организмов: административная и уголовная.

Административная ответственность регулируется статьей 16.4 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-З [8]. Состоит в нарушении правил безопасности при обращении с ГИО (включая их производство, хранение, использование, транспортировку, захоронение и иное обращение). Санкцией является штраф, размер которого дифференцирован в зависимости от субъекта правонарушения. Уголовная ответственность регулируется статьей 278 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З [9]. Предусматривает более строгие меры по сравнению с административной ответственностью, включающие альтернативную санкцию: или исправительные работы, или ограничение свободы, или лишение свободы. Может дополнительно применяться лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Анализ законодательства Республики Беларусь в части ответственности за нарушения в сфере оборота ГИО демонстрирует наличие четко структурированной правовой базы. Предусмотрена как административная ответственность за сам факт нарушения правил безопасности при обращении с ГИО, выражающаяся в штрафных санкциях различного размера в зависимости от субъекта, так и уголовная ответственность, наступающая при наступлении более серьезных последствий – причинении крупного ущерба, заболеваний людей или их смерти, а также при совершении деяния на экологически неблагополучной территории. Тяжесть уголовного наказания дифференцируется в зависимости от масштаба и характера наступивших последствий. Данная система ответственности призвана обеспечить высокий уровень безопасности при работе с ГИО, предотвращая потенциальные риски для окружающей среды и здоровья населения и подчеркивая серьезность законодательного подхода к регулированию этой чувствительной сферы.

Исследование правового регулирования оборота генно-инженерных организмов в Республике Беларусь выявило, что существующее законодательство, в частности Закон «О безопасности генно-инженерной деятельности», устанавливает необходимые меры для обеспечения безопасности и контроля за использованием ГИО. Однако, несмотря на наличие правовых основ, существуют пробелы и недостатки, требующие внимания для совершенствования регулирования в данной сфере. Генно-инженерные организмы, включая растения, животных и микроорганизмы, находят применение в различных областях, таких как наука, медицина и сельское хозяйство. В Беларуси зарегистрированы лишь несколько штаммов и трансгенных организмов, что ограничивает потенциал их использования.

Предложения по улучшению правового регулирования включают более детальную проработку вопросов регистрации и сертификации ГИО, а также усиление контроля за их безопасным использованием. Кроме того, важно учитывать международные стандарты и практики, чтобы Беларусь могла эффективно интегрироваться в глобальную систему обращения с ГИО и использовать их потенциал для развития науки и экономики. Таким образом, для достижения баланса между инновациями и безопасностью в области генной инженерии необходимо продолжать анализировать и адаптировать законодательство, а также активно участвовать в международных инициативах в этой области.

ЛИТЕРАТУРА

1. О некоторых правовых аспектах обеспечения безопасности генно-инженерной деятельности / И. С. Мадрик // Материалы V Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, 24 мая 2012 г., г. Гомель / М-во образования Респ. Беларусь, Гомел. гос. техн. ун-т им. П. О. Сухого ; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель, 2012. – С. 149–151.
2. Использование ГИО // Национальный координационный центр биобезопасности. – URL: <https://biosafety.igc.by/ispolzovanie-gio/> (дата обращения: 25.09.2025).

3. Правовое регулирование генно-инженерной деятельности в Республике Беларусь / А. Лышко, Е. Сенкевич // Тез. докл. межвуз. науч. конф. студентов и аспирантов, 15 апр. 2010 г., г. Минск / редкол.: Э. И. Зборовский [и др.]. – Минск, 2010. – С. 16–17.
4. О присоединении Республики Беларусь к Картахенскому протоколу по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии : Закон Респ. Беларусь от 6 мая 2002 г. № 97-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 01.10.2025).
5. О безопасности генно-инженерной деятельности : Закон Респ. Беларусь от 9 янв. 2006 г. № 96-З : в ред. от 4 янв. 2022 г. № 145-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 05.10.2025).
6. О некоторых вопросах порядка перемещения отдельных видов товаров через государственную границу Республики Беларусь : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 23 сент. 2008 г. № 1397 : в ред. от 25 июля 2024 г. № 534 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 01.10.2025).
7. Новикова, Р. Г. Правовое регулирование в области оборота генно-модифицированных организмов (ГМО) в России и зарубежных государствах / Р. Г. Новикова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2021. – Т. 25, № 1. – С. 32–66.
8. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : 21 апр. 2003 г. № 194-З : принят Палатой представителей 27 марта 2003 г. : одобр. Советом Респ. 3 апр. 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 12 июля 2025 г. № 91-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 05.10.2025).
9. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 05.10.2025).

УДК 347.123

**ОХРАНА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ
ПРИ КРИОКОНСЕРВАЦИИ БИОМАТЕРИАЛА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ****А. С. БАРАНОВСКАЯ**
(Представлено: Т. В. СЕМЁНОВА)

В данной статье рассматриваются ключевые аспекты правового регулирования охраны персональных данных в контексте криоконсервации биоматериала в Республике Беларусь. Анализируются базовые понятия «персональные данные», «обработка персональных данных», «криоконсервация» и «биоматериал». Особое внимание уделено мерам, направленным на обеспечение конфиденциальности и безопасности персональных данных при проведении процедур криоконсервации. Также рассматриваются основания и формы юридической ответственности за нарушение законодательства о защите персональных данных.

Изучение и использование половых клеток человека позволяет человечеству приблизиться к решению целого ряда фундаментальных проблем предупреждения генетических заболеваний, лечения бесплодия и др. В частности, в современной медицине половые клетки человека используются в рамках применения вспомогательных репродуктивных технологий, позволяя изменить прогноз для тех, кто не имеет возможности иметь детей по биологическим причинам. Успехи медицинской науки и практики привели к появлению новых общественных отношений, возникающих по поводу использования, изучения, хранения и транспортировки половых клеток [1, с. 126]. Развитие репродуктивной медицины, а именно, экстракорпорального оплодотворения, поставило перед наукой задачу сохранения и консервации биологической пригодности женских и мужских половых клеток. Современная репродуктология использует все новейшие разработки, чтобы дать возможность людям, ранее считавшимся бесплодными, выносить и родить собственного ребенка.

Согласно п. 8 ч. 1 ст. 1 Закона «О защите персональных данных», персональные данные (далее – ПД) – любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано. Специальные персональные данные – персональные данные, касающиеся расовой либо национальной принадлежности, политических взглядов, членства в профессиональных союзах, религиозных или других убеждений, здоровья или половой жизни, привлечения к административной или уголовной ответственности, а также биометрические и генетические персональные данные [2]. Персональные данные при криоконсервации биоматериала относятся к генетическим ПД. Генетические персональные данные определяются как информация, относящаяся к наследуемым либо приобретенным генетическим характеристикам человека, которая содержит уникальные данные о его физиологии либо здоровье и может быть выявлена, в частности, при исследовании его биологического образца [3]. Категория персональных данных тесно связана с информацией о частной жизни и не может быть раскрыта полностью без анализа их соотношения.

В юридической литературе высказываются различные мнения относительно соотношения категорий «информация о частной жизни» и «персональные данные». Представляется, что наиболее обоснована позиция тех авторов, которые полагают, что данные категории частично пересекаются, а частично являются самостоятельными. Так, по мнению Савельева А.И., анализ положений законодательства о персональных данных позволяет сделать вывод, что регулируемые им отношения, с одной стороны, не в полной мере охватывают ситуации, которые подпадают под действие права на неприкосновенность частной жизни, а с другой – явно выходят за его рамки. Тем самым право на защиту персональных данных приобрело во многом самостоятельное значение [4, с. 62].

Обработка персональных данных представляет собой любое действие или совокупность действий, совершаемых с персональными данными, независимо от способа их осуществления. К числу таких действий относятся сбор, систематизация, хранение, изменение, использование, обезличивание, блокирование, распространение, предоставление и удаление информации. Следует подчеркнуть, что перечень видов обработки, приведённый в Законе «О защите персональных данных», не является исчерпывающим. Законодатель использует формулировку «включая», что указывает на ориентировочный характер классификации и допускает расширительное толкование. Это обстоятельство имеет принципиальное значение, поскольку в нормативных актах применяются различные термины, описывающие действия с информацией, такие как поиск, получение, запись, извлечение, накопление, пользование, доступ и другие. Все они, по сути, представляют собой формы обработки персональных данных. Даже простое хранение информации на жёстком диске персонального компьютера квалифицируется как обработка. Цель обработки персональных данных должна соответствовать трём ключевым критериям: законности, конкретности и предварительного декларирования.

В данном случае, особое внимание следует уделить обработке генетических персональных данных, которые относятся к категории специальных. Их обработка допускается исключительно при наличии согласия субъекта или на основании положений ст. 8 Закона «О защите персональных данных». Генетические данные обладают уникальной спецификой, поскольку позволяют получить информацию не только о самом субъекте, но и о его родственниках, например, в части наследственных заболеваний. Таким образом, предоставляя согласие на обработку генетических данных, лицо фактически разрешает обработку информации, затрагивающей его родственные связи. В этой связи особенно актуальна норма п. 3 ст. 8 указанного закона, согласно которой обработка специальных персональных данных допускается лишь при условии принятия комплекса мер, направленных на предупреждение рисков, способных повлиять на права и свободы субъектов персональных данных. Это положение приобретает особую значимость в контексте обработки генетической информации, учитывая её потенциальное влияние на широкий круг лиц. Примером обработки генетических персональных данных могут быть положения Закона «О здравоохранении», в соответствии с которыми гражданам Республики Беларусь гарантируется медико-генетическая диагностика по медицинским показаниям в государственных учреждениях здравоохранения в целях медицинской профилактики возможных наследственных заболеваний у потомства [5].

Далее рассмотрим понятие криогенная консервация. Криогенная консервация (далее – криоконсервация) – процесс низкотемпературного сохранения живых биологических объектов с возможностью восстановления их биологических функций после размораживания. Все биологические процессы в клетках останавливаются, жизненный цикл замедляется, и это дает возможность длительного хранения материала до того момента, когда он будет востребован. Существуют и другие способы сохранения биоматериалов (мумификация, бальзамирование, обработка кислотами, альдегидами, спиртами и проч.) Что касается действий по хранению, то используется специальное оборудование, позволяющее сохранять жизнеспособность и биологическую активность биоматериала [6]. Биоматериал – материал, который может использоваться для замещения или восстановления тканей в организме живого организма. Эти материалы обладают специальными свойствами, которые способствуют интеграции с тканями организма и способствуют их регенерации. В медицине криоконсервация чаще всего используется в процедурах экстракорпорального оплодотворения (далее – ЭКО) для сохранения избыточных эмбрионов для последующей имплантации. Кроме того, этот метод используется по многим показаниям для сохранения фертильных сперматозоидов и ооцитов.

Основная цель криоконсервации в репродуктивной медицине – повысить шансы на зачатие у женщин, которые по каким-либо причинам не могут зачать ребенка обычными способами. Современная репродуктивная медицина предлагает использовать криоконсервацию не только по медицинским [7], но и по социальным причинам: многие современные женщины до 40 лет не готовы иметь детей и предпочитают сначала обеспечить материальную базу для своих будущих детей. При этом они забывают, что репродуктивная способность женщины снижается после 30 лет. Криоконсервация фертильных яйцеклеток в детородном возрасте (18–28 лет) позволяет им иметь собственных детей с минимальным риском выкидыша.

Процесс криоконсервации биоматериала включает в себя несколько этапов, которые могут быть уязвимыми с точки зрения конфиденциальности персональных данных:

1. Сбор и передача биоматериала: на этом этапе необходимо обеспечить защиту персональных данных пациента, чьи биоматериалы будут использованы для криоконсервации. Важно соблюдать законодательство о защите персональных данных и обеспечить безопасную передачу информации между медицинскими учреждениями и лабораториями.

2. Обработка и хранение биоматериала: на этом этапе необходимо обеспечить безопасность и конфиденциальность хранения биоматериала. Доступ к лабораторным образцам должен быть ограничен только авторизованным лицам, чтобы предотвратить утечку персональных данных.

3. Транспортировка биоматериала: при перевозке биоматериала между медицинскими учреждениями и лабораториями необходимо обеспечить безопасность и конфиденциальность персональных данных пациента. Рекомендуется использовать специализированные транспортные средства и следить за правильным хранением образцов.

4. Обработка и анализ биоматериала: при проведении лабораторных исследований с биоматериалом необходимо соблюдать принципы конфиденциальности и защиты персональных данных клиента. Все данные должны храниться в зашифрованном виде и доступ к ним должен быть ограничен только авторизованным лицам. Для обеспечения конфиденциальности персональных данных при процессе криоконсервации биоматериала необходимо соблюдать все меры безопасности на каждом этапе процесса и следить за соблюдением законодательства о защите персональных данных.

Для обеспечения охраны персональных данных при криоконсервации биоматериала применяются следующие меры:

- установление правил доступа к персональным данным и контроль за их соблюдением;
- шифрование информации при передаче и хранении данных;

- обучение сотрудников, имеющих доступ к персональным данным, правилам обработки и защиты информации;
- регулярное обновление систем безопасности для предотвращения утечек данных.

Отсутствует специальное законодательство регулирующее сферу отношений в области криоконсервации. Однако общие принципы защиты персональных данных применимы к этой сфере правоотношений. В соответствии с п. 1 ст. 19 Закона «О защите персональных данных» лица, виновные в нарушении данного Закона, несут ответственность, предусмотренную законодательными актами. Так, за нарушение законодательства о персональных данных в Республике Беларусь предусмотрена дисциплинарная, административная, уголовная и гражданско-правовая ответственность [2].

В соответствии с Трудовым кодексом дисциплинарная ответственность наступает за противоправное, виновное неисполнение или ненадлежащее исполнение работником своих трудовых обязанностей (совершение дисциплинарного проступка) [8].

Привлечение к дисциплинарной ответственности за нарушение законодательства о персональных данных возможно только категории сотрудников, ответственных за обработку персональных данных, в связи с нарушением ими порядка обработки персональных данных.

Важно отметить, что, несмотря на предусмотренную Законом «О защите персональных данных» в качестве обязательной меры по назначению ответственного за осуществление внутреннего контроля, ни оператор, ни уполномоченное лицо, ни работники организации, непосредственно осуществляющие обработку персональных данных, не освобождаются от ответственности за допущенные ими нарушения.

Согласно ст. 23.7 Кодекса об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность за нарушение законодательства о защите персональных данных. Составы административных правонарушений, объединенные в данной статье, являются формальными [9]. Законодатель признает административно наказуемым сам факт совершения противоправного виновного деяния независимо от наступления последствий. Важно также учитывать, что данная статья является общей и подлежит применению к нарушению порядка обработки персональных данных независимо от того, распространяется ли на данные отношения действие Закона или нет.

На сегодняшний день в Уголовном кодексе существуют несколько статей, касающиеся защиты персональных данных и информации о частной жизни. Так, в Уголовном кодексе устанавливается ответственность за незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных, ответственность за несоблюдение мер обеспечения защиты персональных данных, а также разглашение врачебной тайны [10].

Как самостоятельная правовая форма гражданско-правовой ответственности за нарушение законодательства о персональных данных может быть использован гражданско-правовой институт обязательств вследствие причинения вреда, предусмотренный гл. 58 Гражданского кодекса [11]. Этот институт пригоден для принуждения виновных лиц к полному или частичному возмещению имущественного вреда, нанесенного гражданину в результате неприятия мер, предусмотренных Законом «О защите персональных данных», а также нарушения его прав незаконными действиями оператора или уполномоченного лица.

Таким образом, охрана персональных данных при криоконсервации биоматериала играет ключевую роль в обеспечении конфиденциальности и безопасности информации о пациентах. Для этого необходимо соблюдать все требования законодательства о защите персональных данных, использовать современные методы шифрования и аутентификации, а также обеспечивать доступ к информации только авторизованным лицам. Важно также обучать персонал правилам безопасности и контролировать их соблюдение. Только при соблюдении всех этих мер можно гарантировать сохранность и надежность персональных данных пациентов при криоконсервации биоматериала.

Было установлено, что, несмотря на отсутствие специального законодательства, регулирующего данную сферу, общие принципы защиты персональных данных, закрепленные в национальном законодательстве, применимы и к криоконсервации. Однако, специфика биоматериала как объекта персональных данных, длительность хранения, разнообразие целей обработки, создают уникальные вызовы для обеспечения конфиденциальности и безопасности информации.

Для совершенствования правового регулирования и практики охраны персональных данных при криоконсервации биоматериала автор считает целесообразным:

- разработать специальное законодательство, учитывающее специфику данной сферы;
- уточнить требования к получению согласия на обработку персональных данных при криоконсервации;
- внедрить дополнительные меры безопасности, включая современные технологии защиты информации;
- повысить осведомленность граждан об их правах в сфере защиты персональных данных.

Названные меры позволят обеспечить баланс между развитием биотехнологий, использованием криоконсервации в медицине и науке, и защитой конституционных прав граждан на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных.

Подводя итог, следует отметить, что такие вспомогательные репродуктивные технологии, как ЭКО и искусственная инсеминация, прочно вошли в правовые отношения. При этом основной тенденцией, проявляющейся и в регулировании вспомогательных репродуктивных технологий, и в практике применения этого регулирования, выступает доминирование частноправового элемента. Отсюда следует гражданско-правовой характер любых сделок с биоматериалами, в том числе сделок, заключаемых в рамках применения вспомогательных репродуктивных технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Репродуктивные клетки человека как объекты гражданского оборота в России и зарубежных странах / Ю.С. Печенега // Медицинское право : сб. ст. / Вестн. ун-та им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – № 8. – 2021. – С. 125–135.
2. О защите персональных данных : Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З : в ред. от 1 июня 2022 г. № 175-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 04.10.2025).
3. Гаев, А. А. Постатейный комментарий к Закону Республики Беларусь «О защите персональных данных» : актуально на 2024 г. / А. А. Гаев // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 04.10.2025).
4. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» (Big Data) / А. И. Савельев // Журнал Высшей школы экономики. Серия: Право : сб. ст. / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – 2015. – № 1. – С. 43–66.
5. О здравоохранении : Закон Респ. Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХП : в ред. от 8 июля 2024 г. № 26-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 05.10.2025).
6. О вспомогательных репродуктивных технологиях : Закон Респ. Беларусь от 7 янв. 2012 г. № 341-З : в ред. от 28 дек. 2023 г. № 324-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 05.10.2025).
7. О вопросах применения вспомогательных репродуктивных технологий : постановление Минздрава Респ. Беларусь от 24 дек. 2019 г. № 124 : в ред. от 8 февр. 2016 г. № 14-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 05.10.2025).
8. Трудовой кодекс Республики Беларусь : 26 июля 1999 г. № 296-З : принят Палатой представителей 25 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 5 дек. 2024 г. № 46-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 06.10.2025).
9. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : 21 апр. 2003 г. № 194-З : принят Палатой представителей 27 марта 2003 г. : одобр. Советом Респ. 3 апр. 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 12 июля 2025 г. № 91-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 06.10.2025).
10. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 06.10.2025).
11. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 19 нояб. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 26 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 63-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 06.10.2025).

УДК 347.9

**КОДЕКС ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ОСНОВА УНИФИКАЦИИ
ГРАЖДАНСКОГО И ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА****Д. Д. БАСИК****(Представлено: канд. юрид. наук Е. Н. КУДРЯШОВА)**

В данной статье исследуются особенности унификации гражданского и хозяйственного процессуального законодательства Республики Беларусь. Проведен сравнительный анализ норм Гражданского процессуального и Хозяйственного процессуального кодексов Республики Беларусь, интегрированных в Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь.

После распада СССР в Республике Беларусь сохранялась раздвоенность судебной системы. Это проявлялось в существовании судов общей юрисдикции и хозяйственных судов, а также в наличии дуализма в процессуальном законодательстве дуализма – действие гражданского и хозяйственного процессуальных кодексов. Компетенция между судами разделялась в соответствии с установленной подведомственностью. Систему общих судов возглавлял Верховный суд Республики Беларусь, систему хозяйственных судов – Высший Хозяйственный суд Республики Беларусь. Данная традиция закрепления двойственных норм, принципов и порядков организации судебной системы и судопроизводства по гражданским и экономическим делам сохранялась свыше 20 лет [1, с. 495].

Дальнейшее реформирование судебной системы Республики Беларусь произошло в 2014 г. В соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. № 6 «О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь», с 1 января 2014 г. были объединены суды общей юрисдикции и хозяйственные суды, и хозяйственные суды стали именоваться экономическими. Упразднен Высший Хозяйственный Суд Республики Беларусь, создана судебная коллегия по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь [2, с. 42].

Надо сказать, что несмотря на имеющиеся различия в гражданских и экономических делах объединяет их то, что они имеют цивилистическую природу, так как эти дела возникают из отношений, регулируемых практически одними и теми же актами материального законодательства, а прежде всего Гражданским кодексом Республики Беларусь. Сходство в данных делах проявляется в наличии в гражданском и экономическом процессах идентичных видов производств. Примерами являются исковое производство, приказное производство и другие. Из этого следует, что аналогичные дела представляется возможным рассматривать и разрешать по одинаковым процессуальным правилам [3, с. 43].

После существенных преобразований 2014 года в судебной системе появился вопрос о целесообразности или возможной необходимости принятия единого процессуального кодекса для разбирательства гражданских и экономических дел. И в 2024 году такой кодекс был принят. Среди преимуществ этого преобразования можно назвать следующие обстоятельства:

- потребность усиления единства вновь образованной судебной системы;
- необходимость обеспечения равенства всех перед судом. Ввиду того, что субъекты предпринимательской деятельности (как участники экономических дел) и обычные граждане (как участники гражданских дел) перед судами общей юрисдикции не равны;
- существенность различий относительно структуры кодексов, используемой терминологии, форм пересмотра судебных постановлений и другое;
- единство в области материально-правового регулирования гражданских дел. Гражданский кодекс Республики Беларусь регламентирует отношения как предпринимательского, так и непредпринимательского характера. Следовательно, таким же образом необходимо единство и в области процессуального правового регулирования;
- создание единого процессуального кодекса представляет собой наиболее эффективный способ унификации гражданского процессуального и хозяйственного процессуального права;
- это позволит избежать противоречий в развитии процессуального законодательства, поскольку изменения, вносимые последнее время в Гражданский процессуальный кодекс (далее – ГПК) и Хозяйственный процессуальный кодекс (далее – ХПК), очень часто не синхронизированы между собой и еще больше отдалают указанные кодексы друг от друга;
- это будет способствовать устранению препятствий к передаче дел, принятых с нарушением правил подсудности, между судами экономической и неэкономической юрисдикции [4, с. 146].

Наряду с этим имелись аргументы против единого процессуального кодекса для разбирательства гражданских и экономических дел. Встречаются позиции, в соответствии с которыми хозяйственное процессуальное право не обладает чертами, позволяющими относить его к самостоятельной отрасли права. В свою очередь, ранее высказывались опасения, что принятие единого процессуального кодекса, который будет включать как общие разделы и главы, так и специальные, отражающие специфику экономических и гражданских дел, может быть воспринято правотворческими органами как упрощенный порядок, с необходимостью оставления в силе какого-то одного из ныне действующих процессуальных кодексов [4, с. 148].

Наиболее проблемным аспектом в разработке единого Кодекса гражданского судопроизводства, о котором высказался О. Н. Здрок, являлась унификация принципов судопроизводства по гражданским и экономическим делам. Трудность, по мнению автора, в том, что действующие ГПК и ХПК отражают две принципиально разные модели судопроизводства: ХПК закрепляет принципы либерального процесса с максимальным проявлением диспозитивности и состязательности, ГПК – модель социального процесса, в которой диспозитивность и состязательность дополнены принципом государственного и общественного содействия в защите нарушенного права [5, с. 147].

Заместитель Председателя Верховного Суда Республики Беларусь А.А. Забара в докладе «О едином гражданском процессуальном кодексе» предлагал взять за основу структуру действующего ГПК, но учесть новеллы ХПК, и при обосновании структуры кодекса обеспечить единство процессуальных и судостроительных начал [6, с. 457]. Рассмотрим, как некоторые положения из ХПК и ГПК, которые рассматривались в доктрине как проблемные, интегрированы в Кодекс гражданского судопроизводства:

1. В статье 242 ГПК и 159 ХПК установлено, что исковое заявление о возбуждении дела подается в письменной форме. Однако ХПК предусматривает возможность обращения в электронной форме (пункт 2 статьи 7). Кодекс гражданского судопроизводства предусматривает обе формы подачи искового заявления о возбуждении дела, что закреплено в статье 238 данного кодекса.

2. В статье 244 ГПК установлено, что исковое заявление о возбуждении дела рассматривается в течение трех дней после поступления его в суд. В ХПК отсутствует установленный срок рассмотрения искового заявления, но суд, рассматривающий экономические дела, после принятия искового заявления может вынести следующие определения: 1) принять исковое заявление и возбудить производство по делу (ст. 161 ХПК); 2) оставить исковое заявление без движения (ст. 162 ХПК); 3) вернуть исковое заявление (ст. 163 ХПК); 4) отказать в принятии искового заявления (ст. 164 ХПК). Данные определения направляются лицам, участвующим в деле, не позднее пяти дней со дня поступления искового заявления в суд, рассматривающий экономические дела.

Кодекс гражданского судопроизводства содержит норму схожую с ХПК, однако в новом кодифицированном акте исковое заявление должно быть рассмотрено в течение пяти дней после поступления его в суд, что закреплено в статье 240 (Возбуждение производства по делу).

3. В статье 99 ГПК закреплено, что специалистом является лицо, обладающее познаниями эксперта. Данное закрепление придает понятию специалиста идентичности с экспертом. В статье 71 ХПК наиболее полно установлено данное понятие, а именно, что специалистом может выступать лицо, обладающее необходимыми знаниями по соответствующей специальности, дающее консультации по вопросам, имеющим значение для рассмотрения дела. Статья 87 Кодекса гражданского судопроизводства содержит наиболее корректное понятие специалиста и имеет важное уточнение, что специалистом должно быть «не заинтересованное в исходе дела лицо, обладающее специальными знаниями в области науки, техники, искусства, ремесла и иных сферах деятельности, привлеченное судом для участия и оказания содействия в производстве процессуальных действий, выяснения вопросов применения норм иностранного права, а также иных вопросов, имеющих значение для рассмотрения дела» [7].

Согласимся с А. С. Смирновой: «Детальное изучение сходных норм Гражданского процессуального кодекса и Хозяйственного процессуального кодекса и их реализация на практике, позволило разработать отечественному законодателю единый процессуальный кодекс, включающий в себя наиболее удачные формулировки статей обоих документов и тем самым устранить существующие противоречия в схожих нормах» [8, с. 441]. Единый Кодекс гражданского судопроизводства вступает в силу с 1 января 2026 года. Документ призван установить единые правила рассмотрения гражданских и экономических дел в судах. В нем закреплено применение электронных доказательств, дальнейшая цифровизация судебного процесса, введение института коллективных исков, упрощенное судопроизводство и иные важные процессуальные вопросы. Значимой новеллой является установление упрощенных процедур для разрешения споров по общему правилу, и таковым является исковое производство.

Таким образом, унификация гражданского и хозяйственного процессов посредством принятия Кодекса гражданского судопроизводства имеет ряд значительных преимуществ и будет содействовать усилению единства судебной системы. Унификация позволит избежать коллизий между процессуальными нормами, что упростит деятельность всех участников процессов. Объединение норм также поспособствует

формированию единообразной судебной практики, что положительно влияет на правоприменение. Существование единого процессуального кодекса позволит избежать противоречий в развитии процессуального законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колядко, И. Н. / Теоретические предпосылки единого Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь / И. Н. Колядко // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Н. Г. Юркевича, Минск, 20–21 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: О.Н. Здрок (отв. ред.) *и др.+. – Минск : БГУ, 2018. – С. 495–498.
2. Корень, Т. А. Реформы судебной системы в Республике Беларусь: тенденции и закономерности / Т. А. Корень. – Государство и право: актуальные проблемы формирования правового сознания : Сборник статей II Международной научно-практической конференции, Могилев, 30 ноября 2018 года. – Могилев: Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, 2019. – С. 42–43.
3. Скобелев, В. П. К вопросу о разработке единого процессуального кодекса для рассмотрения гражданских и экономических дел / В. П. Скобелев // Право.by. – 2016. – № 2(40). – С. 42–50.
4. Скобелев, В. П. К вопросу о разработке единого цивилистического процессуального кодекса Республики Беларусь / В. П. Скобелев // Современные проблемы права и управления : 5-я Международная научная конференция: сборник докладов, Тула, 18–19 сентября 2015 года / Институт законоведения и управления Всероссийской полицейской ассоциации ; главный редактор: И. Б. Богородицкий, ответственный редактор: Ю. В. Киселевич. – Тула: Папирус, 2015. – С. 146–148.
5. Здрок, О. Н. Развитие системы принципов судопроизводства по гражданским и экономическим делам в Едином ГПК Республики Беларусь / О. Н. Здрок // Принципы гражданского процессуального права: проблемы правового закрепления, толкования и правоприменения : Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 09–10 октября 2020 года / Сост. и редактор З. Ш. Матчанова. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2020. – С. 145–153.
6. Забара, А. А. О едином Гражданском процессуальном кодексе / А. А. Забара // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества : тезисы докладов международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Н. Г. Юркевича, Минск, 20–21 апреля 2018 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2018. – С. 454–459.
7. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь : 11 марта 2024 г. № 359-З : принят Палатой представителей 31 января 2024 г. : одобр. Советом Респ. 19 февраля 2024 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 05.04.2025).
8. Смирнова, А. С. Предпосылки единого процессуального кодекса для гражданского и хозяйственного судопроизводства / А. С. Смирнова // Роль и место инноваций в сфере агропромышленного комплекса : материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора А.А. Сысоева, Курск, 20 ноября 2019 года. – Курск: Курская государственная сельскохозяйственная академия им. профессора И.И. Иванова, 2020. – С. 438–442.

УДК 796.062

**ТРУДОВОЙ ДОГОВОР СО СПОРТСМЕНОМ, ТРЕНЕРОМ:
ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ****Н. А. БОРОВИК****(Представлено: канд. юрид. наук Е. Н. КУДРЯШОВА)**

Статья посвящена особенностям юридической техники трудовых договоров в сфере спорта в Республике Беларусь. Анализируются специфические условия контрактов со спортсменами и тренерами, выявляются проблемы правоприменения, предлагаются пути совершенствования законодательства, включая внесение изменений в Трудовой кодекс Республики Беларусь или дополнение проекта Спортивного кодекса.

С давних времен вопросы юридической техники привлекают внимание ученых, которые активно дискутируют о понятии юртехники, связанной с ней терминологией, о ее классификации и др.

Важное место в классификации юридической техники отводится такому подвиду, как договорная юридическая техника, или техника договорной работы. По мнению белорусского ученого-правоведа С. А. Васильева, договорная юридическая техника представляет собой «систему правил, приемов и методов подготовки, заключения, исполнения и толкования договоров, направленных на обеспечение их юридической корректности и эффективности» [1, с. 45].

Однако следует различать особенности подготовки нормативных договоров от обычных договоров, таких как гражданско-правовые или трудовые. Для нашего исследования представляет особый интерес техника подготовки трудовых договоров.

Требования к технике создания договоров целесообразно разделять на содержательные и формальные, а также выделить в отдельную группу требования по применению специальных средств юридической техники. Важно отметить, что трудовые договоры, в отличие от нормативно-правовых договоров, не содержат норм права, обязательных для применения всеми, и не рассчитаны на неограниченное количество лиц. Они представляют собой соглашения между конкретными субъектами – работником и нанимателем.

Содержательные требования к технике создания трудового договора касаются его текста. К таким требованиям относятся законность, целесообразность, обоснованность, эффективность, своевременность, стабильность, экономность, реальность и оптимальность. Формальные требования, в свою очередь, связаны с реквизитами договора, его структурой, а также включают лингвистические требования [2, с. 194]. Эти аспекты критически важны для обеспечения юридической ясности и исполнимости трудовых договоров.

Далее, в контексте нашего исследования, мы сосредоточимся на особенностях техники подготовки трудовых договоров в спортивной сфере, учитывая специфические условия и требования этой области.

Общие нормы о понятии трудового договора, его обязательных условиях, порядке заключения, изменения и прекращения содержатся в статьях Трудового кодекса Республики Беларусь. В частности, трудовой договор определяется как соглашение между работником и нанимателем, в котором оговариваются права и обязанности сторон, включая выполнение работы по определенной должности, соблюдение трудового распорядка, предоставление условий труда и своевременную выплату заработной платы.

Трудовой договор заключается в письменной форме и должен включать обязательные сведения, такие как данные о сторонах, место работы, трудовую функцию, права и обязанности, срок договора (для срочных договоров), режим труда и отдыха, а также условия оплаты труда.

Для лиц, достигших шестнадцати лет, заключение трудового договора является стандартной процедурой, однако с письменного согласия одного из законных представителей трудовой договор может быть заключен с лицом, достигшим четырнадцати лет, для занятия профессиональным спортом при условии, что такая деятельность не вредит его здоровью и образованию.

Прекращение трудового договора также регламентируется ТК и может происходить по различным основаниям, включая соглашение сторон, истечение срока действия срочного договора, расторжение по желанию или требованию работника, перевод к другому нанимателю, отказ от изменения условий труда или в связи с реорганизацией организации, а также по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон [3].

Спортивная деятельность характеризуется специфическими требованиями, включая сезонные соревнования, тренировочные циклы и другие факторы, которые определяют временные рамки занятости. Таким образом, трудовые договоры в этой области должны учитывать эти особенности, обеспечивая гибкость и правовую определенность для всех сторон. В спортивной сфере с этими категориями работников обычно заключается срочный трудовой договор. Такой договор позволяет гибко управлять трудовыми отношениями, учитывая особенности спортивной карьеры и необходимость адаптации к изменяющимся условиям в спорте.

Помимо вышеуказанных сведений и условий в трудовом договоре со спортсменом в качестве обязательных должны быть указаны условия об:

1) обязанностях нанимателя:

обеспечить проведение спортивных мероприятий и участие спортсмена в спортивных соревнованиях под руководством тренера (тренеров);

знакомить спортсмена под роспись как при приеме на работу, так и в период действия трудового договора с условиями договоров нанимателя с организациями, оказывающими финансовую помощь, рекламодателями, организаторами спортивных мероприятий в части, непосредственно связанной с трудовой деятельностью спортсмена, и др.;

2) обязанностях спортсмена:

соблюдать спортивный режим;

выполнять планы подготовки к спортивным соревнованиям;

принимать участие в спортивных соревнованиях только по указанию нанимателя;

соблюдать правила спортивных соревнований по виду спорта и положения о проведении (регламенты проведения) спортивных соревнований, в которых они принимают участие;

соблюдать требования Антидопинговых правил Республики Беларусь;

проходить в установленном законодательством порядке медицинские осмотры и др.

В трудовом договоре с тренером в качестве обязательных должны быть указаны условия об:

1) обязанности нанимателя знакомить тренера под роспись как при приеме на работу, так и в период действия трудового договора с условиями договоров нанимателя с организациями, оказывающими финансовую помощь, рекламодателями, организаторами спортивных мероприятий в части, непосредственно связанной с трудовой деятельностью тренера;

2) обязанностях тренера:

соблюдать требования Антидопинговых правил Республики Беларусь;

соблюдать правила спортивных соревнований по виду спорта и положения о проведении (регламенты проведения) спортивных соревнований, в которых они принимают участие;

поддерживать репутацию нанимателя во время публичных выступлений в средствах массовой информации.

В трудовом договоре по соглашению сторон для спортсмена, тренера могут предусматриваться дополнительные условия об (о):

1) обязанности спортсмена достичь определенных спортивных результатов;

2) обязанности тренера обеспечить достижение спортсменом (командой спортсменов) определенных спортивных результатов;

3) обязанности использовать в рабочее время спортивную экипировку, спортивное оборудование и инвентарь, предоставленные нанимателем;

4) согласии спортсмена, тренера на передачу нанимателем копии их трудового договора в федерации (союзы, ассоциации) по виду (видам) спорта, включенные в реестр федераций (союзов, ассоциаций) по виду (видам) спорта;

5) выплате денежной компенсации нанимателю при расторжении трудового.

Кроме этого, трудовой договор со спортсменом, тренером имеет дополнительные основания для его расторжения. Например, трудовой договор со спортсменом, тренером расторгается в случае их спортивной дисквалификации за допинг в спорте или в связи с:

1) спортивной дисквалификацией спортсмена на срок шесть и более месяцев, за исключением спортивной дисквалификации за допинг в спорте;

2) недостижением определенных спортивных результатов при условиях, что достижение этих результатов было предусмотрено трудовым договором и спортсмену были созданы нанимателем необходимые условия для их достижения.

Следует отметить, что трудовой договор с тренером, помимо оснований ранее указанных оснований, может быть расторгнут в случаях:

1) спортивной дисквалификации тренера на срок шесть и более месяцев, за исключением спортивной дисквалификации за допинг в спорте;

2) недостижения спортсменом (командой спортсменов) определенных спортивных результатов при условиях, что трудовым договором на тренера возложена обязанность обеспечить достижение спортсменом (командой спортсменов) этих результатов и спортсмену (команде спортсменов) были созданы нанимателем необходимые условия для их достижения.

В Республике Беларусь наблюдаются определенные правовые проблемы, связанные с заключением трудовых договоров со спортсменами и тренерами, что становится значительным препятствием для развития спортивной сферы.

Важно отметить, что особенности трудовых отношений в профессиональном спорте в Республике Беларусь регулируются не только Трудовым кодексом, но и другими нормативными актами. Хотя в действующем Трудовом кодексе отсутствует отдельная глава, полностью посвященная трудовым отношениям в спорте, Закон Республики Беларусь о физической культуре и спорте содержит значительные нормы, касающиеся трудовых договоров со спортсменами и тренерами. Этот Закон устанавливает положения о разновидностях контрактов, включая трансфертные контракты, и определяет их юридико-технические особенности, такие как обязательная письменная форма, комплекс действий, которые стороны обязуются осуществить, при каких условиях данный договор считается выполненным, почему он может быть расторгнут и т. д. [4].

Кроме того, трудовые договоры со спортсменами часто включают специфические условия, такие как обязательства по соблюдению спортивного режима, участие в соревнованиях и прохождение допинг-контроля. Однако отсутствие четких стандартов и общепринятых практик в этой области может приводить к спорам между сторонами, создавая дополнительные трудности в разрешении конфликтов.

Также явной проблемой являются вопросы, касающиеся досрочного расторжения трудовых договоров, особенно в случае травм или других форс-мажорных обстоятельств, так как эти вопросы недостаточно урегулированы и могут вызывать неопределенность как для спортсменов, так и для тренеров.

Отсутствие унифицированных требований к структуре и содержанию трудовых договоров также ведет к возникновению юридических ошибок и споров, что значительно осложняет трудовые отношения в данной сфере. Анализ правоприменительной практики выявляет случаи проблемных заключений трудовых договоров со спортсменами и тренерами. Так, А. А. Иванов, Д. С. Сидоров, О. А. Федорова в своих работах рассматривают конкретные примеры, связанные с нечеткими формулировками, неверным составлением по части содержания и понятности текста договоров.

1. В трудовом договоре с футболистом не были четко определены его обязанности. В договоре значилось лишь «выполнять обязанности футболиста». Спор возник, когда клуб потребовал от спортсмена участия в рекламных акциях и промо-мероприятиях, а спортсмен отказался, ссылаясь на отсутствие таких обязанностей в договоре. Суд признал требования клуба необоснованными, поскольку договор не содержал четких указаний на необходимость участия в рекламных мероприятиях [5, с. 56].

2. Недостаточная детализация условий расторжения договора Пример: В трудовом договоре с теннисистом условия расторжения договора были сформулированы следующим образом: «договор может быть расторгнут по соглашению сторон или по инициативе одной из сторон». Спор возник, когда клуб односторонне расторг договор, мотивируя это низкой результативностью спортсмена. Суд признал действия клуба незаконными, поскольку договор не содержал четких критериев и процедуры одностороннего расторжения, что создавало неопределенность и нарушало права спортсмена [6, с. 123].

3. В трудовом договоре с пловцом была включена статья о штрафах за нарушение режима тренировок, сформулированная следующим образом: «в случае пропуска тренировок без уважительных причин налагается штраф в размере, определяемом клубом». Спор возник, когда клуб наложил на спортсмена штраф в размере 50 % от заработной платы за пропуск одной тренировки. Суд признал такую формулировку недопустимой, поскольку она не обеспечивала определенности в отношении размера штрафа и нарушала принцип справедливости [7, с. 156].

Эти проблемы подчеркивают важность улучшения юридической техники в составлении трудовых договоров в спортивной сфере.

В качестве путей решения указанных проблем следует рассмотреть возможность внесения изменений в законодательство. Одним из наиболее эффективных способов могла бы стать разработка и принятие отдельной главы в Трудовом кодексе Республики Беларусь, посвященной трудовым отношениям в сфере профессионального спорта. Это позволило бы учесть специфику труда спортсменов и тренеров, установить четкие стандарты и требования к трудовым договорам, тем самым повысив правовую определенность. Подобный подход нашел поддержку в исследованиях российских ученых. Например, Иванов в своей статье «Особенности трудовых отношений в профессиональном спорте: необходимость совершенствования законодательства» аргументирует необходимость более детального регулирования трудовых отношений в спорте на уровне трудового законодательства, подчеркивая, что это «поможет устранить правовую неопределенность и адаптировать нормы к уникальным условиям спортивной деятельности» [8, с. 45–58].

Разумеется, Трудовой кодекс Республики Беларусь не может охватить все особенности трудовой деятельности спортсменов и тренеров, поскольку многообразие специфических норм для различных категорий работников непозволительно "раздуло" бы единый Кодекс. Однако систематизация действующих трудово-правовых норм, регулирующих спортивную сферу, крайне необходима. В качестве промежуточного этапа правовой реформы возможно комплексное обновление соответствующих глав и статей ТК, посвященных особенностям регулирования труда спортсменов и тренеров (раздел III ТК «Особенности регулирования труда отдельных категорий работников»). Вместе с тем оптимальным решением стало бы кодифицированное регулирование всех спортивных правоотношений, включая трудовые, в рамках будущего Спортивного кодекса Республики Беларусь. Если такой Кодекс будет принят, целесообразно объединить

все нормы о трудовых договорах со спортсменами и тренерами в самостоятельную главу (например, «Трудовые и связанные с ними отношения в сфере физической культуры и спорта»). Это позволило бы: избежать коллизий между ТК и специальными актами (Закон «О физической культуре и спорте», указы Президента Республики Беларусь, регламенты НОК и т. д.). Свести воедино разрозненные нормы о: особенностях заключения, изменения и расторжения трудовых договоров; режимах труда и отдыха; стимулирующих выплатах и компенсациях; социальной защите спортсменов; договорной технике (требования к содержанию, процедурам согласования условий, приложений и т. д.). Обеспечить синхронизацию с нормами международного спортивного права (МОК, ФИФА, ВАДА и др.), которые императивно требуют четких внутренних правил регулирования труда в спорте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев, С. А. Договорное право: теория и практика / С. А. Васильев. – Минск: Амалфея, 2012. – 416 С.
2. Заболотная, Н. Я. Требования к технике создания нормативно-правовых договоров: общая характеристика / Н. Я. Заболотная // Вестник Национального университета «Львовская политехника». Серия: Юридические науки. – 2016. – № 837(9). – С. 192–197.
3. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 08 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.07.2024 г. // ЭТАЛОН : информ.- поисковая система (дата обращения 10.03.2025).
4. О физической культуре и спорте [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 04 январ. 2014 г., № 125-З: в ред. Закон Респ. Беларусь от 19.07.2022 г. // ЭТАЛОН : поисковая система (дата обращения 10.03.2025).
5. Иванов, А. А. Судебная практика по трудовым спорам в сфере спорта / А. А. Иванов. – Минск: Юридическая литература, 2018. – 200 с.
6. Сидоров, Д. С. Трудовые договоры со спортсменами: проблемы и решения / Д. С. Сидоров. – Минск: Юстиниан, 2020. – 220 с.
7. Федорова, О. А. Юридическая техника в трудовом праве / О. А. Федорова. – Минск: Амалфея, 2021. – 250 с.
8. Иванов, И. И. Особенности трудовых отношений в профессиональном спорте: необходимость совершенствования законодательства / И. И. Иванов // Журнал трудового права. – 2020. – № 3 (12). – С. 45–58.

ОСОБЕННОСТИ ОХРАНЫ ВИРТУАЛЬНОГО ОБРАЗА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Д. С. БУДНЯК

(Представлено: К. Д. САВИЦКАЯ)

В статье рассматриваются современные подходы к правовому регулированию виртуальных образов в зарубежных странах. Автор провёл сравнительный анализ законодательства и судебной практики защиты права на изображение, персональных данных, интеллектуальной собственности зарубежных стран, выявил общие тенденции и особенности регулирования виртуального образа, а также проанализировал перспективы гармонизации международного законодательства в данной области.

Виртуальные образы, представляющие собой цифровые репрезентации людей или вымышленных персонажей, стали неотъемлемой частью современной цифровой среды. Активное использование виртуальных образов в социальных сетях, онлайн-играх, виртуальных мирах и метавселенных обуславливает необходимость правового регулирования отношений, возникающих в связи с их созданием, использованием и защитой. В связи с этим, в различных странах разрабатываются и применяются разнообразные подходы к правовому регулированию виртуальных образов, которые отражают особенности национальных правовых систем и культурных ценностей. Цель статьи – провести сравнительный анализ правового регулирования виртуальных образов в зарубежных странах, выявить общие тенденции и особенности, а также проанализировать перспективы гармонизации международного законодательства в данной области.

В рамках данной темы существует ряд общих правовых вопросов, связанных с виртуальными образами:

- На данный момент отсутствует общепринятое юридическое определение виртуального образа. Это затрудняет применение существующих законов и требует адаптации правовых норм к цифровой среде.
- Виртуальный образ может представлять собой как реального человека, так и вымышленного персонажа. Это ставит вопросы о праве на самоопределение, защите идентичности и ответственности за действия виртуального образа.
- Трансграничный характер распространения виртуального образа затрудняет применение норм национального законодательства и обуславливает необходимость разработки механизмов международно-правового регулирования.

В силу отсутствия единого международного стандарта, подходы к регулированию виртуальных образов существенно различаются в зависимости от юрисдикции. Основные направления в правовом регулировании виртуального образа можно разделить на несколько ключевых областей, каждая из которых рассматривает виртуальный образ под своим углом и применяет соответствующие правовые механизмы. Так, виртуальный образ в юридическом контексте может рассматриваться в рамках:

- защиты персональных данных;
- интеллектуальной собственности;
- нематериальных благ (право на изображение, имя, голос и др.);
- коммерциализации образа и права на публичность.

Законы о защите данных и конфиденциальности играют важную роль в регулировании виртуальных образов. Так, сбор, хранение и использование личных данных, таких как биометрические данные и сканы лица, для создания и идентификации виртуальных образов должны осуществляться в соответствии с требованиями законодательства о защите данных.

Одним из наиболее прогрессивных актов в этой сфере является Общий регламент по защите данных (GDPR), действующий в Европейском союзе с 2018 года. Согласно статье 4 GDPR, персональные данные – это любая информация, относящаяся к идентифицированному или идентифицируемому физическому лицу [1]. Виртуальный образ, содержащий фотографию, имя, голос, биометрические данные или поведенческие характеристики, прямо подпадает под это определение. GDPR предоставляет субъекту данных право на доступ, исправление, удаление и ограничение обработки его виртуального образа, а также право на переносимость данных и право на возражение. Особенно актуально это в контексте социальных сетей, онлайн-игр и платформ, использующих аватары и цифровые профили.

В США регулирование осуществляется фрагментарно, на уровне отдельных штатов. Например, в Калифорнии действует Закон о защите прав потребителей (California Consumer Privacy Act, далее – CCPA), который предоставляет гражданам право знать, какие данные о них собираются, и требовать их удаления. Хотя CCPA не содержит прямого определения виртуального образа, он охватывает цифровые идентификаторы, изображения и поведенческие данные, что позволяет применять его к защите виртуальных репрезентаций личности [2].

В Китае с 2021 года действует Закон о защите персональной информации (Personal Information Protection Law, PIPL), который аналогичен GDPR и охватывает широкий спектр цифровых данных. Закон требует получения согласия на обработку персональной информации, включая изображения, аудиозаписи и биометрические данные [3]. Особое внимание уделяется защите от неправомерного использования виртуальных образов в коммерческих целях и в контексте государственной безопасности. Япония регулирует защиту виртуального образа через Закон о защите личной информации (Act on the Protection of Personal Information), который охватывает визуальные и аудиовизуальные данные, позволяющие идентифицировать личность [4]. Виртуальные аватары, используемые в цифровых сервисах, рассматриваются как часть персональных данных, особенно если они связаны с реальным пользователем.

В большинстве стран авторское право играет ключевую роль. Виртуальные аватары, цифровые персонажи, визуальные образы, созданные в онлайн-среде, могут обладать признаками оригинальности и творческой индивидуальности, что позволяет рассматривать их как объекты авторского права. В целом, авторское право защищает оригинальное выражение идей. Таким образом, если виртуальный образ является результатом творческой деятельности, он может претендовать на авторско-правовую охрану. Это включает в себя дизайн персонажа, 3D-модель, анимацию, текстуры, звуковое оформление и другие творческие элементы, составляющие виртуальный образ. Однако, охрана распространяется именно на выражение этих элементов, а не на саму идею виртуального образа.

В странах Европейского союза защита виртуального образа осуществляется в рамках директивы 2001/29/ЕС «О гармонизации некоторых аспектов авторского права и смежных прав в информационном обществе». Согласно этой директиве, любое оригинальное произведение, выраженное в объективной форме, включая графику, 3D-модели, цифровые персонажи, может быть признано объектом авторского права [5]. Это означает, что создатель виртуального образа обладает исключительными правами на его использование, воспроизведение, распространение и модификацию. Например, в Германии и Франции суды признают авторские права на визуальные элементы персонажей, созданных для видеоигр и цифровых платформ, если они обладают достаточной степенью оригинальности.

В США авторское право регулируется федеральным законом – Copyright Act of 1976. Согласно этому акту, произведения, созданные в цифровой форме, включая графические изображения, персонажей, анимации, подпадают под защиту, если они являются результатом творческой деятельности [6]. Примером может служить дело *Toho Co. v. William Morrow & Co.* (1998), где японская компания Toho добилась защиты авторских прав на образ Годзиллы, включая его визуальные характеристики, даже в цифровом воспроизведении [7]. Кроме того, в США действует концепция «character copyright», позволяющая защищать не только внешний вид, но и поведенческие особенности персонажа, если они являются узнаваемыми и оригинальными.

В Японии авторское право регулируется Законом об авторском праве (Copyright Act of Japan), который охватывает цифровые произведения, включая виртуальные образы, созданные с помощью программного обеспечения и графических редакторов. Японские суды признают авторские права на дизайн персонажей, используемых в аниме, видеоиграх и виртуальных платформах. Особое внимание уделяется защите уникального визуального стиля, цветовой палитры, элементов одежды и поведения, что особенно важно в индустрии виртуальных инфлюенсеров и VTuber-контента [8].

В Южной Корее действует Закон об авторском праве, который также охватывает цифровые произведения. Виртуальные образы, созданные в метавселенных или онлайн-играх, признаются объектами авторского права, если они обладают оригинальностью. Например, персонажи из популярных корейских игр, таких как Lineage или MapleStory, защищаются как авторские произведения, и любое их воспроизведение без разрешения правообладателя считается нарушением [9].

Кроме того, виртуальные образы могут быть защищены правом на товарный знак, если они используются для рекламы товаров или услуг. Регистрация виртуального образа в качестве товарного знака запрещает его использование в коммерческих целях без разрешения правообладателя.

В зарубежных странах виртуальный образ все чаще рассматривается не только как объект авторского права или персональных данных, но и как нематериальные блага (честь, достоинство, деловая репутация, право на индивидуальность и самовыражение). Этот подход предполагает, что использование виртуального образа может нарушать личные неимущественные права человека, даже если не связано с прямым нарушением авторских прав или норм о защите данных.

Законодательство и судебная практика различных стран признают право на защиту чести, достоинства и репутации от порочащей информации, независимо от того, распространяется ли она о человеке в реальной жизни или в виртуальной среде. Дипфейки, создание ложных аккаунтов с использованием чужого виртуального образа, онлайн-харассмент и другие формы злоупотреблений могут наносить ущерб нематериальным благам и подлежат правовой защите.

В Германии Общий гражданский кодекс (Bürgerliches Gesetzbuch, BGB) в параграфе 823 предусматривает ответственность за причинение вреда «жизни, телу, здоровью, свободе, собственности или иным правам» другого лица [10]. Под «иными правами» (sonstige Rechte) понимаются, в том числе, нематериальные

блага, такие как право на имя, право на изображение (подлежащее защите согласно Германские суды последовательно применяют параграф 823 BGB для защиты нематериальных благ в онлайн-среде. Например, использование чужого аватара в социальной сети для распространения порочащей информации может быть квалифицировано как нарушение права на честь и достоинство [11].

Во Франции статья 9 Гражданского кодекса (Code civil) закрепляет право каждого на уважение частной жизни (*respect de la vie privée*) [12]. Это право включает в себя защиту изображения, голоса, интимной жизни и других аспектов частной сферы. Французские суды интерпретируют статью 9 достаточно широко, применяя ее для защиты от несанкционированного использования персональных данных и виртуальных образов. Например, создание дипфейка с использованием лица известной личности и распространение его в интернете может быть квалифицировано как нарушение права на уважение частной жизни и повлечь за собой выплату компенсации морального вреда.

Во многих странах нормы, регулирующие использование изображения гражданина, четко прописаны в гражданском кодексе или других актах гражданского законодательства. Так, в Гражданском кодексе Российской Федерации содержится отдельная статья 152.1, посвященная охране изображения гражданина. Так, данная статья предусматривает, что обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображен) допускаются только с согласия этого гражданина. После смерти гражданина его изображение может использоваться только с согласия детей и пережившего супруга, а при их отсутствии – с согласия родителей. А также предусмотрены случаи, когда такое согласие не требуется: 1) использование изображения осуществляется в государственных, общественных или иных публичных интересах; 2) изображение гражданина получено при съемке, которая проводится в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях (собраниях, съездах, конференциях, концертах, представлениях, спортивных соревнованиях и подобных мероприятиях), за исключением случаев, когда такое изображение является основным объектом использования; 3) гражданин позировал за плату [13].

Виртуальные аватары, цифровые двойники, стилизованные изображения личности – всё это может быть использовано в коммерческих целях, что требует правового регулирования, направленного на защиту интересов личности и контроль над использованием её публичного образа.

В США в ряде штатов действует право на публичность (*Right of Publicity*), запрещающее использование имени, изображения или голоса человека без его согласия – особенно актуально при создании цифровых двойников и *deepfake*-контента. Это позволяет им контролировать использование их имени, изображения и подобию в коммерческих целях. Так происходит защищает от несанкционированного использования личности в рекламе, товарах, видеоиграх, фильмах и других коммерческих продуктах. Например, в штате Калифорния действует *Civil Code* параграф 3344, который прямо запрещает использование имени, голоса, фотографии или подобию человека без его согласия в рекламных или промо-целях [14].

Одним из ярких примеров применения права на публичность в США является дело *White v. Samsung Electronics America, Inc.* (1992), которое стало прецедентным в сфере защиты виртуального образа и публичной идентичности. Ванна Уайт, известная телеведущая шоу *Wheel of Fortune*, подала иск против компании Samsung за использование её образа в рекламе, не получив предварительного согласия. В рекламе был изображён робот, одетый в вечернее платье, стоящий перед игровым табло, что явно ассоциировалось с образом Уайт, хотя её лицо и имя не были использованы напрямую. Суд признал, что даже косвенное использование узнаваемых элементов, ассоциирующихся с публичной личностью, может нарушать её право на публичность. Апелляционный суд постановил, что право на публичность охватывает не только имя и изображение, но и идентифицируемый образ, связанный с личностью [15].

Правовое регулирование виртуальных образов в зарубежных странах характеризуется многообразием подходов, обусловленным спецификой национальных правовых систем. Защита прав личности, интеллектуальной собственности и иных нематериальных благ осуществляется с учётом уровня технологического развития и цифровой инфраструктуры конкретного государства. В странах с высокоразвитыми цифровыми технологиями возникают более сложные правовые вызовы, требующие специализированного нормативного регулирования. Существенное влияние на выбор правовых механизмов оказывают социокультурные особенности, включая отношение к конфиденциальности, свободе выражения и инновациям. При этом отсутствует единый международный правовой режим, регулирующий сферу виртуальных образов. Недостаток универсальных международных соглашений приводит к фрагментарности и несогласованности национальных законодательств, что затрудняет правоприменение в трансграничной цифровой среде.

Правовое регулирование виртуального образа в зарубежных странах демонстрирует разнообразие подходов – от жесткой защиты персональных данных в странах ЕС до прецедентной защиты права на публичность в США и цифрового контроля в Китае. Несмотря на различия, все страны признают виртуальный образ как значимый правовой объект, требующий защиты в условиях цифровой трансформации. Будущее

правового регулирования связано с гармонизацией норм, признанием цифровой идентичности и разработкой международных стандартов, обеспечивающих баланс между свободой самовыражения и защитой личности в виртуальной среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Общий регламент защиты персональных данных (GDPR) Европейского союза : перевод / С. Воронкевич, А. Богуславская, П. Лозовенко [и др.] ; под общ. ред. С. Воронкевич. – Минск : ООО «Дата Прайваси Офис». – URL: <https://gdpr-text.com/ru/> (дата обращения: 05.10.2025).
2. California Consumer Privacy Act (CCPA) // State of California Department of Justice. – URL: <https://oag.ca.gov/privacy/ccpa> (дата обращения: 05.10.2025).
3. Personal Information Protection Law of the People's Republic of China // The national people's congress of the people's republic of China. – URL: http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2021-12/29/c_694559.htm (дата обращения: 05.10.2025).
4. Act on the Protection of Personal Information (Act № 57 of 2003) // Japanese Law Translation. – URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/4241/en> (дата обращения: 05.10.2025).
5. Директива № 2001/29/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О гармонизации некоторых аспектов авторских и смежных прав в информационном обществе» : принята в г. Брюсселе 22.05.2001 (с изм. и доп. от 17.04.2019) // Гарант. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 05.10.2025).
6. Copyright Act of 1976 // Copyright.gov. – URL: <https://www.copyright.gov/title17/title17.pdf> (дата обращения: 05.10.2025).
7. Toho Co., Ltd. v. William Morrow and Co., Inc., 33 F. Supp. 2d 1206 (C.D. Cal. 1998) // Justia. – URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp2/33/1206/2519062/> (дата обращения: 05.10.2025).
8. Monolith law office. The Significance and Practice of Copyright in VTuber Activities // Tokyo, Japan, 2025. – URL: <https://monolith.law/en/internet/vtuber-copyright> (дата обращения: 05.10.2025).
9. Lee Jae-lim. Claws out for Korea's copycat game industry after Lineage M ruling // Korea JoongAng Daily. – 2023. – URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/news/2023-08-22/culture/gamesWebtoons/Claws-out-for-Koreas-copycat-game-industry-after-Lineage-M-ruling/1852163> (дата обращения: 05.10.2025).
10. Германское гражданское уложение // Викитека. – URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Германское_гражданское_уложение (дата обращения: 05.10.2025).
11. Текучева, М. О. Актуальные проблемы защиты нематериальных благ в сети Интернет / М. О. Текучева // Международный научный журнал «Вестник науки». – 2025. – № 2 (83). – С. 236–241.
12. Гражданский кодекс Французской Республики 1804 г. // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/041401> (дата обращения: 05.10.2025).
13. Гражданский кодекс Российской Федерации : 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ : принят Гос. Думой 21 октября 1994 г. : одобр. Советом Федерации 9 декабря 1994 г. : в ред. Федер. закона 24 июля 2025 N 178-ФЗ : с изм. и доп. вступ. в силу с 31 июля 2025 г. // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 23.10.2024).
14. Civil Code // CA.gov. – URL: <https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codesTOCSelected.xhtml?tocCode=CIV&toc-Title=+Civil+Code+-+CIV> (дата обращения: 05.10.2025).
15. White v. Samsung Electronics America, Inc., 971 F.2d 1395 (9th Cir. 1992). – URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/971/1395/71823/> (дата обращения: 05.10.2025).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВИРТУАЛЬНОГО ОБРАЗА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Д. С. БУДНЯК

(Представлено: К. Д. САВИЦКАЯ)

В статье рассматриваются современные проблемы правового регулирования виртуальных образов в Республике Беларусь. Проводится анализ действующего законодательства на предмет возможности применения существующих норм к отношениям, возникающим в связи с созданием, использованием и защитой виртуальных образов. Выявляются пробелы и противоречия в правовом регулировании, а также предлагаются пути совершенствования законодательства с учетом международного опыта и особенностей цифровой среды.

Цифровая трансформация общества привела к появлению новых объектов правового регулирования, одним из которых является виртуальный образ. Виртуальные образы, представляющие собой цифровые репрезентации людей или вымышленных персонажей, активно используются в социальных сетях, онлайн-играх, виртуальных мирах и других сферах цифровой среды. Вместе с тем, правовой статус виртуальных образов остается неопределенным, что создает риски для прав и законных интересов граждан и организаций. В Республике Беларусь отсутствует специальное законодательство, регулирующее отношения, связанные с виртуальными образами, что обуславливает необходимость анализа существующих правовых норм и выработки предложений по совершенствованию законодательства в данной области.

В проекте Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года подчеркивает, что в современном обществе формируется новый тип личности – «Homo Virtualis», то есть человек виртуальный с высоким уровнем технологической образованности, для которого «умные» технологии становятся не просто инструментом коммуникации и обучения, а обычными социальными практиками (глава 3 Стратегии) [1]. Это определение отражает трансформацию социальной идентичности, в которой виртуальный образ становится неотъемлемой частью самопрезентации, профессиональной деятельности и гражданского участия.

В контексте данной статьи под виртуальным образом понимается цифровое представление человека, объекта или концепции, существующее в виртуальном пространстве, созданное с использованием компьютерной графики, цифровых фотографий, видео, аудио и других цифровых технологий. Виртуальный образ может быть, как точным воспроизведением реального объекта или человека, так и совершенно новым, уникальным творением. В случае точного воспроизведения виртуальный образ стремится максимально точно скопировать существующий реальный объект или человека. Это может быть 3D-модель здания, цифровое изображение лица, виртуальный двойник человека или голограмма.

Так, законодательство Республики Беларусь даёт определение понятия «цифровой двойник». Согласно Постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 21 апреля 2023 г. № 280 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136» (данный указ направлен на совершенствование управления процессами цифрового развития) цифровой двойник – виртуальная цифровая модель (прототип) существующего в реальности физического объекта или процесса, моделирующая внутренние процессы, технические характеристики и поведение реального объекта в условиях взаимодействия помех и окружающей среды [2]. Данное определение отражает технологическую направленность концепции и ориентировано преимущественно на применение в промышленности, управлении, логистике и других сферах, связанных с цифровым моделированием. Однако в контексте правового регулирования виртуального образа человека, цифровой двойник приобретает дополнительное значение – как элемент цифровой идентичности, способный воспроизводить поведение, внешность и даже голос субъекта.

В настоящее время в Республике Беларусь отсутствует комплексное законодательное регулирование, специально посвященное виртуальным образам. В Республике Беларусь, несмотря на активное внедрение цифровых технологий, отсутствует специализированное законодательство, регулирующее правоотношения, связанные с созданием, использованием и защитой виртуальных образов. Но следует отметить, что ранее в Гражданском кодексе БССР от 1964 года статья 509 «Охрана интересов гражданина, изображенного в произведении изобразительного искусства» регулировала использование изображений людей [3]. Согласно этой статье, опубликование, воспроизведение и распространение произведения изобразительного искусства, содержащего изображение другого лица, требовало его согласия, а после его смерти – согласия супруга и детей. Исключением являлись случаи, когда это делалось в государственных или общественных интересах, либо, когда изображенное лицо позировало за вознаграждение. На данный момент в современном Гражданском кодексе Республики Беларусь отсутствует похожая норма, в связи с этим возникает вопрос о возможности применения общих принципов гражданского права, а также существующих норм гражданского, авторского и смежного права для защиты прав и законных интересов субъектов, связанных с виртуальными образами.

Так отдельные нормы белорусского законодательства, а также общие принципы права, могут применяться к отношениям, связанным с созданием, использованием и защитой виртуальных образов. Можно рассмотреть применение таких общих принципов гражданского права как:

1. Принцип свободы договора (ст. 391 Гражданского кодекса Республики Беларусь). Стороны вправе заключать договоры, не предусмотренные законодательством, если это не противоречит законодательству. Данный принцип может быть использован для регулирования отношений, связанных с созданием и использованием виртуальных образов на договорной основе [4]. Например, можно заключить договор на создание виртуального аватара, определяющий права и обязанности сторон, порядок использования образа, размер вознаграждения и другие условия.

2. Принцип недопустимости злоупотребления правом (ст. 9 Гражданского кодекса Республики Беларусь). Не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах [4]. Данный принцип может быть использован для предотвращения недобросовестного использования виртуальных образов, направленного на причинение вреда репутации, чести и достоинству других лиц.

3. Принцип справедливости, добросовестности и разумности (ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь). Гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты, а также на необходимости обеспечения «справедливости, добросовестности и разумности» при установлении, осуществлении и защите гражданских прав [4]. Эти принципы должны учитываться при применении правовых норм к отношениям, связанным с виртуальными образами.

Согласно пункту 9 статьи 10 Закона Республики Беларусь «О рекламе» (далее – Закон о рекламе) не допускается использование образов граждан Республики Беларусь в рекламе без их согласия или согласия их законных представителей, если иное не предусмотрено данным Законом или Президентом Республики Беларусь. Например, социальная сеть ВКонтакте выдвигает особые требования к размещению рекламы, использующей изображения физических лиц. Согласно п. 4.6 Правил размещения рекламных объявлений ВКонтакте, использование изображений физических лиц в рекламном объявлении допустимо только при наличии документов, подтверждающих согласие данного лица [5].

Помимо Закона о рекламе требования о необходимости получения согласия на распространение изображения гражданина в средствах массовой информации содержатся также в Законе Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации» (далее – Закон о СМИ).

В частности, подпунктом 4.7 пункта 4 статьи 34 Закона о СМИ на журналиста возложена обязанность получать согласие физических лиц на проведение аудио- и видеозаписи, кино- и фотосъемок, за исключением их проведения в местах, открытых для массового посещения, на массовых мероприятиях, а также случая, предусмотренного статьей 40 Закона [6].

Статьей 40 Закона о СМИ устанавливаются правила распространения в средствах массовой информации информационных сообщений и материалов, подготовленных с использованием аудио- и видеозаписи, кино- и фотосъемки физического лица. В соответствии с указанной статьей распространение таких сообщений и материалов, в том числе в сети Интернет, без его согласия возможно лишь в случаях если:

- будут приняты меры против возможной идентификации данного лица посторонними лицами;
- распространение этих информационных сообщений и материалов не нарушает конституционных прав и свобод личности и необходимо для защиты общественных интересов;
- распространение таких информационных сообщений и материалов осуществляется по требованию органа уголовного преследования, суда в связи с производством предварительного расследования, судебным разбирательством [6].

Помимо прочего, изображение гражданина, будучи одновременно персональными данными и информацией о его частной жизни, подпадает под действие законодательства, регулирующего порядок обработки персональных данных. Это означает, что использование и распространение изображения гражданина должно осуществляться с соблюдением требований, установленных для защиты персональной информации. Так, на сегодняшний день данные вопросы закреплены в Законе Республики Беларусь от 7 мая 2021 N 99-З «О защите персональных данных». Согласно ст. 1 данного Закона персональные данные – это любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано [7].

Кроме того, отдельные вопросы, касающиеся также обращения с персональными данными и их защиты, и отдельные моменты касающиеся оборота информации, в данном случае личной, закреплены в Законе Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации». Так, в ст. 17 Закона «Об информации, информатизации и защите информации» персональные данные, а также информация о частной жизни физического лица отнесены к категории информации,

распространение и (или) предоставление которой ограничено, а в ст. 18 закреплён правовой режим такой информации [8].

Вместе с тем виртуальный образ может быть признан объектом авторского права, если он создан в результате творческой деятельности и является оригинальным произведением. В данном случае виртуальный объект подпадает под правовое регулирование Закон Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах». В этом случае автор (или правообладатель) обладает исключительными правами на его использование, воспроизведение, распространение и переработку. Кроме того, при создании виртуального образа могут использоваться объекты смежных прав (например, запись голоса актера, музыкальное сопрождение), что также требует соблюдения прав правообладателей.

В случае если виртуальный образ используется для обозначения товаров или услуг определенного лица и зарегистрирован в качестве товарного знака или знака обслуживания, то он охраняется как средство индивидуализации. Согласно ч. 1, ст. 3 Закон Республики Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания» владелец товарного знака имеет исключительное право использовать товарный знак, может распоряжаться этим исключительным правом, а также вправе запрещать использование товарного знака другими лицами [9].

Помимо этого, в условиях стремительного развития цифровых технологий и распространения контента в онлайн-среде, виртуальный образ личности становится неотъемлемой частью её публичного присутствия. Использование дипфейков, фальсифицированных аватаров, поддельных видео и изображений, созданных с помощью искусственного интеллекта, может нанести серьёзный вред репутации, вызвать общественное осуждение, моральные страдания и даже повлиять на профессиональную деятельность человека. Статья 153 Гражданского кодекса Республики Беларусь, которая предусматривает защиту чести, достоинства и деловой репутации, предоставляет эффективный механизм защиты от подобных посягательств [4]. Если виртуальный образ используется для распространения сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, он вправе обратиться в суд с требованием об их опровержении. При этом обязанность доказать достоверность таких сведений лежит на лице, их распространившем. Это особенно важно в случаях, когда дипфейк-контент или искажённый виртуальный образ публикуется в социальных сетях, на видеоплатформах или в СМИ, создавая ложное представление о действиях, высказываниях или поведении человека. Так, данная норма может быть использована для защиты от распространения ложной или порочащей информации о человеке с использованием его виртуального образа (например, дипфейков).

Однако, существующие правовые механизмы не всегда позволяют эффективно защитить права на виртуальные образы. Отсутствие специализированного законодательства, сложность идентификации правонарушителей в виртуальном пространстве, трансграничный характер нарушений и трудности доказывания – все это создает серьезные препятствия для защиты прав.

Так, Конституционный Суд Республики Беларусь в своем решении от 30 октября 2018 г. № Р-1145/2018 «О правовом регулировании в гражданском законодательстве использования и охраны изображения гражданина» пришел к выводу о наличии правовой неопределенности в гражданском законодательстве в части регулирования общественных отношений, связанных с надлежащим использованием и охраной изображения гражданина, и признал необходимым внести соответствующие изменения в ГК [10]. Также Верховный Суд полагает, что включение в ГК норм, определяющих особенности охраны изображения гражданина, является целесообразным и оправданным, поскольку урегулирование указанных отношений будет способствовать устранению имеющейся правовой неопределенности, эффективной защите прав граждан от незаконного вмешательства в их частную (личную) жизнь, обеспечению разумного баланса публичных и частных интересов, а также соответствовать положениям международных договоров и стандартов.

Исходя из вышеизложенного, возможны перспективные направления правового регулирования в данной сфере. Так следует:

- ввести требования к прозрачности использования виртуальных образов, особенно в случаях, когда они используются для рекламы, маркетинга или политической коммуникации. Необходимо четко указывать, что изображение или видео является результатом использования технологий ИИ или цифровой обработки;
- разработать систему маркировки дипфейков, чтобы пользователи могли легко отличать подлинные изображения и видео от сфабрикованных;
- установить ответственность для платформ за контент, созданный с использованием ИИ, который нарушает права третьих лиц или распространяет ложную информацию;
- обеспечить эффективные механизмы удаления контента, нарушающего права других лиц или распространяющего дезинформацию, с использованием виртуальных образов.

Таким образом, существующие нормы законодательства и общие принципы права могут быть использованы для регулирования отношений, связанных с виртуальными образами, однако они не обеспечивают комплексной и эффективной защиты прав. Для решения этой проблемы необходимо разработать

специальное законодательство, которое учитывало бы особенности виртуальных образов и обеспечивало баланс между свободой самовыражения, защитой прав личности и общественной безопасностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Проект Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года / НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. – Минск, 2024. – URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/proekt-Natsionalnoj-strategii-ustojchivogo-razvitiya-na-period-do-2040-goda.pdf> (дата обращения: 05.10.2025).
2. О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136 : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 21 апреля 2023 г. № 280 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 05.10.2025).
3. Гражданский кодекс БССР : 11 июня 1964 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/ImgPravo/pdf/GK_BSSR_1964.pdf (дата обращения: 05.10.2025).
4. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 декабря 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Республики 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февраля 2025 г. N 62-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 05.10.2025).
5. О рекламе : Закон Респ. Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-З : в ред. от 6 января 2024 г. N 353-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 05.10.2025).
6. О средствах массовой информации : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З : в ред. от 30 июня 2023 г. N 274-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 05.10.2025).
7. О защите персональных данных : Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. N 99-З : в ред. от 1 июня 2022 г. N 175-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 05.10.2025).
8. Об авторском праве и смежных правах : Закон Респ. Беларусь от 17 мая 2011 г. N 262-З : в ред. от 9 января 2023 г. N 243-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 05.10.2025).
9. О товарных знаках и знаках обслуживания : Закон Респ. Беларусь 5 февраля 1993 г. N 2181-XII : в ред. от 9 января 2023 г. N 243-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 05.10.2025).
10. О правовом регулировании в гражданском законодательстве использования и охраны изображения гражданина : решение Конституционного суда Республики Беларусь от 30 октября 2018 г. № Р-1145/2018 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 05.10.2025).

УДК 347

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ****А. А. ГОНЧАРОВА****(Представлено: К. Д. САВИЦКАЯ)**

В статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования онлайн-образования в Республике Беларусь, а также анализируется история развития дистанционных форм обучения. Автор прослеживает эволюцию онлайн-образования от первых инициатив до современного состояния, включая влияние технологий. Особое внимание уделяется существующей правовой базе, основанной на традиционных формах обучения, и ее несоответствие специфике дистанционного образования. Анализируются действующие законодательные нормы и их влияние на качество и доступность онлайн-образования, а также предлагаются рекомендации по улучшению правового регулирования и развитию системы дистанционного обучения в Республике Беларусь.

В современном мире онлайн-образование приобретает все большую значимость благодаря своей доступности и гибкости. Республика Беларусь не является исключением; в последние годы наблюдается активное внедрение дистанционных форм обучения в образовательный процесс. Однако стремительное развитие технологий и переход на онлайн-форматы ставят перед законодательством страны ряд новых вызовов и проблем.

Одной из ключевых целей данной статьи является анализ актуальных проблем правового регулирования онлайн-образования в Республике Беларусь. Существующая правовая база, основанная на традиционных формах обучения, не всегда адекватно отражает специфику и особенности дистанционного образования. Это создает правовую неопределенность как для образовательных учреждений, так и для обучающихся, что может негативно сказаться на качестве образования и защите прав потребителей образовательных услуг.

Онлайн-образование требует учитывать не только образовательный процесс, но и аспекты защиты персональных данных, авторских прав и лицензирования образовательных программ. Важно также обратить внимание на защиту прав обучающихся, которые могут столкнуться с проблемами качества предоставляемых услуг.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы выявить и проанализировать основные проблемы правового регулирования онлайн-образования в Республике Беларусь, а также предложить возможные пути их решения. Это позволит не только улучшить правовую среду, но и создать условия для развития качественного и доступного онлайн-образования.

Онлайн-образование представляет собой форму обучения, осуществляемого через интернет или виртуальную среду. Данная форма предоставляет возможность получить образование, развить навыки или изучить определенную тему, используя онлайн-платформы, специализированные веб-сайты или образовательные приложения. Онлайн-образование может быть самостоятельным и предлагаться в форме отдельных курсов или же входить в состав онлайн-образовательных программ, таких как сертификаты, дипломы или степени [1].

Основное преимущество онлайн образования состоит в их доступности, эффективности и удобстве для обучения на различных уровнях – от академического образования до профессионального развития и самообразования. Они позволяют студентам расширять свои знания, развивать навыки и получать образование в соответствии с собственными потребностями и интересами.

До недавнего времени в Республике Беларусь нормативно-правовая база для развития системы дистанционного образования практически отсутствовала, что негативно сказывалось на развитии данного процесса обучения. В 2002 году Министерство образования утвердило «Положение о научно-методическом совете по дистанционному обучению Министерства образования», а также Положение о дистанционном обучении в учреждении образования Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники [2; 3].

Процесс формирования законодательной базы дистанционного обучения в Беларуси основывается на следующих нормативно-правовых актах:

- Конституция Республики Беларусь, статья 34 которой гарантирует всем гражданам право на получение образования, а также право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации.

– Закон Республики Беларусь № 455-3 «Об информации, информатизации и защите информации» от 10 ноября 2008 г. Он регулирует правовые отношения, возникающие в процессе формирования и использования документированной информации и информационных ресурсов, создания информационных технологий, автоматизированных информационных систем и сетей.

– Кодекс об образовании, который регулирует общественные отношения между участниками образовательного процесса.

Координирование программ внедрения дистанционного обучения осуществляется Главным информационно-аналитическим центром (ГИАЦ) Министерства образования и Научно-методическим советом Министерства образования Республики Беларусь по дистанционному обучению. ГИАЦ участвует в выработке стратегий развития и внедрения средств информационных технологий и телекоммуникаций в систему образования Беларуси, занимается разработкой и изданием учебных и методических материалов, созданием программных продуктов, ориентированных на использование информационных ресурсов и телекоммуникаций в образовательном процессе. ГИАЦ является также головной организацией-исполнителем подпрограммы «Электронное обучение и развитие человеческого капитала». Дистанционное обучение рассматривается либо как форма заочного, либо как простое производное от информатизации образования, которая определяется как «системная работа по внедрению информационных технологий во все виды и формы образовательной практики», а стратегической задачей является построение единого образовательного пространства. Анализ состояния системы дистанционного обучения в Республике Беларусь, показывает, что в ряде учреждений образования Республики Беларусь накоплен значительный научно-методический и кадровый потенциал, информационные ресурсы и технологии для организации дистанционного обучения. Как государственные, так и негосударственные учреждения образования используют в процессе самостоятельной контролируемой работы студентов электронную почту, факс, телефон, телевидение, компьютерные сети. Большинство учреждений для проведения учебного процесса формируют комплекты учебно-методических материалов. Основу таких учебных материалов составляют издания на компакт-дисках, где широко представлены текстовые учебные материалы и системы тестового контроля знаний [3].

Одной из ключевых проблем правового регулирования дистанционного образования в Республике Беларусь является отсутствие единого комплексного нормативного акта, охватывающего все аспекты организации, реализации и контроля качества дистанционного обучения. На сегодняшний день основным документом, содержащим положения о дистанционных образовательных технологиях, остаётся Кодекс Республики Беларусь об образовании, который закрепляет возможность получения образования с применением информационно-коммуникационных технологий. Однако положения Кодекса носят общий характер и не раскрывают конкретных механизмов реализации дистанционного формата. В частности, отсутствуют чёткие требования к аккредитации дистанционных образовательных программ, юридическому статусу электронных курсов, процедурам контроля качества обучения, а также к защите персональных данных обучающихся при использовании онлайн-платформ.

Большинство нормативных актов ориентированы на общее среднее и профессионально-техническое образование, например, Постановление Министерства образования Республики Беларусь о дистанционной форме получения образования при реализации образовательных программ профессионально-технического, среднего специального образования [4]. В сфере высшего образования дистанционные формы обучения регулируются преимущественно локальными актами конкретных вузов, что приводит к разнородности подходов, отсутствию единых стандартов и затрудняет межвузовскую интеграцию образовательных ресурсов.

Для эффективного развития дистанционного образования в Республике Беларусь необходимо совершенствование нормативно-правовой базы. Это включает принятие комплексного закона о дистанционном обучении, разработку единых стандартов качества, обеспечение правовой защиты участников образовательного процесса, а также гармонизацию национального законодательства с международными нормами. Только при условии системного подхода дистанционное образование сможет стать полноценной и равноправной формой получения знаний в стране [5].

В заключение, развитие онлайн-образования в Республике Беларусь открывает новые возможности для обучения, но также ставит перед законодательством ряд серьезных вызовов. Существующая правовая база, ориентированная на традиционные формы обучения, не в полной мере учитывает специфику дистанционного образования, что приводит к правовой неопределенности и может негативно сказаться на качестве образовательных услуг.

Для успешного функционирования системы дистанционного обучения необходимо разработать современные законодательные нормы, которые будут регулировать не только образовательный процесс, но и аспекты защиты прав обучающихся, авторских прав и безопасности персональных данных. Создание центров дистанционного обучения и проведение тренингов для преподавателей помогут улучшить качество образования и адаптировать образовательные учреждения к новым технологиям.

Таким образом, комплексный подход к правовому регулированию онлайн-образования в Беларуси позволит создать эффективную и доступную систему, способствующую развитию качественного образования и удовлетворению потребностей обучающихся в условиях быстро меняющегося мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дистанционное образование было, есть и будет. История – 2014. – URL: <https://runet.news/experts/578> (дата обращения: 06.10.2025).
2. Положение о дистанционном обучении в учреждении образования // БГУИР – URL: <https://www.bsuir.by/ru/dokumenty> (дата обращения: 07.10.2025).
3. Нормативно-правовое обеспечение дистанционного образования и использование дистанционных образовательных технологий в учебном процессе / Д. Г. Назаров, М. Н. Гришко // Дистанционное обучение – образовательная среда XXI века : тез. докл. XII Междунар. науч.-метод. конф., 26 мая 2022 г., г. Минск / БГУИР [и др.] ; редкол.: В. В. Баранов [и др.]. – Минск, 2022. – С. 234.
4. О дистанционной форме получения образования при реализации образовательных программ профессионально-технического, среднего специального образования : постановление Министерства образования Респ. Беларусь от 11 нояб. 2022 г. № 431 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 07.10.2025).
5. Скворцова Т.А. Правовые аспекты оказания образовательных услуг с применением дистанционных образовательных технологий в Республике Беларусь // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4. Правазнаўства. – 2020. – Т. 10. № 1 (дата обращения: 08.10.2024).
6. Солодовникова Т. В. Правовые основы развития дистанционного образования в Республике Беларусь // Право.by. – 2017. – № 5 (дата обращения: 06.10.2025).
7. Блоховцова, Г. Г. Перспективы развития дистанционного образования. Преимущества и недостатки / Символ науки. – 2016. – №10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-distantsionnogo-obrazovaniya-preimuschestva-i-nedostatki> (дата обращения: 06.10.2025).

УДК 347

ТЕХНОЛОГИИ, МЕНЯЮЩИЕ ОБРАЗОВАНИЕ: РОЛЬ НЕЙРОСЕТЕЙ В ОБУЧЕНИИ**А. А. ГОНЧАРОВА****(Представлено: К. Д. САВИЦКАЯ)**

В статье рассматривается влияние нейросетей на образовательный процесс, анализируя их потенциальные возможности и вызовы. Автор исследует, как искусственный интеллект трансформируют традиционные методы обучения, делая их более доступными и персонализированными. Обсуждаются примеры успешного применения нейросетей в образовательных платформах, таких как адаптивные обучающие системы и автоматизированные инструменты оценивания. Также поднимаются важные вопросы правового регулирования, включая защиту персональных данных, доступность образовательных ресурсов для студентов с ограниченными возможностями и авторские права на создаваемый контент. Статья подчеркивает, что несмотря на очевидные преимущества, интеграция нейросетей в образование требует внимательного подхода к этическим и правовым нормам.

Образование – это основа развития общества, и его методы всегда находились в состоянии постоянного изменения. С появлением новых технологий мы наблюдаем, как традиционные подходы к обучению постепенно уступают место инновационным решениям. В последние годы искусственный интеллект и, в частности, нейросети, стали одними из наиболее обсуждаемых и перспективных инструментов, способных изменить облик образования. Эти технологии не только помогают в решении текущих проблем, но и открывают новые горизонты для обучения, делая его более доступным, персонализированным и эффективным.

Нейросети, основанные на сложных алгоритмах машинного обучения, способны анализировать огромные объемы данных, что позволяет им адаптироваться к индивидуальным потребностям учащихся и преподавателей. В этом контексте возникает вопрос: как именно нейросети влияют на образовательный процесс и какие возможности они открывают для будущего обучения?

Цель данной статьи – исследовать роль нейросетей в образовании, анализируя их влияние на обучение, оценивание, доступность образовательных ресурсов и поддержку преподавателей. Мы рассмотрим, как эти технологии уже применяются в образовательной сфере, какие преимущества они приносят и какие вызовы могут возникнуть в процессе их интеграции в учебный процесс. Это поможет лучше понять, как нейросети могут стать катализатором изменений в образовании и какие перспективы открываются перед учащимися и преподавателями в эпоху цифровых технологий.

Персонализированное обучение становится одной из ключевых тем в сфере образования, особенно в контексте стремительного развития технологий. В традиционных образовательных системах подход к обучению часто является однообразным и не учитывает индивидуальные потребности каждого учащегося. Однако с появлением нейросетей и алгоритмов машинного обучения стало возможным создавать адаптивные образовательные программы, которые соответствуют уникальным способностям, интересам и стилям обучения студентов. Исследования показывают, что персонализированное обучение может увеличить уровень усвоения материала на 30% по сравнению с традиционными методами [1].

Нейросети анализируют большие объемы данных, собирая информацию о поведении, успеваемости и предпочтениях студентов. Эти данные могут включать:

- Историю учебных достижений: оценки, результаты тестов и задания.
- Стил ь обучения: предпочтения в формате материалов (видео, текст, интерактивные задания).
- Темп усвоения: скорость, с которой студент осваивает новые концепции и темы.

На основе этой информации нейросети могут адаптировать учебный процесс, предлагая индивидуализированные рекомендации и материалы. Например, если студент испытывает трудности с определенной темой, система может предложить дополнительные ресурсы или задания для закрепления материала.

Примеры технологий персонализированного обучения:

Адаптивные обучающие платформы: платформы Smart Sparrow и DreamBox, используют алгоритмы машинного обучения для создания индивидуализированных учебных планов. Эти системы могут изменять содержание курса в зависимости от прогресса студента, предлагая более сложные задания, когда уровень понимания повышается, или упрощая их, если возникают трудности.

Интерактивные приложения: приложения, такие как Duolingo, используют элементы геймификации и адаптированные задания, чтобы поддерживать интерес студентов. Система анализирует ответы пользователей и корректирует уровень сложности в зависимости от их успехов.

Системы анализа данных: образовательные учреждения могут использовать аналитические инструменты, которые отслеживают успеваемость студентов в реальном времени. Эти системы помогают преподавателям выявлять проблемные области и адаптировать свои подходы к обучению на основе собранных данных [2].

Несмотря на множество преимуществ, персонализированное обучение сталкивается с рядом значительных вызовов, которые могут затруднить его эффективное внедрение. Важным аспектом является защита персональных данных. Сбор и анализ данных студентов, необходимых для персонализации обучения, требуют особого внимания к вопросам конфиденциальности и безопасности. Учебные заведения должны быть готовы к соблюдению законодательства о защите данных и разработке надежных методов хранения и обработки информации. Невозможность обеспечить надежную защиту данных может привести к утечкам информации и потере доверия со стороны студентов и их родителей, что в свою очередь может подорвать эффективность использования технологий в образовательном процессе.

Автоматизация оценивания – это еще одна ключевая область, где нейросети демонстрируют значительное влияние на образовательный процесс. Традиционные методы оценивания, такие как письменные тесты, часто требуют значительных временных затрат от преподавателей, что может ограничивать их возможности для индивидуальной работы со студентами. Внедрение нейросетей в оценивание открывает новые горизонты, позволяя сделать этот процесс более эффективным и объективным.

Нейросети способны обрабатывать и анализировать большие объемы данных, что делает их идеальными для автоматизированной проверки заданий. Системы на основе искусственного интеллекта могут:

- Автоматически проверять тесты: нейросети могут оценивать как тесты с выбором ответа, так и открытые задания, анализируя содержание и структуру ответов. Это позволяет значительно сократить время, необходимое для проверки, и снизить нагрузку на преподавателей.

- Предоставлять обратную связь: автоматизированные системы могут не только выставлять оценки, но и давать детализированную обратную связь. Например, они могут указывать на конкретные ошибки, предлагать рекомендации по улучшению и направлять студентов к дополнительным ресурсам для изучения.

Примеры применения автоматизированного оценивания:

- Системы проверки сочинений: Платформы, такие как Turnitin и Grammarly, используют нейросети для анализа текстов, предоставляя обратную связь по грамматике, стилю и структуре. Такие системы помогают студентам улучшить свои навыки написания и избегать плагиата.

- Интерактивные тесты и экзамены: Программы, такие как Gradescope, позволяют преподавателям создавать автоматизированные тесты и экзамены, которые могут быть проверены с помощью нейросетей. Это значительно упрощает процесс оценивания и позволяет преподавателям сосредоточиться на более творческих и аналитических аспектах учебного процесса [3].

Несмотря на очевидные преимущества, автоматизация оценивания также сталкивается с рядом вызовов. Одним из них является необходимость в высококачественных данных для обучения нейросетей. Алгоритмы требуют большого объема правильно размеченных данных, чтобы быть эффективными в оценивании. Доступность образовательных ресурсов является одной из ключевых задач современного образования. Нейросети играют важную роль в этом процессе, особенно в контексте поддержки студентов с ограниченными возможностями. С помощью технологий, основанных на искусственном интеллекте, образовательные учреждения могут создавать адаптированные материалы, которые учитывают специфические потребности различных групп учащихся. По данным ЮНЕСКО, около 263 миллионов детей и молодежи в мире не посещают школу. Нейросети могут помочь сделать образование более доступным для всех [5].

Нейросети могут анализировать и адаптировать учебные материалы, чтобы сделать их более доступными для студентов с разными потребностями. Например, они могут конвертировать текстовые материалы в аудиоформат, что особенно полезно для студентов с нарушениями зрения или дислексией. Такие технологии, как синтез речи, позволяют создавать качественные аудиокниги и лекции, которые студенты могут слушать, что значительно облегчает процесс усвоения информации.

Системы распознавания речи, основанные на нейросетях, позволяют студентам взаимодействовать с учебными материалами более естественным образом. Это особенно полезно для учащихся с физическими ограничениями, которые могут испытывать трудности с набором текста. Используя голосовые команды, студенты могут задавать вопросы, получать ответы и участвовать в обсуждениях, что делает обучение более инклюзивным.

Системы на базе нейросетей могут создавать персонализированные учебные планы, которые учитывают уникальные потребности и способности каждого студента. Это позволяет предоставлять дополнительные ресурсы и поддержку тем, кто сталкивается с трудностями в определенных областях, например, в математике или языке. Адаптивные обучающие платформы могут автоматически предлагать дополнительные задания или материалы, которые помогут студентам развивать необходимые навыки [4].

Примеры успешного применения:

- Kurzweil 3000: Эта программа использует технологии распознавания речи и синтеза текста для создания доступных учебных материалов для студентов с ограничениями по обучению. Она позволяет преобразовывать текст в речь, а также предоставляет инструменты для аннотирования и организации учебного процесса.

- Voiceitt: Технология, которая помогает людям с нарушениями речи взаимодействовать с окружающим миром благодаря распознаванию их уникальных голосовых паттернов. Это позволяет студентам общаться, задавать вопросы и участвовать в классе наравне с другими.

- Использование искусственного интеллекта (ИИ) в образовании демонстрирует стремительный рост, и различные исследования подчеркивают его влияние на учебный процесс. Вот некоторые ключевые статистические данные и тенденции:

- Рост рынка ИИ в образовании: Ожидается, что мировой рынок ИИ в образовании достигнет 7,57 миллиарда долларов в 2025 году и вырастет до 32,27 миллиарда долларов к 2030 году. По прогнозам, среднегодовой темп роста (CAGR) составит от 31,2% до 42,83% в период с 2025 по 2030 год. К 2034 году рынок может вырасти до 112,3 миллиарда долларов.

- Внедрение ИИ в учебных заведениях: 60% преподавателей используют ИИ в своей работе. В частности, 63% учителей внедрили GenAI в процесс обучения.

- Использование ИИ студентами: 86% студентов в школах и высших учебных заведениях используют ИИ. Около 89% студентов признают, что используют ChatGPT для выполнения домашних заданий.

- Преимущества использования ИИ: 42% преподавателей, активно использующих ИИ, отмечают экономию времени на административных задачах в качестве основного преимущества.

- Опасения, связанные с ИИ: 81% преподавателей обеспокоены тем, что учащиеся могут использовать ИИ для списывания [6].

Эти данные демонстрируют растущее влияние ИИ на образование, но также подчеркивают необходимость решения проблем, связанных с его использованием.

Внедрение нейросетей и других технологий в образовательный процесс сопровождается рядом правовых аспектов, которые касаются как защиты прав учащихся, так и соблюдения норм по использованию технологий. Рассмотрим основные правовые вопросы, связанные с использованием нейросетей в образовании.

Одним из ключевых правовых аспектов является защита персональных данных студентов. Использование нейросетей требует сбора и анализа большого объема данных, включая информацию о успеваемости, поведении и предпочтениях учащихся. В большинстве стран существуют законы, регулирующие сбор, обработку и хранение персональных данных. Например:

- GDPR (Общий регламент по защите данных) в Европейском Союзе устанавливает строгие правила по обработке персональных данных, требуя от организаций получения согласия на обработку данных и обеспечения их безопасности.

- Закон о защите личной информации детей в Интернете (COPPA) в США регулирует сбор данных о детях младше 13 лет, требуя от образовательных платформ соблюдения дополнительных мер безопасности [7].

- Правовые нормы также касаются доступности образовательных ресурсов для людей с ограниченными возможностями. Законы, такие как The Americans with Disabilities Act (ADA) в США, обязывают учебные заведения обеспечивать доступность технологий и ресурсов. Это включает в себя:

- Обеспечение адаптированных материалов, которые могут быть использованы с нейросетевыми технологиями.

- Создание инклюзивных платформ, которые позволяют всем студентам, включая тех, кто имеет физические или когнитивные ограничения, получать доступ к образовательным ресурсам.

Республика Беларусь также предпринимает шаги по формированию нормативной базы, регулирующей использование искусственного интеллекта (ИИ) и нейросетей, включая их применение в образовании, здравоохранении, промышленности и других сферах.

Так, в соответствии с пунктом 3 приложения 2 Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 21 апреля 2023 г. № 280 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136», в нормативных документах официально закреплено понятие искусственного интеллекта. Это стало важным шагом к системному регулированию технологий ИИ, включая нейросети, машинное обучение и интеллектуальные алгоритмы [8].

Законодательная база пока не сформирована полностью, но ведется активная работа над нормативными актами, регулирующими ИИ и нейросети. Весной 2025 года Конституционный суд поддержал инициативу по разработке законодательства, регулирующего использование ИИ. Национальный центр защиты персональных данных (НЦЗПД) планирует внести изменения в законодательство, касающиеся ИИ, особенно в части защиты персональных данных, который регулируется Законом Республики Беларусь «О защите персональных данных» [9].

Использование нейросетей в образовании также поднимает вопросы, связанные с авторским правом и интеллектуальной собственностью. Например:

- Создание контента с помощью нейросетей может вызвать вопросы о том, кто является автором этого контента – разработчик алгоритма, учебное заведение или сам учащийся.
- Учебные заведения должны быть внимательны к соблюдению авторских прав на материалы, используемые в обучении, особенно если они используют автоматизированные системы для их создания или модификации.

Нейросети представляют собой мощный инструмент, способный трансформировать образовательный процесс, предлагая инновационные подходы к обучению и оцениванию. Их способность анализировать данные и адаптировать учебные материалы под индивидуальные потребности студентов открывает новые возможности для персонализированного обучения, повышая вовлеченность и успеваемость. Тем не менее, успешная интеграция нейросетей в образовательную практику вызывает необходимость решения важных вопросов, связанных с защитой личных данных, доступностью ресурсов и соблюдением прав интеллектуальной собственности. Эти аспекты требуют внимательного подхода как со стороны образовательных учреждений, так и со стороны законодателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корякова, К. А. Нейросети как новые инструменты в образовании / К. А. Корякова, О. В. Судакова – Информационные технологии в образовании, 2023. – № 6. – 180–186 с.
2. Курбанова, З.С. Нейросети в контексте цифровизации образования и науки / З.С. Курбанова, Н.П. Исмаилова – Мир науки, культуры, образования, 2023. – № 3(100). – 309–311 с.
3. Сабзалисва, Э. ChatGPT и искусственный интеллект в высшем образовании / Э. Сабзалисва, А. Валентини – Цифровая библиотека UNESDOC, 2025 – URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000385146> (дата обращения 06.10.2025)
4. Терехова, Е.С. Анализ востребованности использования нейросетей для решения учебных задач / Е.С.Терехова, Н.Н. Пучкова, Л.В. Новикова – Научно-методический электронный журнал «Концепт», 2024. – № 08. – 1–17 с. – URL: <https://e-koncept.ru/2024/241123.htm> (дата обращения 06.10.2025)
5. Управление изменениями в образовании: генеративный ИИ. Отчет об исследования. – URL: https://sberuniversity.ru/upload/research/Generativnyj_II_issledovanie (дата обращения 06.10.2025)
6. AI in Education Statistics 2025: Usage, Market Size & More, 2025 – URL: <https://resourcea.com/data/artificial-intelligence/ai-in-education-statistics/> (date of access: 06.10.2025)
7. Moorhouse, B.L. Generative AI tools and assessment: Guidelines of the world's top-ranking universities / B.L. Moorhouse, M.A. Yco, Y. Wan I/ Computers and Education Open, 2023. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2772665823000111> (date of access: 06.10.2025)
8. О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136 : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 21 апреля 2023 г. № 280 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 09.10.2025).
9. О защите персональных данных : Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-3 // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 06.10.2025).

УДК 368.8

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И МЕРЫ ЗАЩИТЫ В СФЕРЕ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**С. В. ГРИБОВСКАЯ****(Представлено: Т. В. СЕМЁНОВА)**

В статье рассматривается гражданско-правовая ответственность в медицине, включая возмещение морального вреда и защиту прав пациентов. Проводится сравнительный анализ зарубежного опыта регулирования гражданско-правовой ответственности в медицинской сфере. Выявляются различные подходы к определению оснований, условий и пределов ответственности, сложившиеся в разных правовых системах.

Гражданско-правовая ответственность медицинских и фармацевтических организаций, а также отдельных медицинских работников представляет собой сложный правовой институт, занимающий центральное место в системе правового регулирования медицинской деятельности [1, с. 178]. Актуальность темы обусловлена развитием медицинских технологий, повышением требований к качеству медицинской помощи и повышению правосознания граждан. Формируя эффективный механизм защиты прав пациентов, гражданско-правовая ответственность одновременно служит инструментом обеспечения надлежащего качества медицинских услуг.

Особенность гражданско-правовой ответственности в медицинской сфере заключается в ее двойственной природе. С одной стороны, она базируется на общих принципах гражданского права, а с другой – учитывает специфику профессиональной медицинской деятельности, что проявляется в специальных составах правонарушений и особенностях доказывания [2, с. 139]. Эта двойственность отражает сложность и многогранность отношений, возникающих в процессе оказания медицинской помощи [3].

Правовые основы гражданско-правовой ответственности в медицинской сфере закреплены в гражданском законодательстве и специальных нормативных актах, регулирующих медицинскую и фармацевтическую деятельность. В Республике Беларусь, как и во многих других странах, основу регулирования составляют положения Гражданского кодекса, Закона «О здравоохранении» и подзаконных нормативных правовых актов, устанавливающих стандарты оказания медицинской помощи.

Медицинские и фармацевтические организации несут ответственность за ненадлежащее оказание медицинской помощи, причем понятие «ненадлежащее оказание» включает не только прямое причинение вреда здоровью пациента, но и нарушение принципа информированного добровольного согласия, медицинской тайны, права на качественную и своевременную медицинскую помощь [4]. Такой широкий подход к определению оснований ответственности отражает комплексный характер прав пациента в современном здравоохранении.

Основанием для привлечения к ответственности служит установление факта нарушения договорных обязательств или внедоговорного причинения вреда (деликт). Важной процессуальной особенностью является распределение бремени доказывания – оно лежит на медицинской организации, что свидетельствует о действии презумпции вины исполнителя медицинских услуг. Данный подход обусловлен специальным характером отношений между медицинской организацией и пациентом, а также сложностью доказывания отсутствия вины со стороны пациента.

Особое значение имеет правильное определение размера причиненного вреда. В соответствии с гражданским законодательством, размер вреда включает стоимость некачественно оказанной услуги, расходы на устранение последствий, компенсацию морального вреда, а в особых случаях – упущенную выгоду. Каждый из этих компонентов требует тщательной оценки и расчета, учитывающего специфику медицинской деятельности.

Отдельные медицинские работники (врачи, фармацевты, средний медицинский персонал) несут гражданско-правовую ответственность перед пациентами в рамках трудовых отношений с медицинской организацией. Организация, возместившая вред пациенту, в порядке регресса может взыскать с работника суммы, выплаченные потерпевшему, если вина медицинского работника будет доказана [5].

Сравнительный анализ зарубежного опыта регулирования гражданско-правовой ответственности в медицинской сфере выявляет различные подходы к определению оснований, условий и пределов ответственности, сложившиеся в разных правовых системах.

В странах романо-германской правовой семьи (Германия, Франция, Испания) ответственность медицинских учреждений и практикующих врачей строится на принципе вины, однако с существенными особенностями. Немецкое право использует конструкцию «презумпции вины» медицинского учреждения за действия своих работников. Французская судебная практика развила доктрину «ответственности за действия

третьих лиц», делая клиники безусловно ответственными за вред, причиненный их персоналом. Эти различия демонстрируют, как в рамках одной правовой семьи могут существовать различные подходы к регулированию аналогичных отношений.

В англосаксонской системе (США, Великобритания) доминирует право деликтов, где ключевое значение имеют прецеденты по делам о «медицинской халатности». Сформированные судебной практикой стандарты «разумного врача» требуют от истца доказывания нарушения стандарта медицинской помощи, причинения вреда и причинно-следственной связи между ними. Американская система отличается исключительно высокими размерами компенсаций, особенно за «боль и страдания», что привело к кризису страхования профессиональной ответственности и появлению законодательных ограничений размеров выплат.

Особый интерес представляет скандинавская модель (Швеция, Финляндия), сочетающая элементы деликтной ответственности с системой компенсационных фондов. В рамках этой модели пациент получает возмещение из специального страхового фонда независимо от доказательства вины медицинского персонала. Такой подход значительно упрощает процедуру получения компенсации и сокращает сроки разрешения споров, что делает его особенно привлекательным с точки зрения защиты прав пациентов.

В фармацевтической сфере также наблюдаются существенные различия в подходах к ответственности. Страны ЕС применяют строгую (безвиновную) ответственность производителей лекарств согласно Директиве о продуктах с недостатками. В то же время в США действует сложная многоуровневая система ответственности, включающая массовые иски по делам о побочных действиях лекарств. Эти различия отражают различные философские подходы к распределению рисков в обществе.

Ключевым основанием для привлечения к гражданско-правовой ответственности в сфере медицинской деятельности является ненадлежащее оказание медицинских услуг. В научной литературе под ненадлежащим оказанием медицинской услуг понимаются любые нарушения медицинскими работниками в процессе оказания медицинской услуги правовых норм, медицинских правил, этики и деонтологии, а также такие деяния медицинских работников, которые не соответствуют установленным требованиям медицинской науки и практики. Часто этот термин обозначают как «дефект профессиональной деятельности медицинского работника» или «дефект медицинской помощи» [2].

Признаками ненадлежащего оказания медицинских услуг являются: отсутствие у медицинских работников базисных медицинских знаний и умений; несоблюдение медицинскими работниками утвержденных стандартов и медицинских протоколов на всех стадиях диагностики заболевания и его лечения; несоблюдение условий договора возмездного оказания медицинских услуг; нарушение нормативных правовых актов, устанавливающих правовой статус медицинских работников и пациентов; несоблюдение рекомендаций и протоколов Всемирной Организации Здравоохранения; не предоставление информации, предоставление неполной либо неточной информации о медицинской услуге.

На практике нарушения договорных обязательств проявляются в конкретных формах. Так, одной из распространенных причин спора, который инициирует заказчик, является не оказание полного спектра медицинских услуг, предусмотренных соответствующим договором. Как уже указывалось, в предмет данного договора входят действия либо деятельность, которые должны быть осуществлены исполнителем в пользу заказчика (п. 1 ст. 733 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) [6]. Именно в этом состоит цель заказчика при заключении договора возмездного оказания медицинских услуг. Если указанные действия исполнителем выполнены не будут, заказчик не получит причитающегося ему по договору.

Другим ключевым аспектом надлежащего исполнения является личный характер услуги. Согласно положениям ст. 734 ГК услуга будет считаться выполненной надлежащим образом только тогда, когда она выполнена лично исполнителем. Так, одно дело, когда медицинскую услугу оказывает индивидуальный предприниматель, тогда не приходится поднимать вопрос о личном характере оказываемой им услуги, поскольку в данном случае и лицо, заключившее договор на оказание медицинских услуг, и фактический исполнитель медицинской услуги – это одно лицо. Если же индивидуальный предприниматель привлекает для исполнения медицинской услуги иное физическое лицо, вполне уместно ставить вопрос о нарушении не только условий договора возмездного оказания медицинских услуг, но и о нарушении лицензионных правил осуществления деятельности в области медицины.

Для возникновения гражданско-правовой ответственности необходимо наличие состава гражданского правонарушения, который включает четыре обязательных элемента: противоправность поведения, наличие вреда, причинно-следственную связь между противоправным поведением и вредом, а также вину правонарушителя. Каждый из этих элементов имеет специфику в медицинской сфере [7, с. 30].

Противоправность в оказании медицинских услуг находит свое выражение в несоблюдении медицинскими работниками утвержденных стандартов и медицинских протоколов, нарушении условий договора, непредоставлении или предоставлении неполной информации об оказанной медицинской услуге. Вред, причиненный противоправными действиями, может быть как имущественным, так и неимущественным. В медицинской практике вредом чаще всего является причинение вреда здоровью, увечья или смерти физического лица в результате оказания ему медицинской услуги [5].

Институт возмещения морального вреда в медицинской сфере обладает существенной спецификой по сравнению с общими нормами о компенсации нематериального ущерба. Эта специфика обусловлена характером нарушаемых благ (жизнь, здоровье, телесная неприкосновенность), особой психологической травматичностью медицинских правонарушений и сложностью объективной оценки степени нравственных страданий пациента.

В основе правового регулирования возмещения морального вреда лежит принцип полного возмещения вреда, однако его практическая реализация сталкивается с рядом системных проблем. Критерии определения размера компенсации остаются размытыми и варьируются в зависимости от правовой системы. В странах общего права (США, Великобритания) суммы компенсаций за «боль и страдания» могут достигать миллионов долларов, тогда как в континентальной Европе и странах СНГ суды традиционно назначают более скромные суммы.

Особую сложность представляет доказывание причинно-следственной связи между противоправными действиями медицинских работников и наступившими нравственными страданиями, что требует привлечения комплексных психолого-психиатрических экспертиз. Сохраняется проблема баланса между необходимостью справедливой компенсации и риском банкротства медицинских учреждений из-за чрезмерных выплат, что особенно актуально для государственных больниц с ограниченным финансированием.

Современная практика возмещения морального вреда в медицине выработала ряд специальных подходов к оценке размера компенсации. Учитываются такие факторы как степень вины медицинского персонала (умысел, грубая неосторожность, простая неосторожность), характер и продолжительность физических страданий, возраст и социальное положение потерпевшего, последствия для качества жизни, необходимость длительной реабилитации. Особую категорию составляют случаи компенсации морального вреда родственникам пациентов в случае смерти – здесь учитывается степень родства, психологическая зависимость, факт совместного проживания.

В различных областях медицины применяются специальные механизмы защиты прав пациентов и медицинских работников. При оказании психиатрической помощи ключевое значение приобретает институт принудительной госпитализации, регламентированный специальными нормами законодательства о психиатрической помощи. В акушерско-гинекологической практике особую роль играет механизм информированного согласия, который должен учитывать состояние беременной женщины. В хирургической практике важнейшим способом защиты выступает система предоперационного консилиума и многоуровневого согласования рисков.

В обязательном медицинском страховании договорная природа ответственности несколько ограничена императивными нормами законодательства, устанавливающими минимальные гарантии и стандарты оказания медицинской помощи. В отличие от этого, в сфере добровольного медицинского страхования стороны обладают значительной свободой в определении условий ответственности, что позволяет учитывать специфику потребностей конкретного страхователя и особенности деятельности медицинских организаций.

Ключевой особенностью договорного регулирования ответственности в медицинском страховании является система взаимных обязательств всех участников. Страховая компания несет ответственность перед страхователем за своевременность и полноту оплаты медицинских услуг в соответствии с программой страхования. Медицинское учреждение отвечает перед страховщиком за качество оказанных услуг и обоснованность предъявленных к оплате счетов.

Ответственность страховой медицинской организации возникает при наличии совокупности юридически значимых условий, установленных законодательством и конкретизированных в договоре страхования. К ним относятся: надлежащее оформление страховых отношений, своевременное уведомление о страховом случае, доказанность причинно-следственной связи между наступившим событием и страховым случаем, а также отсутствие обстоятельств, освобождающих страховщика от ответственности.

Особое значение имеет соблюдение принципа добросовестности со стороны всех участников страховых отношений, включая предоставление достоверной информации при заключении договора и отсутствие злоупотреблений при наступлении страхового случая. Современная практика медицинского страхования выработала дополнительные условия, влияющие на наступление ответственности страховщика: соблюдение порядка предварительного уведомления о плановом лечении, получение согласия страховой организации на определенные виды дорогостоящего лечения, обращение в медицинские учреждения, аккредитованные страховой компанией [1, с. 167].

Современные тенденции развития гражданско-правовой ответственности в медицинской сфере демонстрируют общемировую тенденцию к усилению защиты прав пациентов при одновременном поиске баланса между интересами пациентов, медицинских работников и медицинских организаций.

Значительное развитие получают внесудебные механизмы разрешения споров. Медиация, примирительные комиссии, деятельность омбудсменов в сфере здравоохранения – все эти институты позволяют разрешать конфликты между пациентами и медицинскими организациями без обращения в суд, что сокращает сроки разрешения споров и снижает нагрузку на судебную систему.

Цифровизация доказательственного процесса представляет собой еще одну важную тенденцию. Использование электронных медицинских карт в качестве доказательства, внедрение систем электронного документооборота, применение технологий распределенного реестра для обеспечения неизменности медицинской документации – все эти инновации значительно изменяют процесс доказывания в делах о надлежащем оказании медицинской помощи.

Наблюдается общемировая тенденция к усилению гражданско-правовой ответственности в сфере медицинских и фармацевтических услуг, что проявляется в повышении размеров компенсации морального вреда, развитии системы профессионального страхования ответственности, ужесточении требований к качеству медицинской документации как доказательственной базы.

Таким образом, гражданско-правовая ответственность в медицинской сфере представляет собой сложный правовой институт, сочетающий общие нормы гражданского права со специальными положениями, учитывающими особенности медицинской деятельности. Сравнительный анализ выявил различные модели регулирования – от презумпции вины в романо-германском праве до системы компенсационных фондов в скандинавских странах. Ключевым основанием ответственности является ненадлежащее оказание медицинских услуг, требующее установления полного состава гражданского правонарушения. Особого внимания заслуживает институт возмещения морального вреда, нуждающийся в совершенствовании методик расчета компенсаций и развитии системы страхования. Современные тенденции характеризуются гармонизацией стандартов, развитием внесудебных механизмов разрешения споров и цифровизацией процесса доказывания. Перспективы совершенствования данного института связаны с поиском баланса между защитой прав пациентов, справедливой ответственностью медицинских работников и сохранением экономической стабильности системы здравоохранения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агиевец, С. В. Медицинское право: учеб. пособие / С. В. Агиевец. – Гродно: ГрГУ, 2003. – 167 с.
2. Яхновец, И. Н. Правовое регулирование ответственности по договору возмездного оказания медицинских услуг / И. Н. Яхновец // Теория и практика реализации мер ответственности в гражданском, трудовом, семейном праве в государствах Таможенного союза ЕАЭС : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17 дек. 2019 г. / Акад. МВД Респ. Беларусь ; редкол.: Е. М. Ефременко (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2020. – С. 138–141.
3. Венгерова, И. В. Медицинские услуги: характерные признаки и особенности предоставления / И. В. Венгерова // Актуал. вопр. экон. наук. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskie-uslugi-harakternye-priznaki-i-osobennosti-predostavleniya/pdf> (дата обращения: 28.09.2025).
4. Арютина, М. А. Гражданско-правовое регулирование оказания медицинских услуг : выпуск. квалификац. работа / М. А. Арютина ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2018. – URL: https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwi8g5O8iOr8AhXUhf0HHTzTAsIQFnoECA8QAQ&url=https%3A%2F%2Fdspace.spbu.ru%2Fbistream%2F11701%2F13070%2F1%2FVKR_Aryutina_MA.docx&usg=AOvVaw2uteITHd8e5AN8gsV1VEx9 (дата обращения: 28.09.2025).
5. Кралько, А. А. Гражданско-правовая ответственность медицинских работников / А. А. Кралько // Мед. новости. – 2010. – № 5/6. – URL: <https://www.mednovosti.by/journal.aspx?article=4672> (дата обращения: 28.09.2025).
6. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : с изм. и доп. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 28.09.2025).
7. Тимчишен, Ю. Е. К вопросу о гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный исполнителем медицинских услуг / Ю. Е. Тимчишен // Право.by. – 2013. – № 6. – С. 29–33.

УДК 349

**ПОНЯТИЕ, ПРИНЦИПЫ И ОСОБЕННОСТИ
ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ МЕДИЦИНЫ****С. В. ГРИБОВСКАЯ**
(Представлено: Т. В. СЕМЁНОВА)

В статье рассматривается частноправовое регулирование медицинских отношений как система, сочетающая гражданско-правовые начала со специальными медицинскими нормативами. Анализируются принципы частноправового регулирования медицинской деятельности. Делается вывод о необходимости совершенствования правовых механизмов с учетом баланса частных и публичных интересов, защиты прав пациентов, адаптации к новым биомедицинским технологиям.

Частноправовое регулирование отношений в сфере медицины представляет собой систему правовых норм и механизмов, основанных на принципах автономии воли, равенства участников и диспозитивности, которые определяют порядок возникновения, изменения и прекращения правоотношений между субъектами медицинской деятельности.

В отличие от публично-правового регулирования, которое устанавливает общие правила организации системы здравоохранения и осуществления государственного контроля, частноправовые нормы регламентируют горизонтальные отношения между равноправными участниками – медицинскими организациями, врачами, пациентами, страховыми компаниями и другими субъектами.

Основу такого регулирования составляют гражданско-правовые договоры, прежде всего договоры возмездного оказания медицинских услуг, которые определяют взаимные права и обязанности сторон, условия и порядок оказания медицинской помощи, ответственность за ненадлежащее исполнение обязательств.

Особое значение в сфере частноправового регулирования медицинской деятельности приобретают принципы, которые находят свое отражение в специальных нормах законодательства о здравоохранении. В теории права под принципами права понимаются основные идеи, исходные положения или ведущие начала процесса формирования, развития и функционирования права. Правовые принципы отражают сущность, содержание, социальную направленность и особенности правового регулирования соответствующей отрасли. Они, по мнению Т. М. Шаршаковой, позволяют глубже осмысливать правовое регулирование рассматриваемых общественных отношений, правильно понимать и применять конкретные правовые нормы [1, с. 11].

Основными отраслевыми принципами медицинского права, получившими законодательное закрепление, являются следующие: соблюдение прав человека в области охраны здоровья и обеспечение связанных с этими правами государственных гарантий; социальная защищенность граждан в случае утраты здоровья; ответственность органов государственной власти и управления, предприятий, учреждений, организаций, а также их должностных лиц за обеспечение права граждан в области охраны здоровья; приоритет профилактических мер в области охраны здоровья граждан и др.

В Республике Беларусь основными принципами частноправового регулирования отношений в сфере медицины являются:

- создание условий для сохранения, укрепления и восстановления здоровья населения;
- обеспечение доступности медицинского обслуживания (в том числе лекарственного обеспечения);
- приоритетность мер профилактической направленности;
- приоритетность развития первичной медицинской помощи;
- приоритетность медицинского обслуживания (в том числе лекарственного обеспечения) несовершеннолетних, женщин во время беременности, родов и в восстановительный период после родов, инвалидов и ветеранов в соответствии с законодательством Республики Беларусь;
- обеспечение санитарно-эпидемического благополучия населения и его будущих поколений;
- формирование ответственного отношения населения к сохранению, укреплению и восстановлению собственного здоровья и здоровья окружающих;
- ответственность республиканских органов государственного управления, иных государственных организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь, местных исполнительных и распорядительных органов и других организаций за состояние здоровья населения;
- ответственность нанимателей за состояние здоровья работников [2, с. 13].

В статье 3 Закона Республики Беларусь «О здравоохранения» выделены основные принципы государственной политики Республики Беларусь в области здравоохранения. Так, принцип создания условий для сохранения, укрепления и восстановления здоровья населения – одна из главных стратегических задач

страны, которая реализуется совокупностью организационно-правовых мер по созданию условий, обеспечивающих оказание медицинской помощи, осуществлению санитарно-эпидемического благополучия населения [3].

Принцип обеспечения доступности медицинского обслуживания, в том числе лекарственного обеспечения – является одним из основных. Термин «доступное медицинское обслуживание» является ключевым для отечественного здравоохранения. Доступность медицинской помощи – один из основных атрибутов белорусского социального государства.

В статье 4 Закона о здравоохранении указано, что доступное медицинское обслуживание, в первую очередь, обеспечивается «предоставлением бесплатной медицинской помощи на основании государственных минимальных социальных стандартов (далее – ГМСС) в области здравоохранения в государственных учреждениях здравоохранения...»

С целью обеспечения реализации, закрепленных Конституцией Республики Беларусь социальных прав граждан, а также повышения уровня жизни и обеспечения устойчивого развития общества 11 ноября 1999 года был принят Закон Республики Беларусь № 322-3 «О государственных минимальных социальных стандартах» (далее – Закон о стандартах), определивший правовые основы установления, формирования и применения государственных минимальных социальных стандартов.

В статье 1 Закона о стандартах определено следующее понятие ГМСС – минимальный уровень государственных гарантий социальной защиты, обеспечивающий удовлетворение основных потребностей человека, выражаемый в нормах и нормативах предоставления денежных выплат, бесплатных и общедоступных социальных услуг, социальных пособий и выплат [4].

Практическая реализация функционирования системы ГМСС обеспечена рядом постановлений Совета Министров Республики Беларусь, в том числе постановлением от 30.05.2003 № 724 «О мерах по внедрению системы государственных социальных стандартов по обслуживанию населения республики», а также постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29.03.2016 № 259 «О некоторых вопросах государственных минимальных социальных стандартов области здравоохранения».

Данные постановления направлены на конкретное решение следующих задач: предоставление гарантированного объема медицинских услуг в полном объеме каждому жителю; увеличение реальной доступности и повышение качества медицинской помощи, оказываемой за счет средств бюджета; нормативное обеспечение формирования и использования средств республиканского и местных бюджетов и внебюджетных фондов; государственная поддержка здравоохранения [5, с. 23].

Принцип приоритетности мер профилактической направленности раскрывается в статье 1 Закона «О здравоохранении», в соответствии с которой медицинская профилактика определяется как комплекс медицинских услуг, направленных на сохранение и укрепление здоровья пациента, формирование здорового образа жизни, снижение вероятности возникновения и распространения заболеваний и патологических состояний, их раннее выявление, установление причин и условий их возникновения и развития, а также на предотвращение неблагоприятного воздействия на здоровье человека факторов среды его обитания [3].

Профилактическая направленность на государственном уровне включает в себя следующие направления: организация социально-экономических мероприятий по предупреждению заболеваний и устранению причин их воздействия; контроль за соблюдением санитарно-гигиенических норм и правил; формирование у населения навыков здорового образа жизни; широкий охват населения диспансеризацией.

Охват профилактическими мероприятиями больших групп населения приобретает в настоящее время определяющее значение в сфере охраны здоровья. Как пример реализации данного принципа, можно привести введение обязательной диспансеризации с 1 января 2023 года. Министерством здравоохранения Республики Беларусь разработано постановление, которым утверждена Инструкция о порядке проведения диспансеризации. Документ устанавливает порядок проведения диспансеризации взрослого и детского населения. Инструкцией определены цели проведения диспансеризации: проведение медицинской профилактики; пропаганды здорового образа жизни; воспитание ответственности граждан за свое здоровье [6].

Принцип приоритетности развития первичной медицинской помощи состоит в том, что первичная медицинская помощь является этапом непрерывного процесса охраны здоровья населения, на котором пациент впервые взаимодействует с системой здравоохранения.

По определению Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ), первичная медицинская помощь – это важнейшая помощь, доступная по стоимости для данной страны или района, с применением практических научно обоснованных и социально приемлемых методов.

Организация первичной медицинской помощи осуществляется посредством внедрения института врача общей практики. Одной из актуальных проблем современной медицинской практики, непосредственно влияющих на реализацию рассматриваемого принципа, является недостаток квалифицированных медицинских кадров.

Еще одним принципом оказания медицинской помощи относится приоритетность медицинского обслуживания, в том числе лекарственного обеспечения, несовершеннолетних, женщин во время беременности,

родов и в послеродовой период, инвалидов и ветеранов в соответствии с законодательством. С одной стороны, законодательство о здравоохранении основывается на единстве требований ко всем гражданам при возникновении у них субъективного права на медицинское обслуживание и лекарственное обеспечение, с другой – законодательные нормы устанавливают критерий дифференциации в зависимости от субъективных свойств участников правоотношений, а именно: женщин во время беременности, родов и в послеродовой период, инвалидов и ветеранов. Таким образом, дифференциация в законодательстве о здравоохранении предусмотрена в зависимости от ряда социально-значимых обстоятельств.

Следующим принципом оказания медицинской помощи является принцип обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения и его будущих поколений. Санитарно-эпидемиологическое благополучие населения – состояние здоровья населения, среды обитания человека, при котором отсутствует вредное воздействие на организм человека факторов среды его обитания и обеспечиваются благоприятные условия его жизнедеятельности.

Право граждан на санитарно-эпидемиологическое благополучие занимает важное место в системе прав граждан в силу того, что нарушение этого права может оказывать крайне негативное воздействие на человека, условия его жизнедеятельности и состояние здоровья.

К числу рассматриваемых принципов также следует отнести формирование ответственного отношения населения к сохранению, укреплению и восстановлению собственного здоровья и здоровья окружающих.

По данным специалистов ВОЗ, здоровье человека на 50% определяется образом жизни, который ведет человек, в то время как наследственные факторы занимают 20%, состояние окружающей среды – 20% и только 10% зависит от работы национальной системы здравоохранения.

Несмотря на законодательное оформление, принцип формирования ответственного отношения населения к сохранению, укреплению и восстановлению собственного здоровья и здоровья окружающих на практике очень часто не соблюдается. Это проявляется и в наличии вредных привычек у членов общества (в частности, курение в общественных местах), и в безответственном отношении к собственному здоровью, непрохождению ежегодных медицинских осмотров, несоблюдению элементарных санитарных и гигиенических правил и т.п.

Важное значение имеет и принцип ответственности государственных органов, организаций за состояние здоровья населения. Органы государственной власти, должностные лица организаций несут ответственность за обеспечение реализации гарантий и соблюдение прав и свобод в сфере охраны здоровья, установленных законодательством Республики Беларусь.

Важное значение имеет и принцип ответственности нанимателей за состояние здоровья работников. В соответствии со ст. 65 Закона «О здравоохранении», за нарушение законодательства о здравоохранении виновные лица несут ответственность в соответствии с законодательными актами.

Вместе с тем, можно выделить и общеправовые принципы, свойственные праву граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь:

Принцип социальной справедливости. Принцип социальной справедливости выражается в равном распределении благосостояния, наличием равных возможностей и социальных привилегий в обществе;

Принцип гуманизма. Принцип гуманизма означает признание ценности человека как личности, его права на свободное развитие, проявление своих способностей. Гуманизм обеспечивает приоритет общечеловеческих ценностей над национальными, религиозными, индивидуальными, групповыми интересами. Этот принцип в медицинском праве проявляет себя во всем своем многообразии. Имеется целый комплекс правовых, медико-социальных, этических, деонтологических и иных проблем, связанных с реализацией права человека на жизнь и здоровье, установление пределов использования этого права;

Принцип равноправия. Данный принцип означает равенство всех перед законом, равенство прав и обязанностей независимо от национальной, религиозной и иной принадлежности, служебного положения, равную ответственность перед законом, равную защиту в суде;

Принцип законности. Принцип законности означает точное, обязательное и повсеместное исполнение требований закона и других нормативных правовых актов. Реализации рассматриваемого принципа способствует наличие в законодательстве о здравоохранении большого количества норм с бланкетными диспозициями. Такие нормы содержат ссылки на различные инструкции, правила, положения;

Принцип единства юридических прав и обязанностей. Принцип единства юридических прав и обязанностей означает взаимосвязь основных интересов личности, общества и государства, которые выражаются через соответствующие права и обязанности и определяются рациональным сочетанием личных и общественных интересов, а также взаимной ответственностью и взаимными социальными требованиями [2, с. 12].

Частноправовое регулирование отношений в медицинской сфере обладает рядом существенных особенностей, обусловленных спецификой предмета регулирования. В первую очередь, эти особенности проявляются в двойственной природе медицинских правоотношений, которые, с одной стороны, строятся на принципах автономии воли и равенства сторон, характерных для гражданского права, а с другой – подвержены значительному влиянию императивных норм, связанных с обеспечением безопасности пациентов и качеством медицинской помощи.

Важной отличительной чертой является особая субъектная структура отношений, где одной из сторон всегда выступает пациент – физическое лицо, находящееся в заведомо уязвимом положении, что требует установления специальных гарантий защиты его прав и интересов. Еще одной важной особенностью является тесная взаимосвязь договорных отношений с системой обязательного и добровольного медицинского страхования, что создает сложную многоуровневую систему взаимодействия между пациентами, медицинскими организациями и страховыми компаниями.

Таким образом, частноправовое регулирование в медицине представляет собой особую правовую конструкцию, сочетающую гражданско-правовые начала со спецификой медицинской деятельности. Его ключевые особенности включают дуалистическую природу, особый статус пациента, повышенные требования к договорам, комплексную ответственность и связь с системой медицинского страхования.

Современные тенденции развития требуют совершенствования правовых механизмов с учетом баланса частных и публичных интересов, защиты прав пациентов, адаптации к новым технологиям и гармонизации с международными стандартами. Перспективы развития связаны с созданием специальных договорных конструкций, совершенствованием досудебного урегулирования споров и формированием эффективной системы контроля качества медицинских услуг при сохранении баланса между свободой договора и ограничениями в интересах общественного здравоохранения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Медицинское право : учеб. пособие / Т. М. Шаршакова [и др.]. – Гомель : Гомел. гос. мед. ун-т, 2022. – 296 с.
2. Медицинское право : учебник / С. В. Агиевец [и др.] ; под ред. С. В. Агиевец, Г. А. Василевича. – Минск : Вышэйшая школа, 2022. – 336 с.
3. О здравоохранении : Закон Респ. Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХП : с изм. и доп. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 29.09.2025).
4. О государственных минимальных социальных стандартах : Закон Респ. Беларусь, 11 нояб. 1999 г., № 322-З : с изм. и доп. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 29.09.2025).
5. Государственные минимальные социальные стандарты в области здравоохранения как основа доступности медицинской помощи населению : учеб.-метод. пособие / Белорус. мед. акад. последиплом. образования. – Минск : БелМАПО, 2021. – 50 с.
6. О порядке проведения диспансеризации взрослого и детского населения : постановление Министерства здравоохранения Респ. Беларусь от 16 дек. 2024 г. № 173 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 29.09.2025).

УДК 347

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР

К. Ю. ДУБИНЕЦ

(Представлено: К. Д. САВИЦКАЯ)

В статье исследуется правовой режим компьютерных игр, особое внимание уделяется их правовому регулированию. Автор выявляет основные проблемы в правовом поле, связанные с компьютерными играми, и определяют объект и цели исследования для разработки предложений по улучшению правового регулирования. Значимость работы заключается в выявлении недостатков текущего законодательства и предложении конструктивных путей их устранения, что отличает данную публикацию от сходных по тематике и является полезным вкладом в область правового обеспечения индустрию компьютерных игр.

Компьютерные игры стали неотъемлемой частью современной популярной культуры и занимают особое место в жизни общества. Они предлагают возможность окунуться в удивительные виртуальные миры, стать героями фантастических историй и насладиться уникальным игровым опытом. Тем не менее, на фоне всех ожиданий и удовольствий, ассоциированных с компьютерными играми, формируется сложная система правовых норм и регуляторных механизмов. Эти нормы выполняют важную функцию в обеспечении защиты интеллектуальной собственности, регулируя права и обязанности как разработчиков, так и пользователей. Существует необходимость в детальном анализе этих правовых аспектов, поскольку они напрямую влияют на динамику игрового рынка, условия взаимодействия между участниками, а также правовую осведомленность игроков.

Совокупный годовой темп роста игровой индустрии с 2021 года до 2026-го оценивают в 1,3% [1].

Согласно проведенному анализу полученной экономической прибыли можно сделать вывод, что прирост игровой индустрии в обществе увеличивается ежегодно, что в тоже время актуализирует проблему определения правового режима компьютерных игр. С развитием игровой индустрии и цифровых технологий возникают новые юридические вопросы, связанные с использованием, распространением и защитой компьютерных игр. Одной из основных проблем является неоднозначность и нечеткость законодательства в отношении игровой отрасли, что создает проблемы как для разработчиков и издателей игр, так и для пользователей.

Возникают вопросы об авторских правах на игровой контент, регулировании распространения и использования игр, защите прав потребителей в сфере игровой индустрии, а также о влиянии игр на общество и здоровье пользователей. Важно разработать эффективные правовые механизмы, которые бы учитывали специфику игровой индустрии и обеспечивали защиту интересов всех сторон.

Целью исследования является изучение и анализ основных нормативных актов, которые устанавливают порядок и правила взаимодействия участников правовых отношений. Исследования в области правового режима могут также охватывать сравнительный анализ законодательства различных стран или изучение эффективности правовых механизмов в различных областях жизни общества.

В первую очередь необходимо произвести разграничение понятий «компьютерная игра» и «видеоигра», при анализе данной терминологии был рассмотрен ряд научных работ, в которых авторы предлагают свои определения, что свидетельствует о значительной сложности и метафоричности данных понятий (С. А. Субботин [2], Христиан Георгиева [3], И. Е. Гутман, [4], Д. В. Овчаров [5], Ю. Ф. Шпаковский, М. Д. Данилюк [6]), исходя из этого можно сделать вывод, из данных доктринальных трудов, что понятие видеоигра и компьютерная игра, это синонимичные понятия, данные понятия, связаны с игровой индустрией, однако имеют свои персональные свойства и функции, так как компьютерная игра направлена на размещения игры исключительно на персональный компьютер, когда видеоигра может размещаться на различных платформах поддерживающие игры (компьютерные игры, игры для игровых консолей, игры для мобильных устройств, VR-игры, игры для аркадных автоматов, браузерные игры).

На основании изложенного, считаем, что необходимо четко определить на законодательном уровне понятие «видеоигра».

Далее проанализируем подход к определению правового режима компьютерных игр на примере таких государств как (Республика Беларусь, Российская федерация, Германия, Италии, а также США), также рассмотрим доктринальные источники. На основании проведенного анализа, можно сделать вывод, что компьютерные игры рассматриваются в различных аспектах: как компьютерная программа, сложный объект, база данных.

1. Компьютерная программа является неотъемлемым элементом компьютерных игр, также упоминание компьютерной программы как объекта авторского права есть и в законодательстве США, а именно в Законе об авторском праве 1976 г., а также Законе «Об авторском праве цифрового тысячелетия 1998 г.».

На сегодняшний правовой режим компьютерной программы может уравниваться с различными литературными произведениями, в таких государствах как Российская Федерация, США, страны Европейского союза, данный вид защиты является довольно распространённым. Согласно позиции А. А. Муллагалиева в США и Англии видеоигра может быть определена и как сложный объект, и как программа для ЭВМ либо база данных [9].

В ГК РФ не выделяется видеоигра в качестве самостоятельного объекта. Судебная практика рассматривает видеоигры как программу для ЭВМ [19]. М. А. Рожкова, отмечает что отнесение видеоигры к числу программ для ЭВМ, не учитывает сложность современных игр. Солидарна с этой позицией и К. Д. Савицкая [11]: «современные игры включают в себя множество элементов (визуальные компоненты, персонажи, сюжетные линии, иллюстрации, анимация, дизайн, предметы, музыка и звуковые эффекты, диалоги, графика, компьютерный код, пользовательский интерфейс, вид и функции, игровую механику, игровой процесс, аудио, видео, текст, макет, базы данных и др.)» Считаем данную точку зрения обоснованной, так как из всего выше перечисленного программа ЭВМ отвечает лишь за компьютерный код, игровой движок, а также иные технические параметры [10].

По мнению ряда ученых (Л. Ю. Киселева [12], и Г. Н. Москалевич, [13] Ю. Ф. Шпаковский, М. Д. Данилюк видеоигры можно рассматривать как сложный объект, так как они сочетают в себе множество различных элементов. Согласно статьи 1240 Гражданского кодекса Российской Федерации под сложным объектом понимается результат интеллектуальной деятельности, включающий несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности.

По нашему мнению, видеоигру можно рассматривать как мультимедийный продукт. Мультимедийный продукт исходя из работы А. И. Панченко [14] дает возможность предоставления пользователю информации в различных формах и программных объектах (текст, графика, анимация, аудио, видео, игровую механику), и в данном случае пользователь получает эту информацию путём своей интерактивной и интеллектуальной деятельности, что в принципе и представляет собой видеоигру, так же с учётом мнения Е. С. Котенко мультимедийный продукт можно считать определённую совокупность элементов, которая затрагивают сразу несколько направлений игровой и информационной среды.

Компьютерная игра как база данных – упорядоченный набор структурированной информации или данных, которые обычно хранятся в электронном виде в компьютерной системе. База данных обычно управляется системой управления базами данных (СУБД). Данные вместе с СУБД, а также приложения, которые с ними связаны, называются системой баз данных, или, для краткости, просто базой данных [15].

На основе проведенного анализа различных правовых режимов видеоигры, можно утверждать, что наиболее оправданным для данных объектов представляется использование правового режима мультимедийного продукта.

Национальное правовое регулирование вопросов, связанных с видеоиграми, представляет собой многогранную систему нормативно-правовых актов, охватывающих различные аспекты этой динамично развивающейся сферы. В рамках данной системы важно учитывать, что компьютерные игры, как объект авторского права, могут рассматриваться с различных юридических позиций, каждая из которых вносит свой вклад в общее понимание и интерпретацию базовых понятий, применяемых в праве.

На основании проведенного исследования, можно заключить, что развитие законодательства Республики Беларусь и зарубежных стран в сфере компьютерных игр требует доработок. На основании проведенного исследования можно сделать ряд конкретных выводов, отражающих актуальные проблемы и направления развития правового регулирования компьютерных игр. Прежде всего, выявлена терминологическая неопределённость понятий «видеоигра» и «компьютерная игра», что затрудняет их правовую квалификацию. В научной доктрине преобладает мнение о необходимости использования термина «видеоигра» как более универсального. Компьютерные игры могут рассматриваться как программа для ЭВМ, сложный объект, мультимедийный продукт или база данных, каждая из этих квалификаций имеет свои юридические последствия.

В законодательстве Республики Беларусь и Российской Федерации отсутствует самостоятельное определение видеоигры как объекта интеллектуальных прав, что приводит к правовой неопределённости и затрудняет защиту интересов участников индустрии.

Судебная практика в РФ и США склонна трактовать компьютерные игры как программы для ЭВМ, однако с учётом мультимедийной природы современных игр такой подход становится устаревшим. Международный опыт (США, ЕС) демонстрирует более гибкие модели правовой защиты, включая признание видеоигр сложными объектами (мультимедийными продуктами). Исходя из анализа, наиболее актуальным решением является признание видеоигры мультимедийным продуктом, что позволяет учитывать её комплексную структуру и интерактивные особенности. В целях совершенствования правового регулирования рекомендуется разработать определение понятия «видеоигра», определить ее правовой режим.

ЛИТЕРАТУРА

1. За 2024 год рынок игр может принести больше \$189 млрд прибыли [Электронный ресурс] // Igromania.ru. – Режим доступа: <https://www.igromania.ru/news/134703/za-2024-ryinok-igr-mozhet-prinesti-bolshe-189-mlrd-dollarov-pribyili/>. – Дата доступа: 03.04.2024.
2. Субботин, С. А. Правовая охрана персонажей компьютерных игр / С. А. Субботин // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 5. – С. 124–136. – Режим доступа: <https://rozhkova.com/co-authors/2022-Subbotin.pdf>. – Дата доступа: 03.03.2024.
3. Георгиева, Х. Правовая защита видеоигр / Х. Георгиева. – Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3166951. – Дата доступа: 03.03.2024.
4. Гутман, И. Е. Компьютерные виртуальные игры: культурно-антропологические аспекты анализа : автореф. дис. ... канд. философ. наук : 09.00.13 / И. Е. Гутман. – СПб., 2009. – 27 с.
5. Овчаров, Д. В. Сравнительно-правовой анализ терминов «видеоигра» и «компьютерная игра» / Д. В. Овчаров // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 1 (49). – С. 198–202. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-pravovoy-analiz-terminov-videoigra-i-kompyuternaya-igra/viewer>. – Дата доступа: 03.03.2024.
6. Шпаковский, Ю. Ф. Видеоигры в процессе образования / Ю. Ф. Шпаковский, М. Д. Данилюк // Проблемы современного образования. – 2021. – № 6. – С. 193–206. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/videoigry-v-protsesse-obrazovaniya>. – Дата доступа: 03.03.2024.
7. Entertainment Software Rating Board [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.esrb.org/>. – Дата доступа: 03.03.2024.
8. Pan European Game Information [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pegi.info/>. – Дата доступа: 03.03.2024.
9. Муллағалиев, А. А. Основные подходы к определению правового режима видеоигр в Российской Федерации / А. А. Муллағалиев // Молодой ученый. – 2023. – № 45 (492). – С. 347–349. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/492/107635/>. – Дата доступа: 05.05.2024.
10. Заплаткин, А. В. Компьютерная игра как программа для ЭВМ: проблемы определения правовой природы / А. В. Заплаткин, Р. Ш. Рахматулина // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 4 (88). – С. 149–153. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternaya-igra-kak-programma-dlya-evm-problemy-opredeleniya-pravovoy-prirody>. – Дата доступа: 03.03.2024.
11. Савицкая, К. Д. Правовой режим массовых открытых онлайн-курсов / К. Д. Савицкая // Белорусский экономический журнал. – 2022. – № 1 (98). – С. 66–75. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/297979/1/66-75.pdf>. – Дата доступа: 03.03.2024.
12. Киселева, Л. Ю. Видеоигры как объекты права интеллектуальной собственности / Л. Ю. Киселева // Актуальные проблемы российской цивилистики. – 2021. – № 3. – С. 45–51. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/videoigry-kak-obekty-prava-intellektualnoy-sobstvennosti>. – Дата доступа: 03.03.2024.
13. Москалевич, Г. Н. Правовая охрана мультимедийных продуктов как объектов интеллектуальной собственности в международном частном праве / Г. Н. Москалевич // Право Беларуси: современное состояние и перспективы развития: материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22 апр. 2022 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Г. А. Шумак [и др.]. – Минск, 2022. – С. 312–315. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/38112>. – Дата доступа: 03.03.2024.
14. Панченко, А. И. Понятие «Мультимедийный продукт» / А. И. Панченко // Юрист. – 2020. – № 5. – С. 38–42. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-multimediynyy-produkt>. – Дата доступа: 03.03.2024.
15. What is a Database? [Электронный ресурс] // Oracle. – Режим доступа: <https://www.oracle.com/cis/database/what-is-database/>. – Дата доступа: 03.03.2024.
16. Об авторском праве и смежных правах: Закон Респ. Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-3 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
17. Рожкова, М. А. Видеоигры, гейминг, киберспорт: правовые вопросы / М. А. Рожкова, Р. Л. Лукьянова. – М.: Статут, 2022. – 255 с. – Режим доступа: https://rozhkova.com/books_text/GAME-LAW.pdf. – Дата доступа: 03.03.2024.
18. Гражданский кодекс Республики Беларусь: 7 дек. 1998 г. № 218-3 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
19. Основы государственной политики Российской Федерации в области защиты интеллектуальной собственности на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 21 апр. 2023 г. № 231) [Электронный ресурс] // Гарант.ру. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403049593/>. – Дата доступа: 03.03.2024.

УДК 34.096

**ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ –
НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ АДВОКАТОВ****Я. А. КУРТО****(Представлено: канд. юрид. наук Е. Н. КУДРЯШОВА)**

Статья посвящена роли адвокатов в правовой сфере защиты персональных данных в условиях цифровизации. Автора рассматривает адвокатуру будущего как институт, способный эффективно защищать права клиентов в цифровой среде, при использовании описываемых видов юридической помощи. Делается вывод о том, что адвокаты в сфере персональных данных являются основой развития современной адвокатуры, отвечающей на актуальные вызовы цифровой эпохи.

Цифровые технологии влияют на большинство сфер общества. Однако вместе с позитивными аспектами развития технологий субъекты претерпевают и негативные стороны технологического процесса. Так, возникают новые риски в отношении персональных данных, которые стали ценным ресурсом в цифровом пространстве. Рассмотрим некоторые аспекты деятельности адвокатов, оказывающих юридическую помощь в сфере защиты персональных данных.

Адвокатура будущего – адвокатура, отвечающая на новые цифровые риски, и защищающая права и свободы клиентов в цифровой среде. Развитие цифрового пространства повлекло за собой новые возможности для нарушения частной жизни и кражи личных данных. Адвокаты имеют важную роль в обеспечении конфиденциальности и защите данных своих клиентов в эпоху цифровизации [1, с. 92].

Республика Беларусь оперативно решает вопросы, связанные с угрозами в отношении персональных данных субъектов. Так, законодательство о персональных данных является одним из самых развивающихся отраслей права. Прорыв в правовой регламентации сферы защиты персональных данных был достигнут в 2021 году, когда был принят Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон №99-З), содержащий фундаментальные положения в данной отрасли, а также Указ Президента Республики Беларусь от 28 октября 2021 г. № 422 «О мерах по совершенствованию защиты персональных данных», которым был создан уполномоченный орган по защите прав субъектов персональных данных – Национальный центр защиты персональных данных (далее – Центр) [2, 3]. До этого момента сфера защиты персональных данных не была широко регламентирована и, соответственно, защита прав и интересов субъектов персональных данных не осуществлялась так успешно.

Адвокаты в сфере защиты персональных данных оказывают юридическую помощь на основании и в соответствии с Законом Республики Беларусь от 30 декабря 2011 г. №334-З «Об адвокатуре» (далее – Закон № 334-З) [4]. Законом №334-З установлено, что основными задачами адвокатуры являются оказание на профессиональной основе юридической помощи клиентам в целях осуществления и защиты их прав, свобод и интересов, а также участие в правовом воспитании граждан. Стоит вопрос о том, кто является субъектом персональных данных, и могут ли адвокаты осуществлять защиту их прав и интересов.

Согласно пункту 2 статьи 6 Закона № 334-З, любое физическое и юридическое лицо на территории Республики Беларусь вправе обратиться за юридической помощью к адвокату по своему выбору, за исключением случаев оказания юридической помощи за счет средств коллегий адвокатов [4]. Закон № 99-З устанавливает, что субъектом персональных данных признается физическое лицо, в отношении которого осуществляется обработка персональных данных [2]. Персональными данными признается любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано [2]. Следует, что физические лица вправе обратиться за юридической помощью при нарушении их прав в сфере защиты персональных данных.

Отметим, что несмотря на то, что юридические лица не являются субъектами персональных данных, они также могут обратиться к адвокатам за получением юридической помощи. Чаще всего юридические лица выступают операторами персональных данных в соответствии с абзацем 8 статьи 1 Закона № 99-З по признаку организации и (или) осуществления обработки персональных данных самостоятельно или совместно с иными указанными в норме лицами [2]. Некоторые примеры защиты прав и интересов юридических лиц, выступающих в качестве операторов, рассматриваются далее.

Конституцией Республики Беларусь установлено право на защиту от незаконного вмешательства в его частную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство [5]. Государство создает условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании. Адвокат в сфере защиты персональных данных может способствовать защите данного права, используя способы, установленные законодательством.

Адвокат также может оказывать содействие реализации и защиты прав субъектов персональных данных, установленных главой 3 Закона № 99-З, а именно: право на отзыв согласия субъекта персональных данных, право на получение информации, касающейся обработки персональных данных, и изменение персональных данных, право на получение информации о предоставлении персональных данных третьим лицам, право требовать прекращения обработки персональных данных и (или) их удаления, право на обжалование действий (бездействия) и решений оператора, связанных с обработкой персональных данных [2]. В случае нарушения операторами названных прав физических лиц, последние обладают правом направить жалобу в уполномоченный орган по защите прав субъектов персональных данных, а именно Национальный центр защиты персональных данных, а также обратиться за судебной защитой в соответствии с правилами подведомственности и подсудности.

Виды юридической помощи, оказываемой адвокатами в сфере защиты персональных данных, зависят от характера противоправных действий, совершенных в отношении клиента, а также полученных сведений по соответствующему делу. Так, по нашему мнению, адвокаты могут оказывать клиентам следующие виды юридической помощи с целью защиты нарушенных прав в соответствии со статьей 26 Закона № 334-З [4]:

- Дача консультаций и разъяснений по юридическим вопросам защиты персональных данных может быть осуществлена как физическим, так и юридическим лицам;
- Составление заявлений, жалоб и других документов правового характера физическим лицам может быть оказано в том числе с целью их дальнейшего направления в Национальный центр защиты персональных данных. Юридические лица могут обратиться за такой помощью с целью защиты прав и свобод, к примеру, в случае поступления таких жалоб в их организацию с целью дачи ответа, а также для их направления в суд;
- Представление интересов клиентов в судах, а также в государственных органах, иных организациях, в том числе их органах управления, и перед физическими лицами;
- Правовая оценка документов и деятельности в отношении персональных данных;
- Правовая работа по обеспечению хозяйственной и иной деятельности; В число названных правовых работ входит деятельность по разработке таких локальных нормативных правовых актов, как политика в отношении обработки персональных данных, положение о порядке доступа к персональным данным, политика в отношении видеонаблюдения, приказ о назначении ответственного за осуществление внутреннего контроля за обработкой персональных данных и др.;
- Совершение от имени и в интересах клиентов юридически значимые действия в пределах полномочий, предоставленных им клиентом и законодательством;
- Оказание иных видов юридической помощи.

Более того, адвокаты в сфере защиты персональных данных в своей деятельности способствуют защите гражданских прав субъектов персональных данных. Способы их защиты определены статьей 11 Гражданского кодекса Республики Беларусь [6].

Для того, чтобы качественно и полно оказывать юридическую помощь клиентам, адвокату в сфере защиты персональных данных может потребоваться прохождение обучения в названной сфере. Так, Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь предлагает прохождение обучающих курсов для юристов с выдачей сертификатов об обучении электронного образца [7]. Не стоит говорить о том, чтобы делать обучение в данной отрасли обязательным, однако четкое понимание законодательства в сфере защиты персональных данных позволит адвокату более эффективно защищать законные права и интересы граждан.

Адвокаты в сфере персональных данных являются основой развития адвокатуры будущего. Предоставляя юридическую помощь клиентам, которые столкнулись с нарушением их фундаментальных прав, а именно защиты от незаконного вмешательства в их частную жизнь, адвокаты отвечают на современные вызовы и двигают систему адвокатуры вперед.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лысюк, М.А. Роль адвоката в эпоху цифровизации / М.А. Лысюк // Теория, методология и практика научной деятельности : сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, г. Уфа, 28 июня 2023 г. – Уфа : Аэтерна, 2023. – С. 90–93.
2. О защите персональных данных: Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр законод. и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
3. О мерах по совершенствованию защиты персональных данных : Указ Президента Респ. Беларусь от 28 окт. 2021 г. № 422 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр законод. и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

4. Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 30 дек. 2011 г. № 334-З : в ред. от 14.10.2025 г. // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр законод. и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
5. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр законод. и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
6. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Республики 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь. от 22.04.2024 г. №365-З // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр законод. и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
7. Обучающие курсы [Электронный ресурс] / Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://cpd.by/obrazovatelnie-uslugy/vebinary/>. – Дата доступа: 07.10.2025.

УДК 349

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННОЙ РАБОТЫ В СПОРТЕ

И. О. МАЛАФЕЕВ

(Представлено: канд. юрид. наук Е. Н. КУДРЯШОВА)

В статье анализируется рост спроса на дистанционную работу в спорте, влияние COVID-19 на подготовку спортсменов и массовую физкультуру. Проводится анализ действующего трудового законодательства Республики Беларусь и законодательства в сфере физической культуры, содержащего нормы о дистанционной работе в спорте. Предлагается совершенствование правового регулирования указанных вопросов.

Дистанционная работа в спорте становится важным трендом современности, позволяя тренерам, спортсменам и аналитикам эффективно взаимодействовать без географических ограничений. Немалое значение в развитии дистанционной работы в спорте оказала эпидемия COVID-19. В 2020 году современный спорт столкнулся с проблемой, которая изменила тренировочный процесс и жизнедеятельность как спортсменов начального уровня подготовки, так и спортсменов более высокого уровня. В условиях пандемии COVID-19 были закрыты тренировочные базы для подготовки, а также отменены сборы и соревнования спортсменов. Пандемия COVID-19 значительно повлияла на подготовку спортсменов, особенно в видах спорта, требующих специфических условий. Проблемы включали отсутствие командного взаимодействия, невозможность тренировок в привычной среде (например, в воде для плавания) и нехватку инвентаря. Это привело к снижению качества и объема тренировок и, как следствие, к ухудшению физической формы. Решением стало внедрение дистанционных и онлайн-технологий для поддержания спортивной формы спортсменов в новых условиях [1, с. 49]. Онлайн-тренировки, виртуальные консультации, анализ данных с помощью искусственного интеллекта, используемого для мониторинга физических показателей, – всё это делает спортивную подготовку более гибкой и доступной. Такой формат особенно актуален для любителей и профессионалов, которым важно сохранять высокий уровень подготовки вне зависимости от места нахождения. Развитие технологий и цифровых платформ продолжает ускорять этот процесс, делая дистанционную работу не просто альтернативой, а полноценной частью спортивной индустрии.

Следует отметить то, что дистанционная работа в спорте относится не только к спортсменам, но также и к любому человеку, следящему за своей формой и здоровьем. Таким образом, чтобы поддержать тех, кто находится в самоизоляции, в ряде стран проводились со стороны государства те или иные мероприятия. Например, в Российской Федерации Министерство спорта проявило инициативу в проведении акции «Тренируйся дома. Спорт – норма жизни». Спортсмены и тренеры, присоединившись к этому проекту, размещали в социальных сетях примеры активностей в режиме изоляции, подавая пример другим, что нельзя унывать и сдаваться. Любой человек мог найти в интернете тренера, с которым мог поддерживать связь, общаясь по видеозвонку или же принять участие в марафонах, которые очень активно начали проводиться в момент пандемии [2, с. 72].

Однако для действующего законодательства и правового регулирования наибольший интерес представляет вопрос о дистанционной работе непосредственно в профессиональном спорте.

В научной литературе под дистанционной работой со спортсменами понимается способ организации тренировочного процесса, основанный на использовании современных информационных и телекоммуникационных технологий, позволяющих осуществлять тренировочный процесс на расстоянии без непосредственного контакта между тренером и спортсменом [3, с. 1]. В свою очередь, в законодательстве Республики Беларусь дистанционная работа – это работа, которую работник выполняет вне места нахождения нанимателя с использованием для выполнения этой работы и осуществления взаимодействия с нанимателем информационно-коммуникационных технологий [4].

Дистанционная работа может выполняться постоянно, временно (непрерывно в течение определенного срока, не превышающего шести месяцев в течение календарного года) или быть комбинированной (выполняться постоянно или временно с чередованием в течение рабочего времени дистанционной работы и работы по месту нахождения нанимателя).

На работников, выполняющих дистанционную работу, распространяется действие законодательства о труде и иных актов законодательства [4]. Трудовое законодательство Республики Беларусь содержит общие нормы о дистанционной работе, без детализации специфики определенной сферы деятельности, нюансов трудовых отношений отдельных категорий работников. Проанализировав Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 125-З «О физической культуре и спорте», являющийся на сегодняшний день ключевым нормативным правовым актом в спортивной сфере, констатируем отсутствие в нем правового регулирования дистанционной работы в спорте.

Справедливости ради следует отметить, что нормы о дистанционной работе в целом весьма «свежие» для отечественного законодательства. Глава 25-1 Трудового кодекса Республики Беларусь «Особенности регулирования труда работников, выполняющих дистанционную работу», была введена в 2019 году Законом Республики Беларусь от 18 июля 2019 г. № 219-З «Об изменении законов». В сравнении, например, с российским законодательством у нас намного позже были внесены данные изменения (в Российской Федерации глава 49.1. «Особенности регулирования труда дистанционных работников» была введена в 2013 г.). В свою очередь, если сравнивать с законодательством Республики Казахстан, то в Трудовом кодексе этой республики под дистанционную работу выделена только одна статья 138 «Дистанционная работа», входящая в состав главы 12. «Особенности регулирования труда отдельных категорий работников». Изложенное указывает на разные темпы и глубину правового регулирования дистанционного труда в различных странах. И надо сказать, что в нашей стране, несмотря на отсутствие специфического законодательства о дистанционной работе в спорте, приняты значительные меры для регулирования дистанционного труда в целом.

В Республике Беларусь задачи развития спорта, физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы осуществляются в рамках Государственной программы «Физическая культура и спорт» на 2021–2025 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 января 2021 г. № 54 [5]. Согласно этому документу ключевые ориентиры развития спорта в Республике Беларусь на предстоящий период включают: достижение не ниже 25-й позиции в олимпийском медальном зачете, обеспечение охвата 25,3–26,8% населения регулярными занятиями физической культурой и спортом, вовлечение 30,4–31 тыс. человек в технические, авиационные и военно-прикладные спортивные дисциплины, а также достижение показателя в 7–10,5 тыс. человек, успешно выполнивших нормативы национального физкультурно-оздоровительного комплекса [6, с. 76-77].

На достижение планируемых показателей оказывали влияние эпидемиологические риски. Так, в целях остановки или замедления распространения инфекционного заболевания, снижения вероятности контакта между инфицированными и неинфицированными людьми применялся принцип социального дистанцирования: человек организует свою жизнь таким образом, чтобы сократить на три четверти контакты за пределами дома и на четверть на работе. При этом Минздравом было рекомендовано воздерживаться от посещения занятий в спортивных клубах и кружках, тренажерных залах даже с минимальным количеством участников. В случае продолжения спортивных занятий численность группы тогда не могла превышать 5 человек, во время занятий необходимо было соблюдать расстояния 1,5–2 м между людьми. Общение в неблагоприятной эпидемиологической обстановке должно было осуществляться дистанционно с помощью средств связи [6, с. 77].

В настоящее время указанные меры не являются обязательными и не применяются в том же объеме. Сегодня нет обязательных требований по сокращению контактов за пределами дома или на работе. Однако, в случае всплеск респираторных заболеваний, включая COVID-19, отдельные организации или частные лица могут добровольно прибегать к подобным мерам предосторожности. Обязательных ограничений на посещение спортивных учреждений, тренажерных залов и кружков в настоящее время нет. Однако, опять же, в случае неблагоприятной эпидемиологической обстановки, местные органы власти или сами организации могут вводить временные ограничения, например, по количеству посетителей или соблюдению дистанции. Дистанционное общение с помощью средств связи является распространенной практикой в различных сферах жизни (работа, учеба, общение с семьей и друзьями). В период эпидемий использование этих средств может быть особенно актуальным, но и в обычное время дистанционное общение остается важным элементом современной коммуникации. В целом, можно сказать, что меры 2020-2021 гг. не являются актуальными в Беларуси в качестве обязательных требований. Однако, принципы социального дистанцирования, гигиены и дистанционного общения сохраняют свою актуальность в период сезонных заболеваний и могут применяться добровольно или по решению отдельных организаций для обеспечения безопасности и здоровья граждан.

В период пандемии строгие локдауны требовали полного перевода деятельности в онлайн, и белорусским спортивным организациям необходимо было разработать механизмы для полноценной работы в дистанционном формате. Это способствовало обеспечению непрерывности развития физической культуры и спорта даже в условиях потенциальных жестких ограничений, подобных чрезвычайному положению или закрытию инфраструктуры.

Целесообразность освоения практики дистанционных коммуникаций не следует рассматривать лишь в качестве упредительной меры по минимизации рисков неблагоприятной обстановки. Пандемия обнажила и ускорила принятие одного из основных современных трендов: неизбежности внедрения передовых информационно-коммуникационных технологий в сферы жизнедеятельности общества и отрасли национальной экономики. Процесс связывается с появлением в результате научно-технического прогресса новых средств производства и социального взаимодействия и носит название цифровой трансформации экономики [7, с. 12].

По прогнозам ученых, главным ресурсом будущего станет свободное время. Технологический прогресс освобождает время человека от рутины, создавая возможности для отдыха, оздоровления и творчества. Однако это же свободное время может быть потрачено на пагубные привычки, такие как игровая зависимость или употребление вредных веществ. В этих условиях критически важно обеспечить повсеместный доступ к информации о здоровом образе жизни и велнес (англ. wellness – «хорошее здоровье», «благополучие»). Поэтому спортивным учреждениям необходимо по-прежнему осваивать дистанционные форматы работы и активно использовать цифровые технологии для пропаганды физической активности и здоровых ценностей среди населения.

В отечественной практике спортивно-массовой работы уже нашли свое применение пропагандирующие здоровый образ жизни рекламные плакаты и стенды, популяризирующие спорт видеоролики и анимационные фильмы. Тем не менее, по итогам реализации Программы развития физической культуры и спорта в Республике Беларусь на 2016–2020 годы, не решена проблема слабой информированности населения относительно услуг, предоставляемых физкультурно-спортивными объектами [6, с. 78].

Переход в онлайн открывает перед спортивными учреждениями доступ к аудитории, многократно превышающей их физические возможности. Цифровые платформы снимают ограничения по географии и времени работы, позволяя охватить десятки тысяч людей. Эта аудитория включает не только тех, кто уже взаимодействует с учреждением (даже дистанционно), но и обширные группы заинтересованных в самосовершенствовании: любителей ЗОЖ, спортсменов с ненормированным графиком, людей, стремящихся к быстрым результатам (фигура к лету, восстановление), тех, кто находится дома (инвалидность, уход за детьми, самоизоляция) или вдали от него, а также стесняющихся или нуждающихся в индивидуальном подходе новичков и болельщиков. Ключ к работе с этой аудиторией – технологическая поддержка, включающая создание интерактивных онлайн-ресурсов для самостоятельных занятий, персонализированное онлайн-сопровождение (виртуальный тренер) на основе мониторинга активности, интеграцию с цифровыми сервисами смежных отраслей (медицина, туризм) и формирование единого информационного пространства в сфере спорта.

Одной из проблем, которую можно выделить, является отсутствие четкого определения и регламентации ответственности за обеспечение безопасности и здоровья спортсменов при организации дистанционных тренировок и консультаций. В условиях удаленной работы тренер или спортивный тренер не всегда может непосредственно контролировать условия, в которых тренируется спортсмен. Это приводит к риску получения травм, неправильному выполнению техники, перегрузкам и другим опасным рискам для здоровья спортсмена. Действующее законодательство сегодня не содержит положений, определяющих обязанности тренеров по обеспечению безопасности и здоровья спортсменов во время дистанционных тренировок, а также механизмов контроля за выполнением этих обязанностей. Данные правовые пробелы затрудняют выявление и привлечение к ответственности виновных в случае угрозы здоровью спортсмена.

Путем решения данной проблемы может стать внесение дополнений в Главу 26-1 Трудового кодекса Республики Беларусь. Необходимые изменения могут включать такие положения как:

1. Определение обязанностей тренера (специалиста). Четко прописать обязанности тренера/специалиста по обеспечению безопасности и здоровья спортсмена при организации дистанционных тренировок, включая:

- Оценку физического состояния спортсмена перед началом дистанционной работы.
- Разработку индивидуальных тренировочных программ с учетом особенностей спортсмена и условий его занятий.
- Предоставление четких инструкций и рекомендаций по выполнению упражнений, включая указания по технике безопасности.
- Осуществление контроля за выполнением тренировочной программы и коррекцию в случае необходимости.
- Обеспечение обратной связи со спортсменом для выявления возможных проблем и оперативного реагирования на них.

2. Установление требований к средствам дистанционной работы. Определить требования к используемым средствам связи и технологиям, обеспечивающим безопасность и качество дистанционной работы, включая:

- Наличие средств для визуального контроля за выполнением упражнений.
- Обеспечение защиты персональных данных спортсмена.
- Требования к квалификации тренеров/специалистов, работающих дистанционно.
- Предусмотреть механизмы контроля и надзора. Включить положения о возможности проведения проверок и надзора за соблюдением требований по организации дистанционной работы, в том числе со стороны уполномоченных органов (например, Министерства спорта и туризма).
- Разработка типовых договоров. Предусмотреть разработку типовых договоров между спортсменом и тренером/специалистом, регламентирующих условия дистанционной работы, включая вопросы безопасности, ответственности и страхования.

Следуя целям совершенствования правового регулирования дистанционной работы в сфере физической культуры и спорта, учитывая необходимость обеспечения гибкости спортивной подготовки. Введение изложенных положений в законодательство создаст четкую правовую базу для регулирования удаленной работы в спорте, гарантируя защиту законных прав и интересов спортсменов и повышая ответственность (профессиональных) тренеров за результаты их деятельности.

Это будет способствовать:

- созданию правовой основы для использования дистанционных технологий в спорте;
- определению прав и обязанностей лиц, получающих дистанционное образование и подготовку (спортсменов, тренеров, родителей несовершеннолетних спортсменов и т.д.);
- создание условий для развития цифровой инфраструктуры в спортивном секторе;
- обеспечению устойчивости системы спорта к будущим вызовам, в том числе к новым вспышкам инфекционных заболеваний.

Таким образом, предлагаемые изменения позволят не только приумножить положительный опыт прохождения пандемии, но и создать прочную правовую основу для дальнейшего развития инновационных форм физического воспитания и спортивной подготовки. Безусловно, при возможных корректировках законодательства необходимо учесть опыт прошлых лет, а также вызовы, с которыми сталкивается белорусская спортивная система в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власова, С. В. Адаптация спортсменов к условиям тренировки в период пандемии COVID-19 / С. В. Власова, Д. О. Лось // День дефектологии. – 2022. – № 1. – С. 48–54.
2. Дроздова, П. Л. Влияние COVID-19 на спортивную индустрию / П. Л. Дроздова, К. В. Боровкова // Физическое воспитание и студенческий спорт глазами студентов: материалы VIII Международной научно-практической конференции. Казань, 23-24 сентября 2022 г. / под ред. Ш. Р. Юсупова, Р. А. Юсупова. – Казань: Изд-во КНИТУ-КАИ, 2022. – 532 с.
3. Положение об организации дистанционной работе с занимающимися (спортсменами) МБУ «СШ «Боевые перчатки»: утв. директором МБУ «СШ «Боевые перчатки» от 03.04.2020 г. – № 21.
4. Трудовой кодекс Республики Беларусь: 26 июля 1999 г. № 296-З: принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г.: с изм. и доп., вступившими в силу с 01.01.2025 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
5. О Государственной программе «Физическая культура и спорт» на 2021 – 2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 29 янв. 2021 г. № 54 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
6. Ларкина, Ю. Развитие спорта в эпоху постпандемии / Ю. Ларкина // Thesaurus : зб. навук. пр. / Магілёўскі інстытут МУС. – Магілёў, 2022. – Вып. 10 : Камунікацыя ў эпоху постпандэміі. – С. 76–83.
7. Гурский, В. Л. Феномен цифровой трансформации экономики в развитии общества / В. Л. Гурский // Белорусский экономический журнал. – 2021. – № 3. – С. 4–14.

УДК 339.56

СОТРУДНИЧЕСТВО ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ БЕЛАРУСИ И КИТАЯ: ВНЕДРЕНИЕ ОБЛАЧНОГО СЕРВИСА ДЛЯ ЦИФРОВОЙ АРХИВАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ**В. Ю. ОСИПОВА****(Представлено: Т. В. СЕМЁНОВА)**

Проводится систематизация положений основных нормативных правовых актов, касающихся двустороннего сотрудничества Беларуси и Китая. Рассматриваются меры, нацеленные на развитие взаимодействия государств в контексте охраны культурного наследия таможенными органами. Предлагается механизм поэтапного внедрения облачного сервиса для цифровой архивации культурных ценностей.

Одним из направлений взаимодействия Республики Беларусь и Китайской Народной Республики (далее – КНР) является обеспечение охраны культурного наследия при перемещении культурных ценностей через таможенную границу. В целях обмена опытом, укрепления материально-технической базы таможенных органов, а также гармонизации законодательства КНР и Беларуси, разработана содержательная нормативная правовая база.

Основополагающий документ двустороннего сотрудничества Беларуси и Китая – Договор о дружбе и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой от 10 мая 2015 года. Статья 1 закрепляет, что стороны данного Договора нацелены на развитие долгосрочных и стабильных партнерских отношений.

В развитие Договора Президентом Республики Беларусь была принята Директива № 9 «О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой» от 3 декабря 2021 года. Документ направлен на дальнейшее углубление стратегического партнерства Беларуси с Китаем по широкому спектру направлений в 2021-2025 годах.

Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и его государствами – членами, с одной стороны, и КНР, с другой стороны (далее – Соглашение), было подписано 17 мая 2018 года и вступило в силу 25 октября 2019 года. В статье 1.2 указано, что целью Соглашения является создание основы для развития экономических отношений между Беларусью и Китаем путем обеспечения сотрудничества в сферах, охватываемых Соглашением, и упрощения взаимодействия государств по вопросам, охватываемым Соглашением.

Странами была подписана Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (подписано государствами-членами ООН 14 ноября 1970 года) (далее – Конвенция 1970 г.).

Если систематизировать положения из вышеназванных документов, можно обозначить меры, нацеленные на развитие взаимодействия этих стран в контексте таможенного дела:

1. Таможенное сотрудничество.

Сотрудничество в таможенной сфере предусматривает обмен опытом между Беларусью и Китаем. В Соглашении признается, что для целей упрощения процедур международной торговли необходимо обеспечить эффективное функционирование «единого окна». Механизм «единого окна» должен основываться на согласованной организационно-правовой и технической базе государств, функциональной совместимости между механизмами национального уровня и использовании существующей технической инфраструктуры Интегрированной Информационной Системы ЕАЭС и инфраструктуры платформы Центрального электронного порта Китайской Народной Республики. Так, например, китайская сторона готова поделиться опытом по реализации концепции «трех интеллектуальных сфер» (интеллектуальная таможня, интеллектуальные таможенные границы и интеллектуальная взаимосвязанность). В основе концепции – современный технологический уклад с применением новых методов, систем и оборудования, с целью таможенного контроля и управления [1].

2. Внедрение цифровых технологий.

В Директиве № 9 закреплено, что должны разрабатываться конкретные планы по внедрению в Беларуси передовых китайских технологий в цифровой области, в частности по использованию искусственного интеллекта, обработке «больших данных», роботизации и внедрению технологий сотовой подвижной электросвязи пятого поколения (5G). В статье 6.15 Соглашения заявляется о стремлении сторон Соглашения к модернизации таможенных технологий и практик [2].

3. Таможенная инфраструктура.

Совместными усилиями двустороннего сотрудничества двух республик должна развиваться и модернизироваться таможенная инфраструктура стран, которая включает: технические средства таможенного

контроля; инжиниринг; информационные технологии; телекоммуникационные системы и вспомогательное оборудование, используемые в сопредельных пунктах пропуска.

4. Образовательное взаимодействие.

Конвенция от 1970 г. обозначает в качестве функции национальных служб по охране культурного наследия содействие созданию научных и технических учреждений (музеи, библиотеки, архивы, лаборатории, мастерские и т.д.), необходимых для сохранения и популяризации культурных ценностей. Беларусь и Китай договорились о принятии мер по развитию обменов и сотрудничества в области образования, укреплению дружественных контактов между научными и образовательными учреждениями (ст. 11 Договора о дружбе и сотрудничестве между Республикой Беларусь и КНР). В Директиве № 9 содержится положение о том, что Министерство образования Республики Беларусь и Министерство иностранных дел Республики Беларусь являются ответственными за создание совместных образовательных программ и структур, в том числе с использованием технологий дистанционного обучения.

Для целей обмена опытом стоит рассмотреть результаты деятельности китайских государственных органов по защите историко-культурного наследия.

Информационное бюро Государственного совета КНР в сентябре 2024 года провело совещание по содействию высококачественному развитию в области охраны культурного наследия. В последние годы Государственным управлением по охране культурного наследия КНР были предприняты значительные шаги для обеспечения безопасности культурных реликвий.

Для борьбы и предотвращения преступлений, связанных с культурными реликвиями, Государственное управление по охране культурного наследия КНР в полной мере задействовало механизм национальных межведомственных совместных совещаний по вопросам безопасности культурных реликвий. В сотрудничестве с соответствующими ведомствами оно выпустило Специальный план работы по борьбе и предотвращению преступлений, связанных с культурными реликвиями (2023 – 2025 гг.). С сентября 2022 года органы общественной безопасности по всей стране раскрыли более 1200 дел о преступлениях, связанных с культурными реликвиями. Они арестовали более 3500 подозреваемых и изъяли более 3100 ценных культурных реликвий, а также более 470 000 общекультурных реликвий. По заявлению генерального директора Департамента музеев и общественных реликвий Государственного управления, Китай будет стремиться использовать новые технологии и средства для разработки «облачных» выставок, «облачных» образовательных программ и возможностей прямых трансляций с целью культурного просвещения населения [3].

Исходя из представленных целевых направлений развития сотрудничества между Китаем и Беларусью, перспективным предложением является внедрение в практику работы таможенных служб двух государств облачного сервиса для цифровой архивации культурных ценностей.

Облачный сервис для цифровой архивации культурных ценностей представляет собой специализированную информационно-технологическую платформу, представляющую услуги хранения, обработки и управления цифровыми репрезентациями объектов культурного наследия на основе облачных вычислений. Под облачными вычислениями понимается предоставление вычислительных служб (серверов, хранилищ, баз данных, сетевого оборудования, программного обеспечения, и т.д.) через Интернет.

«Облачная» технология сочетает в себе три основных функции: хранение данных; совместное использование несколькими людьми одного и того же ресурса; доступ к услугам через сеть.

Первым этапом внедрения облачного сервиса для цифровой архивации культурных ценностей является формирование единой базы данных культурных ценностей.

На сегодняшний день в Республике уже существует банк информации об историко-культурном наследии Республики Беларусь, включенном в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь. Ресурс содержит 5685 объектов, охраняемых государством [4].

В Китае существует несколько баз данных объектов культурного наследия, используемых для учета, сохранения и популяризации культурного наследия.

1. Национальная база данных культурных реликвий Китая, которая находится под контролем Государственного управления по охране культурного наследия КНР. Ресурс включает информацию о памятниках культуры, музеях, археологических находках и других охраняемых объектах.

2. База данных нематериального культурного наследия Китая содержит сведения о традиционных ремеслах, музыке, танцах, фольклоре и других формах нематериального наследия. Поддерживается Китайским центром охраны нематериального культурного наследия.

3. Каталог запрещенных к вывозу культурных ценностей включает в себя список предметов старины и археологических артефактов, хранящихся в различных музеях и других учреждениях КНР, вывоз которых китайское правительство официально запретило с 2003 года. Эти предметы являются одними из самых важных раскопанных сокровищ в Китае и имеют особое историческое, культурное и художественное значение. Уже в 2002 году Государственное управление по охране культурного наследия КНР опубликовало первый список из 64 культурных реликвий первого класса, которые запрещено вывозить из материкового Китая для выставок [5].

Единая база культурных ценностей КНР и Беларуси позволит: свести борьбу таможенных органов с незаконным перемещением культурных ценностей до автоматических проверок в базе данных; архивная база ценностей позволит продвинуться в исследованиях истории и культуры обоих государств; основываясь на такой базе данных, можно создавать виртуальные выставки в музеях и обеспечить более качественные и удобные культурные услуги.

На втором этапе необходимо определиться с выбором облачной платформы. Например, в Беларуси одним из ведущих поставщиков облачных решений, ИТ-инфраструктуры и хостинга является компания beCloud (СООО «Белорусские облачные технологии»), которая оказывает широкий спектр услуг на базе собственных телекоммуникационных сетей и дата-центра. Крупнейшей компанией облачных вычислений Китая признается Alibaba Cloud. Компания предлагает облачные услуги с оплатой по факту использования и включает хранение объектов и данных, облачные базы данных, инфраструктуру как услугу, платформу как услугу, программное обеспечение как услугу, обработку больших данных, электронную коммерцию, Интернет вещей и сети доставки контента.

Третий этап – обучение таможенных служащих, которое возможно осуществить двумя путями:

1. Применение облачных сервисов в обучении таможенных служащих.

Применение облачных сервисов активно используется в профессиональной подготовке специалистов в сфере таможенного дела. Существует три модели обслуживания облачных сервисов: 1) инфраструктура как услуга (IaaS); 2) платформа как услуга (PaaS); 3) программное обеспечение как услуга (SaaS). Для организации обучения SaaS видится наиболее доступной моделью обслуживания, поскольку требует минимальных материальных, интеллектуальных и временных затрат. Несмотря на определённые ограничения провайдера, субъектам открывается возможность проектирования и преобразования образовательного пространства с помощью готовых онлайн-инструментов, предоставляемых ресурсом. Обучение таможенных служащих работе с облачным сервисом для цифровой архивации культурных ценностей предусматривает: использование платформ, таких как «Moodle», для организации дистанционных курсов; проведение вебинаров с китайскими и белорусскими экспертами; разработка интерактивных обучающих модулей.

2. Развитие института таможенных атташе.

Институт таможенных атташе – деятельность официальных лиц таможенной службы одного государства на территории другого государства на постоянной основе. Моделями реализации такого подхода являются:

1. создание специального представительства органа государственного управления;
2. прикрепление должностных лиц ведомства к дипломатическому представительству (как посольству, так и консульству) в стране пребывания [6, с. 180].

В практике белорусско-китайских отношений примером образовательного сотрудничества может быть подписание Меморандума между Государственным таможенным комитетом Республики Беларусь и Главным Таможенным Управлением Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области подготовки кадров.

В качестве основных задач внедрения института таможенных атташе могут стать: обеспечение единообразия правового регулирования перемещения культурных ценностей в правоприменительной практике Китая и Беларуси; упрощение и ускорение совершения таможенных операций и проведения таможенного контроля посредством использования облачного сервиса для цифровой архивации культурных ценностей; организация информационного обмена информацией для обеспечения качественного контроля за перемещением культурных ценностей; разработка совместных программ по борьбе с правонарушениями и преступлениями в сфере охраны культурного наследия; передача опыта посредством изучения и внедрения практик таможенного администрирования.

На четвертом этапе производится правовое согласование внедрения облачного сервиса для цифровой архивации культурных ценностей посредством подписания Соглашения о сотрудничестве в цифровой архивации культурных ценностей между Беларусью и Китайской Народной Республикой. Например, предлагается включить следующие положения:

1. объекты соглашения (цифровые копии материальных объектов культурного наследия);
2. формы сотрудничества (совместная разработка и эксплуатация облачной платформы; взаимный доступ к базам данных);
3. режим доступа и механизмы защиты данных;
4. иные правовые аспекты (необходимость оперативного уведомления о попытке незаконного перемещения культурной ценности через таможенную границу; определение права Беларуси и Китая на сохранение оригиналов ценностей; запрет коммерческого использования цифровых копий культурных ценностей).

Таким образом, целевыми направлениями двустороннего сотрудничества Беларуси и Китая являются: 1) таможенное сотрудничество; 2) внедрение цифровых технологий; 3) модернизация таможенной инфраструктуры; 4) образовательное взаимодействие. Перечисленные цели могут быть достигнуты посредством внедрения облачного сервиса для цифровой архивации культурных ценностей. Во-первых, разработка

такого инструмента позволит создать единую базу данных культурных ценностей для двух республик и гармонизировать законодательство в области охраны культурного наследия таможенными органами. Во-вторых, облачный сервис предусматривает использование передовых цифровых технологий Беларуси и Китая для услуг хранения, обработки и управления цифровыми репрезентациями объектов культурного наследия. В-третьих, сервис позволит ускорить совершение таможенных операций и проведение таможенного контроля посредством осуществления автоматических проверок культурных ценностей в единой базе данных. В-четвертых, такой формат сотрудничества будет способствовать взаимодействию таможенных служб КНР и Республики Беларусь в сфере образования. Например, платформа «Moodle» может упростить организацию дистанционного обучения таможенных служащих. Развитие института таможенных атташе позволит китайским и белорусским специалистам делиться опытом и разрабатывать совместные программы по противодействию незаконному перемещению объектов культурного наследия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Залесский, Б. Пространство кооперации. Хроника экономического взаимодействия Республики Беларусь со странами Содружества Независимых Государств / Б. Залесский. – Palmarium Academic Publishing, 2024. – 244 с.
2. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны : подписано в г. Астане 17 мая 2018 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 25.04.2025).
3. SCIO briefing on promoting high-quality development: National Cultural Heritage Administration : State Council Information Office. – URL: http://english.scio.gov.cn/pressroom/node_9013567.html (date of access: 30.04.2025).
4. Збереновская А. Белстат: в государственный список историко-культурных ценностей Беларуси включено более 5600 объектов наследия / А. Збереновская // SB.BY. Беларусь сегодня. – URL: <https://www.sb.by/articles/belstat-v-gosudarstvennyy-spisok-istoriko-kulturnykh-tsennostey-belarusi-vklyucheno-bolee-5-600-obek.html>. – Дата публ.: 10.10.2024.
5. List of Chinese cultural relics forbidden to be exhibited abroad : Wikipedia. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_Chinese_cultural_relics_forbidden_to_be_exhibited_abroad (date of access: 30.04.2025).
6. Острога, В. А., Бусел, С. Ю. Современное состояние и перспективы развития института таможенного атташе в Республике Беларусь / В. А. Острога, С. Ю. Бусел // Материалы III международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. – начало XXI в.)», 17–18 мая 2018 г., УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова» (г. Витебск, Республика Беларусь). – Витебск, 2018. – С. 180–184.

УДК 339.56

АЛГОРИТМ ПО ПЕРЕМЕЩЕНИЮ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЧЕРЕЗ ТАМОЖЕННУЮ ГРАНИЦУ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В. Ю. ОСИПОВА
(Представлено: Т. В. СЕМЁНОВА)

Анализируется дефиниция «культурная ценность», рассматриваются существенные признаки. Рассматривается законодательство Китайской Народной Республики в контексте ввоза и вывоза культурных ценностей. Приводится классификация материальных культурных ценностей. Предлагается пошаговый алгоритм по перемещению культурных ценностей через таможенную границу Китая.

С целью перемещения культурной ценности через таможенную границу Китайской Народной Республики (далее – КНР) необходимо придерживаться определенного порядка действий, который регламентируется законодательством Китая. В частности, Закон КНР «О защите культурных реликвий» (принят 19 ноября 1982 года) и Правила КНР по выполнению Закона КНР «О защите культурных реликвий» (далее – Правила) регулируют вопросы ввоза и вывоза ценностей, а также порядка проведения экспертизы ценностей и выдачи разрешений на вывоз.

В марте 2025 года Закон КНР «О защите культурных реликвий» претерпел определенные изменения. Теперь документ обязывает уделять внимание защите культурных реликвий при развитии туризма для предотвращения их чрезмерной коммерциализации. До 2026 года в Китае продолжается национальная перепись культурных ценностей. На сегодняшний день насчитывается более 760 тысяч недвижимых памятников культуры, более ста миллионов принадлежащих государству движимых реликвий, 40 объектов Всемирного культурного наследия и четыре объекта смешанного природно-культурного наследия [1].

Целесообразно проанализировать признаки, присущие термину «культурная ценность»: культурная ценность тесно связана с деятельностью человека; включает объекты материальной и нематериальной культуры; имеет значение для истории, культуры и искусства государств; культурная ценность – уникальный объект, который необходимо сохранить для следующих поколений; культурная ценность – это объект, в отношении которого правовое регулирование осуществляется в особом порядке.

Таким образом, представляется возможным определить культурную ценность как уникальный материальный или нематериальный объект, созданный или преобразованный человеком (тесно связанный с его деятельностью), обладающий исторической, художественной, научной и (или) культурной значимостью, который подлежит охране в соответствии с международными договорами и актами, составляющими право Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) и Китайской Народной Республики, законодательством государств-членов ЕАЭС и (или) законодательством КНР.

На первом этапе лицу, намеревающемуся провезти объекты культурного наследия, стоит удостовериться в категории ценности.

По критерию формы воплощения содержания культурных ценностей их подразделяют на нематериальные и материальные культурные ценности. К нематериальным культурным ценностям относятся обычаи, традиции, обряды, фольклор (устное народное творчество, другие нематериальные проявления творчества человека) [2].

С точки зрения перемещения культурных ценностей через таможенную границу особый интерес представляет классификация материальных культурных ценностей (таблица).

Таблица. – Классификация материальных культурных ценностей в КНР

Материальные культурные ценности в КНР		
Движимые культурные ценности		Недвижимые культурные ценности
1. ценные произведения искусства; 2. изделия ручной работы; 3. литература, рукописи и книги, представляющие историческую ценность; 4. репрезентативные объекты различных эпох в истории (отражающие общественный строй, методы производства и жизненный уклад, существовавший в Китае).		1. археологические объекты; 2. древние гробницы; 3. древние здания и храмы; 4. резьба по камню, фрески; 5. важные исторические места и здания нового времени и современности.
Ценные объекты культурного наследия: Культурные ценности 1-го класса; Культурные ценности 2-го класса; Культурные ценности 3-го класса.	Общекультурные объекты культурного наследия	Национальные культурные ценности
		Провинциальные культурные ценности
		Культурные ценности муниципального и уездного уровней
		Зарегистрированные недвижимые культурные ценности

Таким образом, в таблице отображено, что движимые культурные ценности делятся на ценные и общекультурные объекты культурного наследия. Рассматривая критерий классификации ценных объектов культурного наследия по классам, стоит отметить, что культурные реликвии первого класса имеют особую историческую, художественную и научную ценность. Культурные реликвии второго класса имеют важную культурную ценность. Реликвии третьего класса характеризуются относительной важностью для культурного наследия Китая. При этом общекультурные объекты культурного наследия имеют только «определенную историческую и художественную ценность».

Недвижимые культурные ценности могут быть определены в качестве национальных ключевых единиц охраны культурных ценностей, единиц охраны культурных ценностей провинциального уровня и единиц охраны культурных ценностей муниципального и уездного уровней, в соответствии с их исторической, художественной и научной ценностью. Движимые материальные объекты культурного наследия могут быть ценными и общекультурными.

Исходя из такой классификации, представляется возможным разделить эти объекты на две группы:

1. Запрещенные к перемещению культурные ценности: редкие и ценные культурные реликвии; революционные культурные реликвии; культурные реликвии, наносящие ущерб национальной чести, подрывающие национальное единство и/или оказывающие негативное политическое влияние.

Стоит отметить, что в ст. 60 Закона КНР «О защите культурных реликвий» содержится положение о том, что запрещенные к перемещению ценности все же могут быть вывезены для проведения выставок в соответствии с положениями данного Закона, или, когда Государственный совет КНР (высший исполнительный орган КНР) утверждает вывоз таких реликвий в связи с особыми потребностями. Отдельные и уязвимые предметы, относящиеся к культурным ценностям первого класса (то есть те ценности, которые имеют особую историческую, художественную и научную ценность), запрещается вывозить на выставку (согласно ст. 49 Правил).

2. Разрешенные к вывозу культурные ценности (при условии наличия разрешения от Государственного бюро культурных реликвий):

- 2.1 общекультурные ценности (керамика, изделия из золота, серебра, меди и других металлов, нефрит, лакированные изделия, стеклянная посуда, все виды скульптур, мебель, картины и каллиграфия, надписи на камне, гравюры, книги, художественная литература, вышивки, марки, валюта, бытовая техника, предметы декоративно-прикладного искусства и т.д., выпущенные или опубликованные в стране или за рубежом до основания КНР в 1949 году);

- 2.2 работы известных художников и ремесленников, созданные после основания КНР;

- 2.3 палеонтологические окаменелости позвоночных и останки древнего человека;

- 2.4 другие предметы, указанные государственными органами управления культурой КНР [3].

На втором этапе для того, чтобы осуществить вывоз культурных ценностей, необходимо направить заявление в агентство по проверке ввоза/вывоза культурных ценностей. Согласно ст. 44 Правил, агентство по проверке ввоза/вывоза ценностей назначается административным департаментом по культурным реликвиям при Государственном совете КНР. В таком агентстве, как правило, задействовано не менее пяти оценщиков ввоза и вывоза культурных реликвий, которые находятся на профессиональной должности в музеях культурных реликвий. Агентство по проверке ввоза/вывоза культурных ценностей должно принять решение о разрешении выезда из страны в течение 15 рабочих дней с даты получения заявления (ст. 45 Правил).

На третьем этапе перед вывозом проводится экспертная проверка культурных реликвий, в которой принимают участие минимум три специалиста-сотрудника музеев, два из которых – ответственные оценщики. На основании экспертизы выдается заключение об экспертизе культурных реликвий.

На четвертом этапе в отношении культурных реликвий, которым разрешено покидать страну после проверки, административный департамент по культурным реликвиям при Государственном совете КНР выдает разрешение на вывоз культурных реликвий, а агентство по проверке ввоза/вывоза культурных реликвий проставляет в разрешении отметку о выезде культурных реликвий (ст. 47 Правил).

На пятом этапе, в соответствии со ст. 61 Закона КНР «О защите культурных реликвий», любое лицо, перевозящее культурные реликвии из страны, должно подать декларацию в таможенный орган. Таможня выпускает реликвии на основании разрешения на вывоз из страны.

Согласно ст. 52 Правил, временный ввоз культурных реликвий в Китай производится таким образом:

1. Осуществляется подача декларации в таможенный орган.

2. В агентстве по проверке ввоза/вывоза культурных ценностей реализуется проверка и регистрация культурных реликвий, временно ввозимых в КНР.

3. После того, как сотрудники агентства по проверке ввоза/вывоза культурных ценностей убедятся, что таможенные печати не повреждены, они пометят каждую культурную реликвию, временно ввозимую в страну, знаком временного ввоза для культурных реликвий и зарегистрируют ценности.

Таким образом, можно обозначить следующие выводы:

1. Выработанное в статье определение термина «культурная ценность» охватывает основные характеристики этого объекта и позволяет унифицировать это понятие для всех государств-членов Союза и КНР, чтобы избежать различий в трактовке этого термина на уровне законодательства ЕАЭС и КНР.

2. Анализируя классификацию культурных ценностей по форме их воплощения (то есть материальные и нематериальные ценности) для целей изучения правового регулирования перемещения таких объектов через таможенную границу, исследуются материальные культурные ценности.

3. Алгоритм ввоза культурных ценностей сводится к нескольким этапам: определение категории ценности, направление заявления для экспертизы реликвий в агентство по проверке ввоза/вывоза культурных ценностей, проведение экспертизы, выдача разрешения на вывоз, подача таможенной декларации на культурную ценность. В случае временного ввоза реликвий в КНР агентство по проверке ввоза/вывоза культурных ценностей проверяет, маркирует и регистрирует эти предметы.

ЛИТЕРАТУРА

1. В Китае вступил в силу обновлённый Закон об охране культурных ценностей : CGTN на русском. – URL: <https://russian.cgtn.com/news/2025-03-01/1895845457875378178/index.html> (дата обращения: 22.09.2025).
2. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры ад 20 ліпеня 2016 г., № 413-З: прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрв. 2016 г., адобр. Саветам. Рэсп. 30 чэрв. 2016 г.: са змен. і дап., якія ўступілі ў сілу з 01.01.2023 г. // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Hk1600413> (дата обращения: 22.09.2025).
3. What Are China's Identification Range of Outbound Cultural Relics? : China Customs. – URL: <http://english.customs.gov.cn/Statics/74b15ddd-516e-4a27-a0aa-46fca97ce4a5.html> (дата обращения: 22.09.2025).

УДК 339.56

**ПРАВОВОЙ СТАТУС И КЛАССИФИКАЦИЯ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ
КАК СУБЪЕКТОВ ТАМОЖЕННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ
В СФЕРЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
(НА ПРИМЕРЕ БЕЛАРУСИ И КИТАЯ)**

В. Ю. ОСИПОВА*(Представлено: Т. В. СЕМЁНОВА)*

В статье анализируются особенности правового статуса физического лица как субъекта таможенно-правовых отношений. Определяются возрастные категории физических лиц, которые перемещают объекты культурного наследия. Приводится функциональная видовая классификация физических лиц, перемещающих культурные ценности через таможенную границу.

Зачастую попытки незаконного перемещения предметов старины и искусства совершают физические лица. В Китайской Народной Республике (далее – КНР), например, наиболее востребованными являются антикварные предметы изобразительного и декоративно-прикладного искусства, предметы коллекционирования в области нумизматики, фалеристики, филателии, а также палеонтологические объекты [1, с. 90].

Физические лица являются субъектами таможенно-правовых отношений и обладают так называемой таможенной правосубъектностью. Это означает, что они имеют способность осуществлять свою деятельность в области таможенного дела.

Правоспособность физического лица – это признаваемая правовыми нормами способность лица иметь субъективные юридические права и обязанности, которая определена нормами Конституции в совокупности с нормами таможенного права. Статья 13 Гражданского кодекса КНР закрепляет, что физическое лицо с момента рождения и до момента смерти обладает правоспособностью. В таком же объеме обладают правоспособностью и физические лица Республики Беларусь. Значит, физические лица могут быть участниками таможенных правоотношений, связанных с перемещением культурных ценностей, независимо от возраста.

Кроме того, физическое лицо должно обладать дееспособностью, то есть способностью лично своими действиями приобретать права и юридические обязанности, а также осуществлять их и отказываться от них.

Рассматривая возраст наступления дееспособности физического лица, перемещающего культурные ценности, стоит обратить внимание на несколько особенностей для Беларуси.

Во-первых, законодатель не дает четкого ответа на вопрос о возрасте физического лица в контексте перемещения культурных ценностей. По этой причине лицам, желающим переместить через таможенную границу Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) культурные ценности, необходимо обращаться одновременно к национальному законодательству (в контексте привлечения лиц к ответственности за таможенные правонарушения) и к наднациональному законодательству (с точки зрения оформления таможенных деклараций и заключений (разрешительных документов) на перемещение культурных ценностей) [2, с. 108].

Во-вторых, с практической точки зрения, представляется возможным определить три возрастные группы физических лиц, перемещающих объекты историко-культурного наследия: физические лица до 16 лет; физические лица от 16 до 18 лет; физические лица в возрасте 18 лет и старше.

Итак, к лицам, подпадающим под категорию до 16 лет, относятся лица, пересекающие таможенную границу ЕАЭС с сопровождающим (таковым, согласно подп. 10 п. 14 ст. 260 Таможенного кодекса ЕАЭС, является: один из родителей, усыновителей, опекунов или попечителей; представитель перевозчика; руководитель группы несовершеннолетних лиц; иное сопровождающее лицо).

Возраст 16 лет обусловлен фактором наступления административной ответственности за совершение административных таможенных правонарушений, например, по ст. 15.1 или ст. 15.5 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП). Кроме того, за совершение уголовного преступления в сфере таможенного дела (к примеру, по ст. 228, ст. 228 прим. 1 или ст. 230 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь)), уголовная ответственность наступает также с шестнадцатилетнего возраста.

Помимо этого, права частных субъектов на перемещение культурных ценностей непосредственно реализуются с момента достижения лицом 16 лет при таможенном декларировании таких ценностей. Так, вывоз и ввоз физическими лицами объектов культурного наследия осуществляется при представлении таможенному органу государства-члена ЕАЭС пассажирской таможенной декларации. В декларации должны содержаться идентификационные признаки культурных ценностей (наименование, автор, год создания, материал и техника создания, размеры). В соответствии с п. 14 ст. 260 ТК ЕАЭС, декларантами товаров для личного пользования могут выступать достигшие 16-летнего возраста физические лица государств-членов или иностранные физические лица в перечисленных в данной статье случаях.

В теории возможно определение возрастной категории физических лиц от 18 лет и старше. Регламентация такой категории обусловлена тем, что в ЕАЭС алкогольные напитки, пиво, сигареты, табак и иные табачные изделия разрешено перемещать через таможенную границу с 18 лет (постановление ГТК Республики Беларусь от 25 сент. 2014 г. № 50 «Об установлении перечня и количества товаров для личного пользования»). При этом трудно представить, как соотносятся перечисленные товары с объектами, представляющими культурную ценность. Однако не исключено, что, к примеру, бутылка алкоголя может быть предметом старины, но этот факт необходимо доказать при помощи экспертизы культурных ценностей. Следовательно, определение возрастной категории «18 лет и старше» в контексте рассмотрения перемещения культурных ценностей носит факультативный характер.

В Китае определенный объем дееспособности физического лица также зависит от возраста. Согласно китайскому законодательству, возрастные категории физических лиц следующие: физические лица до 14 лет; физические лица от 14 до 16 лет; физические лица от 16 до 18 лет; физические лица в возрасте 18 лет и старше.

1. Физические лица до 14 лет.

Статья 30 Закона КНР об административных наказаниях содержит положение о том, что административные наказания не применяются за нарушения, совершенные несовершеннолетними, которым еще не исполнилось 14 лет, но их опекунам должно быть предписано «усилить дисциплину». Следовательно, в отношении физических лиц, совершивших правонарушения до наступления возраста 14 лет, могут быть приняты только воспитательные меры.

2. Физические лица от 14 до 16 лет.

Ст. 30 и п. 5 ст. 32 Закона КНР об административных наказаниях предусматривают, что общий возраст наступления административной ответственности – 14 лет. В качестве примеров применения административных санкций можно привести следующие правонарушения, содержащиеся в ст. 76 Закона КНР «О защите культурных реликвий» (принят 19 ноября 1982 года): – правонарушения в форме заимствования или незаконного присвоения культурных реликвий, принадлежащих государству; – правонарушения в виде нанесения ущерба или утраты объектов охраны культурного наследия или ценных культурных реликвий.

Анализируя ст. 17 УК КНР, регламентируется возможность назначения более мягкого наказания, если преступление было совершено лицом в возрасте от 14 до 18 лет. Если лицо, достигшее 14-летнего возраста, но не достигшее 16-летнего возраста, совершает умышленное убийство, умышленно причиняет вред другому лицу с целью причинения ему тяжких телесных повреждений или смерти, или совершает изнасилование, грабеж, незаконный оборот наркотиков, поджог, взрыв или отравление, оно несет уголовную ответственность.

3. Физические лица от 16 до 18 лет.

С точки зрения гражданского права, в Китае у физического лица может наступить полная дееспособность с 16 лет, если основным источником его существования является доход от его собственного труда (ст. 18 Гражданского кодекса КНР (далее – ГК КНР)). Общий возраст наступления ответственности за уголовное преступление в Китае составляет 16 лет. Например, в ст. 151 УК КНР содержится состав преступления следующего содержания: лицо, которое занимается контрабандой культурных реликвий, вывоз которых запрещен государством, называется лишением свободы на срок не менее пяти лет и также подлежит штрафу; если обстоятельства незначительны, лицо приговаривается к лишению свободы на срок не более пяти лет и также подлежит штрафу.

4. Физические лица в возрасте 18 лет и старше.

В КНР физическое лицо приобретает полную дееспособность с 18 лет (ст. 18 ГК КНР). Так, лицо может осуществлять таможенное декларирование, заключать внешнеторговые договоры и представлять свои интересы в таможенных органах.

Переходя к вопросу о классификации физических лиц, перемещающих (в том числе незаконно) объекты культурного наследия через таможенную границу ЕАЭС, возможно обозначить несколько критериев, по которым этих лиц можно распределить по группам.

1. По статусу физического лица: резидент, нерезидент.

А. М. Бондаренко в своей работе разграничивает физических лиц по статусу, применяя термины «резидент» и «нерезидент». Резидентами считаются физические лица, которые имеют постоянное место жительства в Республике Беларусь либо в Китайской Народной Республике либо временно находятся за пределами страны. В свою очередь, нерезиденты – физические лица, а именно иностранные граждане и лица без гражданства. К нерезидентам не относятся лица без гражданства, которые проживают в Беларуси либо Китае постоянно [3, с. 111].

2. По целям перемещения культурных ценностей: физическое лицо, перемещающее культурные ценности в личных целях; физическое лицо, перемещающее культурные ценности в коммерческих целях.

Часть лиц перемещают объекты, представляющие культурную ценность, преследуя личные цели. В соответствии с пунктом 4 Положения о вывозе с таможенной территории ЕАЭС культурных ценностей, документов национальных архивных фондов и оригиналов архивных документов, утвержденного Решением

Коллегии ЕЭК от 21 апреля 2015 г. № 30 «О мерах нетарифного регулирования», культурные ценности в качестве товаров для личного пользования могут вывозиться физическими лицами при наличии заключения (разрешительного документа). Подп. 46 п. 1 ст. 2 ТК ЕАЭС, разъясняя термин «товары для личного пользования», регламентирует, что нужды физических лиц могут быть личные, семейные, домашние и иные, не связанные с осуществлением предпринимательской деятельности. Другая часть физических лиц может ввозить либо вывозить культурно значимый объект с целью последующей продажи или обмена. Такая цель является коммерческой.

3. По роли в процессе совершения противоправных деяний: организатор; переправщик (курьер); скупщик; покупатель [4, с. 14].

Организаторы в структуре преступной группы контрабандистов культурных ценностей наделены управленческими функциями. Они находят информацию о конъюнктуре рынка товаров, представляющих какую-либо ценность, и, применяя опыт совершения преступлений в данной или схожей сфере, координируют действия группы. Переправщики (курьеры) – специально нанятые люди, которые непосредственно перемещают объекты культурного наследия. Скупщики – лица, которые занимаются покупкой культурных ценностей с целью последующей перепродажи. Покупатели – лица, заинтересованные в приобретении уникальных культурных ценностей.

4. По форме соучастия: одиночные нарушители; физическое лицо, совершившее преступление в составе группы лиц по предварительному сговору; физическое лицо, совершившее преступление в составе организованной группы.

Основываясь на статьях УК Республики Беларусь и УК КНР, санкции которых часто применяются в отношении незаконного перемещения культурных ценностей, можно классифицировать физических лиц по форме соучастия. Ч. 1 ст. 16 УК Республики Беларусь устанавливает, что соучастие – это совместное участие двух или более лиц в совершении преступления. Ст. 25 УК КНР содержит такой термин, как «совместное преступление», то есть умышленное преступление, совершенное совместно двумя или более лицами.

Одиночные нарушители перемещают предметы искусства или антиквариат для личного обогащения, и лишь в редких случаях могут вступать в предварительный сговор с другими. Физическое лицо признается совершившим преступление в составе группы лиц по предварительному сговору, если исполнители заранее договорились о совместном совершении данного преступления (ч. 2 ст. 17 УК Республики Беларусь). Физическое лицо признается совершившим преступление в составе организованной группы, если в такой группе два или более лица, которые предварительно объединились в управляемую устойчивую группу для совместной преступной деятельности (ч. 1 ст. 18 УК Республики Беларусь). В УК КНР закреплён термин «преступная группа». Под преступной группой понимается относительно устойчивая преступная организация, созданная тремя или более лицами с целью совместного совершения преступлений.

5. По степени организованности: одиночные нарушители; профессиональные нарушители; организованные преступные группы.

Классификация нарушителей по критерию степени организованности тесно соотносится с уголовно-правовой классификацией по критерию формы соучастия. Одиночные нарушители, как правило, действуют самостоятельно, спонтанно и непредсказуемо. Иногда они поддерживают связь с торговцами ценностями и коллекционерами. Такие лица стремятся решить финансовые проблемы, поэтому для них основной мотивацией является борьба с экономическими трудностями.

Как в сговоре, так и в составе организованной группы зачастую действуют лица, которые в силу своей профессии часто пересекают границы различных государств. Например, к таким лицам можно отнести музейных работников, перевозчиков и иных сотрудников транспортных компаний, дипломатических представителей.

Для организованных преступных групп незаконное перемещение культурных ценностей является основным источником дохода. Исходя из этого, для таких групп характерна высокая степень организованности, применение передовых методов и технологий перемещения ценностей [5, с. 269].

Проанализируем последствия осуществления физическим лицом незаконного перемещения культурных ценностей через таможенную границу.

Для политической сферы нарастающая тенденция совершения физическими лицами противоправных действий в отношении культурных ценностей может привести к утрате доверия граждан к установленному правопорядку. Кроме того, последующая незаконная торговля украденными ценностями на территории иностранных государств может стать причиной ухудшения дипломатических отношений между странами.

Закономерным результатом незаконного перемещения объектов культурного наследия является создание теневого рынка произведений искусства и артефактов. Нелегальный бизнес подразумевает небезопасные условия для инвестиций, что негативно сказывается на экономическом развитии государства.

Утрата ценностей представляет собой проблему не только для социальной, но и для культурной сферы общества. Во-первых, потеря таких объектов ограничивает доступ будущих поколений к знаниям о своей истории и культуре, не позволяя «прикоснуться» к исторически значимому предмету. Во-вторых, утрата

предметов, представляющих, к примеру, религиозную ценность, может вызвать определенную социальную напряженность.

Исходя из этого, можно прийти к следующим ключевым выводам:

1. Правосубъектность физического лица как субъекта таможенных правоотношений охватывает аспекты правоспособности и дееспособности. Белорусское и китайское законодательство содержит положения о том, что правоспособность возникает с момента рождения и заканчивается моментом смерти.

2. Присутствуют отличия в возрасте наступления дееспособности. Особенностью для Беларуси является то, что можно обозначить следующие возрастные категории физических лиц, перемещающих культурные ценности: физические лица до 16 лет; физические лица от 16 до 18 лет; физические лица в возрасте 18 лет и старше. Для Китая классификация состоит из четырех возрастных групп: физические лица до 14 лет; физические лица от 14 до 16 лет; физические лица от 16 до 18 лет; физические лица в возрасте 18 лет и старше.

3. Предложена авторская функциональная видовая классификация физических лиц, перемещающих культурные ценности через таможенную границу по следующим критериям: по статусу физического лица; по целям перемещения культурных ценностей; по роли в процессе совершения противоправных деяний; по форме соучастия; по степени организованности. Раскрыты последствия незаконного перемещения физическим лицом культурных ценностей для политической, экономической, социальной и культурной сфер общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ляпустин, С. Н., Барей, Н. С. Антикварный рынок Китая и роль таможенных органов Китая в борьбе с контрабандой культурных ценностей / С. Н. Ляпустин, Н. С. Барей / Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2017. – №3 (80). – С. 89–97.
2. Халипов, С. В. Физические лица, как участники таможенных правоотношений в Евразийском экономическом союзе / С. В. Халипов // Московский журнал международного права. – 2016. – № 2. – С. 107–121.
3. Бондаренко, А. М. Физические лица как субъекты таможенного права / А. М. Бондаренко // Молодой ученый. – 2018. – № 49 (235). – С. 110–111.
4. Судникова, Н. Ю., Малыхин, И. В. К вопросу о криминалистической характеристике контрабанды культурных ценностей / Н. Ю. Судникова, И. В. Малыхин // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2020. – № 4. – С. 10–15.
5. Абдуллаева, Х. А., Личностная характеристика субъектов контрабанды наркотических средств и психотропных веществ / Х. А. Абдуллаева // Актуальные проблемы российского права. – 2008. – № 1. – С. 263–270.

УДК 347.78

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ,
СОЗДАНЫХ ПРИ ПОМОЩИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА****П. Г. РЕУТ****(Представлено: К. Д. САВИЦКАЯ)**

Статья посвящена анализу правового режима музыкальных произведений, созданных с помощью искусственного интеллекта. Исследуется противоречие между традиционными нормами авторского права и алгоритмической природой творчества искусственного интеллекта. На примере анализа пользовательских соглашений платформ SUNO, Stable Audio и Soundful выявляется правовая неопределенность в вопросах авторства и коммерческого использования сгенерированных при помощи искусственного интеллекта музыкальных произведений.

Развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) оказывает революционное воздействие на креативные отрасли, в особенности на музыкальную индустрию. Нейросетевые генеративные модели (SUNO, Stable Audio и др.) демонстрируют способность к созданию как оригинальных музыкальных композиций, так и работ, стилистически имитирующих известных исполнителей. Сложившаяся правовая парадигма, отраженная в международных соглашениях (Бернская конвенция, Соглашение ТРИПС) и национальных законодательствах, базируется на классической доктрине авторства, требующей обязательного творческого участия человека. Данное обстоятельство поражает правовую неопределенность в отношении статуса произведений, сгенерированных ИИ.

Согласно Гражданскому кодексу Республики Беларусь (ГК Республики Беларусь), музыкальные произведения с текстом или без текста являются объектом авторского права [1]. Авторское право возникает в силу факта создания музыкального произведения и признается созданным творческим трудом пока не установлено иное [1]. В законодательстве не раскрывается определение признака творчества как критерия охраноспособности произведения. А. С. Алисов отмечает, что «в юридической литературе предпринято большое количество попыток определить понятие «творчество», но правоведы остановились на том, что творчество необходимо рассматривать как деятельность человека, порождающую нечто качественно новое, интересное, уникальное и отличающееся оригинальностью и неповторимостью» [2, с. 48].

Существующие методы создания принципиально новых форм музыкальных произведений путем использования нейросетей создают правовую неопределенность касательно множества вопросов: возможности коммерческого использования произведений, созданных ИИ; прав авторства на такие произведения; а также правомерности использования охраняемых авторским правом музыкальных произведений для обучения ИИ-моделей.

Правовой статус музыкальных произведений, сгенерированных искусственным интеллектом, преимущественно регламентируется пользовательскими соглашениями платформ-разработчиков. Анализ условий обслуживания платформы «SUNO» демонстрирует дифференцированный подход к распределению имущественных прав: их принадлежность определяется тарифным планом, выбранным пользователем. В базовой версии правообладателем признается платформа, тогда как премиальные подписки предусматривают передачу исключительных прав конечному пользователю [3]. Условия обслуживания четко регламентируют понятие «некоммерческое использование», а именно: прослушивание песен на самом Сайте; скачивание своих песен для личного прослушивания; использование сгенерированной музыки на немонетизированных платформах; распространение среди друзей и знакомых [3]. Коммерческое использование включает в себя не только продажу и извлечение прибыли из произведения, но и возможность опубликования сгенерированных произведений на таких площадках как Spotify, Apple Music, YouTube, TikTok и т. д.

Аналогичный веб-сайт «Stable Audio», в основе которого лежит технология ИИ, в Условиях предоставления услуг также указывает, что владельцем созданного контента является пользователь данных услуг [4]. Однако данный ИИ генерирует не только на основе программных алгоритмов, но и путем обработки загружаемого в него контента. Касательно правового положения загружаемых данных в Условиях указано: «В отношении аудио, которое вы загружаете в Услуги, вы заявляете и гарантируете, что вы владеете необходимой лицензией, правом, названием или интересом в отношении такого аудио, включая, помимо прочего, все авторские права и права на публичность, содержащиеся в нем» [4]. Таким образом, загрузка аудио без лицензии запрещена и ответственность лежит на пользователе.

Согласно положениям Пользовательского соглашения веб-сайта «Soundful», весь контент, созданный посредством платформы, включая аудиоматериалы, сгенерированные алгоритмами искусственного интеллекта, изначально квалифицируется как собственность «Soundful» и относится к категории «Контента» платформы. Соглашение не содержит прямых указаний на признание авторства либо за пользователями, инициировавшими процесс генерации, либо за самим искусственным интеллектом как творческим агентом.

Такие произведения рассматриваются как результат функционирования платформы и, соответственно, подпадают под общие положения о собственности «Soundful» [5]. Таким образом, анализ пользовательского соглашения Soundful позволяет сделать вывод о том, что текущая правовая модель платформы не предусматривает признания авторских прав пользователей на музыкальные произведения, сгенерированные искусственным интеллектом, оставляя за компанией исключительные права на такой контент, за исключением случаев специального лицензирования.

На сегодняшний день нет единого международного стандарта, регулирующего авторские права на контент, созданный ИИ. В США в 2023 году Верховный суд подтвердил, что произведения, созданные без «существенного человеческого участия», не могут быть защищены авторским правом (дело *Thaler v. Perlmutter*) [6]. Судебная практика Китая по вопросам авторства произведений, созданных с использованием искусственного интеллекта, демонстрирует эволюцию подходов. Знаковым стало решение по делу Ли Юнкай против Лю Юаньчун, впервые официально признавшее пользователя системы генеративного ИИ автором созданного изображения [7]. В отличие от более раннего дела Tencent против Yingxun, где компания-разработчик автоматически была признана автором, современная судебная практика Китая исходит из концепции «ИИ как инструмента реализации человеческого творческого замысла» [7].

Ключевым условием для признания музыкального произведения объектом авторского права является наличие творческого вклада человека. В контексте работы с генеративным ИИ данный вклад представляет собой сложный, многоэтапный процесс. Он начинается с этапа концептуализации, на котором формируется художественный замысел, определяются жанровые, стилистические, эмоциональные и структурные параметры будущей композиции. На следующем этапе пользователь задает конкретные музыкальные характеристики (гармонию, фактуру, тембр), что требует от него не только технических навыков, но и развитого художественного вкуса. Значительный творческий компонент заключен также в функции художественного редактора, когда автор осуществляет отбор и критическую оценку сгенерированных вариантов, руководствуясь первоначальным замыслом. Завершается процесс стадией постпродакшена и аранжировки, подразумевающей содержательное редактирование и обогащение полученного материала.

Важно подчеркнуть, что подобная деятельность не сводится к механическому взаимодействию с интерфейсом ИИ-системы, а представляет собой полноценный творческий акт, в котором технологические инструменты выполняют функцию расширения художественных возможностей композитора, а не подменяют его творческую волю. В предложенной интерпретации, роль результата творческой деятельности не упраздняется, а ИИ становится лишь предметом реализации творческого потенциала, как, например, гитара и песня, где гитара – предмет, и на нее распространяется право собственности, а песня – объект охраны авторского права.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о системном несоответствии действующего в Республике Беларусь законодательства в сфере интеллектуальной собственности новым реалиям, связанным с созданием музыки с применением ИИ. Возникающий нормативный пробел компенсируется фрагментарно – через условия пользовательских соглашений генеративных платформ, чья политика в области прав на контент варьируется от полного их резервирования за разработчиком до передачи пользователю по премиум-тарифам. Центральной правовой коллизией остается конфликт между устоявшимся пониманием авторства, предполагающим человеческий творческий вклад, и объективной алгоритмической природой генерации. Выходом из сложившейся ситуации представляется легальное определение признаков «существенного творческого вклада» человека, что создаст юридический инструмент для разграничения произведений, созданных посредством ИИ как инструмента, и произведений, созданных исключительно алгоритмом. Такое разграничение заложит фундамент для последующей модернизации национального правового поля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 декабря 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2024 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 15.04.2025).
2. Алисов, А. С. Понятие музыкального произведения как объекта авторского права и вида произведения как результата интеллектуальной (творческой) деятельности / А. С. Алисов // Отечественная юриспруденция. – 2017. – № 3 (17). – С. 48. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-muzykalnogo-proizvedeniya-kak-obekta-avtorskogo-prava-i-vida> (дата обращения: 15.04.2025).
3. Suno : [Website]. – URL: <https://suno.com/terms> (Date of access: 15.04.2025).
4. Stable Audio : [Website]. – URL: <https://stableaudio.com/terms> (Date of access: 15.04.2025).
5. Soundful : [Website]. – URL: <https://soundful.com/terms-and-conditions/> (Date of access: 16.04.2025).
6. Justia: Federal Appellate Court Cases : [Website]. – URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/cadc/23-5233/23-5233-2025-03-18.html> (Date of access: 16.04.2025).
7. App2Top: Азиатский опыт защиты авторских прав на работы, созданные с помощью ИИ : [сайт]. – URL: <https://app2top.ru/pravo/aziatskij-opyt-zashhity-avtorskih-prav-na-raboty-sozdannyye-s-pomoshhh-yu-ii-razbor-ot-revera-218065.html> (дата обращения: 16.04.2025).

УДК 347.78

**ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ МОДЕЛЕЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В МУЗЫКАЛЬНОЙ ИНДУСТРИИ****П. Г. РЕУТ****(Представлено: К. Д. САВИЦКАЯ)**

В статье анализируются пробелы правового регулирования обучения генеративного искусственного интеллекта и голосового клонирования в Республике Беларусь. Выявлены риски использования охраняемых произведений при обучении алгоритмов и недостаточность защиты голосовой идентичности. На основе сравнительно-правового анализа предложены направления совершенствования национального законодательства.

Создание музыкальных произведений с помощью искусственного интеллекта (ИИ) порождает правовую неопределенность в отношении авторства на такие произведения. Данная проблема не исчерпывает весь спектр правовых вызовов. Не менее сложными вопросами являются правомерность использования музыкальных произведений для обучения ИИ-моделей и голоса физического лица. Законодательство Республики Беларусь не содержит специальных норм, регулирующих эти процессы, что создает риски как для правообладателей, так и для разработчиков инновационных технологий.

Музыкальные ИИ-системы проходят многоэтапный процесс обучения на обширных аудиобиблиотеках. Правомерность использования охраняемых авторским правом музыкальных произведений для этих целей является предметом острых дискуссий. Во избежание правовых споров разработчики используют легальные методы формирования обучающих выборок.

Наиболее распространенным механизмом является использование произведений, распространяемых под открытыми лицензиями, например, Creative Commons (CC BY, CC BY-SA, CC BY-NC). Такие лицензии позволяют правообладателям самостоятельно определять степень разрешенного использования своих произведений, включая создание производных работ, что делает их идеальным ресурсом для обучения ИИ-систем [1]. Крупные открытые музыкальные архивы, такие как Free Music Archive (FMA) [2] или Jamendo [3], содержат сотни тысяч произведений, специально размещенных авторами для использования в творческих и технологических проектах.

Альтернативным источником становятся краудсорсинговые платформы, где добровольцы записывают образцы голоса и инструментов специально для исследовательских целей. Технические методы, такие как применение дифференциальной приватности при обучении моделей и трансформация исходных аудиозаписей в латентные представления, позволяют создавать системы, которые не воспроизводят непосредственно охраняемые элементы оригинальных произведений, а генерируют принципиально новые музыкальные идеи на основе выученных паттернов.

Наибольшую сложность в правовом отношении представляет голосовое клонирование. Голос человека, рассматриваемый как уникальный биометрический и творческий идентификатор, потенциально подпадает под действие нескольких правовых режимов, однако ни один из них не обеспечивает комплексной защиты.

Согласно ст. 22 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах», исполнитель имеет право на неприкосновенность исполнения, запрещающее внесение любых изменений без его согласия [4]. Однако, как справедливо отмечает М. Д. Чернякова, «синтез речи – это не просто процесс нарезки фонограммы, а именно процесс выделения звучания голоса и обучение программы его имитации... Синтезирование речи предполагает создание совершенно нового объекта, более не связанного с материалами, на которых ИИ обучался» [5]. Таким образом, действующий механизм охраны неприкосновенности исполнения не препятствует цифровому клонированию голоса, поскольку нейросетевой синтез создает новые аудио на основе алгоритмических паттернов, а не использует конкретную запись.

Рассмотрение голоса в качестве биометрических данных также обладает ограниченным потенциалом. Согласно комментариям к Закону Республики Беларусь «О защите персональных данных», к биометрическим относится информация, используемая для уникальной идентификации лица [6]. Следовательно, если использование голоса не преследует цель идентификации, он не подпадает под действие данного закона.

Мировая практика демонстрирует растущий запрос на защиту голоса как коммерческого актива (право на публичность в США), что подтверждается исками актеров озвучивания к компаниям, разрабатывающим ИИ-модели [6]. Белорусское гражданское законодательство (ст. 151 ГК Республики Беларусь) признает индивидуальные характеристики физического лица нематериальными благами, но прямая защита голоса в этом качестве не закреплена.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта выявляет системные пробелы в национальном законодательстве, создавая значительные правовые риски для всех участников музыкальной индустрии. Проведенный анализ позволяет выделить несколько ключевых последствий сложившейся ситуации и наметить возможные пути ее развития. Отсутствие специального регулирования в области использования ИИ для создания музыкального контента порождает следующие системные проблемы:

1. Разработчики ИИ несут правовые риски из-за неясного статуса обучающих данных: использование даже технически преобразованных данных может привести к искам о нарушении авторских прав.
2. Отсутствие четких критериев правомерности обучения алгоритмов на охраняемых произведениях приводит к ситуации, когда разработчики вынуждены руководствоваться общими принципами добросовестного использования, которые не всегда применимы к машинному обучению.
3. Уязвимость положения правообладателей проявляется в невозможности эффективно контролировать использование своих произведений для обучения ИИ-моделей и получать справедливое вознаграждение за такое использование.
4. Недостаточность защиты голосовой идентичности в рамках существующих правовых институтов создает угрозу для профессиональных исполнителей, чей голос может быть использован для создания контента без их согласия и вознаграждения.

Мировая практика демонстрирует различные подходы к регулированию рассматриваемых вопросов. В европейском правовом пространстве прослеживается тенденция к закреплению обязательств по раскрытию информации об использовании охраняемого контента для обучения ИИ. Американская правовая система развивается в направлении признания прав пользователей ИИ-систем при условии их существенного творческого вклада [7]. Китайская практика показывает возможность признания авторских прав за пользователями генеративных систем через концепцию «ИИ как инструмента» [8].

Для белорусского законодательства наиболее перспективными представляются следующие направления развития:

1. Закрепление понятийного аппарата, позволяющего разграничивать произведения, созданные с помощью ИИ и самим ИИ.
2. Установление ясных условий использования охраняемого контента для обучения алгоритмов, включая возможности расширенного толкования свободного использования.
3. Разработка специальных норм, защищающих голосовую идентичность как самостоятельный объект правовой охраны.
4. Введение прозрачных правил распределения прав на результаты деятельности ИИ-систем.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что существующее законодательство Республики Беларусь не соответствует вызовам, порождаемым использованием искусственного интеллекта в музыкальной сфере. Правовые пробелы в регулировании обучения ИИ-моделей и голосового клонирования создают значительные риски для развития инноваций и защиты прав правообладателей.

Сложность рассматриваемых вопросов требует комплексного подхода, сочетающего адаптацию существующих правовых институтов и разработку новых специализированных норм. Дальнейшее развитие законодательства должно быть направлено на достижение баланса между интересами разработчиков технологий, правообладателей и пользователей, обеспечивая при этом правовую определенность и стимулируя инновационное развитие музыкальной индустрии в цифровую эпоху.

Необходимость скорейшего решения выявленных проблем обусловлена стремительным развитием технологий искусственного интеллекта, которое опережает текущие темпы адаптации правового регулирования. Отсутствие своевременных законодательных изменений может привести к увеличению правовых конфликтов и замедлению технологического развития в музыкальной индустрии Республики Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лицензии Creative Commons: что это такое, как они работают и какие бывают // Skillbox – URL: <https://skillbox.ru/media/code/litsenzii-creative-commons-cto-eto-takoe-kak-oni-rabotayut-i-kakimi-byvayut/> (дата обращения: 18.04.2025).
2. Free Music Archive : [Website]. – URL: <https://freemusicarchive.org/> (Date of access: 18.04.2025).
3. Jamendo : [Website]. – URL: <https://www.jamendo.com/> (Date of access: 18.04.2025).
4. Об авторском праве и смежных правах : Закон Респ. Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-3 : в ред. от 09.01.2023 г. № 242-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 17.04.2025).
5. Чернякова, М. Д. Правовая охрана голоса в условиях развития искусственного интеллекта / М. Д. Чернякова // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2024. – № 2 (44). – С. 283–293. – DOI: 10.58741/23134852_2024_2_19.
6. Актеры озвучивания подали в суд на «позаимствовавший» их голоса стартап // Роскомсвобода. – URL: <https://roskomsvoboda.org/ru/post/ozvuchka-ukradena-dlya-ai/> (дата обращения: 17.04.2025).

7. Justia: Federal Appellate Court Cases : [Website]. – URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/cadc/23-5233/23-5233-2025-03-18.html> (Date of access: 16.04.2025).
8. App2Тор: Азиатский опыт защиты авторских прав на работы, созданные с помощью ИИ : [сайт]. – URL: <https://app2top.ru/pravo/aziatskij-opyt-zashhity-avtorskih-prav-na-raboty-sozdanny-e-s-pomoshh-yu-ii-razbor-ot-re-vera-218065.html> (дата обращения: 16.04.2025).

УДК 347

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОХОДОВ ОТ СТРИМЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ НА ПРИМЕРЕ ПЛАТФОРМЫ TWITCH****М. А. РЯБИНИН****(Представлено: К. Д. САВИЦКАЯ)**

Статья посвящена анализу правового регулирования доходов стримеров в Республике Беларусь с фокусом на платформу Twitch. Рассматриваются основные источники доходов стримеров (пожертвования, подписки, партнерские программы), налогообложение, а также ответственность за размещение рекламы запрещенных товаров и услуг. На основе анализа белорусского законодательства и судебной практики выявлены ключевые проблемы регулирования стримерской деятельности в Республике Беларусь.

Стриминг как технология потоковой передачи данных стал важной частью цифровой экономики, обеспечивая монетизацию контента через платформы, такие как Twitch, YouTube и Instagram. В Республике Беларусь число интернет-пользователей достигло 8,26 млн человек (91,5% населения) к началу 2025 года, а аудитория стриминговых сервисов превысила 2 млн. Twitch, ориентированная на игровые трансляции, занимает значительное место, но правовое регулирование доходов стримеров остается фрагментарным, что создает риски для участников рынка.

Стриминг в Беларуси стал значимым источником дохода, поддерживаемым платформами вроде Twitch. Основные каналы монетизации включают:

1) Пожертвования (донаты) – добровольные взносы зрителей, классифицируемые как подарки по статье 553 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК). Они осуществляются через платформы, такие как DonationAlerts, и не связаны с конкретными обязательствами. Пожертвования варьируются от небольших сумм до значительных, особенно во время благотворительных стримов.

2) Подписки – повторяющиеся платежи за эксклюзивный контент (на Twitch – \$4.99–\$24.99 в месяц). Юридически рассматриваются как доход от услуг, подразумевающий договорные отношения.

3) Партнерские программы – комиссионные за продвижение продуктов через реферальные ссылки. Классифицируются как предпринимательский доход для индивидуальных предпринимателей (ИП) или доход от услуг для физлиц. Эффективность зависит от размера аудитории. Эти источники формируют финансовую экосистему стримеров, но требуют соблюдения норм ГК и Налогового кодекса Республики Беларусь.

Налогообложение доходов от стримерской деятельности регулируется Налоговым кодексом Республики Беларусь. Физические лица уплачивают подоходный налог (13%) с доходов, включая зарубежные источники. Если доходы поступают от физлиц или иностранных организаций, стримеры обязаны подавать налоговую декларацию. Белорусские организации и индивидуальные предприниматели выступают налоговыми агентами, удерживая налог. С 6 января 2024 г. принят Закон Республики Беларусь от 6 января 2024 г. № 353-З «Об изменении законов по вопросам рекламы», которым внесены изменения в Закон Республики Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-З «О рекламе» (далее – Закон в новой редакции).

Нормы, содержащие требование о включении в Реестр рекламораспространителей (далее – Реестр), вступают в силу 12 июля 2024 г.

В соответствии с частью первой и второй пункта 14 статьи 10 Закона в новой редакции с указанной даты:

услуги по размещению (распространению) рекламы вправе оказывать рекламораспространители, включенные в Реестр, за исключением случаев, указанных в части третьей пункта 14 статьи 10 Закона в новой редакции, а именно: услуги по размещению (распространению) наружной рекламы; рекламы на транспортных средствах и внутри их салонов; рекламы посредством телефонной, телексной, факсимильной, сотовой подвижной электросвязи, электронной почты; рекламы в капитальных строениях (зданиях, сооружениях), а также в местах проведения культурных, образовательных, спортивных, спортивно-массовых, туристических мероприятий, соревнований, конкурсов, выставок, семинаров, конференций и иных подобных мероприятий; рекламы на бумажном носителе, не относящемся к печатному средству массовой информации; иной рекламы, определенные Советом Министров Республики Беларусь;

оказание услуг по размещению (распространению) рекламы рекламораспространителем, не включенным в Реестр, является незаконным и запрещается. [5].

Реклама на стриминговых платформах подпадает под требования Закона Республики Беларусь «О рекламе». Так, согласно ст. 10 Закона «О рекламе». Запрещены к производству, реализации и рекламе: товары и деятельность, запрещенные законодательством; продукция без обязательных документов о соответствии; наркотики, психотропные вещества, их аналоги и прекурсоры; предложения органов и тканей человека; порнография; вовлечение в сексуальные услуги под видом законной деятельности; услуги, связанные

с торговлей людьми; сведения, составляющие государственные секреты; реклама заменителей грудного молока вне специализированных медизданий; услуги и обучение деятельности экстрасенсов, гадалок, астрологов и других лиц с заявленными сверхъестественными способностями; сексуальные услуги под видом психологической помощи, массажа и т.п.; привлечение средств граждан лицами без регистрации в Республике Беларусь; реклама похоронных услуг через личные каналы связи (кроме СМИ); иные объекты, запрещённые законодательными актами.

Ненадлежащая реклама определяется в ст. 26 Закона «О рекламе» как недостоверная (ложная информация о товарах, услугах, ценах и т.д.), недобросовестная (необоснованное превосходство над конкурентами, негативные сравнения), неэтичная (нарушение моральных норм, оскорбления) или скрытая (сублиминальное воздействие). Такая реклама запрещена.

Если ненадлежащая реклама нарушает права или законные интересы граждан или организаций (например, вводит в заблуждение потребителей, причиняет финансовые убытки или вред репутации), возникает гражданско-правовая ответственность.

Согласно ст. 31 Закона «О рекламе», ответственность распределяется между участниками:

1. Рекламодатель отвечает за содержание рекламы (если не докажет вину производителя или распространителя).

2. Рекламопроизводитель – за оформление, производство и подготовку.

3. Рекламораспространитель – за время, место и способ размещения.

Общие правила гражданской ответственности за причинение вреда предусмотрены в ГК (глава 58 «Обязательства вследствие причинения вреда»).

В соответствии со ст. 14 ГК, убытки возмещаются в полном объеме, если иное не предусмотрено законом или договором. Убытки включают: реальный ущерб (расходы на восстановление нарушенного права, утрата или повреждение имущества) и упущенную выгоду (неполученные доходы, которые могли бы быть получены при обычных условиях).

Если нарушитель получил доход от незаконной рекламы, размер возмещения не может быть меньше этого дохода.

Потерпевший (гражданин или организация) может обратиться в суд с иском о возмещении убытков, причиненных ненадлежащей рекламой (ст. 31 ч. 2 Закона «О рекламе»).

Если ложная реклама привела к покупке некачественного товара – возмещение стоимости, расходов на возврат и упущенной выгоды.

Если реклама нанесла вред конкуренту (например, недобросовестное сравнение) – компенсация потерянных продаж или репутационного ущерба. Вина (умысел или неосторожность) предполагается, если не доказано обратное (ст. 372 ГК). Для предпринимательской деятельности ответственность может быть без вины, кроме случаев непреодолимой силы.

Если ненадлежащая реклама нарушает личные неимущественные права (например, честь, достоинство, деловую репутацию), гражданин имеет право на компенсацию морального вреда (физических или нравственных страданий) – ст. 152 ГК. Размер компенсации определяет суд, учитывая степень вины нарушителя, характер страданий, индивидуальные особенности потерпевшего и другие обстоятельства. Компенсация возможна только за вред деловой репутации (без морального вреда, ст. 153 ГК). Потребуется опровержение порочащих сведений в том же формате (например, в СМИ или сети интернет). Если реклама содержит оскорбительную информацию, потерпевший может требовать опровержения и компенсации морального вреда.

Рекламодатели, производители и распространители обязаны проверять достоверность информации и хранить документы (ст. 27–29 Закона «О рекламе»). Если вы пострадали от незаконной рекламы, соберите доказательства и обратитесь в МАРТ для проверки (они могут выдать предписание о прекращении) или напрямую в суд.

За нарушения законодательства о рекламе предусмотрена административная ответственность по ст. 13.9 КоАП.

3) Санкции, предусмотренные платформой Twitch:

Согласно Разделу 10 Условий предоставления услуг, запрещено распространение спама, нежелательной рекламы, мошеннических схем или вводящих в заблуждение промо-материалов.

В Разделе 9 Условий (Branded Content) брендированный контент определяется как любой пользовательский контент, включающий продвижение продуктов, услуг или иного в обмен на ценность (например, оплату или товары). Такой контент допускается при условии соблюдения Условий и применимого права, включая обязательное раскрытие коммерческого характера с использованием специального инструмента Twitch (Branded Content tool). Нарушение норм раскрытия (например, отсутствие индикации спонсорства в соответствии с Руководствами Федеральной торговой комиссии США – FTC Guidelines) квалифицируется как ненадлежащая реклама.

Раздел 8(d) устанавливает, что проведение промо-акций (конкурсов, розыгрышей) на платформе возможно только при полном соблюдении применимого права; пользователь несет полную ответственность за их законность. Запрещено указывать на спонсорство Twitch без разрешения.

Руководство сообщества (разделы о Spam, Scams и Prohibited Content) запрещает продвижение продуктов или услуг, связанных с ненавистью (hateful products), наркотиками, запрещенным азартным играм (например, сайты вроде Stake.com, Rollbit.com), или иным незаконным контентом. Нарушение влечет ответственность за создание вводящего в заблуждение или вредоносного контента.

Нарушения квалифицируются как несоблюдение Условий предоставления услуг и Руководства сообщества, что создает основание для применения мер принуждения в соответствии с Разделом 18 Условий (Termination).

Виды санкций:

1. Предупреждения и ограничения: Twitch может применить предупреждение (warning) или временные ограничения, такие как удаление контента, отключение функций монетизации (например, для аффилиатов или партнеров) или запрет на участие в промо-кампаниях и программах (в соответствии с Монетизированным соглашением для стримеров – Monetized Streamer Agreement).

2. Временная приостановка (suspension): За повторные или умеренно тяжкие нарушения (например, систематический спам или мошеннические промо-акции) аккаунт может быть временно приостановлен на период, определяемый Twitch в своем усмотрении. Это включает потерю доступа к сервисам, включая чат, стриминг и монетизацию.

3. Бессрочная блокировка: За тяжкие нарушения (например, продвижение незаконных продуктов или систематическое нарушение норм раскрытия) Twitch вправе расторгнуть соглашение, заблокировать аккаунт и запретить будущий доступ к сервисам. В соответствии с Разделом 18, такая мера применяется без предварительного уведомления, если иное не предусмотрено для потребителей в ЕС / ЕЭЗ / Великобритании / Швейцарии (где уведомление о причинах предоставляется без задержки, за исключением случаев, предусмотренных законом).

4. Иные меры: Twitch оставляет за собой право удалять, экранировать или модерировать контент в любое время без уведомления (Раздел 10). Для аффилиатов и партнеров (в соответствии с Affiliate Agreement и Partner Agreement) нарушения рекламных политик могут повлечь отзыв статуса, потерю доходов от монетизации или штрафные санкции, связанные с возмещением ущерба Twitch.

Размер и вид санкций определяются Twitch в своем единоличном усмотрении, с учетом тяжести нарушения, истории аккаунта и потенциального вреда сообществу.

3. Порядок применения санкций

1. Инициирование: Санкции применяются на основании внутренних расследований Twitch, жалоб пользователей или автоматизированного мониторинга. Пользователь может быть уведомлен о нарушении через систему уведомлений платформы (в соответствии с Разделом о Account Enforcements).

2. Апелляция: В случае приостановки или блокировки пользователь вправе подать апелляцию через специальный механизм Twitch (описан в Руководстве по апелляциям – Appeal Process), предоставив доказательства соблюдения правил. Twitch рассматривает апелляции в разумные сроки, но решение остается окончательным.

3. Ответственность пользователя: Пользователь несет полную ответственность за соблюдение применимого права (включая нормы о рекламе в юрисдикции своего местонахождения). Twitch не несет ответственности за промо-акции и не выступает спонсором.

4. Дополнительные последствия: Нарушения могут повлечь параллельную административную или уголовную ответственность в соответствии с национальным законодательством (например, за мошенничество или нарушение антимонопольных норм), не исключая платформенных санкций.

Таким образом, на основании проведенного исследования, можно сделать следующие выводы: стримерская деятельность представляет собой значимый сегмент цифровой экономики, где основные источники монетизации включают донаты (квалифицируемые как подарки по ст. 553 ГК), подписки (как доход от услуг) и партнерские программы (комиссии, рассматриваемые как предпринимательский доход для ИП или услуги для физлиц), регулируемые общими нормами ГК и НК, но с фрагментарным подходом, создающим риски при работе с зарубежными платформами. Налогообложение предусматривает 13% подоходный налог для физлиц, включая иностранные доходы, с обязанностью самостоятельной декларации при поступлении от физлиц или зарубежных организаций; ИП выступают налоговыми агентами, однако усиление контроля в 2025 году (включая Постановление Совмина от 02.09.2025) усложняет учет и повышает вероятность блокировок. Регулирование рекламы с 12 июля 2024 года (Закон № 353-З) требует регистрации в Реестре рекламодателей, запрещая ненадлежащую рекламу (ст. 26 Закона «О рекламе»). Договоры на такую рекламу ничтожны, а доходы подлежат конфискации. Ответственность многоуровневая: гражданская включает возмещение убытков в полном объеме (ст. 14 ГК), компенсацию морального вреда (ст. 152 ГК) или репутационного ущерба (ст. 153 ГК); административная – штрафы от 5 до 500 базовых величин (ст. 13.9 КоАП); платформенная на Twitch – предупреждения, временные или бессрочные

блокировки, отключение монетизации за спам, мошенничество или нарушения (Разделы 8–10, 18 Условий Twitch). Рекомендуется гармонизация законодательства, упрощение регистрации для стримеров, обязательное раскрытие спонсорства и хранение документов, чтобы обеспечить баланс между государственным контролем и развитием цифровых прав в секторе стриминга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г., № 425-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22 апреля 2024 г. № 365-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
2. Условия предоставления услуг Twitch [Электронный ресурс] : в ред. от 2 апреля 2025 г. // Twitch / Twitch Interactive, Inc. – Сан-Франциско, 2025.
3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апреля 2003 г., № 194-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 5 января 2023 г. № 241-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
4. Налоговый кодекс Республики Беларусь от 29 декабря 2009 г. № 71-З. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0900071>. – Дата доступа: 07.10.2025.

УДК 347

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДИЗАЙНА ОДЕЖДЫ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ, США И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**В. П. СЕЛЕДЦОВА***(Представлено: К. Д. САВИЦКАЯ)*

В статье рассматривается правовое регулирование дизайна одежды в Европейском Союзе, США и Российской Федерации. Анализируются основные законодательные акты, регулирующие данную сферу, их сходства и различия, а также выявляются ключевые проблемы правового регулирования.

В условиях глобализации fashion-индустрии вопросы правовой охраны дизайна одежды приобретают особую актуальность. В разных странах сформировались различные подходы к защите интеллектуальных прав в данной сфере, что обусловлено особенностями национальных законодательств и спецификой развития модной индустрии. Охрана дизайна одежды в современном мире возможна посредством авторского права, а также посредством получения патента на промышленный образец.

Правовое регулирование дизайна одежды в Европейском Союзе.

В ЕС охрана дизайна одежды возможна в рамках патента на промышленный образец. Правовое регулирование промышленного образца осуществляется с помощью Директивы Европейского парламента и Совета ЕС № 98/71/ЕС от 13.10.1998 г. «О правовой охране промышленных образцов» и Регламента № 6/2002 Совета Европейского союза «О промышленных образцах Европейского сообщества» [1].

В соответствии с Директивой Европейского парламента и Совета ЕС № 98/71/ЕС от 13.10.1998 г. «О правовой охране промышленных образцов» «дизайн» означает внешний вид всего изделия или его части, обусловленный особенностями, в частности, линий, контуров, цветов, формы, текстуры и/или материалов самого изделия и/или его орнамента.

Согласно Директиве Европейского парламента и Совета ЕС № 98/71/ЕС от 13.10.1998 г. «О правовой охране промышленных образцов» «изделие» означает любое изделие промышленного или кустарного производства, включая, в частности, детали, предназначенные для сборки в сложное изделие, упаковку, оформление, графические символы и типографские гарнитуры, но исключая компьютерные программы.

«Сложное изделие» означает изделие, состоящее из множества компонентов, которые могут быть заменены с возможностью разборки и повторной сборки изделия [1].

Промышленный образец охраняется правом на промышленный образец в той мере, в какой он является новым и имеет индивидуальный характер.

Промышленный образец считается новым, если ни один идентичный промышленный образец не был представлен общественности до даты подачи заявки на регистрацию или, если испрашивается приоритет, до даты установления приоритета.

Образцы считаются идентичными, если их характеристики отличаются только в несущественных деталях.

Дизайн считается индивидуальным, если общее впечатление, которое он производит на информированного пользователя, отличается от общего впечатления, производимого на такого пользователя любым дизайном, который была доведена до сведения общественности до даты подачи заявки на регистрацию или, если испрашивается приоритет, до даты установления приоритета.

После регистрации промышленный образец, соответствующий требованиям статьи 3(2), охраняется правом на промышленный образец в течение одного или более пятилетних периодов с даты подачи заявки. Правообладатель может продлить срок охраны на один или несколько периодов по пять лет каждый, в общей сложности до 25 лет с даты подачи заявки [1].

Промышленный образец должен охраняться:

1. посредством «незарегистрированного промышленного образца Европейского Сообщества», если он становится общедоступным таким способом, который предусмотрен в настоящем Регламенте;
2. посредством «зарегистрированного промышленного образца Европейского Сообщества», если он зарегистрирован таким способом, который предусмотрен в настоящем Регламенте.

Для защиты промышленного образца его нужно публично обнародовать в ЕС.

Если по истечении года с момента обнародования заинтересованное лицо не обратилось с заявкой на регистрацию промышленного образца, то его право обращения с такой заявкой прекращается. Объект в таком случае получает правовую охрану только в качестве незарегистрированного дизайна [2, с. 62–66].

Правовое регулирование дизайна одежды в США.

Защита дизайна одежды в США посредством авторского права является спорной. Закон «Об авторском праве» США не называет модели одежды в числе охраноспособных объектов, в отличие от скульптур, фотографий и картин.

Суды нередко отказывают признавать объектами авторского права фасоны одежды и обуви, подводя их под категорию «потребительских товаров» («useful articles») – товаров, имеющих «собственно утилитарное назначение», которое не исчерпывается внешним видом и предоставлением информации). Одежда и обувь, вне всяких сомнений, «утилитарны». Поэтому элементы их дизайна могут получить авторско-правовую охрану только в том случае, если они отделимы от «полезных» составляющих товара и могут существовать независимо от них. И хотя в последнее время судебная практика трактует делимость шире (не только как «физическую», но и как «концептуальную» [3, с. 112], большинство элементов моделей одежды и обуви не соответствуют этому требованию. Отсутствие единообразия в понимании «отделимости» отмечает Ж. Лефебр: она насчитала 10 правил определения «отделимости», которые используются в американской судебной практике и доктрине [4, с. 148], и предлагает свое собственное.

В качестве другого варианта правового режима новых моделей можно рассматривать патентование.

В США есть Закон «О патентах», 35 U.S.C. §§ 1 et seq, который регулирует лишь получение патента на промышленный образец. В случае дизайна одежды – это дизайнерский патент (design patent).

Любой, кто изобретет какой-либо новый, оригинальный и декоративный дизайн для производственного изделия, может получить на него патент в соответствии с условиями и требованиями раздела 171 Закона США «О патентах».

Патенты на промышленные образцы выдаются сроком на четырнадцать лет с даты выдачи.

Допускается наличие зарегистрированного товарного знака и промышленного образца в отношении одного и того же предмета.

Наличие патента на изобретение является «веским доказательством» того, что заявляемые свойства функциональны.

В доктрине предлагается охранять дизайн и детали, являющиеся «исключительно оригинальными», в режиме *sui generis* [3, с. 101]. Исключительная оригинальность будет подразумевать уникальность, отличимость, нетривиальность и неутилитарность [3, с. 120]. Охрана должна предоставляться только в отношении использования в идентичных товарах и только от «рабского копирования» («slavish copies»). Такие жесткие стандарты охраноспособности позволят поощрить и защитить творчество достаточно узкого круга настоящих инноваторов и при этом не дадут ограничить конкуренцию в индустрии моды.

Правовое регулирование дизайна одежды в Российской Федерации.

Понятие дизайна в законодательстве Российской Федерации не определено, однако согласно ст. 1259 ГК РФ произведения дизайна относятся к объектам авторского права. Поэтому для защиты прав на произведения дизайна не требуется регистрация произведения или соблюдение каких-либо формальностей (п. 4 ст. 1259 ГК РФ). Объектами авторских прав в дизайне могут быть различные проекты, эскизы, чертежи, фотографии, то есть все то, что дизайнер создает в том или ином виде. И для доказывания своих авторских прав он может воспользоваться процедурой заверения документов у нотариуса либо услугой депонирования (добровольной регистрации экземпляра произведения в специальном реестре). Помимо защиты в рамках авторского права дизайн может быть защищен патентным правом (путем предоставления охраны в качестве промышленного образца) [5, с. 63-66].

Правовая охрана дизайна может осуществляться с помощью норм авторского права. В соответствии со п. 1 ст. 1259 ГК РФ произведения дизайна охраняются наравне с другими объектами авторских прав независимо от достоинств, назначения и способа их выражения. Чтобы дизайн одежды получил правовую охрану, он должен быть результатом творческой деятельности, который надлежит зафиксировать в объективной форме. Выражение произведения дизайна одежды возможно в различных формах: эскиз модели, трехмерная модель в компьютерной программе, принт ткани или в виде готового экземпляра изделия.

Законодательством не установлены характеристики творческой деятельности, в связи с чем возникают трудности отделения творческих произведений от нетворческих. Судебной практикой сформулирован принцип презумпции творческого характера произведений пока не доказано иное, результаты интеллектуальной деятельности предполагаются созданными творческим трудом [6].

Проведенный анализ зарубежного опыта правовой охраны дизайна одежды демонстрирует разнообразие подходов к регулированию данной сферы, что обусловлено особенностями национальных законодательств и спецификой развития fashion-индустрии в разных странах.

В большинстве развитых стран дизайн одежды охраняется как через авторское право (художественные элементы), так и через систему промышленных образцов (конструктивные решения).

Но несмотря на развитые законодательные системы, центральной проблемой остается правоприменение, особенно против кражи дизайнов.

Зарубежный опыт свидетельствует, что эффективная защита дизайна одежды требует баланса между скоростью получения правовой охраны; гибкостью охранительных механизмов; строгостью санкций за нарушения.

Проведенное исследование зарубежных систем правовой охраны объектов дизайна одежды выявило существенное расхождение правовых подходов, сложившихся в законодательстве Европейского Союза и Соединенных Штатов Америки. Европейская правовая модель, институционализированная в Директиве

№ 98/71/ЕС и Регламенте № 6/2002, характеризуется формированием дуалистической системы защиты, сочетающей институты как зарегистрированных, так и незарегистрированных промышленных образцов. Данная модель обеспечивает правовую гибкость, позволяющую субъектам творческой деятельности оперативно адаптироваться к динамично эволюционирующим трендам fashion-индустрии.

В отличие от европейского подхода, американская правовая система базируется на патентно-правовом методе охраны, регламентированном положениями Закона «О патентах» (35 U.S.C. §§ 1 et seq). Установленный в США 14-летний срок патентной охраны сопровождается более строгими критериями патентоспособности, что объективно повышает степень защиты и коммерческую ценность охраняемых объектов. Однако подобная система демонстрирует меньшую адаптивность к специфическим потребностям fashion-индустрии, где ключевое значение приобретает фактор временной динамики обновления продукта.

ЛИТЕРАТУРА

1. О правовой охране промышленных образцов : Директива Европейского Парламента и Совета ЕС 98/71/ЕС от 13 октября 1998 г. № 98/71/ЕС // Информационно-правовое обеспечение ГАРАНТ (дата обращения: 30.04.2025).
2. Маркеев, А. И. Правовые особенности охраны исключительных прав на дизайн в сфере моды / А. И. Маркеев / Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств им. А. Д. Крячкова. – Новосибирск, 2022. – С. 62–66.
3. A sui generis system of protection for exceptionally original fashion designs / Jimenez A.V. J.T. // Loyola of Los Angeles entertainment law review. – Los Angeles, 2016. – Vol. 36, N 2. – P. 101–135.
4. The Need for «supreme» clarity: Clothing, copyright, and conceptual separability / Lefebvre J. // Fordham intellectual property, media and entertainment law journal. – N.Y., 2016. – Vol. 27, N 1. – P. 143–179.
5. Маркеев, А. И. Правовая охрана дизайна одежды / А. И. Маркеев / Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств им. А. Д. Крячкова. – Новосибирск, 2022. – С. 63–66.
6. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апр. 2019 г. № 10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 7.

УДК 347

ДИЗАЙН ОДЕЖДЫ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В. П. СЕЛЕДЦОВА

(Представлено: К. Д. САВИЦКАЯ)

В статье рассматривается вопрос о возможности правовой охраны дизайна одежды как объекта права интеллектуальной собственности в Республике Беларусь. Автор приходит к мнению, что правовое регулирование дизайна одежды является достаточным и может охраняться в рамках двух основных правовых режимов: авторского права и права промышленной собственности.

В настоящее время охрана дизайна одежды находится в стадии активного развития. Возникают новые дизайнерские решения. Появление участников данной сферы обуславливает рост конкуренции. Данные обстоятельства предопределяют необходимости защиты прав дизайнеров одежды на объекты интеллектуальной собственности [1, с. 63–66].

Л. В. Орленко определяет дизайн как «художественное конструирование предметов, проектирование эстетического облика промышленных изделий»[2].

Согласно большому энциклопедическому словарю: слово дизайн (происходит от англ. design – замысел, проект, чертеж, рисунок – и обозначает) – различные виды проектировочной деятельности, имеющей целью формирование эстетических и функциональных качеств предметной среды [3].

Философ Л. А. Зеленов рассматривал дизайн как особый метод проектного мышления [4, с. 472].

Разница в определении дизайна одежды в философии и в энциклопедии заключается в подходе, глубине рассмотрения и целях, которые преследует каждое из этих направлений.

Определение дизайна в энциклопедическом словаре направлено на точное описание объекта, его характеристик, назначения и технологических аспектов. Энциклопедический словарь предоставляет четкое, лаконичное и общепонятное определение понятия.

Определение дизайна в философии направлено на исследование сущности, значения, эстетики, этических и социальных аспектов дизайна одежды. Философия, в отличие от толкового словаря, раскрывает глубинные смыслы, философские концепции и ценности, стоящие за дизайном одежды, а также его влияние на человека и общество.

В данной сфере важным является вопрос правовой охраны дизайна одежды.

Дизайн одежды может защищаться в качестве объекта авторского права или объекта права промышленной собственности (товарного знака, промышленного образца, полезной модели, секрета производства).

Понятие «дизайн» в Гражданском кодексе Республики Беларусь не определено.

Согласно статье 992 Гражданского кодекса Республики Беларусь дизайн является объектом авторского права.

Авторское право распространяется на произведения науки, литературы и искусства, являющиеся результатом творческого труда, независимо от назначения и достоинства произведения, а также от способа его выражения.

Принцип презумпции творческого характера произведений сформулирован в статье 993 Гражданского кодекса Республики Беларусь – произведение признается созданным творческим трудом, пока не установлено иное.

Вопрос отнесения объектов фэшн-дизайна к объектам авторско-правовой охраны по смыслу статьи 992 Гражданского кодекса Республики Беларусь на практике является спорным, осуществить защиту таких объектов также затруднительно по ряду причин:

- возникновение авторского права связано с моментом создания объекта. В законодательстве не прослеживается связь момента создания объекта с определенными обстоятельствами (например, публикация сведений в журнале), что в значительной степени усложняет для правообладателя доказывание своего авторства;

- авторское право не в состоянии осуществить защиту правообладателя в ситуации, когда другим лицом будут представлены доказательства создания аналогичного дизайна в то же самое время в результате самостоятельной творческой деятельности. В качестве примера можно привести ситуацию параллельного создания двумя модельерами моделей аксессуаров, которые отличаются сходством или тождественностью;

- если речь идет о переработке существующего дизайна путем внесения незначительных творческих изменений, авторское право неприменимо [5, с. 62–66].

Дизайн одежды может защищаться с помощью права промышленной собственности.

Самыми распространёнными способами регистрации исключительных прав на дизайны одежды являются промышленный образец и товарный знак [6, 121–125].

Согласно статье 999 Гражданского кодекса Республики Беларусь промышленным образцом, которому предоставляется правовая охрана, признается художественное или художественно-конструкторское решение изделия, определяющее его внешний вид и удовлетворяющее следующим условиям патентоспособности: новизна и оригинальность.

Промышленный образец признается новым, если он неизвестен из сведений, ставших общедоступными в мире до даты приоритета промышленного образца.

При установлении новизны промышленного образца учитываются при условии их более раннего приоритета все поданные в Республике Беларусь другими лицами неотозванные заявки на выдачу патента на промышленный образец, а также запатентованные в Республике Беларусь промышленные образцы.

Промышленный образец признается оригинальным, если особенности внешнего вида изделия обусловлены творческим трудом автора (соавторов) промышленного образца.

Патент действует с даты подачи заявки на выдачу патента на промышленный образец в государственное учреждение «Национальный центр интеллектуальной собственности». Патент на промышленный образец действует в течение десяти лет с возможным продлением этого срока патентным органом по ходатайству патентообладателя, но не более чем на пять лет. Ходатайство о продлении срока действия патента на промышленный образец подается в патентный орган до истечения срока действия патента [7].

В Республике Беларусь в качестве промышленных образцов получили правовую охрану: одежда форменная (четыре варианта), номер патента – 4353 [8]; одежда для людей, использующих коляску, и людей с ограниченной мобильностью (4 варианта), номер патента – 4528 [9]; одежда пожарного боевая для тушения природных, ландшафтных (лесных, торфяных) пожаров на открытом воздухе, номер патента – 5288 [10].

Товарным знаком и знаком обслуживания признается обозначение, способствующее отличию товаров, работ и (или) услуг одного лица от однородных товаров, работ и (или) услуг других лиц.

Согласно статье 1017 Гражданского кодекса Республики Беларусь в качестве товарных знаков могут быть зарегистрированы словесные обозначения, включая имена собственные, цвет, сочетания цветов, буквенные, цифровые, изобразительные, объемные обозначения, включая форму товара или его упаковку, а также комбинации таких обозначений, за исключением обозначений, предусмотренных законодательными актами. Иные обозначения могут быть зарегистрированы в качестве товарных знаков в случаях, предусмотренных законодательными актами.

Основное назначение товарных знаков заключается в возможности предотвращения их незаконного использования, которое автоматически делает любую вещь поддельной продукцией. Такой подход предлагает модным брендам множество юридических путей защиты своих интересов [11, с. 1133–1139].

Современный рынок делит одежду на классы «люкс» (высокая мода) и масс-маркет. По мнению П. В. Пуговкиной класс «люкс» приближен к искусству, к его созданию подходят с точки зрения индивидуализации и узнаваемости. По этой причине многие элементы одежды класса «люкс» регистрируются в качестве промышленного образца. Иная ситуация обстоит с так называемой «готовой одеждой» или одеждой «масс-маркета»: отсутствие уникальности кроя и пошива, индивидуализации посредством деталей исключает возможность распространения на неё патентных прав, поэтому дизайнеры регистрируют отдельные средства индивидуализации, отличающие конкретную вещь от других, – узоры, вышивки, печати и пр. [6, с. 121–125].

В основном в качестве дизайна одежды регистрируют следующие категории одежды:

- специализированная одежда (форма сотрудников милиции, МЧС, военных и др.);
- форменная одежда (костюмы медицинских работников, сотрудников БЖД и др.).

Следует отметить, что лишь незначительная часть дизайнеров прибегает к процедуре официальной регистрации и патентования своих дизайнерских решений. Данная тенденция обусловлена, в первую очередь, недостаточным уровнем правовой осведомленности, а именно:

1. Отсутствует целостное восприятие дизайна как объекта интеллектуальной собственности, обладающего не только творческой, но и коммерческой ценностью. Это порождает недооценку потенциала правовых институтов для капитализации результатов творческого труда.

2. Процедуры регистрации промышленных образцов и товарных знаков воспринимаются как избыточно регламентированные и ресурсоемкие. Отсутствие компетенции в области оформления заявок и взаимодействия с патентными органами формирует стойкое нежелание использовать данные механизмы.

На основании вышеизложенного, можно заключить, что дизайн одежды в Республике Беларусь может охраняться в рамках двух основных правовых режимов: авторского права и права промышленной собственности (главным образом, через регистрацию промышленного образца или товарного знака).

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркеев, А. И. Правовая охрана дизайна одежды / А. И. Маркеев / Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств им. А. Д. Крячкова. – Новосибирск, 2022. – С. 63–66.
2. Орленко, Л. В. Терминологический словарь одежды / Л. В. Орленко // Терминологический словарь. – 1996. – 345 с.
3. Большой энциклопедический словарь / изд. : Большая российская энциклопедия ; гл. ред. А. М. Прохоров. – М., 2000. – 1434 с.
4. Зеленов, Л. А. История и философия науки: учебное пособие для магистров, соискателей и аспирантов / Л. А. Зеленов, А. А. Владимиров, В. А. Щуров. – 2-е изд. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. – 472 с.
5. Маркеев, А. И. Правовые особенности охраны исключительных прав на дизайн в сфере моды / А. И. Маркеев / Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств им. А. Д. Крячкова. – Новосибирск, 2022. – С. 62–66.
6. Пуговкина, Т. В. Специфика правового регулирования дизайна одежды в Российской Федерации / Т. В. Пуговкина // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации (социальный инженер-2023) : сб. науч. ст. / Российский гос. ун-т им. А. Н. Косыгина. – Москва, 2023. – С. 121–125.
7. О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы : Закон Респ. Беларусь от 16 дек. 2002 г. № 160-З : с изм. и доп. от 13 ноября 2023 г. № 243-З // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 30.04.2025).
8. Национальный центр интеллектуальной собственности [сайт]. – URL: <https://search.ncip.by/database/index.php?pref=prom&lng=ru&page=3&target=4754> (дата обращения: 30.04.2025).
9. Национальный центр интеллектуальной собственности [сайт]. – URL: <https://search.ncip.by/database/index.php?pref=prom&lng=ru&page=3&target=6082> (дата обращения: 30.04.2025).
10. Национальный центр интеллектуальной собственности [сайт]. – URL: <https://search.ncip.by/database/index.php?pref=prom&lng=ru&page=3&target=8970> (дата обращения: 30.04.2025).
11. Артюшина А. А. Защита прав дизайнеров в эпоху модной индустрии / А. А. Артюшина, Ю. И. Фроловская // Научный аспект. – 2024. – 10 т., № 3. – С. 1133–1139.

УДК 340

НЕТИПИЧНЫЕ НОРМЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

А. В. ШНИТКО

(Представлено: канд. юрид. наук Е. Н. КУДРЯШОВА)

В данной статье исследуются понятие, признаки и виды нетипичных норм в гражданском праве. Рассматриваются научные исследования современных ученых, приводятся примеры нетипичных норм права Гражданского и Жилищного кодекса Республики Беларусь, а также законов Республики Беларусь, относящихся к подотраслям гражданского права.

Нетипичные нормы права – это такие нормы, которые определяют основные принципы, цели, задачи и порядок регулирования отношений, возникающих в процессе правоприменения, а также закрепляют основные правовые категории и понятия, необходимые для уяснения содержания и более эффективного использования нормативных правовых актов. Такие нормы в науке часто называют специализированными, т.к. они «сами непосредственно не регулируют поведение, но помогают в этом другим нормам через системные связи права» [1, с. 56].

«Этим предписаниям присущи такие признаки, как:

- субсидиарный, вспомогательный характер, т.е. они помогают основным нормам придать завершенность и полноту праву, но в то же время определяют сущность, назначение основных (типичных) норм, задачи, цели, содержание правового регулирования в целом;

- сами они непосредственно не регулируют общественные отношения, а действуют в комплексном сочетании с регулятивными и охранительными нормами, образуя с ними единый регулятор. С помощью этих предписаний нормативно-правовому регулированию придается согласованность, взаимосвязанность, логическая целостность» [2, с. 10].

Такие нормы права имеют гораздо меньшее распространение по сравнению с типичными нормами, однако они также находят отражение во всех отраслях права, в том числе и в гражданском праве.

В юридической науке сформировано относительно единое мнение о видах нетипичных норм права. Их классификация обычно основывается на их содержании и тех правовых категориях, которые они определяют. Выделяют 4 основных вида нетипичных норм, а именно: декларативные нормы, нормы-дефиниции, а также оперативные и коллизионные нормы.

Декларативные нормы, или нормы-принципы, провозглашают наиболее важные, руководящие положения, основные начала построения, организации и работы государственных органов, цели и задачи нормативных правовых актов, регулирующих различные сферы общественных отношений и т.д. «В них отражаются глубинные, устойчивые, закономерные связи, благодаря которым то или иное явление имеет завершенный вид» [3, с. 108]. Нормы-принципы составляют основу правового регулирования в абсолютно любой отрасли права и имеют отражения в каждом акте законодательства.

«Гражданско-правовая норма-принцип – это специализированная норма общего характера, не указывающая на конкретную модель поведения, содержащая принцип гражданского права. При этом не важно, перечислены ли правовые принципы в отдельных статьях или же такой перечень сопровождается раскрытием их основного содержания: и в том, и в другом случае это нормы-принципы» [4, с. 21]. Ярким примером таких норм в гражданском праве может выступать часть 2 статьи 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), определяющая «основные начала» гражданского законодательства. Декларативные нормы также находят свое отражение в законодательных актах, относящихся к подотраслям гражданского права. Так, например, ст. 1 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье формулирует задачи брачно-семейного законодательства, что также может относиться к институтам, которые регулируются такими нормами.

Нормы-дефиниции формулируют понятия основных правовых категорий, имеющих юридическое значение в контексте того или иного нормативного правового акта. «Любая правовая дефиниция является источником информации о ценностной характеристике различных элементов социально-правовой действительности, обеспечивая тем самым особую, аксиологическую, функцию правовых норм» [5, с. 26]. Нормы-дефиниции присутствуют в абсолютном большинстве нормативных правовых актов, ведь в каждом из них законодателем установлены различные термины и понятия исходя из особенностей той или иной отрасли права, правового института. Такие нормы могут быть систематизированы, как правило, в начале акта законодательства или содержаться в отдельных его статьях. Так, примером нормы-дефиниции в гражданском праве может служить абзац 2 части 1 статьи 1 ГК, в которой содержится определение понятия «предпринимательская деятельность». Наглядно рассмотреть случай, когда дефиниции систематизированы в начале нормативного правового акта, позволяет статья 1 Жилищного кодекса Республики Беларусь, отражающая определения сразу совокупности терминов, используемых для целей кодекса. Так, например,

пункт 9 указанной статьи содержит в себе следующую дефиницию: «Жилая площадь – сумма площадей пола жилых комнат» [6].

Оперативные нормы определяют момент вступления того или иного акта в действие, а также продлевают или прекращают его действие. «Оперативные нормы определяют календарный период нахождения правовых норм в юридической силе, однако этот период сам по себе не обуславливает и не предопределяет их действие в пространстве, во времени и по кругу лиц» [7, с. 462].

«В отличие от большинства других специализированных норм, научное осмысление которых как в теории права, так и в цивилистике находится на стадии становления, теория оперативных норм практически отсутствует вовсе» [8, с. 42], однако такие нормы, хоть и являются малоисследованным институтом, широко распространены и являются обязательным элементом любого нормативного правового акта. Так, в ГК оперативные нормы формируют целый раздел. Например, статья 1136 устанавливает, что Гражданский кодекс «вступает в силу с 1 июля 1999 года» [9]. Наиболее оптимальными считаются оперативные нормы, устанавливающие точную дату вступления в силу конкретной нормы или акта законодательства, т.к. такие предписания помогают избежать разночтений в установлении юридической силы. Однако существуют и иные случаи. Например, статья 62 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» не устанавливает точной даты вступления закона в силу, однако обозначает определенный период для этого и выделяет точку отсчета – факт официального опубликования: «Настоящий Закон вступает в силу через шесть месяцев после его официального опубликования» [10].

«Юридические коллизии – это противоречия или расхождения между действующими нормативно-правовыми актами, регулируемыми одни и те же либо смежные общественные отношения, а также противоречия, возникающие в процессе притязаний, действий по изменению, признанию или отторжению правовых актов компетентными органами и должностными лицами» [1, с. 97]. Коллизионными называют такие нормы права, в которых содержатся предписания, определяющие порядок выбора той или иной нормы права из нескольких, являются средством разрешения коллизий, возникающих в процессе правоприменения из-за наличия нескольких норм или актов, регулирующих схожие либо идентичные общественные отношения. Однако такие нормы не распространены в гражданском праве Республики Беларусь. Наиболее обширное отражение коллизионные нормы получили в Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах», который напрямую регулирует порядок разрешения правовых коллизий и устанавливает относительно четкую иерархию нормативных правовых актов в зависимости от их юридической силы. Так, часть 5 статьи 23 указанного Закона устанавливает высшую юридическую силу кодексов по отношению к другим законам. Эта норма может быть применима и к гражданскому праву. При ее толковании можно сделать вывод о том, что в случае коллизии между Гражданским кодексом и любым иным законом, касающимся вопросов гражданского права, ГК будет иметь приоритет при правоприменении. Это положение подтверждается также пунктом 2 статьи 3 ГК: «В случае коллизии нормативных правовых актов, содержащих нормы гражданского права, применяются правила, установленные законодательством о нормотворческой деятельности» [9].

Таким образом, в общей теории права и в гражданском праве нетипичные нормы права определяются как нормы, которые определяют основные принципы, цели, задачи и порядок регулирования отношений, возникающих в процессе правоприменения, а также закрепляют основные правовые категории и понятия, необходимые для уяснения содержания и более эффективного использования нормативных правовых актов. Нетипичные, или специализированные, нормы права являются значимой и неотъемлемой частью теории права, а также играют важную роль в правоприменении, позволяя урегулировать те отношения, которые не могут быть охвачены классической, или типичной, моделью правовых норм. Выделяют 4 основных вида нетипичных норм, а именно: декларативные нормы, нормы-дефиниции, а также оперативные и коллизионные нормы. Такие нормы в науке и теории являются малоисследованным институтом, однако они получили довольно широкое распространение в гражданском праве и его подотраслях, устанавливая основные начала, фундаментальные понятия, а также особенности действия актов гражданского законодательства во времени, способствуя систематизации правовой базы и должному функционированию системы гражданского права как отрасли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пугачев, А. Н. Общая теория права : учеб.-метод. комплекс для студ. юрид. спец. и слушателей переподготовки спец. «Правоведение» / сост. и общ. ред. А. Н. Пугачева. – 2-е изд., с изм. – Новополоцк : ПГУ, 2007. – 424 с.
2. Баранов, А. В. К вопросу о нетипичных нормах права / А. В. Баранов // Правовые проблемы укрепления Российской государственности / Под редакцией М. М. Журавлёва, А. М. Барнашова, В. М. Зуева. Том Часть 46. – Томск : Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2010. – С. 10–11.
3. Бибило, В. Н. Теория государства и права / В. Н. Бибило. – Минск : Право и экономика, 2015. – 206 с. – (Серия «Высшее образование»).

4. Кузнецова, О. А. Нормы-принципы российского гражданского права / О. А. Кузнецова. – Москва : Издательство "Статут", 2006. – 269 с.
5. Рыбаков, В. А. Нетипичные нормы права / В. А. Рыбаков // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2013. – № 3(36). – С. 24-29.
6. Жилищный кодекс Республики Беларусь : 28 августа 2012 г. № 428-З : принят Палатой представителей 31 мая 2012 г. : одобрен Советом Республики 22 июня 2012 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11 ноября 2024 г. № 37-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 07.04.2025).
7. Голубцов, В. Г. Особенности и виды оперативно-распространительных правовых норм / В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2023. – № 61. – С. 451–466.
8. Кузнецова, О. А. Оперативные нормы в гражданском праве / О. А. Кузнецова // Современные проблемы развития государства и права : Сборник статей молодых ученых, посвященный 90-летию ПГУ и юридического факультета. – Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2006. – С. 42–52.
9. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 декабря 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобрен Советом Республики 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 62-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 04.04.2025).
10. Об авторском праве и смежных правах : Закон Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З : в ред. от 9 янв. 2023 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 07.04.2025).
11. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье : 9 июля 1999 г. № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 8 июля 2024 г. № 26-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 04.04.2025).
12. О нормативных правовых актах : Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 года № 130-З : в ред. от 13 дек. 2024 г. : с изм. и доп. от 28 июня 2024 г. № 15-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 04.04.2025).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.13

ФОРМЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

К. В. АРЕФКИНА*(Представлено: И. Н. ТРОЦКАЯ)*

Статья посвящена изучению института представительства, цели его введения в национальное законодательство. В статье исследуются два основных вида представительства в уголовном процессе Республики Беларусь, права и обязанности представителей. Автор обосновывает важность и процессуальную значимость данного института.

Институт представительства – это правовой институт, представляющий систему правовых норм, регулирующих общественные отношения по совершению одним лицом (представителем) в пределах имеющихся у него полномочий юридически значимых действий от имени и в интересах другого лица (представляемого) [3]. Институт представительства берет свое начало еще в период римского частного права, где представительство делилось на две группы: договорное (добровольное) и представительство членов семьи, рабов (основанное на законе). Сейчас данный институт является межотраслевым, имеет гражданско-правовую и семейно-правовую природу, которая реализуется в гражданском, уголовном, конституционном и административном процессах.

В юридической доктрине существует несколько подходов к пониманию правовой природы представительства:

1. «Представительство понимается как способ реализации представляемым своего права, то есть представляемый, не имеющий возможности самостоятельно совершить то или иное юридическое действие, прибегает к способу реализации своего права – через представителя.

2. Представительство понимается как услуга, оказываемая представителем представляемому.

3. Представительство как *фикция* в праве. Фактически действует одно лицо, а подразумевается, что действует другое»[2].

Уголовное представительство является важнейшим и ключевым институтом уголовно-процессуального права, как на досудебном этапе, так и в рамках судебного производства. В отличие от гражданского и административного процессов, уголовный процесс отличается более строгой регламентацией, порядком назначения и допуска к участию лиц в процесс в качестве представителя.

Институт представительства введен законодателем в целях реализации гарантий прав участников уголовного процесса, которые в силу интеллектуального, волевого и психического развития не в состоянии самостоятельно защищать свои интересы и оказывать юридическую помощь соответствующим участникам уголовного процесса. Уголовно-процессуальное законодательство не дает точного понятия термину «представительство», а лишь определяет лиц, которые могут быть представителями, закрепляет их основные права и обязанности. Выделяется два основных вида представительства подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика:

1. Законное представительство.

Сущность указанного представительства основывается на возложении на представителя обязанностей на основании законодательства. Пункт 8 статьи 6 Уголовно-Процессуального Кодекса (далее – УПК) раскрывает перечень лиц, которых законодатель относит к законным представителям. Так, «Законные представители – родители, усыновители, опекуны, попечители подозреваемого, обвиняемого, лица, совершившего общественно опасное деяние, потерпевшего или гражданского истца; представители организаций, на попечении которых находятся подозреваемый, обвиняемый, лицо, совершившее общественно опасное деяние, потерпевший или гражданский истец»[1]. Законные представители допускаются к участию в производстве по уголовному делу после вынесения органом уголовного преследования или судом постановления (определения). А соответственно с этого момента наделяются процессуальными правами и обязанностями. Возможно привлечение одного из нескольких лиц в качестве законных представителей как по ходатайству заинтересованных в этом граждан (родители, опекуны), так и по решению органа, ведущего уголовный процесс.

В соответствии с ч. 1 ст. 56 УПК «законными представителями подозреваемого, обвиняемого, лица, совершившего общественно опасное деяние, потерпевшего, гражданского истца являются их родители, усыновители, опекуны или попечители, представляющие при производстве по уголовному делу интересы

соответственно несовершеннолетних или недееспособных участников уголовного процесса» [1]. Законный представитель наделен такими же правами, как и представляемое им лицо. В случае, когда законные представители, перечисленные в ч.1 ст. 56 отсутствуют, орган, ведущий уголовный процесс, признает законным представителем орган опеки и попечительства. Таким образом, законодатель предусматривает по такой категории уголовных дел, кроме обязательного участия защитника, обязательное привлечение законного представителя. Законные представители часто не обладают юридическими знаниями и не могут оказывать представляемым ими лицам профессиональную юридическую помощь, но так как они заинтересованы в защите прав своего представляемого законодатель наделяет их правом самостоятельно приглашать защитника и прекращать его полномочия. Законный представитель не вправе совершать какие-либо действия против интересов представляемого им участника уголовного процесса, в том числе от имени последнего отказаться от защитника.

Важным остается вопрос о том, кто будет признан и допущен к участию в производстве по уголовному делу в качестве законного представителя, ведь это будет определять в дальнейшем, на каком уровне и в каком объеме будут защищаться права и интересы несовершеннолетних или недееспособных участников уголовного процесса. Законодатель установил ряд ограничений к допуску органом, ведущим уголовный процесс к участию в деле лица в качестве законного представителя, а также условия, при которых законный представитель должен быть отстранен от участия в уголовном деле.

Так, «не может быть признано и допущено к участию в производстве по уголовному делу в качестве законного представителя:

- 1) потерпевшего или гражданского истца – лицо, которому вменяется причинение предусмотренным уголовным законом общественно опасным деянием вреда потерпевшему либо гражданскому истцу;
- 2) подозреваемого, обвиняемого или лица, совершившего общественно опасное деяние, – лицо, которому вменяемым подозреваемому или обвиняемому деянием, предусмотренным уголовным законом, причинен вред, а также лицо, которому причинен вред общественно опасным деянием» [1].

Отстранение от участия в уголовном деле законного представителя происходит при условии, если в ходе предварительного следствия будет установлено, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого. В таком случае, следователь выносит мотивированное постановление и к участию в деле должен быть допущен другой законный представитель несовершеннолетнего.

В соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса орган уголовного преследования своим постановлением признает в качестве законных представителей и допускает к участию в производстве по уголовному делу только с момента первого допроса несовершеннолетнего в качестве подозреваемого или обвиняемого (ст. 436 УПК). Однако, существующий механизм требует переосмысления. Ведь необходимость защиты интересов несовершеннолетнего или недееспособного лица возникает еще на стадии возбуждения уголовного дела. С данным лицом уже могут проводиться такие процессуальные действия, как получение объяснений, задержание и личный обыск при задержании. Поэтому целесообразнее будет предусмотреть обязательность участия законного представителя еще до возбуждения уголовного дела.

В дальнейшем, если после признания лица законным представителем подозреваемого, обвиняемого, лица, совершившего общественно опасное деяние, потерпевшего или гражданского истца будет установлено отсутствие оснований для пребывания его в положении законного представителя, орган, ведущий уголовный процесс, своим мотивированным постановлением (определением) прекращает участие данного лица в уголовном процессе в качестве законного представителя [1].

Стоит обратить внимание, что неявка законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, надлежащим образом извещенного о месте и времени проведения следственных действий с участием несовершеннолетнего, не препятствует проведению следственных действий при наличии письменного согласия на это несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого.

Таким образом, законное представительство является важным институтом, способствующим соблюдению прав и законных интересов участников уголовного процесса, содержащим гарантии защиты их прав, обеспечивающим всестороннее, полное и объективное исследование всех обстоятельств уголовного дела. Законодатель наделяет законного представителя широким объемом прав и создает условия для их реализации.

2. Представительство по соглашению.

Основной задачей рассматриваемого нами института является представление и защита законных интересов некоторых субъектов уголовно-процессуальных отношений. Как известно, потерпевший, гражданский истец и гражданский ответчик, по своему желанию, могут осуществлять отстаивание своих прав посредством представителя. Понятие «представитель» раскрыт в статье 6 УПК. Так, представители – это «близкие родственники, члены семьи потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика, законные представители; адвокаты, представители профсоюзных и иных общественных объединений, а также иные лица, допущенные к участию в уголовном деле с разрешения органа, ведущего уголовный процесс» [1]. Отсюда следует вывод, что представитель у данной категории субъектов наделяется всеми правами и обязанностями представляемого им лица, за исключением дачи показаний. В связи с чем можно говорить о том,

что представители потерпевшего, гражданского ответчика или гражданского истца должны и обязаны действовать по интересам представляемого им лица, а отступление от этих интересов может повлечь за собой отстранение представителя. Ранее было указано, что согласно ст. 6 УПК Республики Беларусь представителями потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика могут быть: близкие родственники, члены семьи, законные представители, адвокаты, представители профсоюзных и иных общественных объединений. Привлечение лиц в качестве представителей осуществляется по соответствующему ходатайству потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика. По своей инициативе орган, ведущий уголовный процесс, этого сделать не вправе. Ограничения по кругу лиц, которые могут быть допущены в качестве представителей и законных представителей, исходят не только из требований закона, а напрямую связаны с интересами представляемого участника уголовного судопроизводства, поскольку законодатель отталкивается от необходимости оказания грамотной, высококвалифицированной юридической помощи участнику процесса. Как известно, вопросы и проблемы, возникающие в сфере уголовно-процессуальной деятельности, довольно сложны, и с этим может разобраться только квалифицированный специалист или профессиональный адвокат. В то же время следует иметь в виду, что участие в уголовном процессе юридического лица в качестве гражданского истца или гражданского ответчика осуществляется только посредством представителя. Представителями юридических лиц могут выступать уполномоченные на то лица или адвокаты. Для участия в уголовном процессе в качестве представителя необходимо предоставить органу, ведущему уголовный процесс, документы, подтверждающие его полномочия представителя – доверенность или ордер. Процессуальный статус приобретает с момента вынесения органом, ведущим уголовный процесс, постановления (определения) о признании лица представителем.

Резюмируя вышесказанное, представительство – это правовой институт, представляющий систему правовых норм, регулирующих общественные отношения по совершению одним лицом (представителем) в пределах имеющихся у него полномочий юридически значимых действий от имени и в интересах другого лица (представляемого). Существующая конструкция представительства понимается как действие «от имени» другого лица, хотя на практике можно заметить, что представитель всегда действует не столько от имени, сколько «в интересах» своего представляемого.

Каждый вид представительства несмотря на процессуальные различия объединен едиными признаками, принципами и целью. Основная цель представительства – обеспечить вынесение положительного и справедливого решения в отношении представляемого лица, которое в силу интеллектуального, волевого и психического развития не в состоянии самостоятельно защищать свои интересы. С другой стороны цель представительства – оказывать юридическую помощь соответствующим участникам уголовного процесса, а также принять участие в осуществлении им своих прав и не допустить их нарушения в уголовном судопроизводстве. Автор рассматривает представительство как действенный механизм, обеспечивающий участвующим в деле лицам возможность реализовать предоставленные им права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный Кодекс Республики Беларусь: 16 июля 1999 г. №295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 фев. 2025 г. № 61-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 06.10.2025).
2. Коротков, Д. Б. Юридическая природа правоотношения представительства / Д. Б. Коротков // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5., Юриспруд. – 2016. – № 3. – С. 106–109.
3. Денисов, Е. А. Институт представительства в уголовном процессе / Е. А. Денисов // Правоохранительные и правозащитные функции государства на различных стадиях его существования : сб. статей междунар. науч.-практ. конф. / РУДН; редкол.: В. В. Гребенников (гл. ред.), Н. Н. Марчук (отв. ред.). – М., 2017. – С. 46–49.

УДК 343.13

АДВОКАТ СВИДЕТЕЛЯ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ**К. В. АРЕФКИНА****(Представлено: И. Н. ТРОЦКАЯ)**

Статья посвящена рассмотрению процессуального положения адвоката свидетеля как участника уголовного процесса, его прав и обязанностей, при осуществлении своей деятельности. В статье исследуются различия и особенности в процессуальном положении адвоката свидетеля и процессуального положения защитника в уголовном процессе. Автор раскрывает предмет защиты адвоката свидетеля, обосновывает необходимость его участия в уголовном процессе.

В соответствии со статьей 62 Конституции Республики Беларусь «каждый имеет право на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в том числе право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде, иных государственных органах, органах местного управления, на предприятиях, в учреждениях, организациях, общественных объединениях и в отношениях с должностными лицами и гражданам. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается за счёт государственных средств. Противодействие оказанию правовой помощи в Республике Беларусь запрещается» [1]. Указанная норма, направленная на обеспечение граждан квалифицированной юридической помощью, считается важным конституционным положением.

Уголовно-процессуальный Кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) содержит перечень норм, закрепляющих процессуальные права и обязанности всех участников уголовного процесса. Производство по уголовному делу невозможно представить без участия свидетелей, которых уголовно-процессуальное законодательство относит к иным участникам уголовного судопроизводства, не имеющим интереса в исходе дела. В соответствии со ст. 60 УПК, свидетелем может выступать любой человек в случае, когда имеются основания полагать, что данное лицо обладает какой-либо информацией или же ему известны обстоятельства, относящиеся к уголовному делу [2]. Свидетели оказывают содействие при производстве по материалам и уголовному делу путем дачи показаний при производстве следственных действий. Практически любой гражданин может быть вызван на допрос в качестве свидетеля, приобретая тем самым его процессуальное положение.

Законом Республики Беларусь от 08.01.2018 г. № 93-З «О внесении дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь» Уголовно-процессуальный Кодекс был дополнен статьей 60¹ «Адвокат свидетеля». Целью включения в УПК названного участника, безусловно, выступает всестороннее обеспечение защиты прав и законных интересов всех категорий лиц, вовлеченных в уголовный процесс. Статья наделяет последнего правами и обязанностями, схожими с правами и обязанностями защитника подозреваемого и обвиняемого, однако имеющей и свои правовые различия.

Адвокат свидетеля, в соответствии со статьей 60¹ имеет право:

«оказывать юридическую помощь свидетелю при производстве процессуальных действий с участием этого свидетеля; с разрешения органа, ведущего уголовный процесс, задавать вопросы этому свидетелю; заявлять отводы переводчику, участвующему в допросе; знакомиться с протоколами следственного и иного процессуального действия, при проведении которого он оказывал юридическую помощь свидетелю, и вносить письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе; знакомиться с записями в кратком протоколе, протоколе судебного заседания показаний этого свидетеля» [2].

Наделен обязанностями: «предъявлять органу, ведущему уголовный процесс, удостоверение адвоката и ордер на право участия в производстве по уголовному делу; подчиняться законным распоряжениям органа, ведущего уголовный процесс; не разглашать сведения об обстоятельствах, ставших известными ему по уголовному делу, если он был предупрежден об этом органом, ведущим уголовный процесс» [2].

Проведя анализ статьи 60¹ можно указать на особенности в процессуальном положении адвоката свидетеля и сравнить их с процессуальным положением защитника в уголовном процессе.

Для начала стоит указать, что в УПК содержится ряд условий, исключающих участие в уголовном процессе адвоката свидетеля. Среди которых: участие в производстве по данному уголовному делу в качестве судьи, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, секретаря судебного заседания, дача показаний в качестве свидетелей об обстоятельствах, имеющих отношение к данному уголовному делу, адвокат является родственником лица, интересы которого противоречат интересам участника уголовного процесса, которые они призваны защищать.

Пункт 6 статьи 60¹ закрепляет право свидетеля приглашать адвоката для получения юридической помощи при производстве процессуальных действий с его участием. В данном случае речь идет о только

договорном представительстве. В отличие от ситуации, когда для обвиняемого или подозреваемого защитник (в лице адвоката) может быть так же назначен по назначению через территориальную коллегию адвокатов по требованию органа, ведущего уголовный процесс.

Еще одним существенным отличием процессуального вступления в уголовный процесс адвоката свидетеля является то, что в отношении него уголовно-процессуальный закон не требует вынесения отдельного постановления органом, ведущим уголовный процесс о признании лица адвокатом свидетеля. Адвокат свидетеля обязан предъявлять органу, ведущему уголовный процесс, удостоверение адвоката и ордер на право участия в производстве по уголовному делу.

Участие адвоката свидетеля при оказании им юридической помощи свидетелю при производстве процессуальных действий возможно лишь с участием этого свидетеля. Автор считает это обоснованным, так как в отличие от обвиняемого или подозреваемого, свидетель, перед началом любого процессуального действия предупреждается об уголовной ответственности за отказ либо уклонение от дачи показаний или за дачу заведомо ложных показаний. За совершение указанных действий он несет ответственность в соответствии со статьями 401 «Заведомо ложное показание» и 402 «Отказ либо уклонение свидетеля или потерпевшего от дачи показаний либо эксперта или переводчика от исполнения возложенных на них обязанностей» Уголовного кодекса Республики Беларусь. Присутствуя во время проведения какого-либо процессуального действия, адвокат свидетеля сможет указать на наличие права не свидетельствовать против себя и членов своей семьи и разъяснить его суть. Важно отметить, что в случае неявки адвоката свидетеля к указанному времени проведения процессуального действия даже по уважительной причине оно не переносится и будет проводиться в отсутствие адвоката (ч. 2 ст. 60¹ УПК). О времени проведения процессуального действия орган, ведущий уголовный процесс, сообщает только свидетелю, после чего тот имеет возможность пригласить адвоката. Так же обязательность участия адвоката свидетеля при оказании им юридической помощи свидетелю только лишь с участием этого свидетеля связано с тем, что у свидетеля отсутствует самостоятельный интерес в уголовном деле, ему нечего защищать или представлять в уголовном процессе. Именно поэтому свои полномочия свидетель не может передать адвокату.

Права адвоката свидетеля на ознакомление с протоколами следственных, процессуальных действий и протоколом судебного заседания разнятся в части права вносить письменные замечания по поводу правильности и полноты записей. В протоколе процессуального действия п. 4 ч. 1 ст. 60¹ УПК адвокат свидетеля имеет право знакомиться с протоколом следственного и иного процессуального действия, при проведении которого он оказывал юридическую помощь свидетелю, и вносить письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе. В то время как при ознакомлении с записью в протоколе судебного заседания показаний свидетеля, чьи интересы представлялись адвокатом, право на внесение замечания в протокол не предусмотрено. Автор считает, что юридическое закрепление, такого права является обоснованным и необходимым, так как показания свидетелей, являясь одним из источников доказательств по уголовному делу, должны обеспечивать принцип достоверности как основополагающий принцип в процессе оценки доказательств в уголовном процессе.

Отсутствие в УПК прямо указанного запрета на совершение действий, противоречащих законным интересам свидетеля, является еще одним отличием обязанностей адвоката свидетеля от обязанностей защитника. Автор согласен с мнением А. Лукашова, который считает законодательным пробелом отсутствие закрепления такого правила, включая и запрет на препятствование свидетелю в осуществлении принадлежащих ему прав. Высказанная позиция согласуется с уже действующими требованиями УПК, где определены права защитника по отношению к подозреваемому и обвиняемому в уголовном процессе, а именно, в п. 1 ч. 3 ст. 48 УПК [3].

Таким образом, из анализа положений статьи 60¹ УПК можно с уверенностью сказать, о том, что адвокат свидетеля – это самостоятельный участник уголовного процесса, чья деятельность обеспечивает реализацию конституционного права свидетеля на юридическую помощь и направлена на соблюдение прав свидетеля на всех стадиях уголовного процесса. Предметом защиты приглашенного свидетелем адвоката является обеспечение законных интересов свидетеля, среди которых: заинтересованность свидетеля в возможности объективного, свободного от постороннего давления, выполнения своей главной обязанности – правдиво сообщить органу расследования или суду имеющиеся у него сведения об обстоятельствах дела, заинтересованность свидетеля в том, чтобы подтвердить верность сообщенных им сведений, чтобы не быть обвиненным в даче ложных показаний, заинтересованность в обеспечении как собственной безопасности, так и безопасности близких ему людей, заинтересованность в освобождении от обязанности само изобличения. Непосредственно в ходе допроса, проверки показаний на месте, других следственных и процессуальных действий с участием свидетеля адвокат следит за тем, чтобы на свидетеля не оказывалось незаконного воздействия, не нарушались другие его права, показания свидетеля были полно и точно отражены в протоколе. При наличии замечаний по поводу правильности и полноты записей в протоколе необходимо вносить письменные замечания в протокол. Несмотря на то, что перечень прав и обязанностей

адвоката свидетеля значительно отличаются от перечня прав и обязанностей защитника введение законодателем такого субъекта, уже говорит о прогрессивности, насущности, демократичности и совершенствовании уголовно-процессуального законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 109 с.
2. Уголовно-процессуальный Кодекс Республики Беларусь: 16 июля 1999 г. №295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 фев. 2025 г. № 61-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 06.10.2025).
3. Лукашов, А. Право свидетеля на юридическую помощь адвоката / А. Лукашов // Законность и правопорядок. – 2018. – № 1. – С. 26–33.

УДК 343.976

**АЛКОГОЛЬ И ДОРОЖНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:
АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ДТП В БЕЛАРУСИ (2020–2024 гг.)****Т. А. ГРЕЦКАЯ, А. В. КЛЕБАНОВ**
(Представлено: О. В. КАТУШОНОК)

В статье анализируется динамика ДТП в Беларуси за 2020–2024 годы, особое внимание уделяется авариям с нетрезвыми водителями. Статистика выявляет снижение доли таких происшествий, что демонстрирует результат профилактических мер. При этом основной проблемой остаются ДТП по вине трезвых водителей, что указывает на необходимость комплексных мер для повышения безопасности.

Дорожно-транспортное происшествие (далее – ДТП) – происшествие, совершенное с участием хотя бы одного находившегося в движении механического транспортного средства, в результате которого причинен вред жизни или здоровью физического лица, его имуществу либо имуществу юридического лица [1].

При этом тяжесть последствий ДТП напрямую зависит от множества факторов, среди которых ключевым является человеческий – физическое и психофизиологическое состояние водителя. Нарушения в этой сфере, такие как управление транспортом в состоянии алкогольного опьянения многократно увеличивают вероятность наступления тяжких последствий, выводя проблему вождения в состоянии алкогольного опьянения в разряд первоочередных задач для обеспечения безопасности на дорогах.

Управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения, либо передача управления транспортным средством такому лицу представляют серьезную угрозу для безопасности дорожного движения. В состоянии алкогольного опьянения субъект находится в пониженном уровне сознания, что неминуемо образует риск для окружающих, правопорядка и самого субъекта ввиду утраты им самоконтроля и предрасположенности к девиантному и делинквентному поведению. При этом, как справедливо отмечают исследователи, наблюдается существование прямой зависимости между уровнем данной угрозы и степени опьянения лица, управляющего транспортным средством: чем в наиболее нетрезвом состоянии водитель, тем больше и реальнее для окружающих исходящая от него опасность [2, с. 1].

Проблема такого резкого роста аварийности при нахождении участников дорожного движения в состоянии алкогольного опьянения заключается в том, что алкоголь коварно воздействует на организм человека. Водитель расслабляется, перестает осознавать риск возникновения аварии, часто просто завышает свои способности, становится менее осмотрительным и дисциплинированным [3, с. 2]. Снижение реакции не позволяет своевременно оценивать дорожную обстановку, распознавать значение дорожных знаков и разметки, реагировать на маневры других участников дорожного движения. При этом опасны не только большие, но и малые дозы алкоголя, когда человек еще не полностью осознает опасность, уверен в себе и отвергает любые неблагоприятные последствия. Большинство людей в состоянии опьянения завышают свои способности. Под воздействием алкоголя снижается реакция, ухудшается координация движения и других действий. Даже при употреблении малых доз алкоголя нарушаются психофизиологические функции. Данная проблема чревата своими отрицательными социальными последствиями [4].

В соответствии с Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14 апреля 2011 года состояние алкогольного опьянения – это наличие абсолютного этилового спирта в выдыхаемом воздухе в концентрации 0,3 и более промилле или наличие паров абсолютного этилового спирта в концентрации 150 и более микрограммов на один литр выдыхаемого воздуха [5].

Состояние алкогольного опьянения – это физиологическое и психофизическое состояние, которое приводит к значительному ухудшению реакции, снижению концентрации внимания, нарушению пространственного восприятия и неадекватной оценке дорожной обстановки. Именно эти факторы многократно увеличивают вероятность совершения ошибки, которая ведет к ДТП, что и подтверждается статистикой аварий, виной которым стало вождение в нетрезвом виде.

Управление транспортным средством в состоянии опьянения является одним из приоритетных факторов риска при анализе дорожно-транспортной обстановки. Ниже представлены сравнительные данные по ДТП в Республике Беларусь за 2020–2024 годы, с выделением доли происшествий, произошедших по вине водителей, находившихся в состоянии алкогольного или иного токсического опьянения [6].

Структура представлена в виде двух таблиц: таблица 1 отражает показатели по ДТП, совершенным водителем в состоянии алкогольного опьянения в таблице 2 представлены показатели по ДТП с участием «трезвых» водителей. Показатели включают абсолютные значения ДТП, пострадавших (с выделением погибших и раненых), а также удельный вес соответствующей категории пострадавших от общего количества пострадавших по стране.

Таблица 1. – Количество ДТП по вине водителей в состоянии алкогольного опьянения и число лиц, в них пострадавших, на территории Республики Беларусь (2020–2024 гг.)

Год	ДТП		Пострадавшие в ДТП				Доля пострадавших по вине водителей в состоянии алкогольного опьянения от всех пострадавших в ДТП (%)		
			всего	по вине водителей в состоянии алкогольного опьянения					
	всего	по вине водителей в состоянии алког. опьянения			всего	погибшие			
2020	3599	394	4307	548	131	23,9%	417	76,1%	12,7
2021	3371	288	4128	421	86	20,4%	335	79,6%	10,1
2022	3186	270	3850	356	81	22,8%	275	77,2%	9,2
2023	3173	240	3853	323	60	18,6%	263	81,4%	8,4
2024	3453	226	4238	308	63	20,5%	245	79,5%	7,3

Таблица 2. – Количество ДТП по вине «трезвых» водителей и число лиц, в них пострадавших, на территории Республики Беларусь (2020–2024 гг.)

Год	ДТП		Пострадавшие в ДТП				Доля пострадавших по вине «трезвых» водителей от всех пострадавших в ДТП (%)		
			всего	по вине «трезвых» водителей					
	всего	по вине «трезвых» водителей		всего	погибшие	раненые			
2020	3599	3205	4307	3759	444	23,9%	3315	76,1%	87,3
2021	3371	3083	4128	3707	438	20,4%	3269	79,6%	89,9
2022	3186	2916	3850	3494	385	22,8%	3109	77,2%	90,8
2023	3173	2933	3853	3530	376	18,6%	3154	81,4%	91,6
2024	3453	3227	4238	3930	371	20,5%	3559	79,5%	92,7

Как видно из статистических таблиц, анализ общей динамики ДТП в Республике Беларусь за 2020–2024 годы выявляет устойчивую тенденцию к снижению их общего числа в период с 2020 по 2023 год – с 3599 до 3173 случаев. Однако в 2024 году зафиксирован рост до 3453 происшествий, что прервало прежнюю нисходящую динамику. Таким образом, тенденция, которая характерна для предшествующих лет, было прервана, что может свидетельствовать либо о разовых отклонениях, либо об изменении внешних условий, влияющих на транспортную обстановку в стране. На этом фоне особенно важным представляется рассмотрение динамики ДТП, совершенных по вине водителей в состоянии алкогольного или иного токсического опьянения, с целью установить, сохраняется ли их снижение в условиях общего повышения аварийности.

Исходя из проанализированных данных, в период с 2020 по 2024 год в Республике Беларусь наблюдается устойчивая тенденция снижения количества ДТП, совершенных водителями в состоянии алкогольного или иного токсического опьянения. Согласно статистическим данным, общее число пострадавших в таких ДТП уменьшилось с 548 человек в 2020 году до 308 человек в 2024 году. Аналогичная динамика зафиксирована и по количеству погибших: за указанный период абсолютные показатели сократились вдвое – с 131 до 63 человек. О снижении свидетельствуют не только абсолютные показатели, но и относительные. Так, удельный вес погибших в ДТП по вине водителей в состоянии алкогольного опьянения снизился с 23,9 % до 20,5 %. Указанное свидетельствует о заметном сокращении масштабов негативного воздействия алкогольного опьянения на безопасность дорожного движения.

Вместе с тем, несмотря на общее снижение количества лиц, раненых в ДТП по вине водителей в состоянии алкогольного опьянения (с 417 в 2020 году до 245 в 2024 году), относительные показатели говорят о негативных тенденциях в данной области – увеличение в общей структуре рассматриваемой категории пострадавших с 76,1 % до 79,5 %.

На фоне общего количества пострадавших в ДТП по стране доля тех, кто оказался вовлечен в аварии, совершенные водителями в состоянии алкогольного опьянения, также демонстрирует снижение – в 2020 году удельный вес таких пострадавших составлял 12,7 %, а к 2024 году этот показатель снизился до уровня 7,3 %. Такая статистика указывает на поэтапную и стабильную утрату численного влияния данной категории ДТП на общую аварийность на территории дорог Республики Беларусь. Снижение данных показателей может рассматриваться как результат воздействия комплексных ограничительных и профилактических мер, реализуемых в сфере обеспечения безопасности дорожного движения.

Вместе с тем, при сравнении средних показателей количества лиц, пострадавших в ДТП, следует отметить, что на 10 ДТП, совершенных по вине водителей в состоянии алкогольного опьянения, приходится 14 пострадавших (в 2020 и 2024 годах показатели одинаковые). На 10 же ДТП, совершенных по вине «трезвых» водителей, в среднем приходится 12 потерпевших (в 2020 году – 11 потерпевших).

Наряду с анализом статистических данных также возникает и необходимость в рассмотрении правоприменительной практики, связанной с квалификацией вины водителя, находившегося в состоянии опьянения. На практике установление алкогольно- или наркозависимого состояния у субъекта порой становится достаточным основанием для вменения вины в совершении ДТП, без полноценного изучения всех обстоятельств инцидента. Это приводит к риску объективного вменения, не всегда отражающего причинно-следственную связь между состоянием водителя и наступившими последствиями [7, с. 3].

Сложность объективной квалификации отчасти обусловлена самой процедурой установления состояния опьянения. Первоначальное освидетельствование, основанное на внешних признаках (таких как запах алкоголя, нарушение координации, неустойчивость позы, отклонения в речи), имеет вероятностный характер и требует обязательного подтверждения объективными методами. Наиболее надежным из них является химико-токсикологическое исследование биологических образцов. Однако на практике такой сбор материала производится не во всех случаях, особенно если водитель был госпитализирован, находился в критическом состоянии или получение образцов было сопряжено с медицинскими противопоказаниями. Это обстоятельство может затруднять однозначное установление состояния опьянения в момент ДТП, что необходимо учитывать в уголовно-процессуальной оценке [8, с. 1].

Кроме того, для всестороннего расследования необходимо учитывать, что аварийная ситуация часто бывает вызвана совокупностью факторов, куда могут входить технические неисправности транспортного средства, действия других участников дорожного движения, а также неудовлетворительные дорожные условия. Важным аспектом является и степень опьянения: при незначительном превышении допустимой концентрации алкоголя когнитивные и моторные функции могут быть снижены минимально, в то время как тяжелые формы опьянения обуславливают полную утрату способности к безопасному управлению транспортом, что, безусловно, должно получать более строгую юридическую оценку. Таким образом, индивидуальный и многофакторный подход в правовой квалификации подобных инцидентов представляется не только обоснованным, но и необходимым для обеспечения принципа справедливости [8, с. 2].

Сравнительный опыт соседних стран, в частности Российской Федерации, показывает, что также предпринимались попытки снижения автодорожного травматизма путем административного давления и введения так называемого «нулевого порога». Однако практика показала, что подобные меры эффективны преимущественно в краткосрочной перспективе. Кроме того, удельный вес ДТП с участием нетрезвых водителей в РФ оставался значимым на протяжении всей рассматриваемой декады (до 6–8 % в общем массиве ДТП), при этом особенно высокой смертность фиксировалась среди трудоспособного населения [9, с. 4].

Несмотря на обнадеживающую динамику, проблема ДТП в целом остается актуальной. Это связано с тем, что при продолжающемся снижении показателей, связанных с вождением в состоянии алкогольного опьянения, остается фактом то, что около 93 % всех пострадавших в ДТП зафиксированы в происшествиях, совершенных трезвыми водителями. Таким образом, по мере уменьшения доли ДТП, связанных с состоянием опьянения, четко прослеживается смещение фокуса ответственности на поведение водителей в целом, вне зависимости от наличия или отсутствия алкогольного или иного токсического воздействия на организм. Это, в свою очередь подчеркивает, что, несмотря на значительный прогресс в борьбе с управлением транспортным средством в состоянии опьянения, задача обеспечения системной безопасности на дорогах требует расширения подходов, направленных на общее повышение транспортной культуры, дисциплины участников дорожного движения и эффективности реализации правоприменительных механизмов.

Таким образом, на основании изложенного можно сделать вывод, что в Республике Беларусь с 2020 по 2024 гг. отмечается устойчивое снижение доли ДТП по вине водителей в состоянии алкогольного опьянения, что свидетельствует об эффективности принимаемых мер. Однако, несмотря на общее снижение количества ДТП, среднее количество пострадавших в них остается на стабильно высоком уровне. Основной проблемой в настоящее время являются ДТП с участием трезвых водителей, на которые приходится около 93% всех потерпевших.

Дальнейшее снижение ДТП требует комплексного подхода: сохранения жесткого контроля над управлением транспортными средствами в состоянии алкогольного опьянения и одновременной работы над повышением общей культуры вождения, улучшением инфраструктуры и внедрением современных систем контроля. Безопасность на дорогах зависит от ответственности всех участников движения.

ЛИТЕРАТУРА

1. О мерах по повышению безопасности дорожного движения: Указ Президента Респ. Беларусь от 28 нояб. 2005 г. № 551 : в ред. от 4 августа 2025 г. № 295: с изм. и доп. вступ. в силу с 1 сентября 2025 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 13.10.2025).
2. Сахарчук, А. И. Степень алкогольного опьянения в контексте ответственности по статье 3171 Уголовного кодекса / А. И. Сахарчук // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. – 2007. – № 10. – С. 223–226.

3. Кушель, С. М. Пути снижения аварийности по вине участников дорожного движения в состоянии алкогольного опьянения / С. М. Кушель // Курсантские исследования : Сборник научных работ / Могилевский институт МВД. Том Выпуск 2. – Могилев : Учреждение образования "Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь", 2015. – С. 141–143.
4. Кушель, С. Н. Возникновение дорожно-транспортных происшествий с участниками, находящимися в состоянии опьянения / С. Н. Кушель // Научный поиск курсантов : сборник материалов вузовской научно-практической конференции, посвященной Году науки, Могилев, 27 февраля 2017 года. – Могилев: Учреждение образования "Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь", 2017. – С. 103–104.
5. Об утверждении Положения о порядке проведения освидетельствования физических лиц на предмет выявления состояния алкогольного опьянения и (или) со стояния, вызванного потреблением наркотических средств, психотропных, токсических или других одурманивающих веществ : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 14 марта 2011 г. № 497 : в ред. от 6 июля 2023 г. № 441 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 13.10.2025).
6. Национальный статистический комитет Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 1998–2025. – URL: <http://belstat.gov.by> (дата обращения: 13.10.2025).
7. Кутков, М. Н. Проблемы квалификации преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения в состоянии опьянения: современные подходы и судебная практика / М. Н. Кутков, В. П. Алехин // Вестник экономики и права. – 2025. – № 100. – С. 110–116.
8. Маханек, А. Б. Вопросы установления состояния опьянения при расследовании дорожно-транспортных преступлений / А. Б. Маханек, А. Р. Гильмуллина // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. – 2016. – № 12-1(119). – С. 218–220.
9. Бурцев, А. А. Об актуальности проблематики автодорожного травматизма, связанного с управлением транспортными средствами в состоянии опьянения, в России / А. А. Бурцев, Е. А. Кошкина // Вопросы наркологии. – 2015. – № 1. – С. 105–116.

УДК 343.851

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ**В. С. ЗДАНОВИЧ***(Представлено: О. В. КАТУШОНОК)*

В статье рассматриваются ключевые проблемы социальной адаптации осужденных к лишению свободы в контексте уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь. Внимание автора обращено на психологические аспекты ресоциализации. Отмечается важность участия общества в процессе ресоциализации осужденных. Предлагаются меры по совершенствованию психокоррекционной работы, взаимодействию с общественными организациями и созданию центров реабилитации для бывших осужденных.

В соответствии со ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК Республики Беларусь) применение наказания, а также иных мер уголовной ответственности ставит перед собой цели исправления осужденных и предупреждения совершения преступлений как осужденными, так и другими лицами [1]. Исправление главным образом строится на формировании у осужденных вести законопослушный образ жизни. Этот процесс сложный и долгий, а также комплексный, ведь средства многочисленны: воспитательные программы для осужденных, получение ими образования, общественно полезный труд, общественное воздействие и т.д.

По сути, процесс самой ресоциализации осужденного строится не только на работе исправительного учреждения (далее – ИУ), но и на стремлении самого осужденного к скорейшему и успешному появлению в обществе.

Прежде всего следует отметить, что осужденный в период отбывания наказания приучается к право-послушному образу жизни периодическим участием в воспитательных мероприятиях. По мнению А. А. Тита, именно эта периодичность или систематичность действий у осужденных создает так называемые паттерны правомерного поведения, т. е. привычку, устоявшиеся правомерные способы решения типовой задачи для удовлетворения ежедневных потребностей. С точки зрения психологии такая привычка вырабатывается в идеальных условиях, ведь осужденному не приходится задумываться о том, как обеспечить себя, как решить жилищные и иные бытовые вопросы в процессе исполнения наказания. Чем более строгое наказание, тем менее вовлечен осужденный в решение вопросов бытового характера. В таких условиях у осужденного появляется состояние «личностной беспомощности», которое способно оказать негативное влияние на социальную адаптацию последнего в обществе после отбытия наказания [2, с. 135]. Явление «личностной беспомощности» будет рассмотрено далее.

Личность преступника имеет очень важную роль. Ее всестороннее изучение позволяет найти самый верный подход для его успешной ресоциализации. Процесс ресоциализации осужденных строится на изучении поведения преступника в обществе и в условиях изоляции от него. Однако в таких условиях осужденные претерпевают негативное влияние особенностей ИУ. Психологи-пенитенциаристы (В. Ф. Пирожков, Г. Ф. Хохряков и др.) отмечают такие факторы, как условия изоляции, где даже установленные ограничения и запреты всё равно провоцируют стремление к нарушению правил. Кроме того, возникновение клейма провоцирует у осужденных чувство обременения статусом преступника.

Стоит отметить, что в условиях ИУ собраны лица с отличными друг от друга степенями криминализации, которые всё же могут влиять на других, в том числе и на сотрудников ИУ. Влияние возможных аморальных норм обуславливает деградацию личности человека, поэтому и ИУ приходится применять в таких условиях большие усилия для исправления осужденного.

Конечно, кроме наличия других осужденных, на личность лица может влиять и другие факторы: длительность срока, ограниченное перемещение и невозможность совершать те действия, что захочется, жизнь под надзором, строгий распорядок дня.

Попадая в ИУ осужденные проходят через несколько адаптационных фаз. А. В. Кокурин подчеркивает, что в первые 3–6 месяцев индивид находится в фазе первоначальной адаптации к условиям отбывания наказания. Если лицу впервые в виде наказания назначено наказание в виде лишения свободы, оно может претерпевать состояние тоски, депрессии. Следующая фаза начинает свое существование уже спустя 6 месяцев после попадания осужденного в ИУ. Эту фазу также называют «вхождение в роль», во время которой осужденные перенимают друг у друга поведенческие установки: жаргон, жестикуляция и т.д. [3, с. 131]. Уже по истечении года наступает третья и последняя фаза. В процессе этой фазы осужденный начинает задумываться о будущем, у него появляются идеи и желания, касающиеся уже жизни после освобождения. Именно в этот период осужденным важно стремиться к позитивному изменению себя.

Через все адаптационные фазы красной нитью проходит состояние «личностной беспомощности». Она достаточно ярко проявляется и после освобождения лица из ИУ. Личностная беспомощность подразумевает собой такое состояние у человека, при котором у него утрачиваются социально значимые качества, отвечающие за возможность контролировать ситуацию, складывающуюся вокруг личности [4, с. 19]. Бывшие осужденные описывают это как сложность вести самостоятельный и независимый образ жизни. И действительно, во время отбывания наказания человек не думает, как прокормить себя, сколько бумаг ему нужно заполнить на работе и т.д. Когда же осужденный оказывается уже по другую сторону ворот, где нет сковывающих распорядков, обязанности носить форму или иметь только определенный набор личных вещей, в один миг стать самостоятельным практически невозможно. Более того такая ситуация может быть существенно осложнена самим периодом отбывания наказания: чем он больше, тем сложнее лицу перестроиться на другой, «свободный» лад жизни.

Психологическая составляющая процесса исправления осужденного имеет большое количество проблем, с которыми сталкивается как осужденный, так и сами сотрудники ИУ. Для предотвращения проблемы «личностной беспомощности» и иных проблем в исправительном процессе организуется психологическое обеспечение воспитательного воздействия на осужденных, дабы сохранить их социально значимые навыки и предупредить нежелательные девиантные черты поведения и характера.

В ИУ уделяют внимание возможностям коллективного негативного влияния на личность осужденных. Мониторинг социально-психологического климата среди коллектива осужденных проводится, чтобы отслеживать и прекращать факты поборов или притеснения отдельных личностей, чтобы не допускать возможные неслужебные связи между сотрудниками и осужденными, чтобы минимизировать негативное влияние «лидеров» групп, возникших в камерах, бригадах и т.п. Еще большему вниманию подвержены осужденные, имеющие установленную склонность к членовредительству, суицидальным проявлениям и агрессивному поведению. Говоря в общем, психолого-педагогические мероприятия, проводимые для осужденных, направлены как раз-таки на решение серьезных социально-адаптационных проблем, в роде обучения навыкам саморефлексии, принятию себя, побуждению к позитивному мышлению.

Для осужденных проводятся индивидуальные консультации уже перед освобождением из ИУ. Такие консультации также направлены на решение адаптационных проблем у индивида, оказавшегося уже за пределами привычной ему среды. Бывшие осужденные испытывают трудности с приемом на работу, они подвержены клеймиранию как со стороны общества, так и со стороны самих себя, им необходима позитивная среда в обществе близких ему людей, дабы не допустить рецидив. Психологические консультации помогают осужденным вести конструктивный диалог как при приеме на работу (чтобы зарекомендовать себя и представить с лучшей стороны), так и при общении с сотрудниками правоохранительных органов (конечно, чтобы избежать конфликтные ситуации).

Вновь возвращаясь к трудам А. А. Тита, приведем в пример проведенным им опрос сотрудников правоохранительных органов. Так, на вопрос: «Считаете ли Вы, что социальная адаптация в отношении осужденных способна значительно снизить риск совершения повторного преступления после освобождения от наказания?», утвердительно ответили около 35 % лиц. Так почему же даже при множественных средствах исправительного процесса осужденных все еще существует большой риск совершения повторных преступлений?

На этот вопрос можно ответить так: одного только участия сотрудников органов и учреждений, исполняющих наказания и иные меры уголовной ответственности, попросту недостаточно. Существенное влияние на осужденного всё ещё оказывает само общество. Наличие ярлыков, что вешают на освобожденное лицо, как уже отмечалось выше, повышают вероятность риска рецидивности.

Помимо работы ИУ позитивную социализацию лица создают и представители общества. Осужденные часто встречаются с недоверием других лиц, отчего их психологические установки страдают и, как следствие, они идут на совершение новых преступлений, приобретая для своего самосознания оттенок потерянность для общества человека [5, с. 151]. В таких условиях важно помочь индивиду восстановить свой социальный статус и дать возможность выстроить личностные связи с «положительными» членами общества.

Таким образом, подводя итог проведенному исследованию, можно сделать следующий вывод. Социальная адаптация осужденных предполагает реализацию мероприятий, основанных на интеграции осужденных в общество, что обуславливает огромное значение психологического изучения личности осужденного. Часто при освобождении из ИУ осужденные испытывают психологический кризис и личностную беспомощность. Полностью, скорее всего, предотвратить это не получится, однако существует значительное количество мероприятий психологической направленности, которые проводятся для осужденных с целью оказания им посильной помощи для внедрения в общество и развития в них необходимых навыков общения, поведения для полноценной жизни. Помимо участия ИУ общественность может помогать бывшим осужденным становиться правопослушным членом самого общества.

На основании изложенного, представляется необходимым:

- придать большее значение мероприятиям, проводимым психологической службой ИУ, предусмотрев повышение уровня профессиональной подготовки специалистов и обеспечение их необходимыми ресурсами для проведения эффективной психокоррекционной работы;
- разрабатывать и внедрять научно обоснованные программы психологической работы с осужденными, учитывающие их индивидуальные особенности, криминальный опыт и потребности в ресоциализации;
- активно взаимодействовать с общественными организациями и средствами массовой информации для формирования толерантного отношения общества к бывшим осужденным, разъяснения целей и задач ресоциализации и преодоления негативных стереотипов;
- предусмотреть меры по оказанию психологической поддержки бывшим осужденным, в том числе посредством создания центров психологической помощи и реабилитации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-исполнительный Кодекс Республики Беларусь : 11 января 2000 г. № 365-З: принят Палатой представителей 14 декабря 1999 г.: одобрен Советом Республики 22 декабря 1999 г.: в ред. Закона Республики Беларусь от 17.02.2025 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 19.04.2025).
2. Тит, А. А. Решение проблемы личной беспомощности у осужденных к лишению свободы / А. А. Тит // Вестн. Кузбас. ин-та. – 2022. – № 1. – С. 130–136.
3. Кокурин, А. В. Актуальные проблемы исправительной психологии / А. В. Кокурин // Актуальные проблемы криминологии, юридической психологии и уголовно-исполнительного права: сб. научн. ст./ Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина; под общ. ред. И. М. Мацкевич. – Москва, 2023. – с.129 – 135.
4. Циринг, Д. А. Психология личностной беспомощности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01 / Циринг Диана Александровна; Том. гос. ун-т. – Томск, 2010. – 42 с.
5. Тит, А. А. Потенциал общественного воздействия на осужденных в реализации мер социальной интеграционной направленности / А. А. Тит // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2023. – № 1. – С. 149–156.

УДК 343.8:343.2

**ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОСУЖДЕННЫХ:
СРЕДСТВО ИСПРАВЛЕНИЯ ИЛИ СРЕДСТВО СТИГМАТИЗАЦИИ****В. С. ЗДАНОВИЧ****(Представлено: О. В. КАТУШОНОК)**

В статье анализируется роль общественного воздействия на осужденных. Автор рассматривает общественное воздействие не только как средство исправления осужденных и успешной их ресоциализации на постпенитенциарной стадии, но и как средство стигматизации, которому подвержены сами осужденные. Анализируется «идея» о введении отдельного органа (центра), специализирующегося на ресоциализации осужденных.

Несмотря на то, что основное влияние на осужденных в процессе исправления оказывается системой исправительных учреждений (далее ИУ), не стоит забывать и о таком средстве, как общественное воздействие. Общественное воздействие согласно ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь, является одним из основных средств исправления осужденных [1]. Оно подразумевает собой такой эффект, при котором осужденный уже после освобождения из ИУ не подвергается остракизму со стороны общества.

Как мы знаем, при попадании в ИУ осужденный оказывается среди представителей девиантного поведения, влияние которых способно подтолкнуть лицо к совершению новых преступлений и воспрепятствованию к успешному исправлению. В целом специфика условий отбывания наказаний, в особенности наличие групп других осужденных отрицательной направленности, побуждает у лица необходимость адаптации к новым условиям. Пройдя своего рода адаптацию, а также сформировав новые социальные связи, осужденные принимают и усваивают сложившиеся в данном девиантном обществе ценности, привычки нормы, которые часто носят антиобщественный характер. В ИУ уделяют внимание и возможностям коллективного негативного влияния на личность осужденных. Обычно мониторинг социально-психологического климата среди коллектива осужденных проводится, чтобы отслеживать и прекращать факты поборов или притеснения отдельных личностей, чтобы не допускать возможные неслужебные связи между сотрудниками и осужденными, чтобы минимизировать негативное влияние «лидеров» групп, возникших в камерах, бригадах и т.п. Э. Дюркгейм писал: «сфера подлинно моральной жизни начинается только там, где начинается сфера коллективной жизни, или, иными словами, мы являемся моральными существами только в той мере, в какой мы существа социальные» [2, с. 166]. Базовым элементом процесса социализации осужденных выступают общество и общественные отношения, в которые он вовлечен как индивид. Говоря коротко: сущность личности всегда производна от социума, в котором она живет.

Так называемой высокой стеной перед системой исполнения наказаний на пути к успешной интеграции осужденных в общество является само общество. В процессе отбывания наказания и после освобождения из ИУ осужденные часто сталкиваются с общественным равнодушием, недоверием и боязнью бывшего осужденного. В таких условиях лицу трудно найти работу и жилье. Большинство людей опасаются бывшего осужденного, тем самым ставя на него клеймо преступника, который будет вновь и вновь совершать новые общественно опасные деяния. Словам осужденного о готовности вести в дальнейшем правопослушный образ жизни не всегда хотят верить. При приеме на работу работодатель скорее отдаст предпочтение в сторону несудимого кандидата. Конечно, нанимателя можно понять, ведь сложно гарантировать то, что «бывший осужденный» не совершит нового общественно опасного деяния.

Осужденный часто воспринимается обществом как изгой. Если бывший осужденный будет трудоустроен на низкоквалифицированную работу, то указанный комплекс обстоятельств сформирует у него низкий социальный статус в обществе. Вследствие этого отношение у данного лица к самому себе приобретает оттенок потерянного для общества человека [3, с. 151]. Такое состояние, по мнению А. А. Тита, опасно, ибо может подтолкнуть отчаявшегося человека к совершению новых преступлений для повышения своего социального статуса. Американский социолог Р. Мертон отмечал, что «преступное поведение индивида формируется в сложившейся социальной структуре, когда институциональные способы достижения социально значимых целей не соответствуют сформированным в обществе возможностям достижения целей» [4, с. 249]. При таких обстоятельствах немудрено заметить, что при невозможности достижения жизненных целей законными путями, индивид прибегает к противоправному пути.

По мнению криминологов, выделение в обществе осужденных, а также бывших осужденных провоцирует существование рецидивной преступности. Ю. Ю. Комлев отмечает, что «уголовно-правовой рецидивизм имеет массовый, чрезвычайно опасный для личности и общества характер и является во многом продуктом стигматизации, сам факт осуждения нередко запирает молодых людей с криминальным опытом в рамках принятой девиантной роли» [5, с. 35].

Наличие ярлыков, что вешают на освобожденное лицо, как уже отмечалось выше, повышают вероятность риска рецидивности. Осужденным в таких условиях попросту невозможно восстановить свой прошлый социальный статус и реабилитировать межличностные отношения с другими. Хорошие межличностные отношения с законопослушными людьми способствуют привязанности к общественному порядку, а у осужденного возвращается желание поддерживать его.

Нельзя обойтись без деятельности представителей гражданского общества. Субъектами гражданского общества, участвующими в исправлении осужденных, являются общественные объединения (ст. 21 УИК), попечительские советы (ст. 105 УИК), общественные воспитатели осужденных к лишению свободы (ст. 106 УИК). Формы участия общественных объединений закреплены в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 15 сентября 2006 г. № 1220 «Об утверждении Положения о порядке осуществления общественными объединениями контроля за деятельностью органов и учреждений, исполняющих наказание и иные меры уголовной ответственности» и постановлении Министерства юстиции Республики Беларусь от 15 декабря 2006 г. № 85 «Об утверждении Инструкции о порядке образования и деятельности общественных наблюдательных комиссий и личного листа кандидата в члены комиссии». Важно понимать, что общественное воздействие подразумевает под собой участие в работе с осужденными не только представителей гражданского общества, а лиц, которые смогут положительно влиять на осужденного. В соответствии со ст. 21 УИК общественные объединения принимают участие в исправлении осужденных и осуществляют контроль за деятельностью органов и учреждений, исполняющих наказание и иные меры уголовной ответственности. В ходе деятельности создаются наблюдательные комиссии. В соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 22 УИК члены наблюдательных комиссий могут при исполнении своих служебных обязанностей посещать без специального разрешения учреждения, исполняющие наказание. Можно предположить, что таким образом закрепляется весомость общественного воздействия общественных объединений. Наблюдательные комиссии также выявляют нарушения и содействуют их устранению, оказывают помощь органам, исполняющим наказание, в организации исправительного процесса и в ресоциализации осужденных.

Как еще один источник общественного воздействия на осужденных на постпенитенциарной стадии возможно рассмотреть религиозные организации. Религиозное просвещение в местах лишения свободы подкрепляется возможностью у осужденного исповедовать религию, а также допуском священнослужителей в ИУ. Священнослужители осуществляют религиозное просвещение осужденных, читают проповеди, способствуя их возвращению к нравственности. Предполагается, что уже после освобождения из ИУ осужденный, который в период отбывания наказания посвятил себя вере, при возникновении различных трудностей в сфере устройства на работу или в сфере психологической помощи сможет обратиться к священнослужителю в храме.

Эффективным средством для ресоциализации может являться надзор за всеми бывшими осужденными, который будет способен помочь им с проблемой трудоустройства, поиском жилья и другими трудностями, и, что немало важно, с оказанием психологической помощи. Такой надзор может быть обеспечен единым органом, способным учитывать особенности личности бывших осужденных, их поведение в процессе отбывания наказания, благодаря которому бы реализовались социально-адаптационные мероприятия. По мнению советского ученого-пенитенциариста, И.В. Шмарова, административный надзор за лицами, освобожденными от наказания, как предупредительная мера не всегда дает необходимый эффект. В данной ситуации он предлагает использовать центры социальной адаптации для оказания содействия в интеграции в общество лиц, освобожденных от наказания (в том числе и условно-досрочно) [6, с. 51]. Рассматривая вопрос о введении такого органа, А.А. Тит предлагает разработать процедуру взаимодействия такого органа по социальной адаптации с субъектами, принимающими участие в интеграции лица, освобожденного от наказания (в т.ч. условно-досрочно), в общество и контроле за его поведением. Для этого целесообразно ввести в правоприменительную практику документальное оформление планируемых с лицом, освобождаемым условно-досрочно от наказания в виде лишения свободы, социально-адаптационных мероприятий, которые предлагается реализовывать путем составления «Плана пребывания в период неотбытой части наказания лица, освобожденного от наказания условно-досрочно» [7, с. 155].

В таком случае возникает вопрос об институте пробации в Республике Беларусь, который на данный момент законодательно еще не введен и не проработан. Но в то же время действующая система в Республике Беларусь, предусматривающая решение вопросов трудового и бытового устройства после освобождения осужденных, превентивного надзора и профилактического наблюдения за отбывшими наказание, не требует обязательного введения института пробации и создания отдельного органа, специализирующегося на ресоциализации осужденных.

Воздействие общественных организаций, попечительских советов, граждан, сотрудников ИУ в совокупности позволяет добиться исправления осужденных. На наш взгляд, воспитательного воздействия на осужденных в условиях свободы может продолжаться благодаря привлечению их в различные общественные организации, трудовые коллективы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-исполнительный Кодекс Республики Беларусь : 11 января 2000 г. № 365-З: принят Палатой представителей 14 декабря 1999 г.: одобрен Советом Республики 22 декабря 1999 г.: в ред. Закона Республики Беларусь от 17.02.2025 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 19.09.2025).
2. Дюркгейм, Э. Моральное воспитание / Э. Дюркгейм; пер. с фр., вступ. ст., примеч. А. Б. Гофмана; Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. экономики». – М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. – 456 с.
3. Тит, А. А. Потенциал общественного воздействия на осужденных в реализации мер социальной интеграционной направленности / А. А. Тит // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2023. – № 1. – С. 149–156.
4. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М.: АСТ–Хранитель, 2006. – 872 с.
5. Комлев, Ю. Ю. Уголовно-правовой рецидивизм: девиантологическая перспектива профилактики с позиций теории стигматизации в условиях преодоления «кризиса наказания» / Ю. Ю. Комлев, Н. Ю. Комлев // Вестн. ВЭГУ. – 2012. – № 1. – С. 32–39.
6. Шмаров, И. В. Предупреждение преступлений среди освобожденных от наказания / И. В. Шмаров. – М.: Юрид. лит., 1974. – 136 с.
7. Тит, А. А. Институт пробации: интеграция в общество лиц, освободившихся условно-досрочно из исправительных учреждений / А. А. Тит // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2019. – № 2. – С. 153–156.

УДК 343.97

ЖЕНСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГЕНДЕРНОЙ КРИМИНОЛОГИИ**Д. В. ЛАЗАРЬ****(Представлено: О. В. КАТУШОНОК)**

В статье обосновывается, что, несмотря на общность детерминант преступного поведения, между мужской и женской преступностью существуют существенные субстанциальные различия, обусловленные биопсихосоциальными особенностями личности, гендерными ролями и социально-культурными стереотипами. Кроме того, подчеркивается актуальность выделения женской преступности как самостоятельного исследовательского объекта в гендерной криминологии.

Причины мужской и женской преступности, зачастую, равноценны, однако в юридической и психологической литературе неоднократно отмечалась субстанциальная разница между преступностью женщин и мужчин. Анализ различий в соотношении «мужской» и «женской» преступности не может сводиться исключительно к описанию структурных характеристик преступности или ее отдельных показателей. Несмотря на количество научных трудов, проблематика познания преступности, в частности, женской, себя не исчерпала.

С динамично развивающимися явлениями, происходящими в обществе, наука должна отвечать требованиям определенного периода времени. Преступность состоит из преступлений и не из чего больше, а преступление совершает человек, который вместе с механизмом его преступного поведения призван познаваться только криминологией. Вот почему есть все основания включить криминологию в число наук, напрямую делающих человека объектом своего познания [1, с. 69].

Так, сегодня, некоторые ученые выделяют ответвление криминологии – гендерную криминологию, которая в свою очередь «совершенствует предмет криминологии в части: познания личности преступника как социального типа; процессов формирования и реализации преступного поведения через гендерные роли и гендерное поведение; механизма совершения преступления и влияния на него гендера [2, с. 46]». Стереотипные модели поведения мужчин и женщин в криминальной среде меняются параллельно с эволюцией общества, поэтому изучение гендерной составляющей преступности является своевременным и важным [3, с. 34].

Схема, приведенная Ю. М. Антоняном, в одной из своих работ, где отражены различные аспекты криминологического исследования преступного поведения и личности преступника, чтобы показать, как в этой науке используются, сочетаясь, возможности других наук, показывает, как сочетаются социологические и психологические возможности в исследовании причин индивидуального преступного поведения. Так вот эти самые социальные (социологические) факторы, формирующие индивидуальные, психологические особенности преступников непосредственно находят отражение в гендерной теории. Так как в обществе сложилась устойчивая система норм ролевого поведения мужчин и женщин, соответствующая их позициям и статусам в социуме. Поэтому наиболее ярким компонентом психологического пола выступает гендерное поведение лица, в том числе и противоправное [3, с. 36].

Применить гендерный подход касательно личности преступника можно следующим образом: так, гендерная психология, как раздел психологии, подтверждает факт того, что мужская и женская психология отличаются в корне. В литературе отмечается, что «характерные для женщин-преступниц стойкость и застреманность аффективных, психотравмирующих переживаний и высокая импульсивность часто приводят к игнорированию или недостаточному учету всех необходимых обстоятельств, неадекватному восприятию и оценке возникающих жизненных ситуаций, плохому прогнозированию последствий своих поступков, спонтанности и необдуманности поведения [4, с. 35]».

«Веками у людей складывались стереотипные представления об образе мужчины и женщины, которые до сих пор распространяются на всех представителей того или иного пола, независимо от их индивидуальных особенностей и возраста. Эти стереотипы можно условно разделить на половые (различия, идущие от природы мужчины и женщины) и гендерные (различия, сформированные под влиянием социума) [5, с. 62]».

На сегодняшний день стопроцентно можно говорить, что в общественном сознании доминирует образ женщины, совершившей преступление под влиянием эмоций. Очень часто противопоставляют женскую преступность мужской, подчеркивая предполагаемую большую эмоциональность и ранимость женщин.

Криминогенные детерминанты (причины и условия, порождающие преступность), как еще один элемент предмета криминологии, так же рассматривается через призму гендерной теории. Условия обеспечивают возможность действия причины, а причины порождают следствия (преступность, преступление), тем самым образуя причинную связь.

Причинные связи в социуме имеют свои статистические закономерности, исторический разрез, т. е. причинные связи отличаются друг от друга в зависимости от определенного периода времени. К тому же, эти

самые причинные связи проходят «этап социализации» в сознании людей, формируя мировоззрение и психологию общества.

В. А. Серебрякова в своих исследованиях отмечала то, что различие преступности по полу следует искать в сложном комплексе социальных факторов, определяющих поведение мужчин и женщин. Даже при их формальном равноправии в положении женщины существуют определенные особенности, которые обусловлены исторически существующими обстоятельствами, прежде всего заключающимися в различной занятости женщин на производстве и в быту, в уровне их квалификации, в недостаточной быстроте повышения квалификации по сравнению с мужчинами, в отношении к домашнему труду [6, с. 20]. Эти обстоятельства определяют степень активности женщин, формируют особые черты в их поведении.

Существующие социально-культурные нормы, представляющие собой стереотипные представления о поведении женщин, могут оказывать значительное влияние на определенные социальные группы и способствовать проявлениям неравенства и социальной изоляции лиц женского пола. К числу таких групп можно отнести женщин, пребывающих в одиночестве, женщин-мигрантов, а также женщин, чья этническая принадлежность или религиозные убеждения отличаются от доминирующих в обществе. Данное обстоятельство может приводить к формированию чувства унижения, что, в свою очередь, способно спровоцировать у женщин стремление продемонстрировать обществу свою значимость, в том числе посредством совершения преступлений.

Еще одним важным моментом в вопросе женской преступности является наступающий социальный вред, то есть негативные последствия как для общества в целом, так и для малой социальной группы в виде семьи. Гендерная специфика вреда от женской преступности находит свое отражение прежде всего в неблагоприятных последствиях ненадлежащего исполнения женщиной-преступницей социальных ролей в сфере семейных отношений (матери, жены).

Чаще всего, когда муж (отец) находится в местах лишения свободы, жена его дожидается и семья не распадается. Но когда женщина отбывает наказание, связанное с местом лишения свободы, брак, чаще всего распадается. В большинстве случаев, мужчина быстро, едва не сразу после осуждения супруги, разрывает с ней связь.

Невозможно отрицать, что на современном этапе четко наблюдается проявление эффекта гендерных стереотипов, а именно: разная интерпретация и оценка одного и того же события в зависимости от того, к какому полу принадлежит участник этого события. Приведем пример: совершение женщиной, являющейся матерью, преступления будет считаться для общественного мнения более опасным, нежели совершение преступления мужчиной. А все потому что, основная обязанность в воспитании детей лежит на матери. Мы не говорим, что общество не будет осуждать за преступление мужчину и отца семейства, однако с большей вероятностью мать с такой судьбой общество будет воспринимать куда беспокойнее, ведь таким поведением мать подрывает нравственно-психологическую атмосферу в обществе и семье. Таким образом, мы понимаем, что социум особенно отрицательно относится к женщинам, совершившим преступления, тем самым выстраивая высокую планку требований и ожиданий, предъявляемых к женщине.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что женская преступность, как самостоятельный объект изучения преступности в рамках гендерной криминологии является востребованным в процессе исследовательской деятельности. Она включает три основных компонента: преступность как общественно опасное социально-правовое явление, личность преступника, причины и условия преступности с включением в их содержание гендерного измерения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонян, Ю. М. Криминология будущего: междисциплинарные научные связи / Ю. М. Антонян // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2014. – № 4(30). – С. 68–75.
2. Гендерная криминология: понятие, структура, содержание / Т. П. Афонченко [и др.]; под ред.: А. Э. Набатовой, Т. П. Афонченко. – Минск: Экоперспектива, 2020. – 144 с.
3. Шевченко, Л. А. Личность преступника в гендерном измерении / Л. А. Шевченко // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по материалам LXXI междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2016. – С. 33–41.
4. Ильин, А. В. Анализ психологических причин преступного поведения женщин / А. В. Ильин // Прикладная юридическая психология. – 2013. – № 4. – С. 31–38.
5. Ильин, Е. П. Пол и гендер / Е. П. Ильин. – «Питер» (Мастера психологии). – 2010. – 75 с.
6. Серебрякова, В. А. Преступность среди женщин как объект криминологического изучения / С. А. Серебрякова // Вопросы борьбы с преступностью. – 2011. – №22. – С. 14–21.

УДК 343.97

**НЕБЛАГОПОЛУЧНАЯ СЕМЬЯ КАК КРИМИНОГЕННАЯ ДЕТЕРМИНАНТА
ЖЕНСКОЙ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ****Д. В. ЛАЗАРЬ****(Представлено: О. В. КАТУШОНОК)**

В статье исследуется влияние семейного неблагополучия и индивидуально-психологических факторов на формирование насильственного преступного поведения женщин. Показано, что источники насилия лежат не только в социальной среде, но и в субъективном мире личности. Обосновывается криминологическое значение «неблагополучной семьи» как детерминанты женской преступности. Приведён реальный кейс, иллюстрирующий динамику обострения конфликта в семейно-бытовой сфере.

Источники всех проявлений насилия следует искать не только в социальной среде, но и в индивидуальной психологии людей, в субъективном мире личности. Разработка психологического портрета преступницы не должна сводиться лишь к составлению перечня ее личностных особенностей, а осуществляться с учетом функционирования отдельных компонентов на формирование насильственного преступного поведения женщин. Из чего вытекает, что неблагополучная семья, как один из элементов структуры детерминантов женской преступности (в частности насильственной), является характерным условием, порождающим насилие со стороны женщины.

Семья – неотъемлемая и важнейшая часть общества, ее значение уменьшить невозможно. В семье осуществляются основные процессы человеческой жизни, семья накладывает ощутимый отпечаток на развитие личности, закладывает ее нравственные принципы. Поэтому, сохранение семейных ценностей – ключевой фактор стабильности государства.

На сегодняшний день наблюдается отрицательное положение, в котором пребывают семейные ценности: рост числа гражданских браков и детей, рожденных вне брака, увеличение числа разводов, распространены неполные семьи и семьи без детей.

Так, по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2020 году по всей территории Республики Беларусь было зарегистрировано 50 384 браков (коэффициент 5,4 на 1000 человек населения), в 2021 году – 59 649 (коэффициент 6,4), в 2022 – 57 901 (коэффициент 6,3), в 2023 – 56 044 (коэффициент 6,1), а в 2024 году – 46 242 брака, т.е. 5,1 на 1000 человек населения [1].

В 2020 году по всей территории Республики Беларусь было расторгнуто 35 144 браков (коэффициент разводимости на 1000 человек населения составил 3,7), в 2021 году – 34 386 (коэффициент 3,7), в 2022 – 33 980 (коэффициент 3,7), в 2023 – 33 962 (коэффициент 3,7), а в 2024 году – 34 866 с общим коэффициентом разводимости в 3,8. За период с 2019 по 2024 годы наибольшее число браков было заключено в 2019 году (62 744), а наименьшее в 2024-м – 46 242. За этот же период разводов больше всего было в 2020 году – 35 144 [2].

Статистика по расторжению браков не может не тревожить, поскольку количество расторгаемых браков превышает половину от количества зарегистрированных. На данный момент, каждая третья «ячейка общества» заканчивается разводом. Причин, приводящих к расторжению брака, существует множество: мелкие бытовые недомолвки, финансовые трудности, разные ожидания от брака и роли в семье, а также случаи психологического и физического насилия, которые создают среду, в которой жить становится опасно.

Повышенной криминогенной опасностью обладает «неблагополучная семья». В первую очередь, следует определить, что понимается под «неблагополучной семьей» в контексте женской совершеннолетней преступности. «Неблагополучная семья» – семья с нарушенной традиционной структурой, с деформированными эмоциональными связями между своими членами, «нездоровым» психологическим климатом, которой не выполняются или ненадлежащим образом выполняются возложенные на нее функции [3].

В неблагополучной семье эмоциональные связи между ее членами могут быть искажены умышленно или непреднамеренно, которые впоследствии нарушают психологический климат. В неблагополучной семье не выполняются либо выполняются ненадлежащим образом такие базовые семейные функции, как забота, воспитание, социальная и экономическая поддержка. В такой семье не соблюдается посредничество в конфликтах. В результате чего развивается дезадаптация членов семьи, ухудшаются физическое и психическое здоровье, снижаются шансы на успешную социализацию и повышается риск вовлечения в девиантное и криминальное поведение.

Криминологическое значение семейного неблагополучия находит свое отражение и в социализации ребенка такой семьи, так как ключевую роль в воспитании играет семья и особенно мать. Однако в рамках данной статьи, рассматривается каким образом неблагополучная семья влияет на личностные характеристики

потенциальной преступницы, а также создает причины и условия, порождающие насильственные преступления в семейно-бытовой сфере.

Внутрисемейные отношения во многом формируют жизненные установки и ближайшее социальное окружение личности. Напряженные, конфликтные взаимоотношения с родственниками часто обуславливают склонность женщины к противоправным поступкам. Негативное влияние семьи на женщину преимущественно проявляется в сфере её личных отношений с близким мужчиной. Наличие детей не исключает возможность антисоциальных действий со стороны преступниц. Ситуация внутри дезадаптированной семьи усугубляется недостаточной поддержкой со стороны государства, поэтому государство в данном вопросе должно оказывать усиленную помощь таким семьям.

Наиболее тяжкие насильственные преступления в семейной среде женщины совершают преимущественно в экстремальных, резко травмирующих и стрессовых конфликтных обстоятельствах, когда внезапно возникает угроза ценностям, значимым для них, и носит ярко выраженный характер. Часто такие события оказывают продолжительное психотравмирующее воздействие и сопровождаются состоянием сильного душевного волнения преступниц [4, с. 36].

Систематические скандалы в состоянии алкогольного опьянения создают условия, при которых женщина, находясь в состоянии хронического стресса и эмоционального истощения, может осознанно прибегнуть к насилию как к крайней мере защиты или выхода из ситуации. Источником перечисленных ситуаций обычно становятся мужчины из ближайшего окружения (мужья, отцы, сыновья, братья), чьи поступки содержат явную провокацию к насилию, выражающуюся в оскорблениях, унижениях, издевательствах или применении физической силы.

В качестве примера можно привести следующий случай, представленный на официальном сайте Следственного комитета Республики Беларусь: по данным следствия, 60-летний житель Лепельского района принес домой вино, которое распил вместе со своей женой. У мужчины вспыхнул приступ неоправданной ревности и возникла ссора. В порыве ярости муж ударил супругу. Женщина ответила ему ударом ножницами в грудную клетку. И только когда потерпевший перестал подавать признаки жизни, она побежала к соседке, откуда сообщила о произошедшем своим детям. Впоследствии, как рассказала следователю подозреваемая, ранее ее муж часто ревновал и неоднократно поднимал на нее руку, однако в правоохранительные органы она не обращалась. В отношении 58-летней женщины возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 139 (убийство) Уголовного кодекса Республики Беларусь. Подозреваемая ранее судима не была [5].

Анализ преступного поведения показывает, что виктимизация и криминализация порой исходят из одних и тех же причин. Типичная черта женщин, совершивших, в том числе, убийство, как в рассмотренном примере – выраженная зависимость от другого человека, иногда от самой жертвы.

Как уже отмечалось, преступность как социальное явление, имеющее социальную обусловленность, вовсе не подразумевает исключения из криминологического анализа индивидуальных характеристик личности, которые отражаются на процессе социальной адаптации. Ярко прослеживается виктимогенное действие алкоголя, объясняемое его прямым и значительным влиянием на психику, интеллект, эмоциональную сферу, волю и мотивацию поведения. Следует подчеркнуть, что и ситуативные, и длительные конфликты связаны с проблемами, существующими в обществе в широком смысле. Их появление обусловлено объективными общественными противоречиями, а также психологическими чертами личности и искажениями межличностного восприятия. Очевидно, число случаев насилия уменьшилось бы при снижении уровня эмоционально-негативных реакций организма на стрессовые факторы у людей и при умении ими контролировать или снижать собственное внутреннее волнение, вызванное конфликтом. К сожалению, вопрос создания условий, минимизирующих предпосылки агрессии, остаётся сложным и нерешённым.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что неблагополучная семья выступает ключевым детерминантом женской насильственной преступности, оказывая комплексное воздействие на формирование личностных характеристик, моделей поведения и механизмы реагирования на стрессовые ситуации. Эмоционально деформированные внутрисемейные связи, хронические конфликты, насилие и виктимизация в семье приводят к нарушению социализации, развитию зависимостей, повышенной раздражительности и снижению способности к контролю аффектов у женщин. Алкогольная деградация внутрисемейных отношений и систематические провокации со стороны близких усиливают риск перехода к крайним формам агрессии в условиях острых травмирующих конфликтов. Индивидуальная психология и субъективный мир личности взаимодействуют с социальной средой, поэтому психологический портрет преступницы должен исследоваться через призму функционирования отдельных компонентов личности, а не только как перечень черт. Эффективная профилактика женской насильственной преступности требует комплексных мер: усиленной социальной и психологической поддержки дезадаптированных семей, ранней психокоррекции, доступности механизмов защиты пострадавших и программ снижения злоупотребления алкоголем. Только сочетание семейно-социальных политик и индивидуально-психологической работы способно сокращать предпосылки насилия и повышать устойчивость женщин к стрессу и провокациям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Число браков по территории Республики Беларусь. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Сайт]. – URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10101200014> (дата обращения: 02.10.2025).
2. Число разводов по территории Республики Беларусь. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Сайт]. – URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10101200016> (дата обращения: 02.10.2025).
3. Демина, К. А. Особенности детерминант женской преступности: общесоциальный уровень // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сб. статей. Ч. 47 / Ред. С. А. Елисеев, Л. М. Прокументов, М. К. Свиридов и др. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – С. 105–107.
4. Щербакова, Л.М. Женская насильственная преступность в современной России: криминологические проблемы: автореф. дис. на соиск. уч. ст. док-ра юрид. наук: 12.00.08 / Щербакова Людмила Михайловна. – «Ставропольский государственный университет». – Москва, 2008. – 60 л.
5. В Лепельском районе женщина ножницами убила супруга. Следственный комитет Республики Беларусь [Сайт]. – URL: <https://sk.gov.by/ru/news-usk-vitebsk-ru/view/v-lepelskom-rajone-zhenschina-nozhnitsami-ubila-supruga-12876/> (дата обращения: 04.10.2025).

УДК 343.241.2

ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ КАК ВИД НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

*А. В. ШНИТКО**(Представлено: О. В. КАТУШОНОК)*

В данной статье исследуются особенности исправительных работ как вида наказания, применяемого в отношении несовершеннолетних. Анализируются данные судебной статистики, нормы Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов Республики Беларусь, зарубежный опыт, а также научные исследования современных ученых, касающиеся вопросов применения данного вида наказания в отношении несовершеннолетних.

В соответствии с белорусским уголовным законодательством сущность наказания в виде исправительных работ состоит в удержании из заработка по основному месту работы осужденного денежных средств в доход государства в определенном судом в рамках положений Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) размере. В отношении несовершеннолетних исправительные работы назначаются лицам, достигшим шестнадцатилетнего возраста ко дню постановления приговора [1].

Процент назначения несовершеннолетним наказания в виде исправительных работ в Республике Беларусь всегда был и остается низким, в связи с чем в статистике рассматриваемый вид наказания не выделяется, а относится к категории «иные меры наказания». Доступна информация лишь по первому полугодю 2024 года. Так, по данным судебной статистики за указанный период, «из 353 осужденных несовершеннолетних 1 лицу назначены исправительные работы (0,3%)» [2]. Рассматриваемый вид наказания, как правило, не вызывает особых сложностей в назначении и исполнении в случае с совершеннолетними преступниками, однако применение исправительных работ в отношении несовершеннолетних имеет некоторые проблемные аспекты, затрудняющие правоприменение, а также влияющие на его распространенность и актуальность.

Важным критерием при назначении и исполнении рассматриваемого наказания является наличие у несовершеннолетнего места работы, либо возможности его трудоустройства. Согласно положениям Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК), касающимся исполнения исправительных работ, работающие осужденные отбывают наказание по основному месту работы, не работающие – в местах, в которые осужденный самостоятельно устраивается в течение пятнадцати дней со дня постановки на учет, либо в местах, определяемых органами по труду, занятости и социальной защите (ст. 37 УИК [3]).

Трудности в применении исправительных работ в качестве наказания для такой категории лиц могут быть связаны с спецификой рынка труда. Так, «в условиях массовой безработицы трудно найти руководителей предприятий, организаций, заинтересованных в труде несовершеннолетних. Ведь приём на работу рассматриваемой категории лиц и их последующее использование в качестве работников требует от работодателей дополнительных и обязательных расходов материальных средств» [4, с. 98]. Данный аспект также является причиной малого распространения исправительных работ в системе наказания несовершеннолетних, так как при таких условиях «доля несовершеннолетних в общем числе занятых в трудовом процессе не может быть значительной, что сводит на нет применение исправительных работ в отношении рассматриваемой категории осужденных» [4, с. 98]. В этой связи считаем нецелесообразным назначение рассматриваемого вида наказания тем лицам, которые не имеют постоянного места работы.

Следует согласиться, что «установленный в ч. 4 ст. 37 УИК порядок трудоустройства осужденных к исправительным работам является общим и не учитывает такую категорию несовершеннолетних, достигших шестнадцатилетнего возраста ко дню постановления приговора, которые обучаются в учреждениях образования» [5, с. 254]. Учитывая то, что исправительные работы выступают одним из видов наказания несовершеннолетних, которые позволяют достичь исправления без отрыва от семьи и социальной адаптации, мы солидарны с мнением В. М. Куницкого [5], Е. Н. Федотовой [6] и Е. Н. Роговой [7] и считаем нецелесообразным назначение наказания в виде исправительных работ несовершеннолетним, которые на момент постановления приговора являются обучающимися в учреждениях образования. С точки зрения законодательства в сфере прав человека и ребенка в таком случае отбытие наказания будет служить ограничением конституционного права на образование (ст. 49 Конституции Республики Беларусь [8]). «Обучение стимулирует развитие социально полезных навыков, способствует овладению новыми умениями, сокращает бессодержательный досуг подростков, является важнейшим ресурсом для развития его личности, позволяет существенно расширить диапазон выбираемых профессий» [6, с. 667], поэтому считаем недопустимым отрыв несовершеннолетнего осужденного от образовательной программы в пользу отбытия наказания в виде исправительных работ, так как такая ситуация может пагубно сказаться на социальной

адаптации несовершеннолетнего, получении им необходимых профессиональных навыков и его дальнейшей судьбе. Примером такой политики среди зарубежных государств служит Казахстан, где согласно уголовному законодательству, «исправительные работы не назначаются учащимся, а в случае, если осужденный начнет обучение в процессе отбывания исправительных работ, указанное наказание заменяется штрафом» [5, с. 668].

В рамках анализа зарубежного опыта регламентации специфики назначения исправительных работ несовершеннолетним, обращаемся к законодательству стран-участников Содружества Независимых Государств. Отметим, что рассматриваемый вид наказания в большинстве таких государств, как и в Республике Беларусь, назначается лицам, достигшим шестнадцатилетнего возраста (Казахстан, Туркменистан, Таджикистан). Такой подход считаем рациональным, поскольку для лиц младше шестнадцати лет поиск рабочего места может быть затруднен в связи с особенностями развития несовершеннолетнего, нехваткой у него необходимых профессиональных навыков. Трудности также может вызывать получение такой категорией лиц согласия законных представителей на трудоустройство. «С особой осторожностью суды признаны назначать исправительные работы для работающих несовершеннолетних, трудовой путь которых только начинается и наказание должно стать для них исправительно-воспитательной мерой» [7, с. 79].

В науке также дискутируется вопрос о эффективности наказания в виде исправительных работ в рамках достижения цели уголовной ответственности – исправления несовершеннолетнего. Правовая природа рассматриваемого наказания, в частности, тесная связь его исполнения с рабочим местом осужденного, позволяет сделать вывод о том, что наказание в виде исправительных работ в первую очередь рассчитано на назначение совершеннолетним преступникам, которые в большинстве своем имеют стабильное рабочее место и более высокий заработок по сравнению с несовершеннолетними работающими лицами. Кроме того, наказание в виде исправительных работ может повлиять не только на возможности его трудоустройства в дальнейшем, но и особенно на его материальное положение, поскольку «несовершеннолетние в большинстве случаев не имеют еще достаточно высокой профессиональной квалификации, в силу чего их заработки обычно невелики. При таких условиях назначение исправительных работ, связанных, как известно, с удержанием в доход государства определенной части заработка и, значит, с ухудшением материального положения осужденного, создает ситуацию, при которой эффект наказания может оказаться обратным желаемому» [7, с. 80]. Несмотря на это, «как свидетельствует практика, применение такого вида наказания в большинстве случаев достигает своей цели, а именно – исправление осужденного» [5, с. 254].

Таким образом, проанализировав специфику назначения и исполнения исправительных работ как вида наказания несовершеннолетних, зарубежный опыт и мнения современных ученых, представляется возможность сделать вывод об эффективности и целесообразности включения рассматриваемого вида наказания в систему наказаний несовершеннолетних. Несмотря на все рассмотренные трудности в правоприменении и приведенные статистические данные, считаем недопустимым полный отказ от применения исправительных работ к несовершеннолетним, поскольку данный вид наказания в большинстве случаев позволяет достичь исправления и является эффективным, при этом его исполнение не связано с отрывом несовершеннолетнего от семьи и общества. Однако в связи с приведенными положениями предлагаем внести дополнения в п. 1 ч. 3 ст. 52 УК, изложив его в следующей редакции: «Исправительные работы не могут быть назначены лицам, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, а равно обучающимся на дневной форме получения образования, либо не имеющим постоянного места работы. Такое предложение обусловлено недопустимостью ограничения конституционного права на образование и прерывания вовлечения несовершеннолетнего в образовательную программу в пользу исполнения наказания в виде исправительных работ, поскольку образование является важнейшим неотъемлемым ресурсом развития личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 61-З // ЭТАЛОН :информ.-поисковая система (дата обращения: 14.08.2025).
2. Верховный Суд Республики Беларусь, Данные судебной статистики за 1 полугодие 2024 года об осужденных несовершеннолетних – URL : https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/a3fcb8eecec74b70.html (дата обращения: 19.08.2025).
3. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь : 11 января 2000 г. № 365-З : принят Палатой представителей 14 декабря 1999 г. : одобрен Советом Республики 22 декабря 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 61-З // ЭТАЛОН :информ.-поисковая система (дата обращения: 20.08.2025).
4. Алтынбаева, Л. М. Исправительные работы как вид наказания для несовершеннолетних / Л. М. Алтынбаева // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2009. – № 1(18). – С. 97–99.
5. Куницкий, В. М. Исправительные работы как вид наказания, применяемый к несовершеннолетним / В. М. Куницкий // Курсантский вестник : сборник науч. статей обучающихся / Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь ; редкол.: П. В. Гридюшко (отв. ред.), А. В. Войтюль, С. Ю. Дегонский [и др.]. – Минск : Академия МВД, 2023. – С. 253–256.

6. Федотова, Е. Н. Исправительные работы как вид наказания, назначаемый несовершеннолетним / Е. Н. Федотова // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики : материалы Международной научно-практической межведомственной конференции, Самара, 16–17 июня 2016 года / Под общей редакцией А.А. Вотинова. – Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2016. – С. 666–668.
7. Рогова, Е. В. Особенности назначения исправительных работ несовершеннолетним / Е. В. Рогова // Сибирский юридический вестник. – 2003. – № 2. – С. 79–82.
8. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 20.08.2025).

УДК 343.278

**ЛИШЕНИЕ ПРАВА ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ
КАК ВИД НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ****А. В. ШНИТКО****(Представлено: О. В. КАТУШОНОК)**

В данной статье исследуются особенности лишения права заниматься определенной деятельностью как вида наказания несовершеннолетних. Исследуются нормы Уголовного кодекса Республики Беларусь, зарубежное законодательство, научные исследования современных ученых, данные судебной статистики, касающиеся вопросов применения лишения права заниматься определенной деятельностью как вида наказания в отношении несовершеннолетних.

Суть наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью, применяемого к несовершеннолетним, состоит в запрете заниматься профессиональной или иной деятельностью, которой несовершеннолетний имел право заниматься на основании определенного документа, и связанной с совершенным преступлением, в течение определенного судом срока. «Под определенной деятельностью в науке уголовного права принято понимать, что лицо на основе полученного права (разрешения, лицензии, регистрационного удостоверения) осуществляло деятельность как определенного рода функционально-значимую работу на постоянной или временной основе» [1, с. 187]. Карательное воздействие данного вида наказания заключается, прежде всего, в ограничении конституционного права на труд (ст. 41 Конституции Республики Беларусь [2]), однако подразумевает и временное лишение специального права (права на управление транспортным средством, права охоты), а также документов, удостоверяющих эти права. «По смыслу закона данное наказание должно применяться с целью предупреждения совершения новых преступлений в тех случаях, когда совершенное несовершеннолетним преступление тесно связано с выполняемой им деятельностью» [3, с. 104].

Следует также обратить внимание на то, что рассматриваемое наказание имеет полное наименование «лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью» и применяется в таком виде к совершеннолетним преступникам. Однако в отношении несовершеннолетних законодатель предусматривает «усеченную» формулировку и исключает возможность назначения им наказания в виде лишения права занимать определенные должности «поскольку в силу возраста закон на общих основаниях не разрешает им занимать их» [1, с. 187]. Иного подхода придерживалась Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ, Содружество). Так, принятый в 1996 году Модельный уголовный кодекс СНГ (далее – МУК), действующий в качестве рекомендательного акта для стран Содружества, предусматривает возможность назначения несовершеннолетним наказания в виде лишения права занимать определенные должности (ст. 92 МУК [4]). Однако данная рекомендация не была реализована в уголовном законодательстве государств-участников СНГ. Вместе с тем, в ряде государств рассматриваемый вид наказания и вовсе не предусмотрен законодателем в качестве наказания несовершеннолетних (Узбекистан, Кыргызстан, Армения).

Рассматривая зарубежный опыт, в Уголовном кодексе Российской Федерации наказание в виде лишения права заниматься определенной деятельностью – «единственный вид наказания неадаптированный к несовершеннолетним по срокам и порядку применения» [5, с. 415], что подразумевает применение рассматриваемого наказания к несовершеннолетним на общих основаниях. По нашему мнению, такой подход не является целесообразным, поскольку не учитывает особенностей развития несовершеннолетнего и не соответствует международно-правовым стандартам. В свою очередь в Республике Беларусь законодатель учитывает данные аспекты и предлагает назначение несовершеннолетним рассматриваемого наказания «на срок от одного года до трех лет» [6], что понижает максимальный срок лишения права заниматься определенной деятельностью на два года по сравнению с общими положениями назначения наказаний совершеннолетним преступникам.

Обращаясь к статистическим данным о судимости несовершеннолетних за 2021–2025 год, опубликованным на официальном сайте Верховного Суда Республики Беларусь [7], акцентируем внимание на том, что за указанный период наказание в виде лишения права заниматься определенной деятельностью несовершеннолетним не назначалось, что свидетельствует о минимальном его применении. «Данные показатели свидетельствуют о том, что суды в своей практике очень редко используют этот вид наказания как за основное, а чаще пытаются им «усилить» основное наказание для виновного лица» [8, с. 50]. До 2021 года процент применения рассматриваемого вида наказания также был и оставался крайне низким. «В этой связи встают вопросы о целесообразности, эффективности и актуальности применения рассматриваемого наказания» [1, с. 187].

Согласно ст. 112 Уголовного кодекса Республики Беларусь, «лишение права заниматься определенной деятельностью назначается лицу, достигшему шестнадцатилетнего возраста ко дню постановления приговора, на срок от одного года до трех лет» [6]. Условие достижения несовершеннолетним шестнадцатилетнего возраста для рассматриваемого вида наказания считаем целесообразным, поскольку доля лиц до шестнадцати лет, имеющих право заниматься видами деятельности, с которыми могут быть связаны совершаемые ими преступления, была и остается крайне незначительна, так как закон в большинстве случаев предусматривает запрет приобретения такого права лицам до шестнадцати, а в некоторых случаях и до восемнадцати лет. Так, например, право управления механическим транспортным средством в зависимости от категории в Республике Беларусь можно получить в минимальном возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет (ст. 25 Закона Республики Беларусь «О дорожном движении» [9]); право на безоружейную охоту также предоставляется лицу, достигшему шестнадцати лет [10]. Однако рассмотренные возрастные ограничения не влияют на эффективность и распространенность наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью среди несовершеннолетних преступников.

В настоящее время актуальными являются изменения, вступившие в Правила дорожного движения, касающиеся средств персональной мобильности – «транспортных средств, имеющих одно или несколько колес (роликов) и максимальную конструктивную скорость движения не более 25 км/ч, предназначенных для передвижения одного человека посредством использования электродвигателя (электродвигателей)» [11]. Таким образом, если такие средства способны развивать скорость более 25 км/ч, они приравниваются к мопедам, для управления которыми, в соответствии с Законом Республики Беларусь «О дорожном движении», требуется получение права управления категории «АМ» [9]. Получение такого права доступно лицам, достигшим шестнадцатилетнего возраста. Подобные средства передвижения в настоящее время крайне распространены среди подростков, что привело к увеличению числа дорожно-транспортных происшествий с участием таких средств, которые могут влечь за собой тяжкие последствия и уголовную ответственность несовершеннолетнего. Так, преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта, связанные с управлением мопедом, совершаемые несовершеннолетними, в качестве основного наказания могут повлечь лишение права заниматься определенной деятельностью, а именно права управления такими средствами передвижения.

Среди ученых дискуссионным является вопрос о целесообразности применения к несовершеннолетним рассматриваемого вида наказания, при этом большинство авторов все же склоняются к его исключению из системы наказаний, назначаемых лицам до восемнадцати лет, однако мы не согласны с таким мнением и считаем, что наказание в виде лишения права заниматься определенной деятельностью было обоснованно включено в систему наказаний несовершеннолетних и может получить большее распространение и достичь максимальной эффективности, в частности при назначении наказания за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта в условиях популяризации среди несовершеннолетних лиц средств персональной мобильности и мопедов.

По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о степени целесообразности и актуальности применения наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью в отношении несовершеннолетних. С точки зрения рассмотренных данных судебной статистики, распространение данного наказания минимально, что может быть связано с незначительной долей несовершеннолетних, обладающих правом на осуществление специальных видов деятельности. Однако большое распространение в настоящее время получают дорожно-транспортные происшествия с участием несовершеннолетних лиц, имеющих право управления категории «АМ», в связи с чем считаем нецелесообразным исключение наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью из системы наказаний несовершеннолетних.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фокин, В. А. Лишение права заниматься определенной деятельностью как вид уголовного наказания, применяемый к несовершеннолетним / В. А. Фокин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 12–2(62). – С. 186–188.
2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 20.08.2024).
3. Долгополов, К. А. Назначение несовершеннолетним наказаний в виде ареста и лишения права заниматься определенной деятельностью / К. А. Долгополов // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – № 3. – С. 103–104.
4. О модельном Уголовном кодексе для государств – участников Содружества Независимых Государств : постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, 17 февраля 1996 г. № 7-5 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 25.08.2025).
5. Федотова, Е. Н. Применение уголовного наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью в отношении несовершеннолетних / Е. Н. Федотова // III Международный пенитенциарный форум "Преступление, наказание, исправление" (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : Сборник тезисов выступлений и докладов участников. В 8-ми томах, Рязань, 21–23 ноября 2017 года. Том 2. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. – С. 415–418.

6. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 61-3 // ЭТАЛОН :информ.-поисковая система (дата обращения: 14.08.2025).
7. Верховный Суд Республики Беларусь, Судимость несовершеннолетних – URL : https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/ (дата обращения: 25.08.2025).
8. Мехедова, В. А. Проблемы назначения наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью несовершеннолетним / В. А. Мехедова // Альманах молодого исследователя. – 2024. – № 17. – С. 48–52.
9. О дорожном движении : Закон Респ. Беларусь от 5 января 2008 г. № 313-3 : в ред. от 13 февр. 2025 г. № 59-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 25.08.2025).
10. Об охоте и ведении охотничьего хозяйства : Указ Президента Респ. Беларусь, 21 марта 2018 г., № 112 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 25.08.2025).
11. О мерах по повышению безопасности дорожного движения : Указ Президента Респ. Беларусь от 28 ноября 2005 г. № 551 // ЭТАЛОН :информ.-поисковая система (дата обращения: 20.08.2025).

УДК 343.241.2

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ РАБОТЫ
КАК ВИД НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ****А. В. ШНИТКО****(Представлено: О. В. КАТУШОНОК)**

В данной статье рассматривается сущность наказания в виде общественных работ, определяются основные преимущества, а также проблемы в применении рассматриваемого наказания в отношении несовершеннолетних. Автор предлагает определенные решения с учетом законодательной регламентации, статистических данных, зарубежного опыта, а также мнения современных ученых по рассматриваемому вопросу.

В соответствии с общими положениями Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), сущность наказания в виде общественных работ состоит «в выполнении осужденным бесплатного труда в пользу общества». Карательная составляющая рассматриваемого наказания сводится к ограничению права на выбор профессии, рода занятий и работы, установленного ч. 1 ст. 41 Конституции Республики Беларусь.

Наказание в виде общественных работ прежде всего основывается на привлечении несовершеннолетнего осужденного к труду. Согласно ч. 3 ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК), общественно полезный труд является одним из основных средств достижения исправления осужденных как главной цели уголовной ответственности.

По мнению исследователей, общественные работы выступают «прогрессивным и адаптированным под особенности социального и правового статуса несовершеннолетнего лица наказанием, зарекомендовавшим себя в качестве эффективной меры» [1, с. 138]. К числу положительных черт, оказывающих влияние на распространение рассматриваемого наказания, ученые относят отнести следующие: «короткий срок отбывания наказания, исключающий стигматизацию личности несовершеннолетнего; сокращение времени бессодержательного досуга подростка; отбывание наказания не в криминализованной среде, а в трудовом коллективе» [2, с. 102].

Кроме вышеобозначенных черт в контексте исправления несовершеннолетних преступников привлечение к труду является, по нашему мнению, наиболее эффективным средством. Осознанное выполнение лицом общественно полезного труда позитивно сказывается на осознании им характера своих деяний, стремлении к исправлению и оказывает благоприятное воспитательное воздействие, поскольку «трудовое воспитание подростков, в том числе и преступивших уголовный закон, является одним из базовых элементов в развитии и становлении их личности» [3, с. 60]. Срок выполнения общественных работ, согласно УК, – от тридцати до ста восьмидесяти часов, что в два раза меньше, чем для совершеннолетних преступников. Полагаем, что указанный срок является достаточным для исправления лица, соответствует международным стандартам и не подлежит корректировке в рамках действующего законодательства с учетом социальных и физических особенностей развития несовершеннолетнего.

Обращаясь к специфике регламентации общественных работ как вида наказания несовершеннолетних, законодатель вводит дополнительное условие – посильность выполняемых работ для осужденного лица. Такое положение обусловлено как фактом неполного физического развития несовершеннолетнего, так и определенными ограничениями, установленными Трудовым кодексом Республики Беларусь (далее – ТК). В соответствии с положениями ч. 1 ст. 274 ТК, «запрещается привлечение к труду лиц моложе восемнадцати лет на тяжелых работах и на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, на подземных и горных работах». Помимо этого, законодатель также указывает на запрет на подъем и перемещение несовершеннолетними тяжестей, превышающих установленные предельные нормы, вручную.

Ученые в сфере уголовного права акцентируют внимание на «отсутствии законодательного закрепления термина «посильность», что позволяет характеризовать его как крайне оценочное и размытое» [4, с. 42]. Однако, по нашему мнению, закрепление такого понятия не является обязательным, поскольку может формироваться на теоретическом уровне с учетом норм трудового законодательства и специфики физического развития несовершеннолетних. Таким образом, посильными для подростков могут считаться такие работы, которые могли бы не противоречить ограничениям, установленным ТК для несовершеннолетнего, «соответствовать его физическим способностям и медицинским показателям, а также быть возможными для выполнения, как правило, после рабочего или учебного дня» [4, с. 42].

С точки зрения возрастного критерия, согласно ст. 110 УК, общественные работы «назначаются осужденному, достигшему шестнадцатилетнего возраста ко дню постановления приговора», с общей продолжительностью выполнения работ не более трех часов в день и трех дней в неделю. Исходя из вышеизложенного, можем предположить, что введение законодателем указанного положения могло быть обусловлено

невозможностью определения для лиц младше шестнадцати лет посильных работ. Так, в соответствии с УК, лицам от четырнадцати до шестнадцати лет, могут быть назначены только штраф, ограничение свободы и лишение свободы, а при отсутствии у несовершеннолетнего самостоятельного заработка или имущества – ограничение свободы и лишение свободы на определенный срок, что фактически лишает суд возможности назначения таким лицам наказания, не связанного с изоляцией от общества, что в свою очередь может неблагоприятно повлиять на социальную адаптацию и дальнейшую судьбу подростка после отбытия им наказания.

С этой точки зрения мы согласны с мнением авторов, которые считают допустимым подход, применяемый российским законодателем, при котором «все виды наказаний, назначаемые несовершеннолетним, могут применяться к лицам с четырнадцатилетнего возраста» [1, с. 137]. Согласно положениям Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), касающихся возраста назначения общественных работ, рассматриваемый вид наказания может назначаться лицам в возрасте от четырнадцати лет и до совершеннолетия, однако регламентируются отличия в продолжительности его исполнения. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 88 УК РФ, «продолжительность исполнения данного вида наказания лицами в возрасте до пятнадцати лет не может превышать двух часов в день, а лицами в возрасте от пятнадцати до шестнадцати лет – трех часов в день». Для лиц от шестнадцати до восемнадцати лет продолжительность устанавливается общая, как и для совершеннолетних преступников, – не более четырех часов в день. В таком случае предлагаем рассмотреть возможность регламентации в УК общественных работ как вида наказания для лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, и подбора работ, посильных для указанной возрастной категории (например, работы по уборке и озеленению на территории учебного заведения), с различной продолжительностью их выполнения в зависимости от возраста лица.

Согласно данным судебной статистики об осужденных несовершеннолетних, представленными Верховным Судом Республики Беларусь, за первое полугодие 2024 года «из 353 осужденных несовершеннолетних 17 лицам назначены общественные работы (4,8%)»¹ [5].

По итогам проведенного анализа можно сделать ряд выводов:

- общественные работы представляют собой эффективную альтернативу лишению свободы, позволяют достичь должной степени исправления несовершеннолетнего без изоляции его от общества посредством труда как базового элемента в становлении личности; не препятствуют социальной адаптации несовершеннолетнего, исправляют лицо без отрыва от семьи и получения образования;
- положения о «посильности» для несовершеннолетнего работ как условие выбора срока наказания считаем эффективными. На теоретическом уровне «посильными» для подростков могут считаться такие работы, которые соответствуют уровню физического развития несовершеннолетнего, являются допустимыми с точки зрения медицинских показаний, а также не противоречат ограничениям, установленным ТК;
- необходимо предусмотреть возможность назначения наказания в виде общественных работ лицам, достигшим ко дню постановления приговора 14 лет, отразив соответствующие изменения в ст. 110 УК. Считаем, что правовая природа наказания в виде общественных работ позволяет, не отходя от ограничений трудового законодательства, установить перечень работ, посильных для лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста;
- в связи с различиями в психофизическом развитии несовершеннолетних продолжительность исполнения общественных работ для лиц, достигших и не достигших шестнадцати лет, должна быть дифференцирована.

С учетом изложенных предложений считаем возможным достижение максимальной эффективности и распространения общественных работ как вида наказания несовершеннолетних в качестве альтернативы лишению свободы на определенный срок, что позволит достичь должной степени исправления несовершеннолетних осужденных без изоляции их от общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кийко, Н. В. Сравнительно правовой анализ назначения несовершеннолетним уголовных наказаний в Российской Федерации и Республике Беларусь / Н. В. Кийко, Е. Н. Федотова // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2019. – № 1(37). – С. 136–141.
2. Рахмаев, Э. С. Обязательные работы как вид наказания для несовершеннолетних: проблемы применения и перспективы / Э. С. Рахмаев, Е. Н. Федотова // Вестник Владимирского юридического института. – 2016. – № 4(41). – С. 101–103.
3. Лапцевич, И. И. Труд несовершеннолетних осужденных как исправительная основа наказания в виде общественных работ / И. И. Лапцевич // Право.by. – 2023. – № 3(83). – С. 57–67.

¹ Данные за 2024 года, а также за 1 полугодие 2025 года о количестве несовершеннолетних осужденных, которым назначено наказание в виде общественных работ, на сайте Верховного Суда Республики Беларусь отсутствуют.

4. Казак, С. В. Современное состояние правовой основы исполнения наказания в виде общественных работ в Республике Беларусь / С. В. Казак // Вестник Кузбасского института. – 2024. – № 1(58). – С. 39–52.
5. Верховный Суд Республики Беларусь, Данные судебной статистики за 1 полугодие 2024 года об осужденных несовершеннолетних – URL : https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/a3fcb8eecec74b70.html (дата обращения: 19.08.2025).

УДК 343.241

**ОБЩИЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ****А. В. ШНИТКО****(Представлено: О. В. КАТУШОНОК)**

В данной статье исследуются общие теоретико-правовые положения уголовной ответственности несовершеннолетних. Исследуются нормы Уголовного кодекса Республики Беларусь, международные декларации, конвенции, стандарты, научные исследования современных авторов, касающиеся вопросов уголовной ответственности несовершеннолетних

Изучение вопроса общих теоретико-правовых положений уголовной ответственности несовершеннолетних, следует начать с рассмотрения законодательного понятия несовершеннолетнего лица в уголовном праве. Согласно п. 8 ст. 4 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), «под несовершеннолетним понимается лицо, которое на день совершения преступления не достигло возраста восемнадцати лет» [1]. Данное законодателем понятие является достаточно точным и позволяет четко разграничивать возрастные категории лиц, совершающих преступления, однако не является тождественным понятию «несовершеннолетнего субъекта преступления». В контексте рассмотрения вопроса уголовной ответственности, «применительно к указанной категории субъектами уголовной ответственности являются лица, совершившие преступления в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет. Лица, не достигшие четырнадцатилетнего возраста, именуются малолетними и уголовной ответственности не подлежат независимо от степени тяжести совершенных ими общественно опасных деяний» [2, с. 580].

Подходя к вопросу возраста наступления уголовной ответственности, следует отметить, что согласно УК, за большинство преступлений, т.е. по общему правилу, уголовной ответственности подлежат лица, достигшие ко дню совершения преступления возраста шестнадцати лет. При этом также обращаем внимание, что в уголовном праве «лицо считается достигшим определенного возраста не в день рождения, а начиная со следующих суток» [2, с. 312]. В ч. 2 ст. 27 УК также установлен исчерпывающий перечень исключений – преступлений, уголовной ответственности за которые могут подлежать лица, совершившие преступление в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет. К таким преступлениям, например, относятся: убийство (ст. 139), умышленное причинение тяжкого телесного повреждения (ст. 147), изнасилование (ст. 166), некоторые виды хищений (ст. ст. 205–208, 212), хулиганство (ст. 339), осквернение сооружений и порча имущества (ст. 341) и другие.

Обращаясь к зарубежному опыту, представляется возможным выделить некоторые страны, в которых минимальный возраст уголовной ответственности совпадает с белорусским законодательством. Так, с 14 лет уголовная ответственность может наступать в Азербайджане, Армении, Болгарии, Германии, Испании, Казахстане, Литве, Российской Федерации, некоторых штатах США, Японии [3]. Существуют также страны, где минимальный возраст уголовной ответственности более высокий, например: «в Люксембурге и Эквадоре – с 18 лет; в Бельгии, Мозамбике, Португалии, Чили – с 16 лет; в Польше и штате Техас США – с 15 лет» [3, с. 159]. Понижение минимального возраста уголовной ответственности по сравнению с Республикой Беларусь наблюдается в таких странах, как: Франция (13 лет); Нидерланды, Канада (12 лет); Англия и Уэльс (10 лет); Индия (7 лет). Такие различия показателей обусловлены, по нашему мнению, особенностями политических, социальных, экономических условий развития общества, различными социальными нормами и ценностями, а также данными психологии, физиологии и педагогики.

Несовершеннолетние правонарушители представляют собой особую возрастную категорию лиц, отличающихся определенными социально-психологическими особенностями, неполной психофизической зрелостью. С точки зрения социологии, «с одной стороны, несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет достигают уже достаточно высокого уровня социализации (у них появляется самостоятельность, настойчивость, умение контролировать свое поведение, владеть собой), с другой – происходит дальнейшая социализация личности (продолжается или завершается обучение в школе или в техникуме, происходит уяснение своего места в обществе, накапливается опыт межличностных отношений)» [4, с. 114]. С психофизической стороны возраст от четырнадцати до восемнадцати лет сопровождается процессом интенсивного развития личности и глубокой перестройкой организма. Как отмечает О. С. Седлецкая, «для такого возраста весьма характерны излишняя категоричность суждений, вспыльчивость, неуравновешенность, неспособность оценить ситуацию с учетом всех обстоятельств и т.д. Эти возрастные особенности обусловили установление в отношении ответственности несовершеннолетних ряда исключений и дополнений по сравнению с общими правилами уголовной ответственности» [4, с. 114]. В то же время автор подчеркивает, что «нельзя забывать, что по уровню интеллектуального и волевого развития эти лица, по общему правилу,

еще уступают взрослым, что сказывается на мотивации и характере многих поступков» [4, с. 115]. В этой связи, с учетом особенностей психического развития несовершеннолетних белорусским законодателем также вводится положение ч. 3 ст. 27 УК, согласно которой «не подлежит уголовной ответственности несовершеннолетнее лицо, которое достигло предусмотренного частями 1 или 2 настоящей статьи возраста, если будет установлено, что вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством (заболеванием), оно во время совершения общественно опасного деяния было не способно сознавать фактический характер или общественную опасность своего деяния» [1]. Указанная норма позволяет не допустить несправедливости при осуществлении правосудия в отношении несовершеннолетних, не находящимися в своем психическом развитии наравне со сверстниками, соответственно имеющими иную степень сформированности представлений об общественной опасности и характере преступных деяний.

Особое положение несовершеннолетних лиц подкрепляется международно-правовыми стандартами, которые также необходимо учитывать в предварительном следствии и назначении наказаний несовершеннолетним наравне с нормами национального уголовного и уголовно-процессуального законодательства. В частности, основой международного регулирования положения несовершеннолетних служат декларации, конвенции, иные акты Генеральной Ассамблеи ООН и других международных организаций. Так, Женевская декларация прав ребенка 1924 года послужила одним из первых актов, подчеркнувшим необходимость специальной охраны ребенка ввиду его физической и умственной незрелости. Указанные положения также развивались в Декларации прав ребенка, принятой Генеральной Ассамблеей ООН, а в последующем – в Конвенции о правах ребенка 1989 года (далее – Конвенция). Конвенция впервые регламентировала отношение к ребенку в тех ситуациях, когда он совершает преступление либо правонарушение, а также стала основой для принятия профильного международного акта – Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (далее – Минимальные стандарты, Пекинские правила), принятых Генеральной Ассамблеей ООН в 1985 году. Пекинские правила поставили своей целью стремление государств-участников, «в соответствии со своими общими интересами, способствовать благополучию несовершеннолетнего и его или ее семьи» [5], а также объявили правосудие в отношении несовершеннолетних «составной частью процесса национального развития каждой страны в рамках всестороннего обеспечения социальной справедливости для всех несовершеннолетних, одновременно содействуя таким образом защите молодежи и поддержанию мирного порядка в обществе» [5]. Минимальные стандарты затронули вопросы нижнего предела возраста уголовной ответственности, подчеркнув недопустимость его установления на слишком низком возрастном уровне; были выделены основные цели и принципы осуществления правосудия в отношении несовершеннолетних. В рамках документа также были определены особенности расследования преступлений несовершеннолетних, этапы судебного разбирательства, порядок вынесения судебного решения и выбора мер воздействия, а также стандарты обращения с несовершеннолетними правонарушителями в исправительных учреждениях и за их пределами.

В рамках вопроса уголовной ответственности несовершеннолетних в Республике Беларусь указанные международные стандарты реализуются в виде выделения несовершеннолетних в особую группу правонарушителей, установления самостоятельной системы видов наказаний, которые могут применяться к несовершеннолетним, возможности применения принудительных мер воспитательного характера, более широких условий освобождения от уголовной ответственности по сравнению с лицами, достигшими восемнадцати лет, а также более мягких требований к строгости применяемых мер уголовно-правового воздействия. Так, УК предусматривает отдельный раздел (раздел V), касающийся вопросов уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет. В рассматриваемом разделе регламентируются вопросы системы наказаний, которые могут быть применены к несовершеннолетним, особенности их назначения, а также основания освобождения указанной возрастной категории лиц от уголовной ответственности и наказания. С точки зрения общих положений, по мнению Е. В. Рогова, «основания и принципы уголовной ответственности несовершеннолетних одинаковы с принципами, ориентированными на совершеннолетних, но с учетом возрастной, психофизической и иной специфики их личности» [6, с. 70]. Белорусский законодатель также не регламентирует специфические цели и задачи отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, данные положения полностью совпадают с общими целями уголовной ответственности (ст. 44 УК).

Уголовный кодекс Республики Беларусь предусматривает «несколько вариантов реакции государства на совершение преступления несовершеннолетним» [6, с. 69]. К ним относятся: привлечение несовершеннолетнего к уголовной ответственности и назначение ему наказания или иных мер уголовной ответственности на общих основаниях с учетом правил, предусмотренных главой 15 УК, осуждение с применением принудительных мер воспитательного характера (ст. 117); а также освобождение несовершеннолетнего от уголовной ответственности (ст. 118) или наказания (ст. ст. 119, 120, 121 УК), условия которого являются более широкими в сравнении с общими положениями для лиц, достигших восемнадцати лет.

В рамках достижения цели работы представляется необходимым рассмотрение системы наказаний несовершеннолетних. С учетом особенностей личности несовершеннолетних, обусловленных их возрастным, психологическим развитием, для них в рамках УК устанавливается самостоятельная система наказаний,

состоящая из семи видов, что на порядок меньше, чем для совершеннолетних преступников, однако не содержащая специфических наказаний, применяемых только к несовершеннолетним. «Она сконструирована на основании общей системы наказаний путем исключения отдельных видов наказаний, применение которых нецелесообразно по отношению к рассматриваемой категории лиц» [7, с. 173], а также путем переименования наказаний с учетом особенностей их назначения несовершеннолетним. Так, наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, применяемое к совершеннолетним преступникам, в разделе УК, посвященном уголовной ответственности несовершеннолетних именуется «лишение права заниматься определенной деятельностью». Таким образом, к системе относятся следующие виды наказаний: общественные работы, штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, исправительные работы, арест, ограничение свободы, лишение свободы. «Данный перечень наказаний является исчерпывающим и никакие иные основные или дополнительные наказания, входящие в систему наказаний, не могут быть применены за содеянные в несовершеннолетнем возрасте преступления независимо от возраста привлечения к уголовной ответственности» [2, с. 583]. «Помимо выделения общей системы наказаний несовершеннолетних, законодатель Республики Беларусь предусматривает ее внутреннюю дифференциацию, обусловленную возрастным критерием» [7, с. 173]. Так, в силу изложенных в статьях УК ограничений, к лицам, достигшим ко дню постановления приговора возраста от четырнадцати до шестнадцати лет, могут применяться только штраф, ограничение свободы и лишение свободы. При более подробном изучении назначаемых несовершеннолетним видов наказаний представляется возможным сделать вывод о том, что специфика вводимой законодателем системы выражается в установлении менее продолжительных сроков и уменьшении размеров видов наказаний по сравнению с совершеннолетними преступниками. Также в отношении несовершеннолетних «некоторые виды наказаний могут назначаться только при наличии определенных условий» [8, с. 136]. Указанные особенности обусловлены рассмотренными ранее возрастными, социальными и психофизическими аспектами развития несовершеннолетних, подкреплены международно-правовыми стандартами и обоснованно внедрены в современное уголовное законодательство Республики Беларусь.

Таким образом, несовершеннолетние лица с точки зрения применения мер уголовной ответственности являются отдельной категорией лиц, которые в соответствии с международно-правовыми стандартами нуждаются в специальной охране и более мягком отношении в случае совершения ими общественно опасных деяний. Согласно положениям УК, несовершеннолетним субъектом уголовной ответственности является лицо, совершившее преступления в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет. С учетом установленных в международном праве стандартов и в связи со спецификой психофизического развития несовершеннолетних, УК предусматривает: самостоятельную систему видов наказаний, которые могут применяться к несовершеннолетним; возможность применения принудительных мер воспитательного характера как альтернативы уголовной ответственности и наказанию; особые более широкие условия освобождения от уголовной ответственности по сравнению с лицами, достигшими восемнадцати лет; более мягкие требования к строгости применяемых мер уголовно-правового воздействия. Такой теоретико-правовой подход к вопросу уголовной ответственности несовершеннолетних, по нашему мнению, является грамотным и эффективным, согласован с международно-правовыми нормами и стандартами и может быть устойчиво введен в систему национального уголовного законодательства Республики Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 61-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 14.08.2025).
2. Куряков, В. А. Уголовное право. Общая часть. Учение о преступлении : электрон. учеб.-метод. комплекс для студентов юрид. специальностей / В. А. Куряков. – Новополоцк : ПГУ, 2017. – 689 с.
3. Петрова, И. А. Зарубежный опыт правовой регламентации уголовной ответственности несовершеннолетних / И. А. Петрова, Е. В. Герасимова, Е. Л. Комиссаров // Журнал прикладных исследований. – 2023. – № 12. – С. 158–164.
4. Седлецкая О. С. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних в Республике Беларусь / О. С. Седлецкая, С. М. Храмов // Актуальные проблемы права и экономики : сб. материалов XIV Респ. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, г. Брест, 25 апр. 2013 г. : в 2 ч. / Брест. гос. ун-т имени А. С. Пушкина ; редкол.: В. В. Лосев, Т. С. Силук. – Брест : БрГУ, 2013. – Ч. 1. – С. 114–115.
5. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) : приняты резолюцией 40/33 Генер. Ассамблеи от 29 ноября 1985 г. // Организация Объединенных Наций. – URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 14.08.2025).
6. Рогова, Е. В. Теоретико-правовое понимание уголовной ответственности несовершеннолетних / Е. В. Рогова, М. К. Гайдай // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. – № 2(97). – С. 65–74.

7. Лапцевич, И. И. Реализация международных стандартов наказания несовершеннолетних в Уголовном кодексе Республики Беларусь / И. И. Лапцевич // Динамика правоустановления и правореализации в сфере публично-правовых отношений : Сборник научных статей / Редколлегия: О.И. Чуприс (гл. ред.) [и др.]. Том Выпуск 4. – Минск : Общество с ограниченной ответственностью «Колорград», 2022. – С. 170–179.
8. Шидловский, А. В. Применение наказаний к несовершеннолетним в контексте развития ювенальной юстиции в Республике Беларусь / А. В. Шидловский. – Минск : БГУ, 2010. – С. 130–147.

УДК 343.241.2

ШТРАФ КАК ВИД НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**А. В. ШНИТКО****(Представлено: О. В. КАТУШОНОК)**

В данной статье исследуются особенности штрафа как вида наказания несовершеннолетних. Проанализированы нормы Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов Республики Беларусь, научные исследования современных ученых, а также данные судебной статистики, касающиеся вопросов применения штрафа как вида наказания в отношении несовершеннолетних.

Согласно ст. 111 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), штраф как вид наказания в отношении несовершеннолетних назначается лицам, совершившим преступление в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет при условии, что такое лицо имеет самостоятельный заработок (доход) или имущество [1]. «Имеющими самостоятельный заработок считаются лица, постоянно или временно работающие по найму, получающие заработную плату за выполнение связанных с обучением производственных заданий, а также стипендии и пособия» [2, с. 81]. Кроме того, к данным лицам следует относить лиц, которые имеют доход от осуществления предпринимательской и иной деятельности. Наличие в положениях Уголовного кодекса как Республики Беларусь, так и большинства иных стран СНГ, такого условия, по нашему мнению, является обязательным, так как позволяет сделать штраф максимально эффективным видом наказания для несовершеннолетних с точки зрения достижения ими исправления, однако это может вызывать некоторые проблемы в правоприменении.

Как в настоящий момент, так и на протяжении последних десятилетий, доля несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, имеющих стабильное место работы, остается незначительной. В связи с чем следует согласиться, что «большинство несовершеннолетних не имеют самостоятельного заработка. Те лица, которые получают стипендии, пенсии, пособия, вследствие своего материального положения еще не готовы нести бремя штрафной санкции» [3, с. 137]. В свою очередь, имущество, которое может являться предметом взыскания при применении штрафа, должно принадлежать несовершеннолетнему лицу на праве личной или общей собственности. Число несовершеннолетних, имеющих в собственности такое имущество, также невелико, что создает сложности в применении штрафа наравне с иными видами наказаний для лиц, не достигших восемнадцати лет. Кроме того, установленная законодателем возможность изъятия имущества в счет уплаты штрафа, по нашему мнению, является нецелесообразной, поскольку при таком подходе происходит отождествление наказания в виде штрафа и специальной конфискации, которая в свою очередь является лишь мерой безопасности, а не видом наказания.

С этой точки зрения, применение штрафа как вида наказания для лиц в возрасте от четырнадцати до пятнадцати лет фактически исключено, а в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет – значительно усложняется в связи с отсутствием у большинства лиц указанного возраста постоянного заработка или имущества.

Это подтверждается и статистическими данными, представленными на сайте Национального статистического комитета Республики Беларусь [4] (рисунок). Так, количество несовершеннолетних лиц, которым назначено наказание в виде штрафа, на протяжении последних десяти лет остается стабильно низким и, как правило, не превышает 2 %. Лишь в отдельные годы (2017, 2018, 2021 и 2023) процентный показатель превысил отметку 2 %. Рекордным в данном плане является 2023 год, когда удельный вес штрафа, назначенного несовершеннолетним, достиг отметки 4 %. При этом в отдельных областях в 2023 году данный показатель был значительно ниже среднего по республике. Согласно статистическим данным Верховного Суда Республики Беларусь за 2023 год, из 70 осужденных Витебским областным судом несовершеннолетних лиц только двум лицам (2,9%) было назначено наказание в виде штрафа [5], что также свидетельствует о минимальном применении данного вида наказания.

А. В. Шидловский полагает, что «расширение сферы применения штрафа в судебной практике возможно путем дальнейшего развития законодательного обеспечения более гибкой системы его исполнения, в частности: совершенствования системы отсрочки, рассрочки его уплаты, обеспечения исполнения штрафа уголовно-правовыми средствами» [3, с. 137].

Рассматривая зарубежное законодательство на примере Российской Федерации (далее – РФ), можно отметить, что Уголовный кодекс РФ «не только допускает возможность назначения штрафа при отсутствии у несовершеннолетнего самостоятельного заработка, но и предусматривает возможность его взыскания с родителей или иных законных представителей» [6, с. 97].

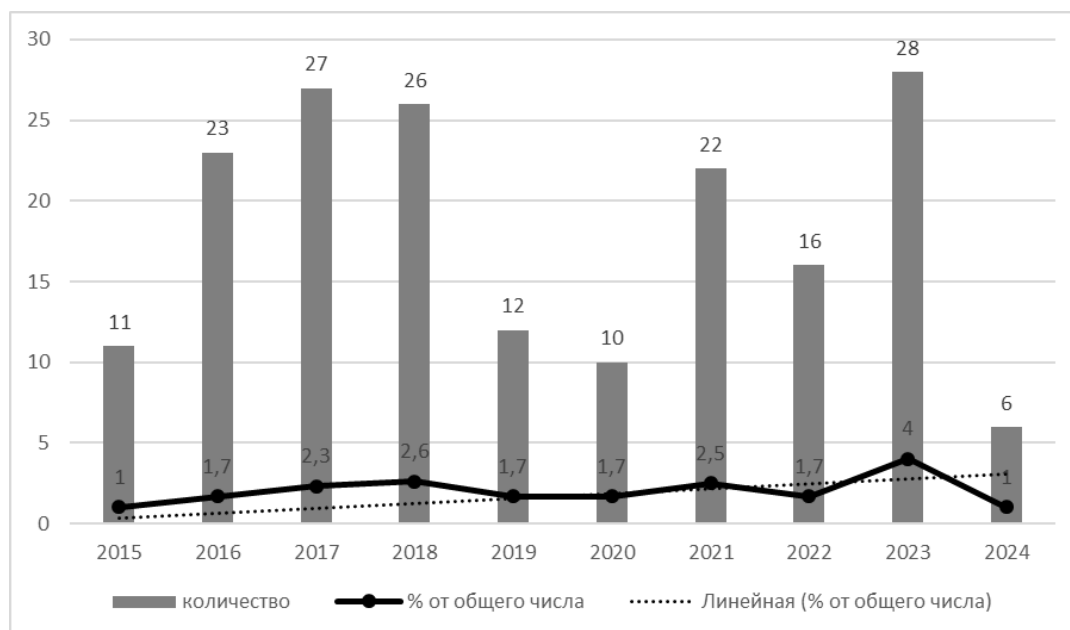

Рисунок. – Численность осужденных несовершеннолетних по территории Республики Беларусь, чел.

Подобный законодательный подход является дискуссионным вопросом в науке уголовного права в Российской Федерации, где многие ученые подвергают его критике (например, А. В. Французова, В. Е. Мильшина) и предлагают различные решения данной проблемы в законодательном регулировании. Мы согласны с критикой приведенного положения. На наш взгляд, оно противоречит принципу личной виновной ответственности и в таком случае штраф как вид наказания не способен оказать должное воспитательное и исправительное воздействие на несовершеннолетнего лицо, а также не может применяться в качестве справедливого наказания наравне с иными предусмотренными для несовершеннолетних видами наказаний. Так, справедливо отмечается, что «весьма маловероятно, что применение данной меры государственного воздействия послужит реальным уроком несовершеннолетнему на будущее: скорее всего он не осознает существенной ценности в имуществе родителей» [7, с. 209]. На наш взгляд, отсутствие в УК возможности уплаты штрафа родителями или иными законными представителями несовершеннолетнего оказывает благоприятное воздействие на практику применения штрафа, позволяет достичь полного исправления и оказать необходимое воспитательное воздействие непосредственное на несовершеннолетнего лицо, признанное виновным в совершении преступления.

К иным особенностям применения штрафа как вида наказания несовершеннолетних относится то, что несовершеннолетние лица наравне с лицами, достигшими восемнадцатилетнего возраста, согласно ч. 2 ст. 50 УК, имеют право на рассрочку выплаты штрафа частями, определяемыми судом в зависимости от материального положения осужденного, на срок до пяти лет, но не менее двух базовых величин ежемесячно [1], либо на отсрочку его уплаты. Мы считаем целесообразным, увеличить указанные сроки для лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет, в связи с ограничениями, установленными в отношении них трудовым законодательством Республики Беларусь. Согласно ч. 1 ст. 114 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) «для работников моложе восемнадцати лет устанавливается сокращенная продолжительность рабочего времени: в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет – не более 23 часов в неделю, от шестнадцати до восемнадцати лет – не более 35 часов в неделю» [8], а также иными положениями ТК, в том числе содержащими запрет на привлечение лиц моложе восемнадцати лет к труду на определенных видах работ (ночные и сверхурочные работы, работы в праздничные и выходные дни, а также тяжелые работы и работы с вредными и (или) опасными условиями труда).

В этой связи предлагаем внести изменения в ч. 2 ст. 29 Уголовно-исполнительного кодекса (далее – УИК) [9], предусмотрев увеличенный срок по уплате штрафа для несовершеннолетних осужденных, а именно до четырех месяцев.

Таким образом, проанализировав законодательство, научные исследования и практику применения штрафа как вида наказания несовершеннолетних в Республике Беларусь, можно отметить, что штраф не является распространенным наказанием для лиц, совершивших преступление в возрасте до восемнадцати лет из-за некоторых проблем в законодательном регулировании, которые усложняют правоприменение. В связи с чем считаем актуальным внести следующие предложения:

предусмотреть возможность назначения штрафа только тем несовершеннолетним, которые имеют самостоятельный заработок (доход), исключив возможность обращать взыскание на имущество осужденного,

а также повысить минимальный возраст назначения наказания в виде штрафа, изложив положения ч. 1 ст. 111 УК следующим образом: «Штраф назначается лицу, достигшему возраста шестнадцати лет ко дню постановления приговора, если оно имеет самостоятельный заработок (доход), в размере от пяти до пятидесяти базовых величин»;

положения ст. 111 УК дополнить следующим образом: «С учетом материального положения обвиняемого суд может назначить штраф с рассрочкой выплаты определенными частями на срок до семи лет, но не менее двух базовых величин ежемесячно либо с отсрочкой его уплаты на срок до трех лет»;

установить для несовершеннолетних осужденных более длительный срок уплаты штрафа (4 месяца), дополнив ч. 2 ст. 29 УИК соответствующей формулировкой.

Таким образом, особенности, вытекающие из правовой природы штрафа, ограничивают его возможность, ставят под сомнение эффективность его назначения несовершеннолетним и усложняют исполнение. На наш взгляд, при должном совершенствовании законодательных и правоприменительных подходов к назначению и исполнению штрафа, может быть достигнута максимальная эффективность данного вида наказания как меры уголовно-правового воздействия и исправления для лиц, совершивших преступление в возрасте до восемнадцати лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 61-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 20.04.2025).
2. Куряков, В. А. Уголовное право. Общая часть. Учение о преступлении : электрон. учеб.-метод. комплекс для студентов юрид. специальностей / В. А. Куряков. – Новополоцк : ПГУ, 2017. – 689 с.
3. Шидловский, А. В. Применение наказаний к несовершеннолетним в контексте развития ювенальной юстиции в Республике Беларусь / А. В. Шидловский. – Минск : БГУ, 2010. – С. 130–147.
4. Национальный статистический комитет Республики Беларусь – URL : <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/home-page> (дата обращения: 20.04.2025).
5. Верховный Суд Республики Беларусь, Данные судебной статистики за 2023 г. об осужденных несовершеннолетних – URL : <https://court.gov.by/Vitebskij/oblastnoj/sud/Sudebnaya/praktika/bel/ff90f73f0de4486f.html> (дата обращения: 20.04.2025).
6. Беспалов, В. А. Некоторые особенности уголовной ответственности несовершеннолетних по законодательству государств участников Содружества независимых государств / В. А. Беспалов // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2021. – № 2(42). – С. 94–100.
7. Бородич, Я. Д. К вопросу о целесообразности применения штрафа и исправительных работ в отношении несовершеннолетних / Я. Д. Бородич // Электронный сборник трудов молодых специалистов Полоцкого государственного университета / Полоцкий государственный университет ; ред. кол.: Д. Н. Лазовский (пред.) [и др.]. – Новополоцк : ПГУ, 2020. – Вып. 32 (102): Юридические науки. – С. 209–212.
8. Трудовой кодекс Республики Беларусь : 26 июля 1999 г. № 296-3 : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобрен Советом Республики 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 8 июля 2024 г. № 25-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 20.04.2025).
9. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь : 11 января 2000 г. № 365-3 : принят Палатой представителей 14 декабря 1999 г. : одобрен Советом Республики 22 декабря 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 61-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 20.04.2025).
10. Французова, А. В. Назначение несовершеннолетним наказания в виде штрафа: несоответствие норм законодательства / А. В. Французова // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2013. – № 16. – С. 185–189.
11. Мильшина, В. Е. К вопросу об эффективности штрафа как вида наказания, назначаемого несовершеннолетнему / В. Е. Мильшина // Электронный научный журнал. – 2016. – № 12-2(15). – С. 99–103.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

<i>Астратов А. Д.</i> Трансформация прав человека в контексте четвертой промышленной революции	3
<i>Астратов А. Д.</i> Неравенство цифровых прав человека в контексте четвёртой промышленной революции	6
<i>Бондарчук Я. Д.</i> Информационный и государственный суверенитет: понятие и признаки	9
<i>Бондарчук Я. Д.</i> Информационный суверенитет: понятие и правовое регулирование	12
<i>Василевич А. Е.</i> Правовой статус национальных меньшинств в Республике Беларусь	14
<i>Василевич А. Е.</i> Особенности защиты прав национальных меньшинств в Республике Беларусь	16
<i>Грецкая Т. А.</i> Эволюция антиалкогольной политики в сср (довоенный период)	18
<i>Грецкая Т. А.</i> Эволюция антиалкогольной политики в сср (послевоенный период)	21
<i>Дубровский П. А.</i> Конституция как основа для формирования идеологии государства	25
<i>Дыев А. А.</i> Судебная форма защиты соматических прав личности	27
<i>Дыев А. А.</i> Право человека на достойное обращение с его телом после смерти в контексте постмортальных соматических прав	31
<i>Клебанов А. В.</i> Правовой статус цифровой личности в сети Интернет	33
<i>Клебанов А. В.</i> Обязанности цифровой личности в сети Интернет	36
<i>Курто Я. А.</i> Вопросы применения технологий аудиомониторинга и распознавания лиц при осуществлении видеонаблюдения	38
<i>Курто Я. А.</i> Актуальные вопросы определения статусов операторов и уполномоченных лиц при осуществлении видеонаблюдения	41
<i>Петровская С. С.</i> Правовое регулирование использования беспилотных летательных аппаратов в контексте конституционного права на неприкосновенность жилища	44
<i>Петровская С. С.</i> Принципы использования беспилотных летательных аппаратов по законодательству Республики Беларусь	47
<i>Твардовская А. В.</i> Правовое регулирование трансплантации органов и тканей человека	50
<i>Твардовская А. В.</i> Ответственность за незаконную трансплантацию органов и тканей человека на примере белорусского и зарубежного законодательства	52
<i>Фомин К. С.</i> Применение технологий компьютерного зрения в таможенном деле зарубежных государств	55
<i>Фомин К. С.</i> Перспективы развития технологий компьютерного зрения в таможенном деле Республики Беларусь	57
<i>Шкиндер Д. В.</i> Особенности правового регулирования имущественных отношений в период новой экономической политики	60
<i>Шкиндер Д. В.</i> Эволюция правового регулирования имущественных отношений в БССР в 30-е годы XX в.	63

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ. ТРУДОВОЕ ПРАВО

<i>Авакян Е. А.</i> Цифровая трансформация экономики Республики Беларусь: правовое регулирование и перспективы развития	65
<i>Авакян Е. А.</i> Правовое регулирование гарантий защиты прав потребителей на макретплейсах “Ozon” и “Wildberries”: сравнительно-правовой анализ	67
<i>Барановская А. С.</i> Правовое регулирование оборота генно-инженерных организмов в Республике Беларусь	69
<i>Барановская А. С.</i> Охрана персональных данных при криоконсервации биоматериала в Республике Беларусь	73
<i>Басик Д. Д.</i> Кодекс гражданского судопроизводства как основа унификации гражданского и хозяйственного процессуального законодательства	77

Боровик Н. А. Трудовой договор со спортсменом, тренером: вопросы юридической техники	80
Будняк Д. С. Особенности охраны виртуального образа в зарубежных странах	84
Будняк Д. С. Правовое регулирование виртуального образа в Республике Беларусь.....	88
Гончарова А. А. Актуальные проблемы правового регулирования онлайн-образования в Республике Беларусь	92
Гончарова А. А. Технологии, меняющие образование: роль нейросетей в обучении.....	95
Грибовская С. В. Гражданско-правовая ответственность и меры защиты в сфере медицинской деятельности: отечественный и зарубежный опыт	99
Грибовская С. В. Понятие, принципы и особенности частноправового регулирования отношений в сфере медицины	103
Дубинец К. Ю. Правовой режим компьютерных игр	107
Курто Я. А. Юридическая помощь в сфере защиты персональных данных – настоящее и будущее адвокатов	110
Малафеев И. О. Правовое регулирование дистанционной работы в спорте	113
Осипова В. Ю. Сотрудничество таможенных органов Беларуси и Китая: внедрение облачного сервиса для цифровой архивации культурных ценностей	117
Осипова В. Ю. Алгоритм по перемещению культурных ценностей через таможенную границу Китайской Народной Республики	121
Осипова В. Ю. Правовой статус и классификация физических лиц как субъектов таможенно-правовых отношений в сфере перемещения культурных ценностей (на примере Беларуси и Китая)	124
Реут П. Г. Особенности правовой охраны музыкальных произведений, созданных при помощи искусственного интеллекта.....	128
Реут П. Г. Правовые аспекты обучения моделей искусственного интеллекта в музыкальной индустрии	130
Рябинин М. А. Правовое регулирование доходов от стримерской деятельности в Республике Беларусь на примере платформы Twitch	133
Селедцова В. П. Правовое регулирование дизайна одежды в Европейском Союзе, США и Российской Федерации.....	137
Селедцова В. П. Дизайн одежды как объект правовой охраны в Республике Беларусь.....	140
Шнитко А. В. Нетипичные нормы в гражданском праве	143

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Арефкина К. В. Формы представительства в уголовном процессе Республики Беларусь	146
Арефкина К. В. Адвокат свидетеля: процессуальные права и обязанности	149
Грецкая Т. А., Клебанов А. В. Алкоголь и дорожная безопасность: анализ динамики ДТП в Беларуси (2020–2024 гг.)	152
Зданович В. С. Проблемы социальной адаптации осужденных к лишению свободы	156
Зданович В. С. Общественное воздействие на осужденных: средство исправления или средство стигматизации	159
Лазарь Д. В. Женская преступность сквозь призму гендерной криминологии	162
Лазарь Д. В. Неблагополучная семья как криминогенная детерминанта женской насильственной преступности	164
Шнитко А. В. Исправительные работы как вид наказания несовершеннолетних	167
Шнитко А. В. Лишение права заниматься определенной деятельностью как вид наказания несовершеннолетних	170
Шнитко А. В. Общественные работы как вид наказания несовершеннолетних	173
Шнитко А. В. Общие теоретико-правовые положения уголовной ответственности несовершеннолетних	176
Шнитко А. В. Штраф как вид наказания несовершеннолетних.....	180